

Анатолий
Бочаров

Король северного ветра

На престол Иберлена воссел Гайвен Ретвальд, прозванный Королем-Чародеем — однако его воцарение не принесло покоя истерзанной стране. Артуру Айтверну, наследнику Драконьих Владык, вновь предстоит обнажить меч на поле брани. Государство погружается в хаос, лорды Коронного совета сеют измену — а меж тем силы, что изменили прежде лицо старого мира, пробудились вновь.

Анатолий Бочаров
Король северного ветра

Ему снился конец мира. Какого-то незнакомого, никогда не виданного им мира — отделенного от него самого и привычного ему порядка вещей бескрайней бездной не то пространства, не то времени.

Снился раз в несколько ночей, вот уже который месяц подряд — один и тот же сон, приходящий где-то за два часа до рассвета. Серебристые башни, что возносились к небесам, изящные и строгие — эти башни каждый раз уничтожались, сметенные пришедшей с горизонта ударной волной. Он видел огромные города с невиданными дворцами из мрамора, металла и прозрачного стекла — и эти города погибали у него на глазах. Рушились колонны и падали огромные статуи. По ущельям проспектов и просторам площадей скользили, змеились глубокие трещины, стремительно расширяясь, полыхая рвущимся из недр земли огнем. Лишившись фундамента, возведенные с помощью неведомых сил циклопические строения этаж за этажом низвергались в бездну. Раскалывались каменные стены, разлеталось мириадами брызг стекло. Небеса горели, набухали огненными вспышками, клубились дымом, застилались пеплом. Потом наступала темнота.

Каждый раз затем он видел себя стоящим на вершине нависшего над узкой бухтой утеса. Впереди простиралось серое море, и лишь где-то далеко можно было разглядеть озаренные вспышками далеких молний грозовые тучи. В воздухе пахло дождем. Незнакомого покроя одежда была на нем, а под ногами сгибались ломкие травы. Он знал, что сменилась эпоха, и пришло время давать истерзанной земле новый закон. Серебряная кровь, что текла в его жилах, пела. Очень хотелось действовать — и начинать следовало прямо сейчас. Свежий бриз, отзвук далеких штормов, приятно овеивал лицо.

Ему казалось, он не один здесь, на этом утесе, и кто-то находится рядом — но понять кто никак не удавалось. Просто тень присутствия — едва уловимое ощущение, тающий след. Порой слышалось нечто наподобие скользящего над травой шепота — но такого тихого, что его едва можно было разобрать.

Иногда чудилось, травы шепчут «приди ко мне». Иногда чудилось, травы кричат «беги без оглядки». А иногда ему казалось, он просто рехнулся, и нету в шелесте ветра и шепоте моря ровным счетом ничего осмысленного.

В любом случае, видение все равно сменялось. Теперь взгляду открывался круглый холм посреди травянистой равнины, и молодой человек на плоской вершине этого холма, в окружении кольца стоячих камней. Лицо юноши выглядело странно знакомым. Волосы цвета рассветного пламени, накинутый на плечи зеленый плащ, обнаженный тонкий меч в руках. Губы юноши беззвучно шевелились, с острия клинка падали тяжелые капли крови. Молодой человек запрокидывал голову, смотрел куда-то в небо — а спустя мгновение на его лицо падала тень.

В небо врывались, возникнув словно из ниоткуда, драконы. Десятки, может быть сотни драконов — и гигантские их крылья поднимали неистовый ветер. Светловолосый юноша вкладывал меч в ножны, налетающий ветер развеивал полы его плаща. Молодой человек делал шаг вперед, будто сам намереваясь обратиться драконом и упасть в небо.

Каждый раз после этого сна Гайвен Ретвальд, новый властитель земли Иберлен, награжденный своими подданными титулом Короля-Чародея, просыпался в темноте своей опочивальни тяжело дыша, весь захваченный чувством, будто увидел нечто немыслимо

важное — и теперь остается лишь понять что. Всякий раз вместе с этим чувством приходило другое, тревожное и навязчивое — чувство, что некто давно позабытый ищет его и уже почти нашел.

Глава первая

3 сентября 4948 года, три месяца спустя после битвы на Горелых Холмах

— Лорд Айтверн, делегация из Таэрверна прибыла.

Молодой человек, сидящий возле давно потухшего камина, чуть рассеянно повернул голову при этих словах.

— Так быстро? Мы ждали их хорошо если к следующей неделе. Во весь опор, что ли, неслись?

Принесший послание юноша, чуть младше на вид его самого, пожал плечами:

— Кони у них все в мыле. Ехали так, будто и впрямь торопились.

— Кажется, кому-то не терпится посмотреть на нашего нового государя, — Артур Айтверн усмехнулся и встал, надевая плащ. — Блейр, ты их уже видел, какие они из себя?

Блейр Джайлс, бывший оруженосец Артура, а ныне иберленский рыцарь и лейтенант малерионской гвардии, чуть неопределенно повел плечом:

— Короля с королевой не видел, они ждут вашего выхода, в Большом Зале. Видел капитана их охраны. Держится он весьма неприветливо. Посмотрел на меня, будто на войну приехал, не на праздник.

— Может и на войну, тут черте что творится, — проворчал Артур, поправляя перевязь с мечом, рукоятка которого была украшена искусно вырезанной головой дракона. Посмотрел на себя в зеркало, пригладил волосы, уже доходившие до плеч и сейчас изрядно спутанные. Он казался сам себе изможденным и каким-то словно бы потертым — но говорить старался с привычной насмешкой. — Блейр, скажи, я похож на королевского министра? Я имею в виду, я произведу достаточно хорошее впечатление на гостей? Предыдущий иностранный король, вроде, моей особой удовлетворился, а эти?

— Вы бы производили куда лучшее впечатление, лорд Айтверн, если б спали по ночам, — сказал Джайлс сухо. — Лицо у вас — будто скоро отпевать начнут.

Молодой герцог Айтверн мотнул головой:

— Мне не спится последнюю неделю. Не знаю, с чего. Да ну его к бесам. Я не старик чтоб надо мной тряслись. Пошли уже.

— Пойдемте, — кивнул Блейр, отворяя наружу дверь кабинета — того самого, который прежде, еще каких-то полгода назад, занимал отец Артура, покойный ныне лорд Раймонд Айтверн. Теперь это был кабинет Артура — вот только кабинетом командующего королевских войск он уже не был.

Три месяца прошло с дня, как армия Гайвена Ретвальда заняла стольный Тимлейн. Накануне того узурпатор трона, называвший себя Гледериком Карданом, был найден убитым в своих покоях — и в лагере мятежников наступил разброд. Когда войско законного наследника трона подступило к Западным Воротам, на привратных башнях вывесили белый флаг.

Артуру запомнилась притихшая толпа, высыпавшая на городские проспекты. Сжатые губы, побелевшие лица. Больше всего жители Тимлейна боялись, что армия победителей начнет свирепствовать в предавшей дом Ретвальдов столице. Этого не случилось.

Еще Артур запомнил, как шел — медленно, не спеша — недавний принц, а теперь уже

король Гайвен по главному двору цитадели, и построившиеся в ровные шеренги солдаты гарнизона и дружинники мятежных лордов стояли, затаив дыхание и следя за ним. Гайвен словно нарочито не торопился. Артур смотрел ему в спину, идя в трех шагах позади и положив руку на меч, и гадал, какие чувства сейчас отражаются на лице сюзерена.

У ступеней, ведущих в Большой Зал, выстроились, положив мечи к своим ногам, лорды-изменники, прежде входившие в Коронный совет. Впереди стоял старый герцог Коллинс, сжав костлявыми руками пряжку дорогого пояса, с лицом белее, чем снег.

— Тимлейнский замок сдается на вашу милость, государь, — сказал герцог. — Вы вправе покарать нас так, как будет вам будет угодно.

Гайвен даже не сбился с шага. Подошел к Коллинсу на расстояние двух шагов и лишь тогда замер.

— Я караю вас жизнью, — сказал он отрывисто. — И верностью. Только не считите это милосердием, я вас прошу.

— Не сочту, — тихо сказал герцог, глядя ему в лицо.

Возглавляемые Артуром и лордом Тарвелом войска заняли цитадель, и зная Яблоневого Древа, прежде развевающегося на ее башнях, вновь уступило место гербовому хорьку Ретвальдов. Вместе с Гледериком Брейсвером окончательно, видимо, иссяк древний род, еще тысячу лет назад правивший на этих землях. Попытка его реставрации оказалась короткой и кончилась почти бесславно.

В следующие дни новый владыка Иберлена огласил стране свою волю. Ни один из сторонников Гледерика Кардана не поплатился за участие в мятеже ни свободой, ни жизнью. В этом Гайвен Ретвальд сдержал слово, данное им Артуру Айтверну на военном совете в городе Эленгир. Но вовсе без всякой кары дело не обошлось — и, вопреки прежним обещаниям Гайвена, полностью грехи изменников забыты не были.

Первым делом государь объявил, что назначит в ближайшее время своих наместников в четыре домена королевства, поддержавших бунт — в герцогства Коллинс и Эрдер, графства Тресвальд и Гальс. Наместники эти будут следить за исполнением законов, обладать правом суда, заниматься сбором налогов и дорожных сборов, назначать магистраты. Вместе с тем в мятежные герцогства вступят королевские войска и займут ряд крепостей и фортвов, прежде контролируемых местными лордами — во избежание, как выразился Гайвен, новой смуты. И хотя предавшие дом Ретвальдов аристократы и не теряли формально своих фамильных владений — власть их в пределах этих владений после объявленных королем новшеств уменьшится до предела.

— Они не примут этих законов, — сказал Артур сюзерену вечером, когда они остались одни. — Вы чем думаете, ваше величество? Новой войны захотели?

Гайвен медленно повернул к нему свое бледное лицо, как никогда сейчас похожее на придворные портреты Бердарета-Колдуна.

— Я хочу нового мира, — сказал он спокойно. — И в этом мире никто и никогда не начнет на иберленской земле междоусобицы. Без моей на то воли.

— Не пройдет и года, как они перережут твоих — наших — гвардейцев во сне и устроят новый бунт. Ты унизил их. Заставил их помнить, что они тебя предали. Хочешь объединить королевство? Сделай новые законы общими для всех. Малерион первым примет твоего наместника. Я приму.

— Ни дом Айтвернов, ни дом Тарвелов не предавали меня и моего отца. А вот эти господа — предали. Поэтому ты и лорд Данкан будете править своими землями и вассалами

по вашему разумению, как правила ваши отцы. Но ни старым Коллинсу и Тресвальду, ни молодым Эрдеру и Гальсу я больше не доверяю. Или, — король даже не возвысил голоса, но по спине Артура почему-то пробежал холодок, — ты хочешь новых Горелых Холмов? Тебе мало было тогда?

— Не мало, — сказал наследник драконьих герцогов мрачно. — Но у нас был уговор. Полная амнистия восставших. Я просил тебя, когда уходил на смерть.

— Уходил и вернулся живым. Артур, — Гайвен избегал его взгляда, смотря куда-то в пустоту. Он говорил медленно, будто во сне. Последнее время молодой Ретвальд часто становился таким — отрешенным, непонятым, словно слышащим нездешние голоса. — Артур, твой идеализм делает тебе честь. Это качество, редкое в наши дни, и еще недавно я мог бы лишь восхититься им. Однако теперь я правлю этой страной, и мне полагается править ею разумно. Ни одна из причин, побудивших наших врагов к восстанию, до сих пор не исчезла. Они по-прежнему являются противниками моего дома и моего знамени, и лишь лишились объединявшего их лидера. Пройдет немного времени, и такой лидер появится вновь. Будет ли это Виктор Гальс или кто-то еще наподобие — я не знаю. Но они станут мстить, как ты мстил за своего отца. Я не намерен давать им подобной возможности.

Артур хотел возразить, готовился выдать горячую отповедь — и замер, понимая, что не знает, что сказать. Слова Гайвена, сказанные этим тихим, вкрадчивым голосом, казались ему разумными. Артур почувствовал себя почти ровно также, как чувствовал прежде, наталкиваясь на отповеди отца или лорда Данкана, или дяди.

— Твой отец, — продолжил Гайвен, будто не заметив его заминки, — точно также был слишком добр к этим людям — и мы оба знаем, к чему это привело. И мой отец был добр. Прости, но я быть добрым уже не могу.

— Прости, — теперь уже Артур говорил ему в тон, очень тихо, — но возглавлять армию, которая станет умирять восточные герцогства, когда те взбунтуются, я тоже не буду. Мне не хотелось резни в Тимлейне — и в Дейревере тоже не хочется.

— Я знаю. Потому и поговорил с твоим дядей. Граф Рейсворт готов принять звание королевского констебля и возглавить мою армию. Ты занимал эту должность с честью — однако необходимого опыта, чтоб исполнить поставленные мной задачи, у тебя нет.

На какую-то очень долгую секунду в комнате стало совсем тихо — и тишина эта была злой.

— Я понял волю моего короля, — сказал наконец Артур чопорно. — Мой король разрешит мне отбыть в Малерион, дабы я мог служить короне на своих фамильных землях как верный ваш вассал? — Церемонные фразы срывались с его губ столь же легко, как и всегда — благодарить здесь стоило нанятых некогда отцом лучших риториков королевства. — С позволения его величества, я отъеду с малым эскортом — полагаю, остальные солдаты моего домена пригодятся лорду Рейсворту на его службе.

— Мне не нужна твоя истерика, Артур. Возьми себя в руки. Ты мой вассал. И мой друг. И ты человек, благодаря которому я скоро надену корону. Я не отсылаю тебя в изгнание, и я не позволю тебе самому себя отослать. Королевский констебль — это тяжелая ноша, а не почетное звание. Тогда с этой ношей мог справиться ты, а сейчас мне нужен лорд Роальд. Это не значит, что для тебя не найдется другого дела. Я оценил твои дипломатические таланты, уж поверь. Они у тебя есть, как ни парадоксально это прозвучит. Мне нужен новый глава Коронного совета, потому что при виде прежнего меня всего скручивает от омерзения и жалости. Так что вместо тана Лайонса теперь будешь ты.

— Я не политик, милорд.

— Нет, ты политик. Хватит, Артур, довольно учтивостей. Кем ты не являешься, так это полководцем. В командовании армией ты не смыслишь ничего. Это я понял, как бы не пытался лорд Тарвел быть деликатен, докладывая о твоих делах. У тебя было два года после получения шпор, чтоб научиться от отца хоть чему-то — но тебе были милее кабаки и развратные девки, — тон Гайвена сделался каким-то непривычно жестким. — Но вот людей убеждать ты умеешь. Благодаря тебе я заключил союз с Тарвелом. Благодаря тебе Рейсворты не предали меня в те дни, когда мои волосы еще не побелели и им можно было меня не бояться. Благодаря тебе Тимлейн не сожгли и не разграбили. Так что ты пойдешь, сядешь в кресло во главе Коронного совета и будешь там сидеть. Боишься, что Иберлен разорвут на куски? Так не допусти этого. Я стараюсь. И ты постарайся.

Артур встал со скамьи, на которой сидел напротив государя. Поклонился со всей возможной учтивостью. Молодой Айтверн старался сейчас не давать воли своим чувствам — и у него это почти получалось.

— Простите, ваше величество, — повинился Артур. — Я вел себя неучтиво, как и всегда. Вам стоит меня извинить.

— Ты хотел лучшего, как и всегда. За такое не наказывают. И постарайся воспринять свое новое назначение как оказанное тебе доверие, а не так, как ты, кажется, это воспринял. Кстати, можешь также оставить себе отцовский кабинет. Я распоряжусь, чтоб тебе со следующей недели передали все дела, оставшиеся от прежнего первого министра.

Из монарших покоев Артур вышел с тяжелым сердцем. Дело было не во внезапной отставке, хотя он и гордился до того, что носит звание констебля, продолжая дело отца. Дело было в самом Гайвене. Случившееся на Горелых Холмах изменило его. С каждым днем Ретвальд становился все более непонятным. Он уже не был тем немного наивным книжечем, которого Артур выводил подземными тропами из осажденного города. Артур едва узнавал своего господина. Перемены эти нарастали постепенно, день за днем — но были пугающими.

Свою коронацию Гайвен назначил на день осеннего равноденствия, повелев, чтоб на нее явились все владетельные лорды королевства, чтобы принести присягу новому венценосцу. Они и являлись — встревоженные, напуганные, угрюмые, в сопровождении жен, челяди и солдат. Приехал Виктор Гальс, младший брат убитого Артуром сэра Александра — сопровождаемый угрюмыми воинами угрюмый мальчишка, при встрече посмотревший на лорда Айтверна волком, но не сказавший ему ни одного нелюбезного слова. Приехал, из замка Шоненгем, в сопровождении огромной свиты Эдвард Эрдер — высокий, статный, улыбчивый, ничуть не похожий на своего мрачного, также ныне покойного, отца. Но и улыбка нового лорда Севера казалась Артуру столь же недоброй, как сжатые губы нового лорда Юга. Приехали из Дейревера два младших сына герцога Коллинса, один из которых ныне стал его наследником вместо юного Элберта, обстоятельства смерти которого до сих пор не были официально раскрыты. Все они привели с собой солдат. И это не считая всех тех прежде верных Кардану лордов с их дружинами, что уже находились в Тимлейне и его окрестностях.

Артур не понимал, зачем Гайвен стягивает в Тимлейн всех своих недавних противников сразу после того, как издал указы, лишаящие их власти на собственных землях и тем самым еще более настроил их против себя. Ретвальд на это лишь отвечал, что на Мабон все прибывшие лорды поклонятся ему и признают своим сюзереном.

Равнина вокруг города и долина реки Нейры наполнилась походными лагерями. Армия Айтвернов. Армия Тарвелов. Королевские войска, две трети которых еще недавно сражались под знаменем Яблоневого Древа. Подошедшие отряды с востока и севера. Разумеется, между всеми этими солдатами не было особенной приязни. То и дело возникали мелкие стычки, и хорошо, если мелкие. Виновников граф Рейсворт, принявший еще недавно принадлежавшее Артуру звание лорда-констебля, карал сурово и без малейшего снисхождения.

— Такова наша победа, дядя? — спросил его Артур однажды, глядя на то, как вешают у восточных ворот города затеявших поножовщину троих смутьянов. — Ради этого мы сражались?

— Ты видел одну войну, — пожал сэр Роальд плечами, — а я добрый десяток. Стой смирно, мальчик, у тебя кислое лицо. Не давай солдатам увидеть, что ты недоволен — уж поверь, они недовольны сильнее твоего. И поверь, не будем вешать этих — города нам не удержать. Не так-то по нраву народу твой Король-Чародей.

Здесь Артур не мог не вступить за сюзерена.

— Гайвен не виноват, что обладает магией предков, — Артур едва удержался, чтоб не сболтнуть о собственном изредка просыпавшемся даре. — И архиепископ не видит в его способностях ничего бесовского.

— Да, — кивнул дядя, — вот только принять Гледерика людям было как-то попроще. Может быть, — сказал лорд Роальд совсем тихо, не отводя взгляда от виселицы, — ты все же заколол не того короля?

Артур не ответил. Еще одной ссоры ему не хватало. Лорд Рейсворт не жаловал наследника Ретвальдов с самого начала — и не начал жаловать теперь. Ничего нового в этом не было, как не было и ничего удивляющего.

Должность первого министра, полученная Артуром от Гайвена, казалась ему все больше скорее формальной, нежели налагающей реальную ответственность. Он приветствовал прибывающих лордов, когда Гайвен был занят или не считал необходимым встречать их лично. Сидел на советах, когда Гайвен выслушивал доклады прочих министров или оглашал указы. Указов этих было немало. Новый набор рекрутов в королевскую армию. Увеличение столичного гарнизона. Подъем налогов на четверть. Ужесточение дорожных сборов королевского домена на границах с восточными герцогствами. Право на реквизицию короной родового имущества всякого дворянина, кто в дальнейшем в чем-либо нарушит королевскую волю. Все эти распоряжения Гайвен зачитывал со всем тем же недрогнувшим, будто выточенным из камня лицом. Министры слушались. Лорды не роптали. Артур сидел и смотрел на развешанные по стенам знамена. Драконы, и олени, и грифоны, и даже хорек. «Этот хорек нами теперь и правит», — подумал он с чем-то, что напомнило ему отчаяние. Юноша понимал, что Гайвен в чем-то прав. И все равно не мог этого принять. Теперь собственные недавние надежды на всеобщее примирение казались ему наивными и детскими. Примирение, что обещали королевству победители, в каждой своей руке держало по кнуту.

Айна вернулась из Стеренхорда лишь через три недели после сдачи Тимлейна. Приехала впереди свиты, и на лошади, не в карете — непозволительная для путешествующей со свитой знатной дамы дерзость. Одета в зеленый костюм для верховой езды, со шпагой на поясе, сестра показалась Артуру почти столь же чужой, каким стал ему его сюзерен. Она соскочила с коня, не приняв протянутой братом руки, поправила перевязь со шпагой.

— Здравствуйте, герцог Айтверн, — сказала сестра, глядя на Артура в упор. — Я

слышала, вы весь захвачены делами в последние дни? — Ее резкий тон напомнил юноше тот, последний раз в замке герцога Тарвела, когда они поссорились.

И этого тона Артур принимать не стал.

— Здравствуй, сестра, — сказал он тихо. — Я скучал.

— Зато я — не особенно. Но надеюсь, ты хорошо развлекся на своей войне, — отрезала она, проходя мимо Артура к дверям в замок. Солдаты эскорта посторонились, давая дочери лорда Раймонда дорогу. Неожиданно она остановилась и сказала, не оборачивая головы и не глядя на Артура:

— Я намерена занять родовой особняк, раз уж мне сказали, ты там почти не бываешь. Надеюсь, ты разыскал мэтра Гренхерна? Я желаю продолжить свои уроки. Ваша глупая война не должна быть помехой моему образованию.

— У меня не было возможности его найти, — сказал Артур с сожалением. — Прости, сестра. Мэтр Мердок жив и докладывает, что мэтра Гренхерна не видели с начала бунта. Я посылал людей расспросить в квартал, где он жил — но толку пока нет.

Айна все же обернулась — и в ее голосе завывла вьюга.

— Не сумеешь найти одного-единственного человека. Такова вам цена, герцог Запада? Я запомню.

Она легко взбежала по ступенькам вверх, и догонять ее Артур не стал. Ему показалось на мгновение, что он спит и смотрит кошмар — из тех, что кажутся неотличимы от яви. Это точно, наверно, какой-то дурной сон. В жизни так не бывает, разве нет? Во всяком случае, так не бывает в хороших сказках, а ведь еще недавно собственная сказка казалась ему хорошей. Он победил врага и спас, как тогда считал, королевство от войны и смуты. Смотрел на занимающийся над городом рассвет и думал, что все теперь станет иначе. Все действительно стало иначе — но как-то совсем не так, как ему представлялось. Сказка получалась невеселой.

В начале августа к иберленским гостям стали добавляться иностранные — Гайвен не мог не пригласить чужеземных владык, дабы показать им, что смута в Иберлене закончилась и сношения между государствами восстановятся в прежнем объеме. Первым прибыл владыка союзного Гарланда Клифф Рэдгар — крепкий черноволосый мужчина лет сорока пяти, почти никогда не снимавший на людях украшенных песьими головами доспехов. Сопровождали его сын и две дочки. С Артуром гарландский король держался любезно. От души пожал при встрече руку, приветливо улыбнулся.

— Одно лицо с отцом, — сказал лорд Рэдгар, внимательно изучая Артура. — Я знал вашего батюшку, герцог. Вместе дрались под Аремисом, лет десять назад. Одна досада, так и не прищучили тогда этих скотов. Но с вашей помощью разберемся. Я же увижу вас на поле боя на следующую весну, милорд? Наверняка ваш новый король захочет поквитаться с лягушатниками за все.

— Об этом вам лучше спрашивать нашего короля, милорд, — ответил ему Айтверн ровно. — Но если будет война, я стану драться везде, куда он меня пошлет.

— Лишь бы в ад не послал, — усмехнулся Клифф широко и, когда придворные чуть отошли от них, понизил голос. — Это правда, лорд Айтверн, будто ваш владыка — чародей?

— Правда, милорд, — сказал Артур сдержанно. — Как и основатель его дома, король Бердарет, король Гайвен владеет магией.

Клифф подержал в руках наполненный вином бокал, изучая его содержимое. Выпил до дна половину — и протянул затем Артуру.

— У нас есть один обычай, — сказал лорд Рэдгар просто, — наверно, совершенно варварский на ваш иберленский манер. Мы пьем из одного кубка — а после этого разговариваем откровенно. По крайней мере, до конца разговора. Выпейте, лорд Айтверн, а затем поговорим.

Артур выпил. Вино было, наверно, неплохим на вкус — но ему больше нравились бренди и пиво. Он вытер губы салфеткой и отставил бокал на столик.

— Я слушаю вас, лорд Рэдгар.

— Вы очень спокойный молодой человек, — отметил Клифф. — Куда спокойнее, чем о вас говорят мои шпионы. И куда спокойнее, чем был ваш отец. Вы знаете, что скоро в этот город прибывает по меньшей мере еще один колдун?

— Надеюсь, не Повелитель Бурь? — уточнил Артур.

— Про этого ничего не знаю. Но лет семь тому назад, а может и восемь, — тут голос Клиффа сделался раздумчивым, — некто лорд Эдвард, герцог Фэринтайн, хвалился мне, будто владеет чародейством своих предков.

— Вы говорите о короле Эринланда, — Артуру пришлось сделать усилие, чтоб сказать это невозмутимо. В конце концов, король Гарланда только что похвалил его самообладание, будучи при этом едва ли не первым человеком, что хоть какое-то самообладание у Артура отметил, и совершенно не хотелось ударить перед ним в грязь лицом.

— О короле Эринланда, верно. Что вы знаете о нем и о его жене?

О царствующей фамилии Эринланда Артур знал немного — это небольшое восточное королевство почти не поддерживало с Иберленом никаких связей. Отдаленный и небогатый, Эринланд считался медвежьим углом Срединных Земель, зажатым между Гарландом, лежащими на пути в Венецию ничейными землями и шесть месяцев в году почти не судоходным из-за штормов Ветреным морем. Нынешний тамошний венценосец, наследовавший семь лет назад своему погибшему на войне кузену, и в самом деле происходил по прямой линии из одного подобных Айтвернам смешавшихся с людьми эльфийских родов. Но никаких слухов о том, чтоб он практиковал науку колдовства, Артур не слышал. Впрочем, не ходило таких слухов и об Айтвернах.

— Говорят, лорд Эдвард хороший воин, — сказал Артур осторожно.

— Да, побил меня на войне один раз — с тех пор мы почти друзья. И не вылезает с турниров. Однажды победил в Либурне на ристалище Алого Графа, а такое немногим удавалось.

— Я что-то слышал об этом, — согласился Артур. — Что до его жены, она, кажется, наследница какого-то древнего рода, внезапно объявившаяся после долгой жизни в глуши?

— Про жену лорда Эдварда, лорд Айтверн, половина сплетников говорит, что та дикая ведьма с болот, что смутила его своими чарами, а вторая половина — будто она просто крестьянка с какого-нибудь заброшенного хутора. И все сходятся на том, что ее благородная родословная — байки, придуманные, чтоб оправдать их брак. Скандал был тогда изрядный, ведь Эдвард разорвал помолвку с благородной девицей ради этой выскочки. Бедняжка оказалась столь безутешна, что мне пришлось взять ее в жены — из сочувствия ее горю.

— Душесипательная история, — отметил Артур. — Так что с колдовством? И с ведьмами?

— Вы подгоняете короля, герцог.

— Подгоняю, — согласился Артур, беря от подозванного им слуги одну рюмку бренди и протягивая вторую Клиффу. — А вы не отставайте.

— Не отстану, — вышил король. — Я не знаю, болотная ведьма или простая крестьянка леди Кэран, я ведь почти не знаю ее. Один солдат болтал спьяну, будто видел, как Кэран и Эдвард сошлись в поединке у него на глазах — дескать, у нее были к нему какие-то счеты. Эдвард победил ее и захотел взять в жены, словно в какой-то балладе. Байка глупая, и я ей не верю, но солдат тот клялся, будто в поединке ее меч порой светился огнем, будто ловил от солнца блики. И это при том, что солнце из-за туч не светило. А в какой-то момент рука леди Кэран и вовсе будто загорелась призрачным пламенем. История эта больше напоминает выдумки, впрочем — в харчевнях вечерами и не такое расскажут. Фактом остается, что за все прошедшие годы Кэран ни разу не проявляла на публике ничего, что позволило бы подтвердить слухи о ее даре — иначе бы все Срединные Земли стояли давно на ушах. Но Эдвард, мне говорили, с детства читал старые книги. Те, что были напечатаны еще до Войны Пламени — до того, как наши предки опять изобрели печатный станок. Вы многое знаете о давних временах?

— Мало, — признался Артур. — В Иберлене почти не уцелели никакие архивы Древних.

— И в Гарланде почти не уцелели, — согласился Клифф легко. — А вот в Таэрверне — уцелели. Хорошие, правильные книги, не какая-нибудь романтическая дурь. О математике, механике, естественных науках — за такие книги ваши академики душу бы продали под проценты. И книги о магии — тоже. Фэринтайны веками держали свои архивы под замком, в такой строгости, чтоб ни один древоточец не просочился. Впрочем, — он усмехнулся, — я слышал, некоторые из тех книг не на бумаге даже напечатаны. Но это неважно. Важно, что Эдвард все это читал. О нем давно болтали, будто он книжник и чародей, пусть и немного. А когда моя армия осаждала его столицу, началась буря. Дикая. Нас буквально замело снегом, и мы были разбиты. Эдвард сказал мне, будто это он ее призвал.

— Простая похвальба, — пожал Артур плечами. — Думаю, он просто желал вас запугать.

— И все бы так подумали, мало ли как бахвалится победитель. Но я запомнил эти слова. А теперь Эдвард со своей супругой едут сюда, и у вас тоже объявился колдун. Подумайте, лорд Айтверн, о чем им найдется поговорить. И подумайте, что говорить вам. Простите, меня жена заждалась, — король Гарланда неожиданно учтиво поклонился и направился к прелестной молодой женщине в серебристом, под стать белокурым волосам, платье, что казалась в два раза моложе его самого. Артур вспомнил рассказы, что у короля Клиффа этот брак уже третий. И первый удачный.

Слухи, предостережения и намеки — они постоянно окружали его в эти дни. Туманные разглагольствования Рэдгара. Холодные глаза Гайвена. Отчуждение Айны. Блейр и тот сделался как-то особенно нелюдим — но по крайней мере этому парню Артур доверял. Было с чего.

— Не споткнитесь, — сказал Блейр, вырывая Артура из размышлений. — Видите, ступенька.

— Вижу. Блейр, я правда не споткнусь, нечего меня под рукав хватать.

— Вы мой сюзерен. Расшибете голову при всем честном народе — от позора мне уже не укрыться.

— Ты достаточно быстро понял, в чем именно заключается дворянская честь.

— Это и дурак поймет, — усмехнулся Джайлс.

В Большом Зале от народа было не протолкнуться. Иберленские и заезжие аристократы,

лорды в камзолах и дублетах и дамы в нарядных платьях — все явились посмотреть на очередного чуждедального короля со свитой. У дверей и стен выстроились почетным караулом солдаты, сновали слуги. В середине зала, не сменив еще дорожной одежды на придворную, стояли эринландские гости. Их делегацию возглавляли двое — и увидев этих двоих, Артур едва в самом деле не споткнулся и не полетел по ступенькам вниз.

Мужчина. Высокий, статный, с безвозрастным гладким лицом полуэльфа. Длинные волосы, раскиданные по широким плечам — белые, такие же снежно-белые, какими стали волосы Гайвена после Горелых Холмов. Глаза фиолетового оттенка, каких не бывает у людей. Белые доспехи и белый плащ. Он стоял как бывалый воин, спокойно и уверенно, и смотрел прямо на Артура.

И женщина. Хрупкая, изящная, тоже какая-то вне возраста — то ли молодая, то ли зрелая сразу, с волосами алыми, как небо на закате, что доходили ей до талии, в черном платье. Лицо этой женщины было ему знакомо. И лицо мужчины — тоже. Артуру вдруг показалось, будто он прежде видел этих двоих в каких-то забытых снах. Может быть, даже в тех снах, что снятся до рождения на свет.

Совладав со своим замешательством, Артур спустился в зал. Огляделся — Гайвена нигде не видать. Подошел к гостям.

— Приветствую вас в Тимлейнском замке, господа, — сказал он учтиво, отвесив по всем правилам придворный поклон. — Мое имя — лорд Артур, герцог Айтверн и герцог Малерион. Я — первый министр Коронного совета этой страны и приветствую вас от имени короля Гайвена Ретвальда.

Ему ответила женщина. Не мужчина, бывший очевидно ее супругом. Это было нарушением этикета — но нарушениями этикета Артура было уже давно не удивить. Он и сам предпочитал этот этикет нарушать, когда получалось.

— Мы рады вас видеть, герцог, — сказала она. — Нам нужно о многом поговорить с вами. И с вашим королем. Если можно, соберемся сегодня же вечером, без посторонних ушей и глаз.

— Эту встречу вполне можно будет устроить, если мой король будет свободен, — сказал Артур, припоминая недавнюю беседу с Клиффом и его намеки, что эти гости имеют дело с волшебством. Не о волшебстве ли они собрались говорить с ним и с Ретвальдом? Артуру почему-то сделалось тревожно, и он опять обвел глазами зал, ища и не находя в нем Гайвена.

— Эту встречу нужно будет устроить, — сказала женщина мягко и улыбнулась ему. — Она будет полезна нам всем. Но я думаю, стоит представиться. Меня зовут Кэран, из дома Кэйвенов, а это мой супруг, Эдвард Фэринтайн. — Мужчина сделал шаг вперед и крепко пожал Артуру руку. Этот внезапный жест показался молодому Айтверну таким простым, таким неуместным среди напыщенного великолепия королевского замка, что он растерялся еще сильнее — хотя куда уж было сильнее.

— Рад знакомству, — сказал Эдвард Фэринтайн. — наших людей нужно разместить, коней — покормить. Задать овса. Потом мы бы не отказались от горячего обеда. Потом покажите нам наши покои. Вечером, как сказала моя жена, в самом деле поговорим о делах.

— Я отдам нужные распоряжения, — ответил Артур, — дворецкому. Я ведь сам не дворецкий, как вы могли заметить. — На мгновение Айтверн почувствовал злость, и это было значительно лучше, чем растерянность. Он и без того слишком потерялся за это лето — а вот злость показалась напоминанием о старых-добрых, счастливых временах. — Есть

что-то еще, — уточнил Артур, — о чем мне стоило бы немедленно знать? — Он посмотрел на гостя едва ли не с вызовом.

— Пожалуй, кое-что найдется, — кивнул Эдвард Фэринтайн, бросая быстрый взгляд куда-то себе за спину. — Капитан моей охраны, граф Кэбри. Вы его не знаете, и он вас тоже не совсем знает, но, строго говоря, он собирается вызвать вас на поединок и убить. Все дело в том, что вы убили одного очень близкого его друга, и теперь он исполнен решимости мстить. Это очень важно для него, и он уже сегодня хочет скрестить с вами клинки. Я пытался вразумить своего офицера — но, кажется, безуспешно. Иногда доводы чувств перевешивают доводы разума. Вы сможете вставить это дело между обедом и ужином, герцог Айтверн?

— О, — сказал Артур, чувствуя, как впервые за эти месяцы обретает твердую землю под ногами, — думаю, я буду этому даже рад. Вы не можете представить, как придворные дела мне надоели. Просто до одури хочется с кем-нибудь подраться — а тут еще и повод нашелся. Представьте меня своему капитану сразу, как мы вас здесь разместим, — он широко улыбнулся, подумав, что в сущности этот король не так уж и плох.

Глава вторая

Август 4948 года

В собственном доме Айна ощущала себя чужой. Тимлейнский особняк Айтвернов и прежде не казался девушке столь уж родным — она выросла в замке Малерион и в столице впервые оказалась лет в десять, когда ее забрал сюда отец, окончательно погребенный под гнетом своих государственных дел. За прошедшие годы она так и не смогла до конца привыкнуть к этому богатому, но словно бы нежилому дому, где лорд Раймонд бывал хорошо если пару раз в неделю, проводя остальное время в королевском замке. Раньше вместе с Айной тут жил Артур, и его присутствие хоть как-то скрашивало вычурный холод затянутых дорогими гобеленами стен. Теперь брата здесь не было — а, впрочем, Айна так и не была уверена до конца, остался ли он у нее вообще, этот брат.

Ссора, случившаяся между детьми лорда Раймонда перед отбытием Артура на войну, никак не желала выходить из памяти, и Айна вновь и вновь возвращалась в мыслях к тому разговору.

«Он знает, что я предлагала ему предать Гайвена. Он ни единым словом не сказал об этом Гайвену. Отец бы сказал. Возможно, я все же могу ему верить?» Айна хотела бы верить Артуру — и все же не могла. Ее брат был вместе с Ретвальдом, а уже это говорило о многом.

Город полнился слухами, об этом шептались слуги в людской, и новости можно было узнать, всего лишь хорошенько расспросив горничных — а расспрашивать их Айна умела.

Явился и сел на престол чернокнижник, говорили люди. Явился чародей, наделенный магией своих дьявольских предков. Семя тирана Бердарета, что дремало в его потомках, пробудилось в крови отпрыска короля Брайана. На Горелых Холмах была битва, и в ней Гайвен Ретвальд призвал пламя и тьму, чтобы повергнуть своих противников. Еще он заключил союз с демонами из-за грани, вознамерившись подчинить себе волю всех лордов Иберлена, и заклинает северных духов, готовясь набрать из них себе новую армию. Когда Нэнси Паттерс, состоявшая при особе дочери лорда Раймонда камеристкой, пересказывала Айне домыслы, услышанные ею поутру от торговок на рынке, она едва не дрожала.

— Это все правда, миледи? — спрашивала она Айну, трясущимися пальцами сминая край подола своего платья. — Новый король действительно такой, как про него говорят?

— Рассказывать могут многое, Нэнси. Сама же понимаешь, любым байкам верить не стоит, — Айна не была уверена, готова ли она откровенничать даже с подругой.

— Но вы его знаете, госпожа. Вас даже раньше хотели поженить, я слышала. Что он за человек?

Что за человек Гайвен Ретвальд... На этот вопрос Айна и при желании не могла дать доскональный ответ. При дворе короля Брайана к наследному принцу мало кто относился серьезно. Тихий книжный мальчик, заморыш, незаметная тень, стоящая возле отцовского трона. Брайан Ретвальд и сам был тенью — куклой, которой управляли лорды Айтверн и Рейсворт, сын же его казался тенью вдвойне. Айна даже сочувствовала Гайвену, особенно когда Артур или другие задирали его. Потом были бегство из столицы, замок Стеренхорд и та ночь, когда Гайвен признался ей в любви. Девушка была напугана и растеряна, но даже в своей растерянности отдавала себе отчет, что не хочет быть вместе с этим человеком. Было в

нем что-то, что отталкивало ее, и дело было здесь отнюдь не в его мягком характере, над которым прежде потешался брат.

К тому же, как оказалось, по-настоящему мягким Гайвен и не был.

— Принц Гайвен... — Айна запнулась. — Король Гайвен. Я думаю, ни с какими демонами или духами он сделок точно не заключал. И на твоём месте я бы не повторяла этих домыслов.

— Вы не хотите говорить о нём. Он обидел вас чем-то?

— Вовсе нет. Его величество всегда очень учтив со мною.

Это было правдой. С тех пор, как дочь лорда Раймонда вернулась в Тимлейн, наследник Ретвальдов был безупречно вежлив с ней, хоть виделись они и нечасто. Несколько раз на званных приемах и один раз на ужине, куда молодой король пригласил Аину и Артура. В тот раз он в основном говорил с Артуром о политике, и брат, как водится, немного спорил. Айна предпочитала отмалчиваться. Она до сих пор почти не разговаривала с братом.

Тогда, в Стеренхорде, Айна потребовала от Артура отречься от Гайвена и принять сторону восставших лордов. Если такие люди, как Александр Гальс, подняли мятеж против Ретвальдов, разве не могли они оказаться правы? Разве мог этот изнеженный юноша, Гайвен, претендовать на трон в разваливающемся королевстве? Сейчас, однако, он на этот трон сел. И изнеженным уже не казался.

— Люди действительно недовольны королем? — спросила Айна.

— Король поднял налоги. Будешь тут доволен. И под городом стоят войска, миледи. Это пришли родичи тех лордов, которых король и ваш брат уже убили. Явились на коронацию, как они сказали. А моя свекровь сказала, будет резня. На Мабон они все достанут свои мечи и пойдут на королевский замок. Или наоборот, король обрушит на них свою магию, чтоб перебить всех разом, вот и собрал в одном месте. Так говорит Адалинда. Леди Айна, уезжайте в Малерион скорее, и нас заберите. Быть беде.

— Вы меня просите о защите? — спросила девушка глухо.

— Вас. Кого же еще? Лорда Артура? Его здесь не видать. Да и не любим мы его, сами знаете. Раньше он часто злой бывал, слова не скажешь, уже зверем рычит. А теперь и вовсе, заперся во дворце со своим колдуном. Народ говорит, он тоже колдун, раз с колдуном водится. На кого нам надежда? Лорд Раймонд в земле лежит, лорд Роальд со своим войском носится, сюда и носа не кажет. А Лейвис — змея подколотная, лучше б его тут и не было. Вы одна из Айтвернов остались, в кого мы верим.

— Я не могу уехать, Нэнси.

— Почему? Король вас замуж зовет? Неволит? К нему король Клифф своих дочек привез, старшая ваших лет, не иначе на выданье. С Брайаном и вашим отцом он не сговорился тогда, теперь сговорятся. Что вы здесь забыли? Пересидим дома, пусть здесь сами разбираются. До Малериона война не дойдет.

— Я не могу, — повторила Айна с расстановкой. — Ты сама сказала, Нэнси. Я — последняя из Айтвернов, в кого вы можете верить. Если я сбегу, кто тут останется?

— А что вы можете сделать, леди? Вы не принц, не рыцарь, у вас даже войска нет. Шпагу вы носите, так это смех один — так и станете ею размахивать? Или вы тоже заделались волшебницей?

— Что-нибудь я придумаю, Нэнси. Уж ты мне поверь.

Сказать, однако, оказалось куда проще, нежели сделать. Айна действительно не была ни принцем, ни рыцарем, и войска у нее тоже не было. Зато нашлись соглядатаи. Артур отрядил

ей в охрану два десятка стражников, во главе с капитаном по имени Фаллен, чьим обществом сам, кажется, тяготился. Солдаты следовали за Айной неусыпно, стоило ей покинуть пределы особняка и выйти в город, отчего девушка начинала чувствовать себя находящейся под конвоем.

— Кончали бы вы ходить за мной хвостом, — горячилась Айна. — Уж как-нибудь не заблужусь в этом городе и без вашей помощи.

— Понимаю ваше раздражение, миледи, но поделать ничего не могу. Лорд Айтверн приказал мне беречь вас, если понадобится — и ценой своей жизни тоже. Я не могу отпускать вас одну за пределы родовой резиденции, простите. В Тимлейне сейчас неспокойно.

Отчасти он был прав — в столице в самом деле было неспокойно. Айна ощущала это беспокойство кожей во время каждой прогулки. Тревожный и озлобленный, город будто следил за ней каждым слепым провалом окон, каждой закрытой дверью, каждым угрюмым взглядом бедняка, брошенными исподлобья. После вступления в столицу королевской армии в нижних кварталах вновь едва не вспыхнули беспорядки, и лишь ценой больших усилий лорду Рейсворту удалось предотвратить их. Люди казались напряженными и недобрыми, и провожали Айну и ее свиту отнюдь не добрыми взглядами.

— Каково здесь было при Гледерике? — спросила как-то Айна Фаллена, когда они возвращались с торговых рядов.

— Меня здесь не было, миледи. Не могу сказать точно.

— Очень даже можете. Уверена, вы расспрашивали людей. При Гледерике здесь было также плохо — или хотя бы чуточку лучше?

Капитан чуть помедлил с ответом.

— Когда мятежники взяли цитадель, случились погромы, конечно. Чернь сожгла и разграбила пару купеческих кварталов. Но уже на третий день солдаты гарнизона разогнали и перевешали мародеров. Потом в Тимлейне установился порядок. Поймите, леди Айтверн... Карданы всегда были для простонародья чем-то вроде сказки. Знаете, бывают такие сказки про давно ушедший золотой век. Были, мол, времена, когда Иберленом правили мудрые и справедливые короли, герои и рыцари. Сказка о Карданах — как раз такого рода. Когда пришел Гледерик, люди оказались ему рады.

— Королю Брайану они, значит, рады не были?

— Все знают, кто правил от лица короля Брайана. Лорда Раймонда народ не любил. Здесь, на востоке, не любил. Хотя простите, мне не стоит рассуждать на подобные темы.

— Почему же. Рассуждайте, капитан. Мне интересно.

Фаллен посмотрел на нее изучающе, секунду помедлил, а потом сказал:

— Если госпожа прикажет. Тимлейнцы считали, для лорда Раймонда имел значение лишь его домен. Пока Малерион богател на морской торговле с Астарией и Толадой, восток королевства принял на себя всю тяжесть войны с Лумеем. Лорд Раймонд мог бы закончить эту войну, рекрутируя он солдат из своих графств — но он всегда считал противостояние с лягушатниками внутренним делом Гальса и Коллинса. Он принимал несколько раз командование королевскими отрядами для этой войны, но почти не приводил своих людей. Демонстративно не приводил. Считалось, он делает это, чтоб у лордов востока были связаны руки и они не мешали ему править. Этого ему здесь так и не простили.

— Если мой отец был так плох, почему вы служили ему?

— Ваш отец не был плох, госпожа. Он хорошо заботился о своих людях и своем

герцогстве, исправно платил жалованье гвардии — и жалованье это было раза в два побольше, чем у других лордов. Я родился в Дейревере, но на службу поступил к Айтвернам. Принимали не всяких, но, — Фаллен усмехнулся, — я смог доказать им, что я хороший солдат. За такое место стоило держаться, я и держался. У меня жена и два сына. Старшему я купил ферму, а младший на следующий год поступит под мое начало. Лучшей участи я ему и пожелать не могу. Это лучше, согласитесь, чем до старости гнуть спину в мастерской. Я уже сказал, это не мое дело, рассуждать, хорошим ли лорд Раймонд был правителем королевству. Господином для меня он был хорошим.

«Если б он еще был хорошим отцом», — подумала Айна в сердцах.

— Раз уж вы начали откровенничать, капитан, расскажите заодно, как относитесь к своему новому лорду.

— Один ваш вопрос неудобней другого, госпожа.

— Но поскольку я все же ваша госпожа, — тон девушки сделался сух, — вы на них ответите.

— Тогда я буду между вашим братом и вами — как меж двух огней, каждый из которых вот-вот подпалит мне задницу. Простите великодушно подобную грубость. Ваш брат... Разрешите все же не отвечать на подобный вопрос.

— Не разрешаю. Мне важно знать ваше мнение. Если боитесь сказать что-то неприятное — не бойтесь. Мы с Артуром и без того в ссоре. И доносить ему на вас я бы не стала никогда в жизни.

— Хорошо, госпожа. Как изволите. Я мало имел дела с вашим братом в эти два года, скажу сразу. Орсон с ним порой разговаривал, а мне почти не доводилось. Но в казармах косточки ему перемывали изрядно. Сами посудите, он получил рыцарство два года назад. Все думали, как наследник лорда Раймонда он или станет ему помощником здесь, или отправится на войну, или хотя бы наместником в Малерион. Вместо этого лорд Артур... — Фаллен запнулся.

— Вместо этого лорд Артур пропадал невесть где, не показывая носу домой и бездельничая, — подсказала Айна. — Я знаю, Клаус. Отец тоже был недоволен. Я была недовольна, дядя Роальд был недоволен. Здесь можете ничего не объяснять, недовольны Артуром были все. Что думают о нем солдаты сейчас?

— Он убил короля Гледерика. Про это вся страна уже судачит, наверно. Пробрался в цитадель посреди ночи и заколот Кардана спящим. Иные правда уверяют, будто случился поединок, но веры подобному слуху немного. Потом лорд Артур возглавил Коронный совет — говорят, это потому, что как констебль он должен был бы наводить в Тимлейне порядок, а наводить порядок означает сейчас колесовать и вешать. Вот лорд Артур и попросил короля Гайвена спихнуть это неприглядное дело лорду Рейсворту, а сам пересел в кресло министра. В ту ночь, когда король Гледерик погиб, я ждал лорда Айтверна в подземелье под замком. Он пришел не скоро, и о том, как все прошло, не рассказывал. Его оруженосец тоже молчал. Я не могу знать, как все было на самом деле. Но для всех вокруг ваш брат — цепной пес Короля-Чародея, убивший законного государя. Меня он недолюбливает, потому и отослал к вам, взамен произведя в рыцари этого мальчишку Блейра. Я лорда Артура тоже не то чтоб сильно люблю. Здесь, надеюсь, моя болтливость мне боком не выйдет.

— Ну что вы так волнуетесь. Это я здесь трепетная дева, не вы, — рассердилась Айна. — Успокойтесь уже, капитан — будет вам трястись. Вы сказали что думали, я слышала. Дальше меня этот разговор не пойдет.

— Полагаюсь на ваше слово.

— Полагайтесь. Я своего слова не нарушаю. Запомните это, и пусть все запомнят.

Разговор с Фалленом лишь подтвердил подозрения Айны. Все сильнее она ощущала, что дело действительно идет к беде. Об этом судачила и Нэнси, пересказывая домыслы подруг. Бежать в Малерион Айну служанка уже не просила — видно поняла, что та не сбежит.

Тем временем приближалась осень, и Артур все также безвылазно пропадал во дворце. Сначала он явно был обескуражен неприветливостью сестры, а потом, видимо, и сам начал ее избегать. Запоздало Айна ощутила нечто вроде раскаяния — так как дела у брата явно шли не слишком хорошо. Сейчас, возможно, ему не помешала бы поддержка — но Айна не знала, какую поддержку она могла бы ему оказать. Придти в его министерский кабинет и признаться: «Прости, дорогой Артур, я знаю, ты убил человека, которого почти весь Иберлен мечтал видеть на троне, и служишь человеку, которого почти весь Иберлен боится как чумы, и я считаю, ты не прав в этом, но давай забудем о таких мелочах и посидим у камина за кубком глинтвейна, как в прежние дни?» Некое упрямство мешало Айне сделать это. Возможно, если бы Артур навестил ее в особняке Айтвернов и снова попытался с ней примириться, на сей раз она бы уже не была столь холодна — но Артура не было. Будто встретив один раз холодный отпор, он вовсе потерял к сестре интерес, и это лишь подогревало ее обиду.

Гайвен же ее к себе перестал вызывать вовсе — видимо романтические чувства его, если прежде они и были, окончательно угасли. Девушку это могло только обрадовать, прежде внимание Ретвальда претило ей. С другой стороны, будучи заперта бездельем в особняке Айтвернов, она начинала чувствовать себя выброшенной на обочину жизни. Мэтра Гренхерна найти так и не удалось, выписывать из Академии другого наставника Айна не захотела, потому ей оставалось лишь сидеть за книгами в семейной библиотеке, болтать со служанками или бесцельно смотреть в окно. Дни тянулись скучные и вязкие, один за одним. Старый мастер Мердок, служивший при Айтвернах мажордомом, только лишь качал головой, видя, как девушку снедают беспокойство и тоска.

До Мабона и объявленной Гайвеном коронации оставалось уже немногим меньше месяца, когда в особняк Айтвернов пожаловал сын графа Рейсворта, Лейвис. Лейвис приходился Артуру и Айне троюродным братом. В семье его недолго любили из-за дурного, даже по меркам Драконьих Владык, характера. Еще ребенком он рос капризным и плаксивым, и частенько получал от Артура тумаков — в иные месяцы кузены дрались хорошо если не каждый день. К семнадцати своим годам Лейвис превратился в высокого узкоплечего юношу, худощавого и порывистого. Чертами лица он несколько напоминал Артура, только был немного выше ростом и значительно более тощим. Обычную для своего возраста неуверенность Лейвис Рейсворт скрывал за нахальностью, манеры у него были дерганные и временами развязные. Лорд Раймонд, когда был жив, племянника почти не замечал — будто не придавал значения факту, что тот вообще существует. Последний год юноша проходил службу у одного рыцаря в западных землях, и лишь вместе с армией Ретвальда вернулся в Тимлейн.

— Здравствуй, сестра, — сказал Лейвис, заходя в гостиную, как был — не снимая уличного плаща. — Вижу, читаешь один из этих новомодных романчиков. Стащила у нашего нового герцога, небось? — указал он на книгу, лежавшую на коленях у Айны.

— Я тебе не сестра, — ответила девушка резко. Кузен никогда не внушал ей теплых чувств. — С чем пожаловал?

— С приглашением на семейный ужин, — сын графа Рейсворта изобразил нечто похожее на улыбку. Получилось кривовато. — Мой дядя подумал, ты слишком долго сидишь тут одна, вот и приглашает в наш дом. Мне поручено тебя сопровождать.

— Дядя Роальд вспомнил о существовании у него племянницы? Как странно. Раньше его интересовал только Артур.

— Артур у него нынче не в чести. Вроде, они опять поругались. Ты же знаешь, как легко поругаться с его сиятельством. Ты и сама с ним вроде бы не в ладах?

— Не твое это дело, Лейвис.

— Ну будет тебе, будет. Что ты, что твой брат, вечно на меня огрызаешься. За что такая любовь, никак в толк не возьму. В общем, я поговорил с этим вашим солдафоном, облаявшим меня на входе, и он согласился тебя со мной отпустить. Правда, не раньше, чем я показал ему гербовое кольцо. В лицо, можно подумать, меня не признать. Собирайся, дорогая сестра, и поехали. Обещаны астарийское вино, поросенок в яблоках, оленина.

Дядя Роальд, в самом деле, никогда не был особенно внимателен к Айне, и потому подобное приглашение девушку удивило. Тем не менее, слишком уж наскучил ей за последние недели фамильный склеп. Лучше уж поужинать в компании пусть и нелюбимого, но все-таки дяди, нежели и дальше киснуть среди наскучивших книг. Позвав на помощь Нэнси, Айна оделась в придворное платье, зеленое с золотой окантовкой, после чего спустилась к ожидавшему ее в передней кузену. Лейвис стоял у входа, постукивая по паркету кончиком шпаги, и смотрел себе в сапоги. Ему, как побочному и неуважаемому родичу, выходцу из младшей ветви, явно было неуютно в парадной зале резиденции Айтвернов. Портрет старого герцога Гарольда колюче глядел на него со стены.

— Моя госпожа, — Клаус Фаллен остановил Айну прежде, чем та успела спуститься к кузену. — Разрешите сопровождать вас.

— Спасибо, капитан, не стоит. Лейвис и его люди позаботятся обо мне. Тем более, поедem в карете, не верхом.

— Герцог Айтверн поручил мне не отпускать вас из дома одну.

— Говорю ж вам, я не одна, — разозлилась Айна. — Уймитесь, Клаус. Я еду на ужин к лорду-констеблю Иберлена, и меня сопровождает этого лорда сын. Они моя семья, или моей семье вы тоже теперь не доверяете?

— Я вообще никому не доверяю, — проворчал Клаус, бросив взгляд на застывшего у дверей молодого Рейсворта. — Этому мальчишке тем более. Гляньте, как смотрит, будто и прикидывает, чего спереть. Но вы правы, вряд ли вам что-то угрожает у лорда Роальда. Помимо недожаренной свинины, конечно. Езжайте, леди, только глядите в оба.

— Непременно, капитан. Тем более, — Айна похлопала по рукоятке шпаги, — я при оружии. Не беспокойтесь, я побывала в застенках Эрдеров. После этого меня сложно чем-то смутить.

Распрощавшись с капитаном, легкой походкой девушка спустилась к уже истомившемуся от ожидания родственнику. Тот чуть дернул щекой, заметив при ней оружие.

— Ты собралась от кого-то защищаться, сестра?

Айна до середины вытащила клинок из ножен, а потом со стуком вогнала обратно.

— Мне просто нравится, как шпага бьет по бедру. Если твой экипаж готов, пошли. Только под локоть меня не бери, я прошу.

Роскошная карета, украшенная гербом Рейсвортов и запряженная четверкой гнедых, вскоре тронулась в путь. Ехали молча. Пару раз Лейвис все же порывался завязать беседу, но

Айна демонстративно игнорировала его, неотрывно глядя в окно. До особняка Рейсвортов добрались быстро. Когда Айна выходила из кареты, Лейвис попробовал проявить галантность и протянул ей руку. Девушка сделала вид, что не замечает этого, и спустилась сама.

Рейсворты жили возле самой набережной Нейры, на которую выходили окна их особняка, в старой столичной усадьбе Айтвернов, подаренной им лордом Гарольдом, когда тот начал строить себе новую резиденцию. Прежде Айна бывала здесь нечасто — лорд Роальд редко приезжал в столицу, а когда приезжал, останавливался во дворце или в гостях у лорда Раймонда, приходившегося ему сюзереном. Здание было тяжелое, массивное, с высокими стенами и остроконечными башенками по углам. В холле Лейвис передал дорожный плащ на руки слуге и повел девушку в гостиную второго этажа, где за накрытым столом уже ожидал их хозяин дома.

— Отец, — Лейвис торопливо поклонился, — вот наша родственница, как ты и просил.

Граф Рейсворт сидел в кресле во главе длинного стола, сбоку от камина. Одет он был в черный дублет, а фамильные светлые волосы, совсем выгоревшие на солнце, были коротко острижены. Как и все достигшие зрелых лет Айтверны, кузен Раймонда выглядел молодо благодаря примеси эльфийской крови — однако жесткие глаза и малоподвижные губы выдавали его подлинный возраст. При появлении племянницы сэр Роальд даже не встал. Отослав жестом закончившего сервировку блюд слугу, суховатым голосом он предложил гостье приступить к трапезе.

— Я поражена вашим вниманием, дядя, — сказала Айна, садясь по левую руку от графа, пока Лейвис сел по правую. — Мы, вроде, не так уж часто видимся.

— Потому я тебя и позвал, что нечасто. Угощайся. Ваш повар — посмешище, и готовит помой, — дядя чуть шевельнул пальцем. — Я понимаю, что Раймонду было не до излишеств, но держать на кухне подобного человека — ошибка похуже всех его прочих.

— Предлагаешь предаться чревоугодию? — Айна отставила бокал с красным вином, дотянулась до белого и отхлебнула. — Спасибо, я благодарна. Тебе нужно, чтоб я шпионила для тебя за Артуром, или зачем ты меня позвал?

Лейвис, пытавшийся до того сидеть молчаливо и смирно, при этих ее словах скривился, но все-таки смолчал.

— Такого-то ты мнения обо мне, — проронил старший Рейсворт. — Ты считаешь, я вспомнил о тебе лишь потому, что хочу тебя использовать.

— А что мне еще считать? Ты не тот человек, дядя, чтоб проявлять родственные чувства просто так, от самого их наличия. Прежде я была тебе не нужна, и ты со мной не водился. Раз теперь принимаешь у себя — значит, зачем-то понадобилась. Видимо, хочешь, чтоб я тебе на кого-то доносила. Или на Артура, или на Гайвена, или на них обоих. Но Гайвен тебе доверяет, раз назначил констеблем, а вот Артур не слишком. Не иначе, ты решил использовать любимую им сестру. Здесь ты попал впросак, Артур и со мной не больно хорошо общается. Тебе следовало вызывать сэра Блейра, раз на то пошло, и сулить ему золотые горы. Мне-то ты что посулишь, поросенка?

— Для своих лет ты умна, — Роальд плеснул себе бренди. — Мне стоило заметить это раньше. Умна, но все-таки не права. Как доносчик, ты мне ни к чему, да и не стал бы я поручать доносительство юной леди. Я хочу знать, почему ты вообще решила, будто мне нужен доносчик против моих господ?

— Ты не любишь Гайвена. Это даже дурак поймет.

— Не люблю. Но он мой король. Королей не нужно любить, им достаточно подчиняться. Я обязан ему должностью лорда-командующего, а за такое обычно платят верностью. И разве я в ссоре с Артуром?

— Ты с ним может и нет, а вот он с тобой — да. Артур гордец. Он так просто не забудет, что тебе отдали его место.

На эти слова граф Рейсворт ничего не ответил, лишь отхлебнул еще бренди. Какое-то время он молча разделявал поросенка, даже не пытаясь поддержать застольной беседы. Лейвис, против своего обыкновения, тоже молчал — видимо, не желал обращать на себя лишнего внимания при отце, и без того обращавшимся с ним строго. Айне сделалось совсем неуютно — даже вечера в компании Гайвена были не столь неудобными, как это застолье. Девушка, однако, постаралась ничем не выдать своих чувств. Она приступила к еде, временами поглядывая на родственников.

Наконец граф Рейсворт сказал:

— О твоей ссоре с братом сплетничает весь двор. Назови мне ее причины.

— В придворных сплетнях, значит, эти причины не упомянуты?

— В придворных сплетнях упомянуты не те причины, которым разумный человек станет верить. Например, — граф остановил на Айне внимательный взгляд, — рассказывают, будто ты надеялась на брак с Гледериком Карданом и на титул королевы, и убив узурпатора, Артур разрушил твои честолюбивые планы. Как дочь Драконьих Владык, ты была бы идеальной партией для Гледерика, и союз с тобой позволил бы ему добиться верности иберленской знати.

— Ничего глупее придумать не смогли? Я и Кардан? Кому вообще пришла в голову такая нелепица?

— Многим. Едва приехав во дворец, ты накричала на брата при солдатах и слугах — для подобной злости не могла не иметься причина. Затем оказалось, что Ретвальд не выказывает тебе никакого внимания и даже не проводит с тобой времени, хотя прежде о вашей грядущей помолвке не судачил только ленивый. Значит, решили люди, он холоден к тебе, и ты поняла, что тебе не видать отныне трона и что твой брат собственным мечом убил человека, который мог стать тебе куда лучшим женихом, нежели Гайвен. Я, впрочем, не верю подобному домыслу. Мы от природы горды — но не мелочны. Ты не стала бы вести себя так, будь дело только в личной обиде. Не так тебя воспитывал твой отец. Потрудись, пожалуйста, сообщить мне подлинную причину вашей размолвки. Я имею право ее знать, хотя бы как старший в семье.

«Старший по возрасту, не по титулу», хотела ответить Айна, но вовремя прикусила язык. Заданный дядей вопрос, однако, требовал ответа, а девушка так и не знала, что ей отвечать. Разумеется, у нее нашлось немало причин для ссоры с Артуром. Артур и прежде часто бывал зол и неучтив, Артур всячески третировал ее, наверно, весь последний год. Любому терпению, даже ангельскому, тут неизбежно настал бы конец. Артур дерзил ее наставникам, дерзил отцу, задирали Гайвена. Все это можно было списать на детские шалости — но не когда началась война и эти шалости стали оборачиваться кровью. Айну напугало, с какой легкостью ее брат убил и графа Гальса, прежде бывшего ему другом, и королевского глашатая в одной деревне под названием Эффин, повинного лишь в том, что привез новости о новом монархе. Айна спрашивала брата, зачем льется вся эта кровь — а тот отвечал ей, что все это делается им ради дома Ретвальдов и верности этому дому.

Ради верности дому Ретвальдов собственный отец незадолго перед тем оставил Айну в

заложниках в темнице герцога Эрдера — и если бы не Александр Гальс, в той темнице Айна бы и сгинула. Она смотрела на Гайвена — и не знала, стоит ли он такой верности. Гледерика Кардана она никогда не встречала — но его знал Александр, и Александр за него умер.

— Мы просто поссорились, — сказала Айна наконец. — Так иногда бывает. Такие уж настали времена, дядя, что без ссор порой не обойтись.

— Откровенничать ты со мной не станешь, это я уже понял. Что ж, тогда я первым начну откровенничать с тобой. Такой жест ты, надеюсь, оценишь? — Граф покосился в сторону напряженно следившего за разговором сына, отставил рюмку на край стола и наконец сказал: — Ты мне нужна, Айна, потому что сейчас и правда такие времена, что не обойтись без ссор. Я задумал ссору с нашим государем. Я хочу верить, ты меня в этом поддержишь.

Здесь Айне пришлось приложить немалое усилие, чтоб отреагировать спокойно. Помогла ей память об отце. Лорд Раймонд, когда слышал внезапное известие, к которому не был готов, всегда сохранял невозмутимость. Постаралась ее сохранить и Айна — хотя и не была уверена, хорошо ли это у нее получилось. Девушка медленно поднесла к губам бокал, сделала глоток, неотрывно глядя на Рейсворта.

— Вы сами заметили, дядя, — собственный голос показался Айне чужим, — что за звание лорда-констебля полагается платить верностью. Какие после этого могут быть ссоры?

— Ты правильно сказала, я — лорд-констебль Иберлена. Я брат твоего отца. Я не всегда одобрял те глупости, что он делал, но я старался помочь ему в его делах. Я Айтверн. Наша семья тысячу лет хранила это королевство. И что ж я, буду теперь смотреть, как это королевство движется к краху? Ретвальд несносный мальчишка. За три месяца он уже настроил против себя знать. Только они видели короля, за которым готовы были идти в бой — и вот, этот король убит, а на его место приходит юнец, глядящий на них, словно на грязь, и готовый ограничивать их права. Зачем, спрашивают они, нести ярмо побежденных, когда можно попробовать рискнуть снова и одержать победу? Гледерик говорил на понятном им языке. Он был воином и храбрецом, он бился впереди строя, когда солдаты ворвались во дворец. Гайвен убил герцога Эрдера при помощи чар, и кто знает, против кого в следующий раз он эти чары применит? Лорды напуганы. Они считают, Гайвен призвал их в Тимлейн, чтоб уничтожить всех сразу магией, если они не будут ему верны. Им хочется нанести первый удар. И я понимаю их в этом. Когда я приехал на войну, я спросил Артура — кто этот щенок, ради чего мы деремся за семя недоноска Брайана? Он не семя Брайана, ответил твой брат, он семя короля Бердарета. Бердарет-Колдун, — граф Рейсворт чуть подался вперед, и теперь было видно, что он взбешен, — был меньшей из двух зол, из которых нашим предком пришлось выбирать, когда страна полыхала в огне. В смутные времена мы вынуждены оказались служить чужаку, но зачем служить чужакам теперь?

— Прекрасные слова, дядя. Уверена, герцог Эрдер говорил отцу нечто подобное, когда подбивал его на бунт. Объясните теперь, для чего вы говорите это мне.

— Объясню. Только и ты, Айна, объясни мне. Если Ретвальд не наследник иберленского трона, кто тогда наследник?

Здесь девушке пришлось вспомнить уроки, преподанные ей мэтром Гренхерном.

— Ближайшими родственниками и наследниками Карданов были герцоги Райгерн, однако их ветвь пресеклась за тридцать лет до вторжения в Иберлен тарагонцев. После этого

преимущество переходила дому Айтвернов, ввиду большого количества родственных браков между нашей семьей и королевской ветвью. Когда пал король Эларт, многие предлагали отдать корону Радлеру Айтверну, но он отказался ее принимать и добился объявления регентом своего ближайшего друга, Камбера Эрдера. Таким образом получается, Серебряный Престол принадлежит Артуру, если полагать права Ретвальдов ничтожными. Странно тогда, лорд Роальд, что вы ведете свои изменнические речи со мной, а не с моим братом.

— Твой брат меня бы слушать не стал. С ним говорил и Гледерик до меня, и полагаю, говорил убедительнее. Он предпочел Ретвальда, и доказал это железом и кровью. Ты — другое дело. Я знаю, что вы в ссоре, и догадываюсь, почему. Мы смотрим на вещи одинаковым образом. Почему бы, в таком случае, нам не действовать сообща?

«Одинаковым образом». Здесь Айна не могла отрицать, что граф Рейсворт был прав. Много из того, что он говорил ей сейчас, казалось ей отражением собственных мыслей. Точно также и она сама подбивала брата к мятежу против Ретвальда, используя пусть другие, но сходные по смыслу доводы. Тем не менее, ее пугала мысль принимать подобное предложения из уст человека, бывшего частью ее семьи лишь по крови, но не по сути.

— Вы все еще не сказали прямо, граф, для чего вам я, — Айна посмотрела на Лейвиса. — Может ты, кузен, объяснишь прямо, какими намеками пользуется твой отец? Ты хотя бы не любишь уверток.

— Я б объяснил, да папа мне молчать велел. Я и так едва допросился права посидеть подле вас.

— Потому что рано тебе говорить о подобных вещах, — сказал Роальд тяжело. — Я скажу сам, Айна. Мы на войне, а на войне нужно драться. Твой брат против нас, и я думаю, драться он с нами будет. И я не поручусь, останется ли он в живых после этой драки. Я принадлежу к младшей линии крови, ты — к старшей. Если Артур окажется против нас, а он окажется, ты — прямой законный наследник дома Карданов и законная королева Иберлена. Людям, с которыми нам предстоит заключить союз, не хватает лидера. Знамени, которое объединит их всех. У них много вожаков — но ни одного такого, которому без сомнений подчинились бы все. За Драконьими Владыками армия бы пошла. Твой брат Драконий Владыка, но он запятнан славой невежды и пьяницы и шашнями с колдуном. Я — от крови Драконьих Владык, но для всех — я лишь тень, следовавшая за Раймондом Айтверном по пятам. А ты — дитя Раймонда и, я надеюсь, подлинный его наследник. Твоей руки будут добиваться все лорды Иберлена, тем самым желая вступить с нами в союз. Ты можешь предпочесть самого влиятельного — или никого, и пока ты будешь мучить их ожиданием, их соберется вокруг нашего знамени куда больше, чем могло бы быть, не окажись ты с нами.

Во всей произнесенной Роальдом Рейсвортом прочувствованной речи единственно важным для Аины оказалось лишь одно. «Твой брат против нас, и я не поручусь, останется ли он в живых после этой драки».

— Вы предлагаете мне предать Артура, дядя.

— Предлагаю. Я думаю, он уже сам предал тебя и всех нас, приведя на трон чудовище, которое скоро нас погубит. Уверен, ты пыталась его вразумить, потому и оказалась в немилости. Я не говорю, что желаю ему смерти. Не прими он нашу сторону, а он ее не примет, после победы я бы настаивал на его изгнании. Не в моих правилах проливать родную кровь. Когда мы свергнем Гайвена, Артур будет уже не опасен — сторонников у него немного, верных людей нет. Мы отправим его за границу, и больше и не вспомним о

нем. Я знаю, он всегда мечтал о героизмах на ратном поле — на востоке и юге сейчас есть много королевств, где его меч пригодится.

— Если только он не сложит голову в бою с вами, как отец.

— Это война, я уже сказал. Всякое возможно. И я тебе скажу, война неизбежна. Лорды все равно восстанут, они уже готовы к этому — со мной или без меня. Но если я буду с ними, я хотя бы смогу направить их гнев. Иначе они все равно одержат верх, и тогда Артуру точно не жить. Весь наш дом будет уничтожен, а страна утонет в крови. Заговор уже составлен, не я задумал его. Однако мы, ты и я, можем сделать так, чтоб этот заговор привел к победе нашей семьи, а не к ее поражению. Иначе победители убьют и меня, и моего сына, и Артура, а тебя выдадут замуж против воли за одного из своих главарей. Так я могу хотя бы управлять мятежом, и диктовать им свою волю. Согласись, я поступаю разумно.

Лорд Рейсворт и впрямь говорил разумно — и все же было в этом всем нечто, что не давало Айне принять разумность этих речей. Для нее самой всегда была важнее семья — не королевство. Тогда, в Стеренхорде, она предлагала Артуру выступить против Гайвена Ретвальда, когда тот еще был беспомощен и слаб — однако одно дело уговаривать брата изменить сторону, и другое — пытаться нанести брату удар в спину, может быть смертельный. Дядя говорил о том, что постарается сохранить Артуру жизнь в ходе восстания и после него — но и последний глупец бы понял цену таким обещаниям.

По-хорошему, Айне следовало сейчас вежливо закончить разговор, отговориться чем-нибудь любезным, подняться и откланяться. А затем ехать во дворец, и рассказать брату и Гайвену все, что слышала. С другой стороны, что она скажет? Лорд Рейсворт присоединился к каким-то лордам, замыслившим мятеж? К каким? К Гальсу, Эрдеру и Коллинсу, что ли? А еще к кому? В Тимлейне собрались сейчас десятки владетельных пэров, любой из них может оказаться в числе предателей, если оказался таковым даже кузен Раймонда. Гайвен может начать рубить головы одним лордам, и возможно даже невиновным — и виноватые в это время нанесут ему удар в спину. Айне нечего было сказать королю, кроме того, что командующий его войском замыслил выступить против него, сговорившись с еще половиной государства, только непонятно, какой именно половиной.

— Я понимаю, о чем ты думаешь, — сказал Рейсворт мягко. — И я ценю, что ты не говоришь этого вслух. Ты действительно умнее своего брата, а значит, я не ошибся в тебе. Ты хочешь донести на нас, но ты не сможешь этого сделать. Разумеется, из этих стен ты выберешься беспрепятственно, я не так глуп, чтоб подвергать тебя риску здесь. Но рядом с Ретвальдом всюду мои люди. Среди солдат и слуг — вы не узнаете, кто, а своих соглядатаев у Гайвена пока нет. Отравленная игла в толпе — и ты упадешь на дворцовый паркет прежде, чем успеешь сказать хотя бы единое слово о моем предательстве, а я сообщу королю, что тебя убили уцелевшие сторонники Кардана и я никак не успел помешать им. Ретвальд мне верит. Он знает, что я недолголюбиваю его — и моя прямо выраженная, не скрытая за учтивой ложью нелюбовь является для него доказательством моей верности. Ты никак не сможешь настроить Гайвена против меня.

Айна понимала, что Рейсворт запугивает ее. Он, наверно, как и все видит в ней всего лишь наивную девчонку, которую легко сломить угрозами и страхом смерти. Она сомневалась, что его убийцы так уж искусны и вездесущи — однако даже будь это так, Айна понимала, что Рейсворт лишь пытается загнать ее в угол, уверив в том, что союз с ним — единственный для нее выход.

Айна не считала Гайвена достойным королем, в этом Рейсворт был прав. И она была зла

на Артура, об этом в Тимлейне были осведомлены уже, наверно, все. В чем Рейсворт ошибался — так это в своей уверенности, что ее злости на Артура хватило бы, чтобы обречь его на поражение и смерть.

— Я был против этого всего, — внезапно нарушил молчание Лейвис. — Я любил лорда Раймонда, ты знаешь. Когда отец сказал, что мы объединимся с его врагами — я кричал и грозился его выдать. Ты сейчас молчишь, но думаешь, наверно, тоже самое, что я тогда кричал. Отец мне все объяснил, сестра. Они правда не остановятся. Они эту войну начали, они ее закончат. Мы одни. Ретвальд с каждым днем теряет сторонников. Если они победят, дом Айтвернов будет ими уничтожен, а мы тоже Айтверны, хоть не по титулу. Когда Ретвальда не станет, править будем мы. Тогда мы покажем этим псам их место, и все им припомним. Но пока мы не можем.

«Но пока мы не можем». Все последние месяцы Айне тоже казалось, что она бессильна изменить что-либо в том безумии, что опустилось сейчас на королевство могильным саваном и готово было взорваться фонтанами огня и крови. Сейчас, по крайней мере, у нее появлялся шанс сделать хотя бы что-то, вырваться из добровольной ссылки родовой обители и начать действовать. Согласившись на предложения Роальда Рейсворта, она сможет приблизиться к мятежникам вплотную — сможет изучить их намерения, а потом уже решит, как поступать дальше. Это разумней и осмотрительней, чем бежать к Гайвену с непонятными доносами, когда ей еще нечего сказать по сути. Айна понимала, что еще успеет предупредить короля и брата — но сперва следовало понять, против чего конкретно потребуется их предупредить. Знать досконально все имена и планы. Заговор составили ночные тени — и сперва надо посмотреть этим теням в лицо. Легко обвинить в измене наследников Эрдера и Гальса, а что, если они невиновны, а виновны зато Алистер Тарвел или тан Брэдли, бывшие союзниками Гайвена на этой войне? После предательства Рейсвортов ожидать можно уже всего и в любом прежнем стороннике видеть врага. Возможно, Роальд лишь запутывает ее, намекая на прежних союзников Гледерика, как на очевидную мишень — а на самом деле заговор куда шире. Да и знать имена изменников — не означает понимать их намерения. Кто знает, где и когда они решат нанести свой удар? У Гайвена в самом деле нет ни единого соглядатая — а так будет хотя бы один.

Хотя Рейсворт и льстит ее уму, вряд ли он на самом деле принимает ее всерьез. Лорд Роальд, наверно, считает, что легко сможет манипулировать дочкой своего кузена, раз уж не смог управлять сыном. На этом можно играть. Пусть решат, что сумели ее купить.

Айна Айтверн допила вино — а потом с размаху разбила бокал об пол, как поступали варварские вожди древности, принимая решение идти на войну. Ни Роальд, ни Лейвис Рейсворты не шелохнулись при этом. Они молчали, ожидая ее слов.

— Я не верю вам, мои родственники, и мы не друзья, — сказала Айна, помня о том, что когда хочешь обмануть — следует говорить правду. — Но и действовать наобум я не стану. Не потому, что я боюсь стилетов ваших убийц, не в обычаях нашего рода испытывать страх. Быть королевой я не хочу — но и быть узницей, помещенной под домашним арест собственным братом, я не желаю вовсе. Вы начали со мной говорить — что ж, продолжайте.

3 сентября 4948 года

Гайвен все никак не появлялся — не иначе запропастился по каким-то своим делам. Сейчас это было Артуру скорее на руку — едва ли сюзерен одобрил бы его поединок с иностранным офицером. Отдав дворцовому управляющему все распоряжения насчет гостей, молодой Айтверн заверил Эдварда Фэринтайна, что готов к бою.

— Я же сказал, займемся этим после обеда и раньше ужина, — нахмурился Фэринтайн недовольно.

— А я, сударь, нетерпелив, так что показывайте меня своему капитану, и побыстрее. Уж не знаю, за что он на меня взъелся. За кого, точнее.

Королева Кэран тронула супруга за локоть:

— Молодой человек волнуется, — сказала она мягко. — Ты излишне ошарашил его своим напором. Не стоит вести себя так нахально, мы все же не дома. — Она развернулась к Артуру и продолжила все тем же увещающим тоном. — Простите нам поведение моего супруга. Корона портит манеры. Эдвард привык быть королем, и отвык быть гостем. Помнится, расхаживая в принцах он таким наглым не был, — эринландка задумчиво улыбнулась, будто припоминая нечто. — Пойдемте, герцог, капитан Кэбри уже ждет вас. Я попросила его не присутствовать в приемной перед вашим появлением.

— Вы очень любезны, ваше величество, — Артур поклонился. — Что все-таки с этим вашим капитаном не так? Я не припоминая, чтоб убивал эринландцев. Ни единого не убивал, как мне кажется.

— Я думаю, герцог, капитан скажет вам все сам. Прошу лишь проявить уважение к нему. Граф Кэбри много лет верой и правдой служит нашей семье, и заслужил вашего снисхождения. Не будьте с ним строги.

— Кэран подразумевает следующее, — вмешался в разговор Эдвард. — Мой капитан на вас сердит и хочет дуэли. Дайте ему эту дуэль, раз он так этого хочет. Если вы сын своего отца, Гленану вас все равно не одолеть. Разоружите моего человека. Можете поцарапать ему руку, чтоб он не чувствовал себя уязвленным — только, желательно, левую. Скажем, зацепите локоть. Не мне вас учить. Оружие у вас при себе, я смотрю?

Артур молча выдвинул меч из ножен, до середины лезвия.

— Хорошо. Этим вы мечом убили Гледерика Кардана?

— Я убил Гледерика Кардана мечом, который носит мой друг и лейтенант, сэр Блейр Джайлс, — ответил Артур ровно. — После чего вернул этот меч моему другу. Это так важно, от какого меча кто был убит?

— Абсолютно не важно. Пойдемте.

— Ну пойдемте. Блейр, оставайся здесь, присмотри, что тут да как.

— Секундант, значит, вам не потребуется? — спросил Джайлс хмуро. Вся эта затея явно не пришлась ему по душе.

— Секундант? Нет, зачем? У меня целый эринландский король в секундантах — этого, я думаю, вполне хватит.

В боковой галерее, куда привели Артура Эдвард и Кэран Фэринтайны, их ожидали двое.

Молодой мужчина, носивший короткую черную бородку и усы, и статная черноволосая женщина, худощавая и прямая. Родственниками они, судя по виду, не были. Мужчина чертами лица смахивал на Эдварда — он вполне мог приходиться ему отдаленным кузеном или кем-то вроде того, хотя и был на пол-головы ниже ростом. Казался он крепко сбитым и сильным. Стоявшей рядом с ним женщине было, кажется лишь немногим меньше тридцати зим, но белая кожа ее лица оставалась почти по-девичьи гладкой. Гордая же осанка незнакомки и ястребиный, хищный ее профиль невольно приковывали к себе взгляд.

При виде Артура женщина громко сказала:

— Это и есть ваш драконий герцог, убивающий королей? Совсем еще мальчишка. Но на вид ничего, хотя малость недокормлен. Он почти столь же смазлив, как и ты, Эдвард.

Артур приподнял брови:

— Кажется, я начинаю разбираться в эринландском этикете — вернее, в его отсутствии. Я в самом деле герцог Айтверн, это верно. А вы, сударыня, как величать вас? Как-то неправильно выходит — вы узнаете меня в лицо, а я вас признать не могу.

— Кэмерон Грейдан, — ответила женщина сухо. — Титулы можно опустить.

Кэмерон Грейдан. Это имя было Артуру знакомо — да что там, лет семь назад оно было в Тимлейне у всех на слуху. Сын лорда Раймонда был тогда еще и в самом деле мальчишкой, грезившим подвигами и дальними странами, и история леди Кэмерон весьма впечатлила его воображение. Урожденная девица Белл, шестнадцати лет от роду она была выдана замуж за принца Хендрика из дома Грейданов, ставшего позже королем Эринланда. Импульсивный и воинственный, Хендрик был одержим идеей разгромить гарландцев, с которыми его королевство враждовало уже больше столетия. На поле боя Хендрик и пал, сражаясь при этом, как говорили впоследствии, весьма доблестно. В двадцать один год Кэмерон стала вдовой — в тот самый момент, когда доставшееся ей государство оказалось на краю гибели. Армия короля Клиффа осадила Таэрверн, эринландскую столицу, и готовилась взять штурмом. Город не пал во многом благодаря отваге и мужеству королевы. Кэмерон лично возглавила защитников своей столицы — облачившись в доспехи, вооружившись мечом, она вышла на городские стены и повела солдат отражать вражий приступ. С того дня о ней даже сложили несколько баллад. Кэмерон сражалась лучше многих титулованных рыцарей, не раз и не два обагряла свой клинок неприятельской кровью, и пример королевы вдохновил народ объединиться в обороне столицы. Лишь благодаря этому Таэрверн смог продержаться невзятым до подхода с дальних рубежей Эринланда союзных сил, разгромивших и отогнавших противника. Война закончилась прочным миром, а Кэмерон уступила трон Эдварду Фэринтайну, двоюродному брату своего покойного супруга, бок о бок с которым она до того сражалась. Перестав быть правящей королевой, вдова Хендрика Грейдана сделалась, однако, живой легендой, известной всем Срединным Землям от Малериона на западе и до Светограда на востоке.

А теперь эта живая легенда стояла напротив герцога Западных Берегов и говорила ему, что он, видите ли, недокормлен и порядком смазлив.

— Рад знакомству, — сказал Артур тоже сухо. — А этот достойный сэр рядом с вами? Это ради встречи с ним меня сюда привели?

Чернобородый мужчина выступил вперед:

— Гленан, из дома Кэбри. Да, встретиться вы должны именно со мной, герцог Айтверн. Доставайте оружие, и начнем.

— Не раньше, прежде чем вы объясните, почему мы деремся. Просто так обнажать

клинок против гостей моего государя я не стану.

— Бойтесь драки, Айтверн? — капитан Кэбри сощурился.

— Если бы боялся, не убил бы так много людей за эту весну. Я пришел сюда, потому что мне сказали, от моей руки пал кто-то из ваших друзей. Вот я стою и думаю, кто это мог быть. Я убивал врагов моего короля — но все они были иберленцами, ни одного уроженца ваших краев. Поэтому оружие против вас я обнажу не раньше, чем вы мне ответите, зачем добиваетесь боя.

— Этой весной, — сказала Кэран, глядя на Артура почти с сочувствием, — вы убили одного человека, который уроженцем этих краев не был, а явился в Иберлен издалека.

— Вот как, — Артур вновь перевел взгляд на Гленана Кэбри, чья ладонь лежала на эфесе длинного меча. — Всех убитых мной я помню хорошо, и человек такой среди них был лишь один. Получается, другом вам приходился наш покойный узурпатор трона?

Гленан не ответил — лишь крепче сжал рукоятку меча. Вместо него вновь вмешалась Кэран:

— Все верно, герцог. Мы знали Гледерика — почти восемь лет назад, и Гленан дружил с ним. Гледерик был тогда очень молод, даже моложе, чем вы сейчас. Приехал в Таэрверн с юга — в поисках своего пути, как он это называл. Одно время тот, кого вы зовете узурпатором, состоял на службе у моего супруга и выполнил для него одну деликатную миссию.

— И хорошо выполнил, — подтвердил Эдвард. — Я даже посвятил юнца в благородные сэры, своею собственной рукой. — Король усмехнулся. — Он так пристал ко мне, все канючил, что желает оказаться рыцарем. Помню этого оборванца как сейчас. Ни кола, ни двора, но гонору до небес. Когда впервые сказал о своем происхождении — я думал, он шутит или рехнулся. Но Дэрри, так мы его звали, все твердил об этом, как заведенный, а потом оседлал коня и умчался в закат — не иначе, искать свой потерянный трон. Теперь вот нашел. Мы все слышали, как это получилось.

Артур посмотрел на спокойное лицо Эдварда. Потом на королеву Кэран, потом на королеву Кэмерон — обе королевы Эринланда внимательно наблюдали за ним, будто пытались что-то в его сердце прочесть. В памяти встала ночь на границе весны и лета, уже почти больше трех месяцев назад. Не по погоде жарко растопленный камин, клубившаяся в углах зала темнота, ясные звезды в окне. Сидящий у камина человек, насмешливый голос и внимательный взгляд. «Идем со мной — и ты построишь мир, которому сам захочешь служить».

— Каким он был? — спросил Артур тихо.

— Таким же, как и все мальчишки, — ответил Эдвард. — Дерзким. И глупым. Гордым до невозможности. Непочтительным и несносным. Вцепившимся всеми пальцами в мечту о троне в стране, которую даже никогда не видел. Я его терпеть не мог, говоря по правде. Однако когда мне была нужна помощь — он эту помощь предоставил, хотя четырежды мог сбежать. Вместе с Гленаном они отправились на восток, а вернулись с армией, которая отогнала Клиффа от моих ворот — в час, когда мы с Кэмерон уже почитали себя мертвецами. Сделал он также кое-что еще — и благодаря этому у меня есть моя королева Кэран, а я есть у нее. Я не любил Гледерика Кардана. Но вспоминаю его с благодарностью.

— Простите, — сказал Артур. Он не нашелся, что еще сказать.

— Не извиняйтесь, герцог. Не о чем тут извиняться. Междоусобная война — худшая из всех войн, а вы свою прошли с честью, насколько я знаю. Мне вас винить не за что.

Артур развернулся лицом к Гленану Кэбри. Медленно достал меч из ножен, опустил клинок острием к полу.

— Граф Кэбри. Суть вашей претензии теперь мне понятна. Лорд Фэринтайн правильно сказал, извиняться мне не за что. Я сразил вашего товарища, но сразил на войне, которую вел ради чести моего государя. Вы, однако, вправе спросить меня за это — так спрашивайте. Ваш вызов я принимаю.

Маска сдержанности, сковавшая лицо эринландского капитана, на мгновение чуть дрогнула. Он коротко поклонился.

— Благодарю вас, сударь. Я рад, что, по крайней мере, Дэрри встретил смерть от меча человека благородного. С его нравом могло выйти и хуже. Но спросить с вас я все равно должен — иначе был бы ему плохим другом. А потому защищайтесь! — и с этими словами Кэбри сделал шаг вперед, вскинув меч и нанося выпад.

Артур едва успел вскинуть свое оружие, чтобы закрыться. Отступил на два шага от врага, пятясь. Фэринтайны и вдовствующая королева Кэмерон разошлись по дальним углам залы, давая дуэлянтам пространство для маневра.

— Я, — сказал Артур, переводя дух, — два месяца уже не тренировался с мечом. За государственными советами и чтением бумаг сложно было найти подходящее время.

— Таким манером вы пытаетесь меня разжалобить?

— Таким манером я говорю вам спасибо, — Айтверн сделал шаг с левой ноги и нанес колющий выпад эринландцу в бедро. Тот отскочил в сторону, отходя от удара. Гленан оказался быстрым и ловким противником — куда более быстрым и ловким, чем можно было предположить, глядя на его крепкую, почти кряжистую фигуру.

Артур попробовал перейти в наступление — и наткнулся на мгновенную, жесткую оборону. Капитан Кэбри фехтовал уверенно, было видно, что он опытный боец. Себя Артур таковым назвать пока не мог. Конечно, молодой Айтверн учился бою на мечах у хороших инструкторов, дома и в Стеренхорде, но многих навыков ему пока не хватало. Александра Гальса он победил благодаря хитрости, Гледерика — благодаря удаче, а от руки Джейкоба Эрдера сложил бы голову, не вмешайся в дело Гайвен. Вот и сейчас Артур понял, что соперник ему достался нешуточный.

Гленан быстро перешел в контратаку. Едва отбив несколько выпадов, Айтверн вновь начал отступать. Эринландец дрался хорошо, и пока Артур даже не представлял, как можно его поддеть. Видя замешательство юноши, капитан Кэбри усилил свой напор. Чередую колющие выпады с неожиданными, хлесткими ударами наотмашь эринландец начал теснить Артура к стене. Айтверн бешено работал мечом, сожалея, что не взял с собой на этот раз никакого кинжала. Левую руку юноша держал за спиной, и она была пуста.

Гленан присел, делая быстрый выпад в живот, и Айтверн едва успел этот выпад отбить. Атаки такого рода шли в разрез с иберленским дуэльным кодексом — но либо на востоке правила были иные, либо капитану Кэбри на них было просто плевать. Впрочем, за это Артур осудить его не мог. Он и сам в бою редко придерживался правил.

Фэринтайны и Кэмерон наблюдали за поединком молча, не делая попыток вмешаться. Артур кожей чувствовал на себе их оценивающие взгляды. «Забавно, — подумалось юноше, — это ведь только я дерусь, чтоб разоружить капитана. Он, вполне возможно, дерется, чтоб меня прирезать».

Артур сам не смог отследить, когда все изменилось. Только что он сосредоточенно вел поединок. Берег дыхание, держал дистанцию, применял все умения и силы, чтоб не

пропустить способный оказаться смертельным удар. Юноша был напряжен до предела, весь будто превратился в один звенящий нерв — и вдруг в его сосредоточении пропал всякий смысл. Мир сделался ясен и прост, как никогда прежде.

Впрочем, однажды так уже было. На Горелых Холмах, когда нужно было спасти Гайвена прежде, чем меч Джейкоба Эрдера его поразит. Тогда молодому Айтверну неким образом удалось стать быстрее, чем само время.

Магия, что спала в его крови, уже просыпалась однажды — и теперь пробудилась вновь.

Цвета стали яркими, а линии — четкими. Зрение обострилось до невозможных прежде пределов. Артуру казалось, он видит каждую преждевременную морщину на лице своего противника. Каждую пылинку, летящую между ним и Гленаном Кэбри. Каждый прихотливый оттенок бьющего из стрельчатых окон солнечного света.

Артур сделал шаг вперед, слыша при этом неровное дыхание Кэран и спокойное Эдварда, слыша заинтересованный вздох Кэмерон, слыша отдаленный звук чьих-то шагов в коридоре. Гленан изворачивал кисть, чтоб нанести новый, режущий, наискось удар — и Артур теперь мог уловить мельчайшую деталь движения своего противника.

Вражеский выпад он отбил без труда — а потом столь же легко выбил меч у графа Кэбри из рук. Вбросил свой клинок в ножны, с разворота ударил эринландского капитана один раз по лицу и дважды — в живот. Сбил с ног, поставил сапог поверженному противнику на грудь.

— Мстить за погибших друзей — дело, безусловно, достойное, — сказал Артур, глядя сверху вниз в побелевшее лицо капитана. — Только будьте в следующий раз аккуратней, граф, назначая кому-то дуэль. Я вас убивать не стану, а другой на моем месте — смог бы. Не деритесь из гонора.

Артур сам не заметил, как Эдвард Фэринтайн оказался столь быстр — но вот эринландский король уже стоял рядом с ним, направив острие обнаженного клинка Айтверну в горло. Юноша растерянно выдохнул. В ушах бешено шумела кровь, а обостренное восприятие вещей, внезапно до того явившееся, вновь ушло без остатка.

— Убери свою ногу с моего офицера, я тебя прошу, — сказал Эдвард Фэринтайн мягко. — Если не хочешь, чтоб я затолкал твои красивые жесты тебе в плотку, — король улыбнулся.

Больше Фэринтайн не сделал ни единого движения — но Артур вдруг ощутил мощный толчок в грудь, будто его ударили невидимым бревном. Молодой Айтверн отлетел назад на несколько шагов, голову раскололо болью. Эдвард Фэринтайн спрятал клинок в ножны и протянул руку, помогая графу Кэбри подняться.

— Я объявляю поединок законченным, — сообщил король Эринланда.

— Что это было? — Артур потряс головой. Та порядком кружилась.

— Не вы одни, герцог Айтверн, умеете пользоваться силой своих предков, — сказала Кэран, подходя к нему. — Бывало с вами подобное прежде?

— Что именно? — Артур сделал вид, что не понимает, о чем речь.

— Не притворяйтесь. Вы понимаете. Гленан почти одолел вас — и тогда вы использовали дар. Я допускала, что вы так поступите, потому и позволила эту глупую дуэль. Мне хотелось посмотреть. Вы работали с временем — не внешним, своим внутренним, и немного с пространством. Прежде такое уже случалось?

— Такое бывало в бою один раз, — сказал Артур осторожно. — Но бывало не только это.

— На такие темы я и хотела побеседовать с вашим сюзереном. Мы с Эдвардом хотели. Вы отдаете себе отчет, что вы — чародей, как и ваш король?

— Я отдаю себе отчет, — Артур смотрел на Кэран в упор, — что слухи не лгут, и вы с вашим мужем — тоже.

— Слухи? Клифф уже успел с вами поговорить?

— Немного. Он красноречив и словоохотлив. Я видел пятерых королей, считая Гледерика и покойного Брайана, и этот понравился мне больше других.

— Вот так из застольных разговоров, — покачал головой Эдвард, — рождаются политические альянсы, что живут потом века. Стилль правления нашей эпохи давно кажется мне немного варварским, молодой человек. Но не будем разводить демагогию попусту. Найдите мне вашего короля, и мы обсудим все это без лишней спешки, а я даже проглочу ваш намек, что вы им недовольны. Мы ехали сюда не ради коронации Гайвена Ретвальда. Вернее, не только ради нее. Мы решили приехать сюда, узнав, что мы больше не одни.

Двери за спиной Артура отворились.

— Я слышал достаточно, — сказал Гайвен Ретвальд, входя в зал.

Артур обернулся — король Иберлена, в белом камзоле и черном плаще, стоял на пороге. За его спиной маячил Блейр Джайлс, напряженно осматривающий собравшихся в зале. Гайвен переступил порог и, демонстративно игнорируя Артура, подошел к Фэринтайнам.

— Лорд Эдвард и леди Кэран, — тон Короля-Чародея оказался поистине ледяным, — после этого дня мне придется опубликовать указ о запрете поединков в этом городе. Я ценю ваш исследовательский интерес, но вы могли задать прямой вопрос, а не подвергать риску жизнь моего первого министра.

— Лорд Гайвен, — если невозмутимость Эдварда Фэринтайна и можно было поколебать, то не подобным образом, — мой офицер, — Гленан как раз подобрал оружие и хмуро глядел на Ретвальда, — был вправе уладить дело чести. Я не счел нужным препятствовать.

— Вы первый день в моем замке, Фэринтайн, но ведете себя здесь так, будто он ваш. Не делайте так больше.

— Мой муж, — выступила вперед Кэран, — понимает ваше предостережение, милорд. Простите нас. Мы поступили опрометчиво.

— Это я вижу. Я пришлю сюда слуг, они покажут вам ваши покои. Надеюсь, вы не опоздаете к ужину. Что касается аудиенции, о которой вы просили — завтра я выберу, на какой день наступающей недели ее назначить. Сэр Блейр, пойдемте, вы мне понадобятся, — Гайвен развернулся на каблуках, все также не смотря в сторону Артура, и направился к выходу.

— Лорд Гайвен, — теперь спокойный голос Кэран стал настойчивым, — разговор, ради которого мы приехали сюда — действительно важен.

Король Иберлена остановился, не поворачивая головы. Постоял так с пол-минуты, будто о чем-то размышляя. Затем сказал:

— Госпожа Кэйвен, я правлю королевством, которое готово обрушиться в Бездну. Вот это — действительно важно для меня. Каждый день моего внимания просят люди, желающие поговорить со мной о делах армии, торговли или политики. Моего внимания ждут лорды, магистраты и купцы, я решаю дела городов, аристократов и крестьян. И не решай я их — это государство уже к середине лета сгорело бы дотла. Я верю, что дело, с которым вы сюда приехали — имеет значение. Как имеет значение и сотня других дел. Я

пришло человека, когда буду готов вас выслушать, — сопровождаемый Блейром, Гайвен скрылся, и двухстворчатые двери захлопнулись за ним.

— Последний раз меня так отчитывал Хендрик, — пробормотал Фэринтайн недовольно.

— Мы в самом деле поступили неосмотрительно, — взяла его за ладонь Кэран. — Это его замок, и он ведет войну. Словами сейчас, не сталью — но суть для него не меняется. Нам важно не стать врагами на этой войне.

— Это я понимаю. Гленан, ты как? Хорошо тебя отделал этот юнец?

— Я в порядке, — проворчал капитан. — Свой долг я выполнил, остальное неважно.

— Твой долг едва не заставил нас сегодня же возвращаться домой. Так что не совершай больше подобных глупостей, дорогой наследник.

Пока эринландцы переговаривались, Артур тихонько отошел от них и сел на подоконник. Думать о произошедшем не хотелось — но все равно думалось. За последние месяцы молодой Айтверн старался не вспоминать о магии, а теперь она вспомнила о нем сама. Он не знал доподлинно точно, о чем иностранные гости вознамерились беседовать с Гайвеном, но видел, что тот к разговору не готов. Последнее время от Гайвена сложно было чего-то добиться и в разговорах о каких-то обычных, земных материях — что уж тут о магии говорить. Все больше у Айтверна складывалось впечатление, что его государь замыкается в себе, перестав доверять кому-либо. Еще весной наследник Ретвальдов таким не был. Артур запомнил Гайвена порывистым, немного даже горячим юношей — никак не этим ледяным правителем, в которого Ретвальд теперь с каждым днем обращался. Что-то случилось на Горелых Холмах, нечто большее, чем просто пробуждение древних сил — это что-то изменило Гайвена.

— Смакуешь победу? — спросила Кэмерон, присаживаясь рядом с Артуром.

— Тоже мне победа, — проворчал юноша. — По-хорошему, я бы проиграл, если б этот, как говорит ваша Кэран, колдовской дар мне не помог. Меня учили драться на мечях. Не чарам. В таких вещах я мало что понимаю. Вы хоть не волшебница, я надеюсь?

Вдовствующая королева Эринланда улыбнулась — неожиданно беспечно:

— Во мне нет ни грана волшебства. Кэран отдельно проверяла это. С тех пор, как Эдвард ее подобрал, она так и одержима мыслью найти еще одаренных. Эдварда она обучила всему, что знала сама — а потом он начал делать такие вещи, каких Кэран и сама прежде не видела. Гленаном они пытались заниматься сообща, он Эдварду троюродный брат — но толку вышло немного. Древней крови в нем слишком мало, сказала Кэран. Ну а со мной их корабль и вовсе сел на мель. Колдовать я не могу. А вот драться на мечях — вполне. Показать тебе пару приемов, которые здешним бойцам не знакомы?

— Мне не доводилось получать прежде таких предложений от дамы.

Королева легкомысленно ткнула его кулаком в плечо:

— И не такие получишь, если не станешь бузить. Гленан вовсе не так силен. Просто у нас своя школа боя, у вас своя. Он вашу знает, ты нашу — видимо, нет. Выучишь несколько фокусов — и будешь хорош.

— Я слышал, лорд Эдвард назвал графа Кэбри наследником. Разве у него нету наследников более близких? Я имею в виду, допустим, детей?

Кэмерон на секунду отвернулась. Потом сказала, глядя в пол:

— Пять лет я была замужем за Хендриком, и за все те годы не родила ему ни дочери, ни сына. Двор говорил, мое чрево порчено, и от Хендрика требовали дать мне развод. Он

уперся, сказал, что наследников у него два кузена, а меня он не бросит. Потом и Хендрик, и Гилмор, старший его кузен, погибли. Я отдала трон Эдварду, а тот нашел себе Кэран. Об этом в лицо им не болтай, если не хочешь, чтоб Эдвард правда свернул тебе шею, но за восемь лет ребенка у них тоже не получилось. Кэран говорит, дело не в нас, не во мне или в ней. Дело в Хендрике и Эдварде. Семя Фэринтайнов гаснет. Она не знает, почему. Будто сама их кровь ослабела. Эдвард не теряет надежды, но надежды этой мало. Он назначил наследником Гленана, у того сын и две дочки, а сам теперь просто не говорит об этом. И ты молчи.

— Я промолчу. Я не из болтливых, сударыня.

— Я заметила. Дерзок, но не болтлив. Я о тебе слышала.

— Я о вас тоже. Думаю, раньше, чем вы слышали обо мне.

— Пустые рассказы, — Кэмерон тряхнула волосами. — Выйти один раз на войну и выжить всякий дурак может. Молве только дай придумать героя. Не существует никаких героев, Артур Айтверн. Я просто делала, что могла, как и все.

Пока Артур и Кэмерон разговаривали, в зал явился посланный Гайвенем лакей, сообщивший, что готов отвести господ в назначенные тем покои, дабы они могли подготовиться к ужину. Выслушав его, Эдвард Фэринтайн подошел к юноше:

— Ну, господин первый министр, здесь мы с вами до вечера расстанемся. Мы с моей королевой примем ванную погорячее да облачимся в придворные платья. Вас же, я так понимаю, ждут неотложные государственные дела?

— Нет у меня никаких государственных дел, и можете по этому поводу не насмехаться, лорд Фэринтайн. Но чем занять себя до вечера, я так уж и быть найду.

— Я думаю, — сказала Кэмерон Грейдан, — вы покажете мне как следует этот дворец, со всеми его значимыми и незначимыми местами. Я, может быть, всю жизнь мечтала посмотреть изнутри на Тимлейнский замок. Еще покойный муж рассказывал, как его возводили лучшие зодчие континента. Вы же не откажете мне в любезности вместе прогуляться по подобному чуду света, лорд Айтверн?

Королева смотрела на него внимательно и испытующе, черные волосы разметались по плечам, на тонких губах играла легкая, чуть насмешливая улыбка. Айтверн встретил взгляд Кэмерон прямо. Юноша соскочил с подоконника, коротко поклонился, приложив руку к груди:

— Я не был бы джентльменом, ответь я на подобную просьбу отказом. Можете считать, сегодня я весь ваш, госпожа.

Кэмерон рассмеялась, протягивая ему руки:

— Я уже почти разобралась в иберленском этикете. В его избыточности, точнее сказать. Артур аккуратно принял ладони вдовствующей королевы в свои и помог ей встать.

* * *

Комнаты, куда слуга отвел Эдварда Фэринтайна и Кэран Кэйвен, могли считаться роскошными по любым, даже самым королевским меркам. Искусно вырезанная мебель и дорогие картины по стенам, фарфоровые статуэтки на полках и книги в изукрашенных драгоценными камнями переплетах, паркетный пол, выстланный дорогими коврами с востока. Декоры Тимлейнского дворца поражали своей роскошью, и Кэран каждый раз

приходилось напоминать себе, что ее родной Эринланд в глазах большей части Срединных Земель — необразованная, неинтересная, небогатая, почти варварская страна. В представлении расхаживающих здесь высокомерных аристократов эринландцы — нищие дикари, с каким бы достоинством они не держались. Еще в приемной Кэран ловила на себе придиричivéые, пренебрежительные взгляды разряженной в шелка и атлас местной знати. Таэрвернским дворянам было далеко до здешних скучающих франтов, а таэрвернский дворец по сравнению со здешним казался тусклым и серым.

— Интересно, — Эдвард швырнул дорожный плащ на обитое бархатом кресло, — апартаменты Клиффа недалеко от этих? Странно подумать, что теперь мы стали соседи. Нужно будет пригласить его вечером на бокал вина и посидеть по-дружески, раз выпала такая возможность.

— Это все, что занимает твои мысли сейчас, дорогой супруг? Ретвальд отказал нам в аудиенции.

— Не отказал, а перенес. Будет тебе дуться, Кэран. Мы правда составили не лучшее первое впечатление о себе — но что теперь локти кусать. Он нас примет, и никуда не денется. Мы, в конце концов, не захудалые помещики с каких-то лесных окраин. Ретвальду захотелось показать, что он тут хозяин. Задета его гордость, можно понять. День-два — и паренек образумится.

— Паренек... — Кэран сделала паузу, вспоминая, как выглядел и держался иберленский монарх. Прямая, негнушаяся осанка. Уверенные движения. Голос, почти лишенный эмоций. Глаза — как два осколка льда. Не так выглядят шестнадцатилетние юнцы и не так они себя ведут. — Я пыталась прощупать его, пока вы ругались — и не смогла. Он носит щит, Эдвард. У него не было наставника, и он только в мае впервые коснулся силы — но он носит щит. Как ты считаешь, где он научился этому?

Эдвард Фэринтайн подошел к столику, взял с него графин с водой и плеснул себе в кубок. Не спеша выпил.

— Всякое возможно, — сказал он. — Я тоже начинал колдовать без наставников — и кое-что смог. Айтверн тоже может. Грубовато, конечно, но учится сам. Возможно, юный лорд Гайвен прочел пару хороших книжек, что, может быть, все же хранятся здесь.

— Либо этому есть другое объяснение.

— Либо другое, — согласился Фэринтайн покладисто. — Всегда есть какое-то другое объяснение, сама знаешь. Нет смысла впадать в панику прямо сейчас. Мы приехали сюда, мы увидели, что небо тут пока не упало на землю. Уже хорошо. Теперь можно осмотреться и подумать. Выводы станем делать, когда у нас появится хоть какая-то для этих выводов пища.

Кэран прошлась по комнате. Тревога не отпускала ее. Последние месяцы выдались непростыми. Сначала в Таэрвернский замок явился гонец, доложивший о грянувшей на западе междоусобной войне и о наследнике дома Ретвальдов, что овладел забытыми силами своих предков. Затем были поспешные сборы и попытки понять, что же происходит в Тимлейне сейчас. Магия была возмущена, лишена покоя — будто прежнее ее равновесие оказалось нарушено.

Когда Кэран касалась энергетических потоков, ей казалось, некая грозовая туча собирается на закате — словно оттуда вот-вот грянет сметающий на своем пути даже горы шторм. Ей казалось, что само небо трясется. Раз за разом ей снились картины разрушения мира, после которых наследница Кэйвенов просыпалась с криком и в холодном поту, будя и заставляя спросонья хвататься за оружие Эдварда.

Сотню лет сила Ретвальдов была забыта — но теперь проснулась вновь, и что-то подсказывало эринландской волшебнице, что случившееся в битве на Горелых Холмах — это только начало. Кэран старалась пронзить, осмотреть Тимлейнский дворец своим особенным, магическим взором — но замок окружали тени, и нечто пугающее таилось среди этих теней.

Сотню лет назад странный человек по имени Бердарет Ретвальд явился в Иберлен из неведомых людям земель. Он сказал, что низвергнет Тарагонскую империю, грозившую поработить весь тогдашний цивилизованный мир — но взамен потребовал себе Серебряный Престол дома Карданов. На Борветонских полях чернокнужник один выступил против легиона южан — и сокрушил этот легион. Кэран едва представляла, какой силой нужно было обладать для подобного. Один маг мог справиться в бою с десятком вооруженных человек или даже с несколькими десятками — но чтобы испепелить в пламени сотни и обратить в паническое бегство тысячи, нужно было обладать немалым могуществом. Став королем Запада, Бердарет-Колдун больше не прибегал к своему могуществу, и не передал никаких знаний потомкам. Теперь эти знания вновь, сами собой пробудились у его отдаленного наследника — и кто мог доподлинно сказать, какую власть они ему принесут?

Кэран сама была воспитана в глуши и изгнании, восприняв от матери все сохраненные многими поколениями предков колдовские умения Древних. Она считала себя одним из последних прошедших настоящее обучение чародеев на этой земле — и не могла не приехать в Иберлен, узнав, что здешний государь тоже приобщился к забытым искусствам. Вот только некое чутье подсказывало супруге Эдварда Фэринтайна, что Гайвен Ретвальд — нечто большее, чем просто еще один волшебник, стремящийся возродить колдовское искусство в давно отрешившемся от него мире.

Было в Гайвене нечто еще — нечто пугающее и непонятное. Когда Кэран видела те странные сны, молодой Ретвальд иногда являлся ей в них, еще прежде, чем сегодня она увидела его наяву — и в этих снах у него было два лица и две тени. Второе лицо никак не получалось рассмотреть. Вторая тень была чернее самой чернейшей тьмы.

Тот путь, каким пришла к магии сама Кэран, не оказался простым. Мать научила ее не только колдовству — но также гордыне, высокомерию, ненависти к ненаделенным чародейским даром обычным смертным. В юности наследница Кэйвенов считала, что ее долг — подчинить своей воле Срединные Земли, воспользовавшись для этого оставшимися от Древних реликвиями, что хранились в Таэрвернском замке. Молодая колдунья сначала сделала своим союзником одного из эринландских принцев, Гилмора Фэринтайна, а потом и вовсе принесла его в жертву в ритуале магии крови, надеясь обрести так искомую Силу, что могла высвободиться в час смерти наследника великого дома фэйри. Однако все оказалось тщетно, и Сила не отзывалась. Даже ее познаний не хватило, чтоб овладеть оставшимся от предков могуществом. Отчаявшись, Кэран готова была прибегнуть к любой черной магии, и все равно потерпела поражение. Брат убитого ею Гилмора, Эдвард Фэринтайн, оказался достаточно великодушен — и вместо плахи привел юную волшебницу под венец. Он сказал, последним на свете чародеям лучше объединиться и вместе работать над общим делом, нежели заниматься бессмысленной враждой. Фэринтайны и Кэйвены были одними из немногих потомков основателей прежнего Конклава чародеев, что пережили Войну Пламени.

Кэран навсегда запомнила тот день. Утоптаный снег под ногами, выставленные в руках меч и кинжал. Стойкость последнего из эринландского королей, что выступил против

нее на бой и победил. Протянутую ей руку — вместо смертельного удара.

«Я была глупа и бездумна, и едва не наделала великих бед. А что можно сказать о Гайвене Ретвальде? Он потерял отца, не доверяет собственным соратникам. Неудивительно, что он замкнут и зол. Кто знает, какие дурные всходы взойдут из подобных посевов?»

— Ты совсем не в себе, — пробормотал Эдвард.

— Есть с чего.

Кэран подошла к окну, выглядывая на двор. Суeta людей, ржание коней, чьи-то крики и чья-то ругань. Башни и стены поднимались вокруг, а за нами виднелись красные черепичные крыши. Небо было ясным, солнце стояло в нем высоко. Не одна неделя оставалась еще до того, как подует первыми сквозняками осени, но чародейке почему-то вдруг сделалось зябко. Будто почувствовав это, Эдвард Фэринтайн подошел к ней со спины и обнял.

На минуту Кэран позволила себе расслабиться, закрыть глаза, опереться затылком о плечо мужа. Порой Эдвард был единственным, ради кого она жила на свете. Так повелось с того самого дня, когда он мог убить ее, но не стал этого делать, а взамен предложил ей занять место на троне подле себя. Вместе они изучали рассыпающиеся от ветхости писания Древних, пытаясь разобраться в едва понятных тайнах отпущенного им сверхчеловеческого дара. Иногда Кэран казалось, что они оказались одни против огромного и пустынного мира, для которого все их магические изыскания — не более чем сказка и вздор.

— Будет тебе бояться, малышка, — пальцы Эдварда коснулись волос. — Мы и не с такими бедами справлялись. Мы никакой беде не по зубам. Сама знаешь.

— Знаю. И солнце на небе такое яркое, и город вокруг так хорош. Люди смеются и ждут коронации государя. Или проклинают его, замышляя стащить с трона. Плетут интриги и жарят мясо на вертеле. Пьют вино или травяные настойки. Любят друг друга или ненавидят, выкрикивают признания ненависти или страсти, — Кэран говорила словно в забытьи. — Когда я смотрю на мир вокруг нас, мне кажется, что мои опасения ничтожны. Что может случиться такого непоправимого с этим огромным живым миром? Ведь нелепо и глупо бояться ночных страхов, правда? Вот только сегодня утром, когда мы ночевали в Эленгире, мне приснилось, что с севера пришел ветер. Этот ветер заморозил все. Людей и животных, деревья и дома, убил саму жизнь. Просто холодный северный ветер, без дождя, без снега, без всего. Даже без туч на небе. Но когда он прошел сквозь город, и камень, и живая плоть — они все стали прозрачным льдом, и один только король в прозрачной короне остался в этом городе жив, ибо он повелевал и ветром и смертью.

Пальцы Эдварда дрогнули на мгновение. Снам государь Эринланда верил, и отмахиваться от них не привык. Он слишком хорошо знал, что у волшебников редко бывают обычные, никчемные и ничего не значащие сны, и еще реже они бывают, когда осеннее равноденствие уже так близко. Тем не менее, Эдвард Фэринтайн обнял Кэран Кэйвен еще крепче, чем обнимал до этого. Нашел ее губы своими.

— Успокойся, малышка, — сказал он тихо. — Когда северный ветер придет — мы станем против него щитом.

Граф Рейсворт сказал в тот вечер еще много всего — и почти ничего по сути. Собеседнице он явно не доверял. Дядя ронял общие фразы, рассуждал о владеющем дворянами недовольстве, перечислял убытки, уже понесенные вследствие принятых молодым Ретвальдом законов. Намекнул на то, что мог бы заручиться помощью иностранных держав, хотя бы некоторых из них, в своих притязаниях на власть. Метил он самое меньшее в первые министры совета — а возможно, и в регенты. О фигуре нового короля, которого хотел бы посадить на престол, почти не упоминал, разве что недомолвками. Было видно, что эта тема мало занимает сэра Роальда — и возможного претендента, что мог бы занять место Гайвена, он видит лишь инструментом своей политики. Зато Айну он назвал будущей королевой не раз, отмечая, что давно пора Драконьим Владыкам занять подобающее им место на Серебряном Троне.

— Зачем тогда вовсе король? — любопытствовала наконец Айна, дурея от собственной наглости. Выпитое вино уже бросилось ей в голову, отдавая там легким шумом. Девушка попыталась слегка раззадорить родственника, захваченного своими далеко идущими планами. Тут уж выбор был невелик — или наглеть самой, или обхватить голову руками, забиться в угол от страха и не думать, в какую бешеную передрыгу приходится лезть. — Зачем нам король, дядя, если есть королева? — подалась Айна вперед, улыбаясь чуть пьяно. — Ты рассуждал здесь, как желаешь отдать трон Драконьим Владыкам — отдавай его мне. Я буду правящей королевой, как Маргарета Кардан триста лет тому назад, когда король Тристейн погиб, а она заняла его место. Виктор Гальс, или кого ты прочишь мне в мужья, вполне сгодится для роли консорта и отца наследного принца.

— Такие дела не решаются за бокалом вина, в разговоре у камина, — Рейсворт оставался хмур.

— А где и как они решаются? На заседаниях Королевского совета, где любой сидящий там лорд тщится подсидеть других и урвать кусочек привилегий себе? Твои друзья, твои так называемые союзники, каждый из них хочет быть королем, каждый желает вознестись над прочими. Ты будешь играть ими, пока скидываешь Гайвена с трона — но затем тебе придется остановить свой выбор на ком-то одном. Стоит тебе назвать это единственное имя этого нашего нового государя — и все прочие герцоги и графы немедленно вцепятся ему в глотку. Другое дело — консорт. Титул более почетный, чем действенный, и власти при разумном подходе своему носителю даст немного. Я выберу консортом того лорда, что согласится защитить нас от амбиций остальных, а сама надену корону. Разве плохой повелительницей королевству я буду? Я во всем буду слушаться твоих советов, чего нельзя сказать о каком-нибудь надменном аристократе с севера или юга, — Айна улыбнулась со всей возможной невинностью.

Она больше шутила, чем говорила всерьез. Никогда прежде дочь лорда Раймонда не помышляла о власти — да и сейчас если и помышляла, то в порядке хмельной болтовни. Весь этот разговор, с самого его начала, казался ей немного безумным. Что может быть безумней, чем, сидя в покоях своих родичей, планировать заговор против брата и его

сюзерена? В беседе настолько нелепой и бессмысленной, как эта, могли сгодиться любые, самые дикие предложения. Однако граф Рейсворт, к удивлению Айны, не посчитал ее предложение диким. Он отвернулся, помолчал немного. Перевел взгляд на Лейвиса, казавшегося сегодня необычно притихшим. Вдохнул:

— Однажды года полтора назад, когда Артур едва вернулся от Тарвела, Раймонд вызвал меня к себе. Он казался в тот день необычно мрачен. Почти столь же мрачен, как я сейчас, — усмешка скользнула по губам лорда Рейсворта и тут же пропала. — Твой отец вызвал меня к себе в кабинет, заперся там со мной, предложил поговорить. Побеседовать как родственники, как братья. Мы давно так не разговаривали, знаешь. Он в тот вечер пил. Ты знаешь, он и вина обычно выпивал немного, лишь для приличия перед людьми или когда работал. Но в тот раз будто решил надраться. Пил и пил, и все никак не мог остановиться, а я смотрел на это. Раймонд разговаривал о посольстве к императору Гейдриху, о ноте короля Пиппина, о последнем заседании совета — и о прочих подобных вещах. Говорил будто обычно, но понятно же было, что-то не так. Я все смотрел и пытался понять. После гибели Рейлы я ни разу не видел кузена таким. Он был упрямым, жестоким, гордым, но тогда, казалось, у него вынули тот стальной стержень, что обычно заменял ему сердце. Он был будто сломанный. А потом он сказал, и я помню это также хорошо, будто было это сегодня. «Брат, — сказал Раймонд, — мой сын ни во что не верит. Ни в Иберлен, ни в нашу честь. Я пытаюсь его научить — но он не хочет учиться. Жаль, другого сына у меня нет», — Рейсворт сделал паузу. — У Раймонда в самом деле нет иного сына, — сказал он мягко. Протянул руку и взял Айну за подбородок, пристально изучая ее лицо. — Но вот ты после него осталась. Не пытайся меня обмануть, дитя, — обманчиво-мягкий голос на мгновение дохнул холодом, — я догадываюсь, что ты задумала. Наслушаться моей болтовни — а потом сдать меня Ретвальду?

— Вы заблуждаетесь, если могли подумать такое, — ответила Айна сухо. В висках бешено колотилась кровь.

— Я слишком стар, чтобы заблуждаться, милая. Ты думаешь, так легко меня провести? Пообещать мне помощь и содействие, а потом выдать мои секреты, едва одной ногой оказавшись во дворце? Не пытайся со мной играть. Я узнаю это выражение — оно бывало у Раймонда всякий раз, когда тот желал обмануть Эрдера и Коллинса. И он успешно их обманывал, что характерно. Вот только со мной подобный трюк не пройдет. Я не буду тебе грозить, довольно угроз на один этот день. Я просто скажу, как будет, если ты проболтаешься юному лорду Гайвену или своему чуть менее юному брату. Королевское войско — подчиняется мне. Лорды доменов — поддерживают меня или готовы меня поддержать. В гвардии Айтвернов сторонников у Артура немного. Ты раскрываешь мои намерения Ретвальду — я начинаю штурм Тимлейнского замка, как тогда, когда погиб Раймонд. Снова прольется кровь. Меньше, чем в предыдущий раз — любому ясно, куда меньше людей станут теперь драться за гербового хоряка. Но кровь обязательно будет. И среди всей крови, что прольется при штурме, прольется, возможно, и кровь нашей собственной семьи. Я не желаю подобного исхода. Я знаю, как взять власть аккуратно, без жертв, так, как не смог взять ее Эрдер — так позволь мне это сделать наконец. Лишенный титула, Артур отправится в изгнание, а твоя и моя совесть не будет отягощена убийством родича. Согласись, дорогая, это хороший исход.

— Я вам не дорогая. Вы забываетесь, граф.

— Отчего ж, леди. Вы вполне дороги мне. Дороги как дочь моего брата. Дороги как

просто умный человек — их немного осталось уже в Тимлейне в эти темные дни. Видя твою изворотливость, я по-новому начал к тебе относиться — и твоя изворотливость весьма пришла мне по душе. Вот только сейчас хитрить не надо. Порой следует вывернуться, верно, а порой — рассудить здраво и решить твердо. Подумай, лучше, над чем. Ты сказала правильную вещь, я и правда могу сделать тебя королевой. Айна Первая из дома Айтвернов, милостью земли и вод правящая королева Иберлена. Это хороший выход. Коллинсы и Гальсы, Эрдеры и Тарвелы — они все признают Айтверна на Серебряном Престоле и сплотятся вокруг него. Ты будешь этим Айтверном, девочка. И тогда, — новая усмешка, еще мимолетней предыдущей, — я буду звать тебя «ваше величество», не «девочка».

Айна перевела взгляд на бокал — и подавила желание разбить его об пол, как предыдущий. Не хотелось задавать излишней работы слугам — все же, непросто возиться с битым стеклом, убирая его.

— Вы пытаетесь купить меня короной, — сказала Айна ровно.

— Я пытаюсь найти в тебе надежного союзника — раз уж мои собственные товарищи, как ты правильно выразилась, радеют лишь о собственном личном интересе. Я верю, тебя, в отличие от них всех, интересует нечто куда большее. Не свой род. Даже не свой домен. Иберлен. От Каскадных гор до реки Термы, от Малериона до Дейревера.

— И потому вы посадите на Серебряный Трон шестнадцатилетнюю девушку?

— На Серебряном Троне уже сидит шестнадцатилетний юнец — и немногим это обстоятельство по душе. Ты хотя бы подходящего происхождения. В тебе кровь Гарольда Айтверна, которого старики и поныне помнят героем. Кровь Радлера Айтверна, не давшего нашей стране сгинуть под натиском чужеземных полчищ. Кровь Малькольма Айтверна, заключившего в годы лихолетья Великий Пакт. Кровь Эйдана Айтверна, одолевшего властителя тьмы.

— Кровь Ричарда и Патрика Айтвернов, при которых миру едва не настал конец, — откликнулась Айна эхом. — Эту кровь вы забудете, дядя?

— Тогда были сложные времена. Как и наши. Как и любые времена, в которые человеку приходится жить. Так пишется история — слезами, потом, предательствами, изменами. Без всего этого истории порой не обойтись, и мы со всем злом, что нами посеяно — лишь инструменты в ее безжалостных когтях. Всегда можно отсидеться, спрятаться, сказать, что постоишь в стороне. Иногда нужно выйти вперед и что-то решить. Я знаю, Эрдер держал тебя в неволе. Трудно, должно быть, оказалось ощущать свою беспомощность в его темнице? Я был в плену у Пиппина, просидел в его затхлом подземелье полгода, хорошо представляю, что это такое — а ты всю жизнь, посчитай, находишься в плену. Плену долга, воспитания и семьи. Сейчас у тебя впервые появился шанс что-то изменить для нас всех, дорогая. Не у каждого такой шанс бывает. И не каждый может сесть на тимлейнский трон. Прости уж старого интригана, но сейчас я с тобой честен. И говорю как есть, — граф Рейсворт поднялся из-за стола. — Я пойду вздремну, а ты посиди, подумай над сказанными мной глупостями еще раз — и на этот раз уже хорошо. Когда захочешь домой, Лейвис тебя проводит.

Старший Рейсворт вышел, коротко поклонившись напоследок племяннице, и дверь со стуком затворилась за ним. Айна обернулась к Лейвису. Кузен, обычно непоседливый и болтливый, ныне весь вечер усиленно старался слиться с креслом, в котором сидел, и не издавать ни единого звука. Лишь сейчас девушка заметила, что сын лорда Роальда непривычно бледен — ни единой кровинки на лице.

— Сам ты как ко всему относишься? — спросила она тихо.

— Ты мне вопросы начала задавать? — Лейвис, через силу, попробовал ухмыльнуться. Получилось не очень хорошо. — Странные дела творятся в Иберленском королевстве. Обычно леди Айне до меня и дела никакого нет.

— А теперь есть, раз уж мы сидели тут вместе и слушали весь этот вздор. Объясни хоть ты мне, раз никто другой не сможет. Твой отец явно рехнулся. По какой причине ты его безумию потворствуешь?

Юноша вздрогнул. Бросил быстрый, опасливый взгляд в сторону затворенных дверей обеденной залы, будто боялся, что лорд Роальд остался стоять за ними и теперь подслушивает разговор. Выглядел он почти напуганно — и определенно нелепо. Айна вспомнила, как однажды, все те же года полтора назад, Артур избил мальчишку прямо у нее на глазах — а она даже не бросилась его защищать.

История вышла тогда дурацкая — младшие Айтверны прогуливались в парке Святой Елены, Артур как-то неудачно пошутил, Лейвис на это дерзко ответил, и вскоре завязалась драка. Артур был куда сильнее и крепче, и не прошло и двух минут, как Лейвис уже валялся на земле у его ног. Айна еще отстраненно подумала, что должна бы вступить за троюродного брата, высказать ему поддержку — но даже не шелохнулась. Она лишь стояла и отстраненно смотрела на то, как этот неуклюжий и неловкий мальчишка, сплевывая кровью, пытается встать. Артур стоял напротив, положив руку на украшенную изумрудом золоченую рукоятку шпаги, и улыбался. «Ну что, сударь, — спросил он кузена, когда тот все же смог встать, — будете вызывать меня на дуэль, или, может побоитесь?» Лейвис побоялся. Смелостью он вообще не отличался. И в отличие от Артура, у него даже рыцарских шпор еще не было. Младший Рейсворт ходил оруженосцем, больше формально, чем по сути, у одного преклонных лет сэра, из числа вассалов своего отца.

— Так что? — повторила Айна свой вопрос. — Какого мнения ты об этом заговоре, и почему не вмешаешься?

— Да что я могу сделать и куда вмешаться, — отвечал кузен с видимой неохотой. — Граф Рейсворт здесь не я, и лорд верховный констебль, если не заметила, тоже не я. Я никто, даже не министр в бесами драном королевском совете. Отец рассказал — я его очень внимательно выслушал. Вот и все. Ну, не совсем все. Сначала мы немного поругались, — он запнулся.

— О, ругаться ты умеешь, — подбодрила его Айна.

— Я немного не так поругался, как обычно ругаюсь, — сказал Лейвис совсем уж потерянно. — Я... Я, в общем, назвал отца гнусным изменником, и заявил, будто он предает память нашего с ним сюзерена. Ну, твоего отца в смысле. Сама посуди, кто лорда Раймонда убил? Эрдер и Коллинс. С кем мой отец снюхался? С Коллинсом и сынком Эрдера. И с всеми прочими уродами, которых король по недомыслию пощадил. Это получается, мы теперь тоже предатели, если мы за это все выступаем?

— Получается, — подтвердила Айна. — Вот мне и интересно, почему ты ничего не сделал.

— Не знаю, может по той же причине, почему ты сейчас слушала отцовские речи, а не выплеснула ему вино в холеную морду?

— Будь здесь Артур, он бы сказал, грешно переводить доброе вино.

— Будь здесь Артур, лежать бы моему отцу с дыркой в груди, да и мне тоже заодно с ним. Нет, правда, Айна, чего ты от меня желаешь услышать? Мне следовало вызвать на

поединок собственного папашу? Он сражается на мечах лучше, чем десяток таких, как я, так что самоубиться я могу как-нибудь и попроще. Или предложишь заколоть его в спину кинжалом, а может и вовсе отравить? Это будет немного не по-дворянски, мне кажется. Или мне стоило пойти к королю? Да я даже так и сказал, что пойду к королю, и все тому расскажу. А отец сказал, если я это сделаю, в тот же день его солдаты перережут всех во дворце. Он всех купил, кого мог, ты это понимаешь? Все лето только и делал, что этим занимался. Гайвен сидел, писал указы, а папа покупал войска. Генералов, капитанов, всех прочих. Одного за другим, по-тихому, без шумихи. Тому предложит поместье, а этому — лесопилку, а третьему — мельницу. Королевский домен слишком разросся при Ретвальдах, самое время слегка его уменьшить. Там отщипнуть кусочек, здесь слегка убавить.

— То есть ты все знал, — подытожила Айна. — Давно знал?

— Да с месяц уже, пожалуй. С начала августа точно. Что, по-твоему, я во дворец носа не кажу? Смотреть на это противно. Они все кланяются королю в его тронной зале, а потом собираются и думают, как его низложить. Армия вся за отцом. Думаю, и Сарли, и Манетерли, и Хлегганс, и прочие. Они задумали бескровный переворот, так это они называют. Договорятся еще, с кем осталось договориться, а затем возьмут Гайвена тепленьким. Просто не со всеми еще, видно, столковались, чтоб точно не было шума. Я думаю, некоторые офицеры колеблются. Вряд ли многие.

— Поэтому ты будешь просто стоять и смотреть, как твоего короля лишают власти.

— Слушай, ты, пигалица, — Лейвис перегнулся через стол, зло сощурившись. Бледность чуть отступила от его лица, сменившись краской гнева. — Гайвен Ретвальд мне не король, поняла? Он со мной в жизни ни разу не заговаривал, и у меня мороз по коже от его седых волос. Я слышал, как он взглядом испепелил Джейкоба Эрдера прямо на месте — в самом деле испепелил, выражаясь отнюдь не фигурально. Мне задумка отца с переворотом не нравится, но это не значит, что я стану рисковать головой за этого седовласого колдуна, который длинный нос в небо вот-вот воткнет от гордыни. Так что да, я постою в стороне, пока оно все не закончится. Благо недолго уж ждать осталось, я надеюсь.

— Понятно, — сказала Айна без выражения. — Проводи меня до кареты.

— Провожу. Только скажи, что решила.

— А? Ты о чем? — дочь лорда Раймонда изобразила непонимание. — Мне стоило что-то решать?

— Дуру из себя не празднуй. Ты вся переменялась под конец. Сначала даже я понял, что ты водишь нас за нос, но потом, стоило отцу дойти до коронных его аргументов... В этот раз действительно коронных. Ты только вообрази, как прекрасно оно звучит. Царствующая королева, Айна Первая из дома Айтвернов, — голос Лейвиса наполнился ядом. — Небось хотелось бы слышать такое обращение почаще?

Айна встала, сама, не вызывая прислугу, набросила на себя уличный плащ. Пристегнула к поясу шагу.

— А если даже и так? — спросила она равнодушно, надевая перчатки. — Гайвен Ретвальд тебе не король, ты сам это признаешь. Последний Кардан мертв, да и был он всего лишь солдатом удачи и отродьем бастарда, а перед моим братом ты колен вовек не преклонишь. Остаюсь одна я. Кто-то же должен восседать на Серебряном Престоле, верно?

Лейвис замер на полпути к дверям. Сбилсся с шага.

— Ты все же не шутишь, дорогая сестра, — сказал он внезапно.

— А зачем мне шутить, нелюбезный кузен? Или я настолько хуже всех прочих, кто

пытался натянуть в этом городе на себя королевский венец? Твой отец сказал верно, я всегда жалела, что от меня ничего не зависит. Теперь, возможно, будет зависеть хоть что-то, — слова срывались с губ легко, сами собой, Айна пойти не вдумывалась в них. — Лучше сидеть на троне, чем сидеть взаперти дома и делать, что укажет брат. Или, скажешь, предложи тебе кто корону, ты бы отказался?

— Мне никто короны не предлагал.

— Но предложи бы, ты б согласился. Не корч из себя оскорбленную невинность, Лейвис, — голос Аины сделался резким, и на сей раз она чувствовала почти настоящую злость. — Я лишь поступаю так, как поступил бы на моем месте любой. Мне не нравится, что происходит с нашим королевством. Кто-то должен это все поправить. Значит, буду править я. Проводи меня к карете, ну же.

Час наступил уже поздний, и в доме Рейсвортов почти все спали. Вызвав дворецкого, несущего в руке горящий тремя свечами канделябр, Лейвис сквозь просторную приемную залу проводил кузину к дверям. Спускаясь по лестницам, едва касаясь ладонью перил, Айна невольно остановила взгляд на портрете герцога Радлера Айтверна, висевшем на стене на площадке второго этажа. До последнего своего вздоха верный Королю-Чернокнижнику Золотой Герцог Запада сидел верхом на кауrom жеребце, держался в седле ровно и смотрел куда-то ввысь, в пламенеющее закатом небо. Интересно, что сказал бы лорд Радлер, узнав, что один из его потомков замыслил предательство того самого Короля-Чернокнижника наследников?

Вопреки доводам рассудка, предательницей Айна себя не чувствовала. Ее старались воспитывать в верности к королю Брайану, но отец отзывался о своем короле с такими пренебрежением и цинизмом, что отдаться всем сердцем называемой к нему верности не получалось никак. Гайвена же достойным своей верности Айна не считала вовсе.

Эхом рассудка девушка понимала, что графу Рейсворту все же удалось переманить ее на свою сторону — но сейчас Аине было на это почти наплевать. Усталая и хмельная, она мечтала только о том, чтоб добраться до своей постели и провалиться наконец в мутное болото снов. Если Айна что и ощущала по поводу только что принятых ею решений, то одно только лишь странное, обволакивающее спокойствие. Ни тревоги, ни страха — одна лишь молчаливая решимость. Если собрался что-то менять — поменяй все сразу, и к чему мелочиться.

Слишком надоело ей сидеть дома и ждать у восточного ветра перемен. За летом последует осень, за осенью зима, за ней весна и новое лето, а жизнь не изменится, продолжит идти по всему вечному замкнутому кругу, все ближе приближающему к могиле. Болтовня с подругами и служанками, подслушанные сплетни, вечно недоступный, отмалчивающийся брат, а потом, вероятно, какой-то муж и какие-то дети. Разве наследница драконов должна жить так? Разве не она сама говорила Артуру, стоя напротив него весенней ночью в замке Стеренхорд, что Драконьим Владыкам положено держать судьбы земли в своих пальцах? Пусть граф Рейсворт заманил Аину Айтверн в силки начатой им интриги, надеясь воспользоваться юной племянницей, как послушной куклой — но скоро он узнает, что просчитался.

«Я никому не позволю мной играть, — пообещала себе девушка молча. — Пусть думают, что они мной играют — а я сыграю ими. Я смогу, обязательно справлюсь. Если справились Ричард и Радлер, Патрик и Малькольм, неужели я хуже их всех, хуже десятков поколений людей моего дома? И если я сумею одержать победу — это будет моя

собственная победа, не Артура и не Гайвена. Если я смогу воспользоваться Рейсвортом, а после диктовать ему и прочим свои собственные условия — никто сказать не посмеет, что я просто нелепая домашняя девица, зарывшаяся носом в книги».

Лейвис помог ей подняться в карету. Сел напротив, дал знак кучеру трогаться. Ночь выдалась ясная, светлая — такие часто случаются в конца августа, недели за три или четыре до Мабона. Звезды кажутся особенно яркими и крупными, и кажется, до них ближе, чем всегда — не то чтобы можно дотянуться рукой, но почти можно. Можно, если очень постараться или очень захотеть.

Айна ехала с открытым окном, глядя на ворочающийся беспокойным сном ночной город. Обычно в летние ночи аристократические кварталы Тимлейна полнились прогуливающимися, будь то припозднившиеся хмельные кавалеры или сопровождавшие его девицы. Обычно — но не в этот раз. Пустые улицы, закрытые наглухо оконные ставни, редкий свет фонарей. Глухая тишина, ни песен, ни ругани, и тем более никаких прохожих — разве что изредка встретится армейский патруль, конный или пеший. Вот стражников было вчетверо больше против привычного. Карету Лейвиса не остановили, впрочем, ни разу — видели герб Рейсвортов, хищно ощерившегося рыжего лесного кота.

Кузен молчал. О делах не говорил — видно, опасался, что возница подслушает. Подал голос лишь раз:

— Как тебе тимлейнские ночи, сестра? — голос Лейвиса оставался встревоженным, взгляд — бегущим. Беспокоится, не решит ли все же строптивая кузина выдать заговор королю или нынешнему герцогу Айтверну? По всей видимости, да. Хладнокровием своего отца этот юноша не отличался явно.

— Стеренхордские ночи были не лучше здешних. Столь же пустые и унылые, — ответила Айна сдержанно. — В столице хотя бы найдется, с кем перемолвиться словом. Иногда.

— Рад, если в моем лице тебе нашелся подходящий собеседник.

— Нет, что ты. Я подразумевала своих подруг.

Кузен осекся и замолчал.

Дорога петляла, мимо проносились дома. Экипаж миновал Старую Ратушную площадь, затем Новую, Фонтанную, проехал по Рассветной улице и наконец остановился возле украшенного островерхими башенками особняка Айтвернов. Дежурившие у въезда стражники вытянулись во фронт, приветствуя свою госпожу, когда Айна вышла. На этот раз она все же позволила Лейвису побыть джентльменом, и оперлась на его руку. Даже сквозь перчатку ладонь кузена показалась холодной.

— Когда ждать тебя со следующим родственным визитом, сестра? — спросил сын графа Рейсворта учтиво, мимоходом бросив кивок сержанту привратной стражи.

— Ты можешь заехать ко мне через четыре дня, во вторник, не раньше пяти, — Айна вырвала ладонь из цепких пальцев кузена, запахнулась в плащ, спасая от внезапно налетевшего порыва не по-августовскому промозглого ветра. — Поросенок был хорош, но передай отцу все-таки, в следующий раз ему стоит озаботиться лучшим вином. То, которым он потчевал нас сегодня, было всего лишь приемлемым.

— Я тебя понял, сестра, — Лейвис серьезно кивнул. — Что-нибудь еще хочешь мне сказать на прощание?

— Увидишь во дворце Артура — передай, я скучаю и давно не виделась с ним. Пусть хоть изредка ночует дома, — Айна нарочно подлила масла в огонь владеющей кузеном

тревоги. Пусть подергается — хотя бы самую малость. Девушка обернулась к сержанту: — Томас, проводите меня в дом. Здесь становится прохладно.

— Слушаюсь, миледи, — гвардеец отворил ворота на внутренний двор, посторонился, давая своей госпоже первой зайти.

В холле Айну встретила Нэнси Паттерс — та, видимо, так и не ложилась отдыхать. При виде юной леди Айтверн камеристка вскочила с украшенной зеленой обивкой кушетки, всплеснула руками:

— Где вас черти носят, моя леди, в час пополуночи! — вскричала она шепотом, видимо, опасаясь перебудить домашних.

— На званом ужине у лорда Верховного констебля Иберлена, неужто тебе память отшибло? — Айна внезапно чуть пошатнулась, будто набранный из мореного дуба паркет превратился внезапно в качающуюся на волнах палубу корабля. Томас аккуратно придержал Айну под локоть. — Можете возвращаться на свой пост, сержант, — бросила девушка гвардейцу. — Нэнси, помоги снять плащ, тут ужасно душно, и скажи девочкам, пусть ставни раскроют.

— Девочки все спят, госпожа, я одна вас дожидалась.

— Спят — значит разбудишь. Тут не продохнуть.

В холле было не только ужасно душно, но и, пожалуй, излишне светло — горели все тридцать свечей на двух люстрах по центру потолка. Хорошо хоть, еще четыре люстры, боковые, оставались погашены. Айна прищурилась, подавив желание прикрыть глаза ладошкой — от внезапного яркого света они заслезились. Голова продолжала кружиться, к горлу подкатила тошнота.

— На вас поглядеть страшно, моя леди, — сказала Нэнси все также полусшепотом. — Что с вами делали там? И разит, словно...

— Разит от меня, как от лорда Артура, когда тот возвращается домой, — Айна запрокинула голову, от души расхохоталась. Камеристка поглядела на нее почти с испугом, приняла на руки зеленый плащ.

Айна с наслаждением развязала слишком тугой высокий ворот своего парадного платья. Оцепенение и страх, сковавшие ее на ужине у Рейсвортов, стремительно отступали, но отступали не бесследно. Пережитое дочерью покойного герцога Айтверна напряжение требовало выплеснуть себя хоть как-то, и совсем неважно было, во что. Айна была готова хоть заразительно смеяться, хоть столь же заразительно кричать — ей было ровным счетом наплевать. Вернулась домой из этого логова свивавшихся вокруг ее шеи змей — и ладно, и хорошо. Теперь можно даже фамильные сервизы вдребезги бить — лишь бы хоть как-то приглушить в памяти все дичайшие вещи, которые пришлось выслушать и с которыми пришлось согласиться.

— А что ты шепчешь так, Нэнси? — спросила девушка недовольно. — Папенька уже три месяца в земле лежит, о его погребении сам Кардан позаботился. От наших с тобой визгов лорд Айтверн из могилы не встанет.

— Лорд Артур вернулся час назад, и только недавно лег. Выглядел не лучше вашего.

— Даже так? Мой любимый брат ухитрился заснуть не в отцовском кабинете, а дотащил свое брненное тело до отцовского дома? — Айна снова рассмеялась, но уже через силу. Видеться с Артуром ей совсем не хотелось. Не после того, как она весь вечер обсуждала готовящуюся против него измену. И тем более не после того, как своим молчанием и увертками дала ему эту измену невольное согласие. Девушка сама не могла до сих пор понять,

что же стало тому причиной. Толкнули ли ее на готовность не спорить с Рейсвортами страх, обиженная гордость или что-то еще? Айна не могла дать на это определенный ответ. Девушка лишь вдруг поняла, что та черта, которую она весь разговор с лордом Роальдом старалась не переступить, все же оказалась в результате пройдена.

Или почти пройдена. Или не пройдена вовсе, а лишь маячит пламенеющей тонкой линией впереди. Можно же прямо сейчас подняться в покои Артура. Поднять его с постели, растолкать, тем более что вряд ли он спит так уж крепко. Он никогда не спит крепко, и не после попоек уж точно.

Следует немедленно рассказать о задуманном дядей перевороте. Шпионов у Рейсвортов в этих стенах нет. Хочется надеяться, что нет. В любом случае, они с Артуром поговорят за закрытыми дверями — и рассудят, как действовать дальше. Спешка в подобных делах губительна, промедление тоже опасно, но возможно, еще удастся придумать, как исправить дело. Если Артур скажет Гайвену, а тот все же найдет у себя достаточно верных людей и арестует Роальда Рейсворта, мятежа может и не случиться. Остальные его вожаки испугаются и отступят, если их вдохновитель окажется брошен в темницу.

— Нэнси, проводи меня к брату, — сказала Айна решительно. — Этой ночью мне не достает его родственных чувств.

— Зачем куда-то провожать, твой брат уже здесь. И все мои чувства при мне.

Айна вздрогнула, подняла голову. Артур стоял на верхнем пролете лестницы, крепко держась правой рукой за золотистым лаком покрытые перила. Был брат Аины без камзола или колета, в одной белой сорочке, развязанной на груди и измятой. Волосы — спутаны и местами свалились, под глазами залегли темные пятна. Молодой герцог Айтверн сделал несколько неуверенных шагов, спускаясь в холл навстречу сестре. Казалось, он с трудом держится на ногах — куда с большим трудом, чем держалась на них Айна после посиделок с нынешним иберленским лордом-констеблем.

Нэнси безо всякого почтения швырнула плащ своей госпожи на кушетку, кинулась навстречу Артуру.

— Куда вы вскочили, герцог! — крикнула она недовольно. — Вам в вашем положении лежать и лежать.

— Руки от меня убери, — первый министр королевства недовольно отмахнулся. Спустился с лестницы, каким-то чудом в самом деле не упав. — Я прекрасно себя чувствую, — он остановился напротив сестры. — А ты, родная? Нэнси говорит, ты была у Лейвиса. Как этот недоносок, руки не распускал?

— Мой троюродный брат джентльмен и не стал бы вести себя неучтиво с дамой, — ответила Айна холодно. — В отличие он тебя, он может и не рыцарь, но хоть о каких-то приличиях слышал.

Артур был такой же, как и всегда. Как во все эти проклятые последние два года с тех пор, как вернулся из Стеренхорда и начал ссориться с отцом. Пьяный, грязный, ведущий себя как какое-то неотесанное животное. Впервые увидев его в подобном состоянии, Айна заперлась в своих покоях и избегала брата почти с неделю. Затем привыкла, затем разругалась вновь. Артур слишком много времени уделял Элберту Коллинсу и прочим друзьям, про которых рассказывали нелестные истории, в том числе и о неуважительном обращении с женщинами. Сам бы Артур на такое никогда не пошел бы, но вот Элберт — вполне. Аину злило, что брат проводит столько времени в обществе подобного человека.

И вот теперь Элберт мертв, а Артур Айтверн опять нашел, с кем надраться, и почти до

визга.

«И этому человеку я хочу доверить Иберлен?»

— Я значит о приличиях ничего не слышал, — сказал юноша насмешливо, смерив сестру оценивающим взглядом. — Я не слышал, хотя это ты приходишь домой куда позже меня. Сейчас явно не то время, которое пристало благовоспитанной леди возвращаться с приемов. Да еще хохочешь так громко, что я на и втором этаже проснулся бы, даже когда бы спал.

— Не тебе мне морали читать, — отвечала Айна резко, чувствуя, что злится все сильнее. — Я была у командующего королевской армией, и это общество вполне пристойно. Он выразил сочувствие, что мне приходится проводить время одной, пока более близкий мой родич не проявляет ко мне внимания.

— Как это мило со стороны нашего дяди. Только ж почему не проявляю внимания... Проявляю, только как его толком проявишь, если ты огрызаешься мне на каждом слове.

— Возможно, мне неудобно внимание человека, приходящего по вечерам из домов терпимости, или где ты там шляется.

— Я не был в доме терпимости. Я пил с королем.

«С королем?» Это было чем-то новым. Прежде Гайвен Ретвальд не казался человеком, в чьем обществе можно было допытаться до подобного состояния — а выглядел Артур в самом деле неважно. Заметив недоумевающий взгляд сестры, Артур пояснил:

— Не с нашим королем. С лордом Клиффом. Очаровательный человек, и прекрасный собеседник. Мы виделись вчера на приеме, а сегодня он предложил посидеть за бутылочкой отличного ячменного виски. Вечер получился чудесный.

— Я вижу. О чем говорили?

— Обсуждали разных знакомых, моих и его. Через неделю мы ожидаем еще одного короля, ты представляешь? Эдварда Эринландского с супругой. Лорду Клиффу нашлось чем поделиться, они ведь раньше воевали вместе. Я имею в виду, друг против друга воевали. Лорд Клифф однажды чуть не взял его столицу, да лютая выюга помешала.

— Значит, вы говорили о королях и войнах.

— Ну не только. Еще о дамах, — Артур широко, пьяно ухмыльнулся. — Конечно, сейчас лорд Клифф примерный семьянин, но опыт у него богатый, и разные истории он вспоминает охотно. Он был первым бабником Кенриайна, да о нем там баллады писали, ты представляешь?

Не отвечая, Айна прошла мимо брата. Стала подниматься по лестнице. Артур двинулся следом, попробовал взять ее за ладонь — но девушка вырвала руку.

— Я всего лишь хотел проводить тебя до твоих покоев, — заметил Артур почти виновато. Реакция Айны его явно удивила и огорчила, и сейчас он выглядел растерянно и грустно, совсем как выглядит неласково встреченный хозяином пес. Хмельная бравада мигом куда-то исчезла, и на мгновение девушке почти стало жаль своего непутевого брата — но лишь на короткое мгновение. Слишком сильно от Артура разило спиртным, и дочь лорда Раймонда чувствовала этот гнусный смрад перегара, даже будучи сама порядком пьяна. Все прежние ссоры мигом встали в ее памяти, как живые, будто случились сейчас. Особенно — та, стеренхордская ссора, после которой они не разговаривали месяц.

«Он не изменился. Он никогда не меняется. Ему ничего не надо, только выпивка, драки, продажные женщины и те неотесанные мужланы, с которыми он водит знакомство. Это — правая рука государя, первый лорд Иберлена, защитник отечества и сюзерен Запада?»

Странствующий рыцарь из него получится куда лучший. Может быть, граф Рейсворт не столь уж неправ в своих замыслах?».

— Позволь все же довести тебя до спальни, — попросил брат. Он держался совсем как в семь лет, когда канючил у отца игрушки. Эта навязчивость вдруг показалась Айне отталкивающей. «Отстанет он от меня наконец или нет? Пусть утром проявляет заботу, когда проспится».

Нэнси рванулась вперед, взяла Айну под другой локоть:

— Я сама провожу госпожу, — заявила служанка решительно. К новому герцогу Айтверну она теплых чувств не питала. — Вы идите отдыхать, лорд Артур. Нечего вам тут шататься.

— Это мой дом, — сказал Артур неожиданно твердо.

— А это моя госпожа. Идите и отдыхайте. Леди Айна не желает вас видеть.

Артур порывался что-то еще сказать, но Айна не слушала его и даже не смотрела уже в его сторону. Девушку вдруг замутило, к горлу подкатила тошнота, пришлось сглотнуть, чтоб не опозориться на глазах у родственника и служанки. Айна позволила камеристке довести себя до своих апартаментов, а оказавшись там, вдруг расплакалась, вцепившись одеревеневшими пальцами Нэнси в плечи и громко, шумно рыдая навзрыд:

— Почему, почему он такой?

— Дурак потому что, — проворчала барышня Паттерс, кружевным платком утирая своей госпоже слезы. — Он вас любит по-своему все же, потому и прицепился.

— Далась мне его любовь, — Айна позволила вытереть себе лицо, шморгнула носом. — Когда утром его сиятельство герцог проспится, скажите, чтоб ко мне не лез. Я останусь у себя, и буду читать. Подбери мне в библиотеке какую-нибудь хорошую книгу, и завтрак тоже доставь сюда — не хочу никуда выходить, пока Артур дома.

— Хорошую книгу... Даже не знаю, «Стив Филтон» вам пойдет? — назвала Нэнси модный роман о мальчике с городского дня, бастарде, выбившемся путем подкупа и интриг в гарландские владетельные пэры.

— Я слышала сюжет. Сомневаюсь. Это слишком напомнит мне о покойном узурпаторе, будто про него писали. А хотя нет, принеси, я почитаю — мэтр Гренхерн же хвалил, покуда не сгинул. Вдруг окажется немного интересно, хотя бы.

— Тогда отыщу ее сразу с утра. Леди Айна, дозвоьте с вами посидеть. Боюсь, вам станет к утру нехорошо.

— Мне уже нехорошо. Иди спать, Нэнси.

— Леди Айна...

— Иди спать! Ты и так уже насиделась. И посмотри, дошел ли до своих комнат герцог.

Оставшись одна, девушка вновь разрыдалась. Она плакала долго, наверно не меньше получаса, но очень тихо, едва слышными всхлипами — не хотелось, чтоб Нэнси, спавшая в соседней комнате, услышала и снова пристала. Затем Айна подошла к окну, распахнула настежь ставни, оперлась ладонями о подоконник. Звезды, плывущие в темном небе, дарили измученным войной и политикой Срединным Землям свой дрожащий, прерывистый свет. Далекие и холодные, они казались глазами ангелов, смотрящих от чертогов Создателя на изнемогающий мир.

Говорят, Айтвернов сотворили иные боги — не тот, что творил прочих людей. Говорят, кровь драконов дала начало их племени, говорят, что первые из Айтвернов парили выше грозowych облаков и могли коснуться звезд своим крылом. Даже если это всего лишь красивая

сказка — в нее хочется верить. На мгновение Айне и самой захотелось обратиться драконом, сбросить постылую человеческую плоть, как сбрасывают прохудившуюся одежду, и воспарить над этим проклятым городом, где алчность и властолюбие вельмож вот-вот обернутся новой резней и бойней. Может быть, этой бойни удастся избежать — а может, и не получится.

«Мой дядя предатель, а мой брат дурак, — подумала девушка. — И верить можно только себе, уж точно не им. Что ж, когда можно верить себе — это тоже, наверно, немало?»

Весь следующий день Айна не покидала комнат, читая изданный анонимно и наделавший три года назад в Срединных Землях много шума прихотливый роман о приключениях кенриайнского плута, вышедшего из трущоб, но острым языком и лихими авантюрами вырвавшего себе дворянский титул и руку графской дочери.

Безродный сирота Стив Филтон, будущий рыцарь сэр Стивен, будущий виконт Грехем, а впоследствии и вовсе владетельный граф Стербери, оказался нагл, несносен и невыносим — но вместе с тем очарователен. В отличие от Артура и Лейвиса, он не вызывал ни жалости, ни злости. Этот обаятельный прощелыга знал, чего хочет, и уверенно этого добивался — неважно, красноречивыми посулами или острием меча. Он видел свою удачу, и без колебаний ловил ее за хвост. Безымянный автор явно сочувствовал своему герою.

Если верить рассказам, Гледерик Кардан и сам был таков, как персонаж этой книги — потому и поднялся от нищего бродяги до коронованного церковью властителя Иберленского королевства. Интересно, читал ли он этот роман, что мог сказать о его главном герое? Читал ли он вообще какие-то романы, какие истории любил, о чем мечтал, какие видел сны? Теперь это было уже почти совершенно неважно. Гледерик Кардан мертв и оплакан — всеми, кто захотел пролить по нему слезы.

«Это война, — сказала себе Айна. — И на ней убивают. Артур убил Александра Гальса, убил Гледерика Кардана, и бог знает, кого еще он убил. Если он убивает сам, он готов допустить, что другие убьют и его. Рейсворт, по крайней мере, смерти ему не желает — и уж я в любом случае присмотрю, чтоб Артура никто не тронул. За границей, в Либурне, Венетии или Падане, он заживет привольно — куда более привольно, чем в Иберлене, где шагу нельзя сделать, не наступив на интригу. Мятеж все равно грянет, и, возможно, единственный способ, которым я могу спасти моего глупого брата — это выслать его навсегда прочь из здешних земель. Если я расскажу ему правду, Артур бросит своих гвардейцев в бой против Рейсворта и скорее всего в этом бою погибнет, может даже от удара в спину. Чудо, что он вообще уцелел минувшей весной».

Айна ожидала, что Артур постучится в ее комнату, начнет извиняться за ночную ссору — но брат этого так и не сделал. Нэнси доложила, еще до обеда нынешний герцог Айтверн встал, собрался и уехал во дворец, сообщив, что надолго. Как и всегда, после случившейся размолвки Артур не предпринимал ни малейшей попытки ее исправить. То ли не знал, что подходящего сказать, то ли просто желал как можно скорее выбросить неприятность из головы и забыть, будто и не было ничего. Как и всегда, Айну это обижало и злило.

Следующие три дня пролетели также скучно, как и предыдущие три месяца. Юная леди Айтверн читала книги, болтала с Нэнси, дважды гуляла в расположенном неподалеку от дома парке. Один раз заходила на ланч давняя знакомая, Амелия Таламор. Амелия вывалила ворох свежих придворных сплетен, посетовала, что Артур, еще весной выдававший ей знаки внимания, теперь держится отчужденно и будто и не замечает ее. Айна что-то сердито буркнула в ответ, и какое-то время подруги молча пили травяную настойку и жевали кекс.

Вечером капитан Фаллен рассказал, что в кварталах нижнего города объявился какой-то пьяница, уверявший, будто узурпатор Гледерик жив, бежал из Тимлейна потайным ходом, но следующей весной непременно вернется вместе с войском и отберет у Ретвальда Серебряный Престол. Приключившиеся в кабаке солдаты тут же выволокли смутьяна на улицу и повесили на ближайшей осине, как зачинщика опасных слухов.

— Поехали в Малерион, — сказала Нэнси почти умоляюще. — Сколько можно здесь расслаиваться и ждать бури, словно ослы какие-то бездумные.

— Никуда мы не поедem, Нэнси, — ответила Айна. Камеристка порывалась было спорить, но поглядела на свою госпожу — и вдруг осеклась. Вскочила, торопливо сказала, что должна доделать дела по дому, и ушла. Фаллен проводил барышню Паттерс взглядом, подкрутил усы.

— Я с вами, леди Айна, если что, — сказал он просто.

— Спасибо, Клаус. Я запомню ваши слова. И скажу, что делать, когда придет время.

Когда наступил вторник, Лейвис Рейсворт, приехавший, как и договаривались, ровно пять, оказался облачен в золотые и зеленые цвета Айтвернов, а не в рыжие и зеленые своего дома, как бывало обычно. Видимо, в знак почтения к родичам и сюзеренам. Был он необычно для себя обходителен и учтив. Айна, в знак ответной любезности, тоже держалась с сыном графа Рейсворта гораздо приветливей, нежели прежде. Она почти не огрызалась и если и старалась поддеть кузена поддеть ядовитым словом, то лишь самую малость. Лейвис по-прежнему раздражал ее, вызывал то презрение, то гнев — но теперь они были на одной стороне, и оказалось бы неправильно задирать его сверх всякой меры. Она же не Артур, чтоб так бездумно, походя отталкивать от себя друзей.

Сидя в карете, девушка даже попыталась поддержать с Лейвисом светский разговор. Кузен, кажется, был удивлен, но разговаривал о всяких мелочах охотно. Даже поведовал, как выбрался два дня тому назад с молодым герцогом Эрдером на соколиную охоту. Говорил Лейвис о герцоге Эрдере без малейшей приязни, и видно было, что знакомство с ним он водит лишь по указке отца. Девушка внимательно слушала и порой даже кивала. Эдвард Эрдер не нравился и ей самой. В отличие от своего покойного отца, этот шоненгемский герцог был слишком уж обаятелен и любезен — настолько истекал медом и патокой, что после разговора с ним тянуло принять ванную.

Явившись к Роальду Рейсворту, встретившему ее неожиданно тепло, Айна уже не пыталась изворачиваться, отмалчиваться и ходить кругами. На сей раз ей предстояло вести бой с открытым забралом.

— Здравствуйте, дядя, — сказала Айна Айтверн, войдя в приемную залу. — Я готова наконец говорить с вами откровенно.

— В самом деле готова? — граф Рейсворт прищурился. — И мне можно не ожидать впоследствии визита королевских гвардейцев к моему дому?

— Я молчала о нашем прошлом разговоре, как вы и предупредили меня. Вы правильно сказали, если Гайвен Ретвальд узнает ваши планы, он все равно падет, но падет в бою, и в этом бою может погибнуть также и мой брат. Рисковать жизнью Артура я не хочу. Вы можете гарантировать ему жизнь после своей победы?

— Артур Айтверн не только твой брат, но и мой племянник, — заметил Роальд Рейсворт сухо. — Изводить семя Раймонда я бы не стал.

— Что ж, рада это слышать, потому что если хоть один волос упадет с головы нынешнего герцога Запада — я найду, как отомстить вам за это, — Айна демонстративно

положила руку на эфес шпаги. — Крепко держите в памяти мое обещание, пожалуйста. Это не пустая угроза. А теперь обсудим наконец, как и с чего вы думаете начинать.

Непросто быть государем королевству, каждый миг желающему свергнуть тебя с трона.

Для Гайвена Ретвальда иберленский престол с малым летом был чем-то средним между фамильным долгом и фамильным проклятьем. Старший и единственный сын короля Брайана Ретвальда, он знал, что однажды и сам обречен стать государем этой стране. Как человек образованный и наделенный ясным рассудком, Гайвен понимал, что эта страна его дом почти ненавидит.

Сотню лет назад Иберленское королевство находилось в единственном шаге, в половине даже шага от полной гибели, сотрясаясь под ударами Тарагонской империи. Сотню лет назад к иберленскому двору явился человек по имени Бердарет Ретвальд, заявивший, что прибыл с берегов баснословного Медоса и является ныне одним из немногих хорошо обученных чародеев в этой части света. Бердарет Ретвальд обещал, что спасет Иберлен от захватчиков, если получит корону венценосцев Тимлейна — и герцог Айтверн и граф Гальс, возглавившие правящий совет, эту корону ему предоставили. Чародей явил свою мощь, и разгромил войска захватчиков на Борветонском поле. Бердарет сказал, что обучаясь магии за Закатным морем, он прибыл сюда, в невежественные восточные земли, чтоб найти здесь титул и влияние, достойные своих талантов. Спасенная нация покорила ему, а милостивый победитель унес в могилу свои колдовские секреты, передав сыну Торвальду венец и скипетр Карданов.

Гайвен никогда не верил этой сказке.

Получив лучшее образование из возможных в Срединных Землях, занимаясь с самыми уважаемыми мэтрами Тимлейнской Академии и читая почти все книги из тайных королевских архивов, Гайвен еще лет в двенадцать понял — что-то нечисто в жизнеописании его благородного пращура. Королевства Медоса в самом деле владели собственными школами магии, в этом все древние хроники единодушно сходились. И королевства Медоса прервали всякое сообщение со Срединными Землями в тот несчастливый год, когда Конклав чародеев оказался расколот и война, названная Войной Пламени, опустошила мир.

О тех днях летописи говорили неохотно. Сообщали обрывки слухов, тени воспоминаний. Семь веков назад случилось так, что маги благородных Домов Крови, до того часа направлявшие судьбы всех соседствующих королевств, сошлись в ожесточенном противостоянии. Сложно было сказать, какие именно силы при этом были задействованы. Возможно, волшебники докопались-таки до секретов странной, почти полузабытой цивилизации, что властвовала на этой планете две тысячи лет назад и оставила по себе оружие, способное до самого основания уничтожить все государства и княжества Земли. Хроники повествовали, что в час, когда орден магов оказался расколот, невиданное оружие Древних выжгло обитаемую ойкумену. Были уничтожены блистательные столицы прежней эпохи — Тарнарих, являвшийся первым городом Иберлена и резиденцией его королей, а также Мартхад, Келиос, и многие иные многолюдные города. Всего за несколько дней оборвались сотни тысяч, может быть даже миллионы жизней. Тьма запустения и невежества

опустилась на Срединные Земли, а западные государства отказались от любых связей с отброшенным в состояние почти дикости континентом востока.

И так продолжалось, пока шесть веков спустя один из чародеев Заката не преодолел разделяющий западный и восточные материки океан, и не включился в борьбу за иберленский престол. Одержав верх в этой борьбе, он сделался первым из государей новой тимлейнской династии, сменившей прервавшийся, как казалось тогда, дом Карданов. Дома Айтвернов и Коллинсов, несмотря на родственные связи с прежними королями, безропотно уступили корону чародею Бердарету.

Звучала подобная версия ужасающе романтично, но Гайвен Ретвальд что было сил сомневался в ней. Сам здравый смысл не позволял ему верить в измышления такого рода. Сказать для начала, если территории Медоса в самом деле разорвали контакты со Срединными Землями, сколько шансов на то, что спустя много веков найдется там человек, готовый отправиться на неизведанный и дикий восток? Где отыщется, наконец, корабль, что доставит его в эти края? Главнейшими иберленскими морскими портами той эпохи оставались, как и сейчас, Малерион, Слайго и Элвинград — но ни в одном их архиве не говорилось ни единого слова о прибытии пассажирского судна, что доставило бы медосианского колдуна в здешние изнемогающие от разорительной войны края. Просто однажды Бердарет Ретвальд явился из ниоткуда и заявил о своих возмутительных притязаниях на Серебряный Трон. Никто не знал, откуда он пришел на самом деле. И любые рассказы про легендарный Медос оставались лишь рассказами.

Гайвен Ретвальд рос с ясным пониманием факта, что его дом основан каких-то сто лет назад безродным по всей видимости проходимцем, неизвестно как освоившим секреты высокого волшебства. Непросто осознавать подобное, находясь в окружении высокомерных лордов, чья родословная насчитывает не меньше тысячи лет. Особенно когда часть этих лордов происходит от почти бессмертных эльфов.

Отец Гайвена, Брайан Ретвальд, был слабым королем. Настолько же слабым, насколько сильны были его прадед, дед и отец. Брайан Первый был чувствителен, мягкосердечен, склонен к философии. Он поощрял науки и чурался сражений. Бесконечную, почти ничем не ограниченную власть при его дворе имели вельможи. Сначала старый герцог Гарольд, затем его сыновья, Глэвис и Раймонд. В ходе внезапно вспыхнувшей двадцать лет назад междоусобицы Раймонд Айтверн одержал верх, убив в поединке своего брата Глэвиса. С тех пор он стал первейшим советником короля Брайана, и подлинным повелителем Иберлена.

В тени лорда Раймонда Гайвен и рос. Деспотичный и не терпящий прекословий, тот во всем диктовал свою волю его отцу — и отец слушался. Королева Лицеретта, происходившая из пресекшегося монаршего дома Паданы, считала потому своего венценосного супруга безвольным ничтожеством.

Тонкобедрая, белокожая, со спадающей до пояса копной золотисто-рыжих волос, королева Иберлена казалась стороннему взору эдакой прекрасной принцессой из сказки — но нрав ей достался фамильный, жестокий и гордый. В собственном супруге, доставшемся ей путем династического брака, урожденная Лицеретта Августина Берайн, видела источник нескончаемых унижения и позора. Дочь королей, род которых насчитывал более пяти столетий, она полагала Брайана Ретвальда монархом лишь по титулу, не по сути.

Однажды Гайвен, четырнадцатилетний тогда еще подросток, спросил королеву об этом. — Леди Августина, — он называл мать по второму имени, как было принято на землях ее родины, — отчего вы так холодны с лордом Брайаном? На обедах вы даже не беседуете с

ним ни о чем, а стоит ему завести разговор, отмалчивается. Вне приемов вы и вовсе избегаете его общества.

Королева и дофин расположились в тот час в ажурной беседке фруктового сада, разбитого по приказу ее величества на одном из внутренних дворишков Тимлейнской крепости. Клонившееся к западу солнце било косыми лучами сквозь густые ветви абрикосовых деревьев, с недавних пор прижившихся на этой северной земле.

— Вы задаете излишне дерзкие вопросы, принц, — леди Августина даже не отняла взгляда от украшенного гравюрой разворота «Поэтики» Веллана, которую сейчас сосредоточенно читала.

— Возможно, мои вопросы и переходят границы учтивости, — осторожно сказал Гайвен, не глядя на мать, — но все-таки, мне хотелось бы знать. Весь двор шепчется о том, что вы давно уже не принимаете лорда Брайана в свою опочивальню.

Королева молча отложила книгу на столик. Повернулась к сидевшему на кушетке напротив сыну — и коротко, без замаха, залепила ему пощечину. Гайвен поднял руку, стягивая атласную перчатку с ладони, коснулся пальцами собственной горячей щеки. В ушах звенело.

В беседке повисла тишина. Гайвен сидел ровно и молчал. Запел в саду соловей.

— О подобных вещах благородному человеку говорить не пристало, — сказала королева наконец сухо. — И уж тем более воспитанный юноша не станет спрашивать свою родительницу о таком.

— Понимаю, что не станет, ваше высочество. Но я осведомлен, о чем говорят люди — и я не одну прислугу имею в виду. На последнем балу я невольно слышал, как шепчутся о том же ваши фрейлины, и леди Элизабет откровенно посмеивалась над положением моего отца. Я понимаю, он стал вам противен. Я хочу все же знать причину.

— Причину... Дорогой Гайвен, вы просите слишком о многом. Я не привыкла открывать своей души ни по просьбе, ни тем более по приказу.

— Я прошу, матушка. Я наследник Брайана Ретвальда. Если он сделался неприятен собственной жене, мне нужно понимать почему.

Лицеретта Августина дотронулась до лица сына, провела ладонью по лбу, коснулась прямого носа, сжала меж указательным и большими пальцами узкий подбородок. Гайвен даже не шелохнулся, не сбился с дыхания — как если бы его лица случайным порывом коснулся восточный ветер.

— Внешность Ретвальдов, — сказала королева тихо, — как у Бердарета-Колдуна, только моложе. Как темные фэйри со старых картин. Но глаза наши — Берайнов. Ты мог бы стать государем в Ларэме, не лишись мой дед трона. Пойми пожалуйста, мальчик... О прежних Ретвальдах можно сказать многое — но не то, что они были добрыми королями. Артебальд и Торвальд колесовали и вешали, жгли восставшие города и замки вместе со всеми жителями — и держали Иберлен в кулаке. Наша семья, моя и твоя, Гайвен, потеряла собственный дом. Опекун выдал меня за сына короля Торвальда, когда тот задумал военный поход на юг — сквозь Лумей к Падане, чтобы расширить Иберлен до Полуденного моря. Наш союз подкрепил бы его претензии на южные престолы. Но Торвальд умер, Гарольд Айтверн был наголову разбит при Лакрее, а их сыновья, Раймонд и Брайан, оказались совсем другой породы. Раймонд не желает завоеваний, ему важно лишь удержать имеющееся. Коллинс и Гальс подняли головы — а он жаждет их сдержать. Он затянул, сделал бессмысленной начатую Торвальдом Ретвальдом войну. Брайан во всем слушается его. Мы сидим здесь — а

могли бы уже править среди виноградуников родины.

— Не каждый король, матушка, избегающий завоевательной войны, глуп.

— Но глуп всякий король, позволивший войне завоевательной превратиться в оборонительную. Уже юг угрожает Элвингарду — а не север Лакрею. Клифф Гарландский хотел выдать за тебя юную Эмилию — а вместе с ней предлагал нам союз. Вместе Тимлейн и Кенриайн сокрушили бы Аремис и шакалов, что кормят его из Ларэма — вот только Раймонд отговорил твоего отца от этого альянса. Он хочет сделать твоей королевой свою дочь Айну, и ради искуса породниться с Ретвальдами растоптал наши шансы одержать наконец победу. Брайан согласился на его уговоры, и думаешь, почему я так холодна к нему? Настоящий государь не пойдет на поводу у заносчивого царедворца. Брайан сделал Раймонда верховным констеблем, но в скольких сражениях выиграл этот генерал? Мечом он владеет достойно, но предпочитает посылать на смерть вассалов Коллинса, сам ведя бои в Королевском совете.

— Айна Айтверн, — задумчиво сказал Гайвен. — Девушка моих лет, правильно? Мне в самом деле следовало бы приглядеться к ней.

— Ты совсем прослушал все, мною сказанное? — спросила королева крайне сердито.

— Нет, отчего же, я выслушал вас крайне внимательно, матушка. Я понимаю, что политика умножается на расчет и делится на амбиции, если можно так выразиться. Вы считаете, что амбиции герцога Айтверна противоречат интересам Иберлена, и мой отец в этом потворствует. Все же, я считаю, вы не правы.

— Неправа? В чем же, скажи. Для столь оторванного от светской жизни юноши ты позволяешь себе излишне смелые суждения.

— Вы подаете дурной пример, — сказал Гайвен тихо, словно ветер прошелестел по траве. — Хороший или плохой король, лорд Брайан все же наш государь. Когда даже венчанная с ним церковью жена не выказывает ему уважения, как выглядит он в глазах мира? И как выгляжу я? Мне этот престол занимать, вы хотите, чтоб я занял его, считаясь сыном слабого короля?

— Вы — сын слабого короля. С этим ничего не поделать, мой принц.

— Вы оскорбляете меня, ваше величество, — в Гайвене, обычно тихом и молчаливом, пробудилось непонятное упрямство. Сейчас он смотрел на леди Августину с вызовом.

— Я оскорбляю не вас, принц. Только вашего родителя. — Королева вдруг улыбнулась. — Но если вы не желаете быть оскорбленным, я могу дать вам совет.

— Какой, матушка?

— Не быть сыном своего отца. Будьте внуком своего деда. В любом великом доме бывает неудачное поколение, но это не значит, что династия выродилась. Торвальд Ретвальд имел власти больше, чем любой из Карданов, сидевших на Серебряном Троне прежде него, и основал бы империю, не одолей его болезнь прежде срока. Берите с него пример. Не позволяйте аристократии вами играть. Подождите, пока придет ваш час, научитесь всему, чему полагается — а потом заткните им рты. Они считают вас слабым, по праву рождения, и не будут вас опасаться. Держитесь незаметно, а затем действуйте — и не позволяйте уже никому чинить себе препон.

— Это дельный совет, — сказал принц, помолчав. — Я постараюсь ему последовать.

Два года минуло с того разговора — и очень многое случилось за прошедшее время. Сначала, среди зимы, умерла в лихорадке королева Лицеретта Августа, не достигши и сорока лет. Придворные шептались, что была она отравлена руками лумейских лазутчиков,

подобно тому, как ранее был убит ими старый граф Ричард Гальс. Вслед за тем, весной пятьдесят девятого года, бритерские таны Алард и Кентран осадили и пытались взять приступом Элвингард. Сын лорда Ричарда, Александр, отправился на защиту своих владений. Перед тем он просил лорда Раймонда прислать себе на подмогу малерионских гвардейцев — но герцог Айтверн ему отказал, заявив, что те нужнее на западе. Слухи усилились. Уверяли, Айтверном руководила зависть. Ричард Гальс сам добивался звания лорда-констебля — и его молодой наследник явно желал достигнуть положения, которого не достиг отец. При обороне Элвингарда Александр бился доблестно, показал себя хорошим командиром и отогнал захватчиков за пограничную реку Терму.

На Коронном совете, проходившем месяцем позже, Джеральд Коллинс спросил, не является ли бездействие лорда-констебля изменой. Айтверн отвечал ему, что не вправе снимать с занимаемых ими гарнизонов и перебрасывать за сотни миль своих солдат, когда опасность угрожает не его домену и не всему королевству, а единственному пограничному графству, чей сеньор вполне способен справиться с бритерским набегом собственными силами. «Или молодой граф Гальс столь немогуч, — спросил герцог Айтверн с усмешкой, — что не сможет один отогнать отребье, собранное разбойными танами с юга?» Присутствовавший на собрании Александр Гальс сухо ответил, что помощь ему в самом деле была не нужна, и что мелкая пограничная стычка вовсе не стоит перепалки перед лицом короля.

Король Брайан, как водится, призвал вельмож примириться — но было видно, он не станет осуждать герцога Айтверна. Гайвен, сидевший на скамье позади отца, внимательно изучал сеньора Западных Берегов, занимавшего место по правую руку от короля, пока тан Боуэн Лайонс, формальный глава совета, сидел по левую. Раймонд Айтверн действительно вел себя на собрании иберленской знати, как хозяин, и обвинения Коллинса скорее позабавили, чем разозлили его. Гайвен снова вспомнил слова матери о том, что лорд Запада манипулирует отцом ради удовлетворения собственных прихотей — и промолчал. В те дни наследник дома Ретвальдов нечасто заставлял о себе вспомнить.

Круглыми днями он изучал юриспруденцию и право, штудировал своды законов Иберленского и соседних королевств, просматривал сводки о торговле и податях, что поступали из канцелярии Граммера. Затем, по несколько часов в день, до изнеможения фехтовал. Считавшаяся принадлежностью аристократа дуэльная шпага, кавалерийский палаш, пехотный клеймор, рыцарский меч — принц старался приучить руку к любому оружию подобного рода. Брайан Ретвальд никогда не вступал в сражение сам — но Гайвен понимал, что если желает быть сильным государем, не должен следовать его примеру. Торвальд Ретвальд лично ходил в битву, пусть и был внуком колдуна и сыном интригана — и снискал себе на ратном поле уважение солдат.

Военные дела привлекли внимание Гайвена. Не сразу, но он все же добился у отца разрешения получать копии докладов из ведомства лорда-констебля. Не все из прочитанного там ему пришлось по душе. Так, оказалось, что герцог Айтверн переукомплектовал и расширил полки арбалетчиков, хотя те еще восемь лет назад доказали на эринландско-гарландской войне, что проигрывают вооруженному луками ополчению, будучи при этом недешевы в содержании.

Верховный констебль, кажется, вовсе не уделял интереса к новым веяниям в военном искусстве. Еще год назад генерал Терхол, комендант тимлейнского гарнизона, просил Раймонда закупить в Падане хотя бы десяток пушек, в придачу к имеющимся на вооружении

требушетами и баллистами. Пришедшее с востока новомодное оружие, основывавшееся на применении пороха, в ту пору как раз начало входить в обращение в Срединных Землях. Раймонд Айтверн прошению генерала Терхола отказал, завизировав, что названные бомбарды слишком опасны и сложны в обращении, и приобретение их будет пустой растратой доходов казны. Возражения, что огнестрельное оружие совершенствуется с каждым годом, и уже не каждая пушка взорвется при попытке выстрелить из нее, как было то еще пятнадцать лет назад, герцог Айтверн проигнорировал.

Подобное не нравилось Гайвену. Главнокомандующий не может рассуждать столь однобоко. Любое новое изобретение бывает поначалу опасно — но прогресс не стоит на месте. Впрочем, дела с принятием достижений прогресса в Иберлене давно обстояли неважно. Юный Ретвальд прочел достаточно много книг по истории, чтобы уяснить себе это.

Когда-то Иберлен развивался, и развивался бурными темпами — как и все окрестные государства, впрочем. Ту эпоху, трагически оборвавшуюся семь веков назад, философы даже окрестили Новым временем, эрой, как выражались они, Ренессанса. В Тарнарихе, прежней столице Карданов, заседал сенат, куда, в отличие от нынешнего королевского совета, входили представители всех сословий, не только дворянства. Открывались мануфактуры и фабрики. Там работали диковинные машины, новые усовершенствованные станки, работающие на механических принципах. С их помощью можно было выплавлять чугун, резать металл. Сообщалось в хрониках даже о более сложных изобретениях, например о странных осветительных приборах, о лампах, горевших магическим огнем, установленных Конклавом чародеев во дворцах наиболее влиятельных знатных родов. Читая эти записи, Гайвен Ретвальд ощущал смутную, непонятную тоску по былому времени.

Война Пламени изменила все. Огонь рухнул с небес, уничтожив блистательный Тарнарих. Девятьсот тысяч жизней сгорели в один день. Еще триста тысяч — в городе Айтверн, тогдашней резиденции Драконьих Владык. Были уничтожены не только машины и заводы, их производящие — погибли также люди, наделенные навыками создавать подобные вещи. Была уничтожена Башня Конклава, в которой хранились все научные знания Срединных Земель.

Ренессанс закончился.

Те из благородных лордов, что на момент катастрофы не находились в столице, потребовали у короля прекратить играть с запретными знаниями — будь то магия или искусство создания машин. Новый Конклав волшебников уже не был созван — немногие из выживших чародеев, такие как Айтверн и Фэринтайн, заявили, что не станут обучать наследников колдовству. Разоренные северные королевства на много столетий превратились в полу-дикарское захолустье. Государственная власть ослабела, сеньоры творили что им вздумается в своих владениях, зачала торговля. Даже сейчас в Тимлейне не имелось и половины того населения, что насчитывалось в Тарнарихе перед его падением. Иберленские лорды пестовали свои традиции, чураясь всего нового, полагая, что обжегшись однажды, следует отказаться от применения огня навсегда.

Пока север чах под гнетом суеверий и феодальных раздоров, поднялись новые могущественные державы на юге — сначала Падана, чьи государи Берайны владели одно время и нынешним Лумеем, затем Тарагонская империя. Войска последней едва не взяли штурмом Тимлейн — и лишь появление Бердарета-Колдуна сохранило независимость северу. Придя к власти, первый Ретвальд отменил старые запреты и основал Академию, куда

приглашал ученых людей со всех уголков света. Сделал он это вовремя, ведь подобного рода университеты уже начали возникать и в других государствах. Южане не боялись новшеств. Кабы не инициатива Ретвальда, Иберленское королевство имело шансы навсегда оказаться на обочине цивилизации. Астрономы и астрологи, механики и алхимики — все они, пользуясь покровительством Короля-Колдуна, находили приют в стенах Высокой Академии Тимлейна.

Навигационные приборы, подобные астролэбии и секстанту, облегчили морскую торговлю с дальними странами, с Венецией и Арэйной, а система водопровода и канализации избавила улицы Тимлейна от прежде одолевавшего их смрада. Говорили, скоро Ренессанс начнется вновь. Может быть, уже начинается.

И все же доверие к науке не было безграничным. Даже герцог Айтверн брезгливо морщился на упоминание пушек. Что уж тут было говорить о магии — она и вовсе, несмотря на пример Бердарета Ретвальда, была окружена ореолом страха. Гайвен не раз задумывался, смог ли бы он овладеть колдовскими секретами основателя своего дома? Один хмурый майский день на вершинах Горелых Холмов дал ему окончательный ответ на этот вопрос.

— На что похожа твоя магия? — спросил Гайвена Артур Айтверн несколькими днями позже.

— Я уже говорил тебе. На море в шторм. На внезапный порыв ветра. На крик в пустоту. Это все совсем не так, как написано в сказках. Не нужно шептать заклятия, не нужно призывать демонов. Все проще и сложнее сразу. Мне захотелось, чтоб Эрдера не стало, вот его и не стало. Мне казалось, меня прознает свет, и мое тело вот-вот распадется на части. Вместо этого исчез Эрдер. — Гайвен помолчал. — Но когда он умирал — я ощутил такую телесную боль, будто умирал вместе с ним.

Артур Айтверн выслушал, угрюмо кивнул. Гайвен до сих пор не знал, как ему относиться к этому человеку и кем его считать — неприятелем, другом, союзником или противником. Прежде сын лорда Раймонда вел себя задиристо, относился к наследнику Ретвальдов без всякого почтения, словно нарочно пытался поддеть. Война изменила его. Теперь новый герцог Айтверн был серьезен, временами даже молчалив, держался мрачно. Он на многое пошел ради победы в этой войне. Убил собственного давнего друга, Александра Гальса, а затем — короля, с которым его семья была связана тысячей лет верности. Ведь это Карданы, не Ретвальды, дважды собрали Иберлен из осколков. Сначала отстояли от натиска темных фэйри разрозненные герцогства северо-запада, затем — подняли страну из пепла Войны Пламени. Убив Гледерика Кардана, Артур пошел против чести и памяти своих предков. Именно Артуру, по большому счету, Гайвен был обязан трон — и потому почувствовал себя предателем в миг, когда лишил его звания лорда-констебля.

И все же поступить иначе Гайвен не мог. У Иберлена уже был, только что, один плохой лорд-констебль — проморгавший предательство в рядах собственного окружения, бездарно позволивший врагу взять королевский замок, не уберегший государя, которого клялся защищать. Раймонд Айтверн был волевым человеком и хорошо обученным воином — но ничто из этого не делало его более подходящим для должности, которую он занимал. Оставлять на этой должности его сына означало подвергать Иберлен новому риску.

«Я сам дал ему эту должность, — подумал Ретвальд отстраненно. — Мне был нужен человек, который соберет лордов Запада вместе под одним знаменем, заставит их мне подчиняться. Артур, в силу своей знатности, подходил как никто. Но теперь, когда армия

собрана, командовать он ею не сможет».

Сначала Гайвен предложил принять командование войском Данкану Тарвелу. Случился этот разговор на второй день после того, как солдаты армии Ретвальда заняли Тимлейн. Гайвен принимал стеренхордского герцога в малом королевском кабинете, в тот самый, где как рассказывали слухи, две недели назад Гледерик Кардан убил графов Дериварна и Холдейна, устроивших попытку покушения на него.

— Иберленской армии нужен новый командир, — сказал Гайвен прямо. — Сейчас нужно разместить войско в городе, следить за предотвращением новых бунтов. Встретить солдат Эрдера и Гальса, когда те подойдут — и держать их под присмотром. Это все сложная работа. Сэр Артур мог бы справиться с нею — лет через десять, если наберется опыта. В настоящего момент такого опыта у него нет. Сэр Данкан, вы спланировали эту кампанию от начала и до конца. Примите официально то звание, которое все это время занимали по сути.

Данкан Тарвел сидел в кресле напротив Гайвена. Прямая негнувшаяся осанка. Раньше поседевшие волосы — не белые, как у Гайвена сейчас, а скорее серые, как грязный снег. Костистые пальцы, задумчиво выбивавшие барабанную дробь на подлокотнике кресла. Предложенного ему вина Тарвел пить не стал. Он ни разу не притрагивался к выпивке с момента, как выступил на эту войну. Не притронулся и сейчас — видимо, для лорда Данкана война еще не закончилась. В дни мира он пил много, но только не в дни войны.

— Вы молчите, герцог. Мое предложение вам не по нраву?

— Подотритесь вы своим предложением, милорд, — сказал владетель Железного замка неожиданно грубо. — Сами думаете, что творите? Сначала произвели мальчишку в констебли, чтоб он драл глотку перед строем и расписывал солдатам, что они должны за вас драться. Потом — позволили пойти посчитать на верную смерть, и чудо, что он вернулся с той вылазки живым. А теперь, когда Артур посадил вашу задницу на Серебряный Трон, вы погоните его прочь?

— Я приготовил для герцога Айтверна пост главы Коронного совета. Это звание более весомо, чем звание констебля.

— Это звание — куриное дерьмо, мой король. При вашем деде первый министр подносил ему бокал с вином, при вашем батюшке — подносил Раймонду бумажки на подпись. Парень грезит быть рыцарем. Парады, смотр, пение труб, вся эта романтика для молокососов. Вы подарили ему ее, а теперь отправите дышать пылью и перечитывать ваши указы.

По большому счету, Тарвел был прав. Гайвен прекрасно понимал это — и не позволил и тени такого понимания отразиться на своем лице.

— Я допустил ошибку, — сказал он вместо этого. — Мне следовало изначально доверить армию вам. Но я побоялся сделать это, потому что... — Ретвальд запнулся.

— Потому что я сказал, плевать мне на ваши войны, и на то, кто будет сидеть в этой комнате, вы или Кардан, мне тоже было плевать. Артур тогда прижал меня к стенке. Все требовал, чтоб я согнул перед вами спину. Рядом сидел граф Гальс и требовал того же, но для своего короля. Я им сказал — деритесь промеж собой, только от меня отстаньте. Они и подрались. Потом я служил вам верно. Да, этой кампанией руководил я. Но продолжать это делать я не намерен. Вы получили трон — теперь крутитесь сами, доказывайте, что способны его удержать. Выслуживаться за вас я не стану.

— Замыслили вернуться к родным камням, герцог?

— Пока могу и в вашей расфранченной столице посидеть. Но я не стану, — лицо Данкана будто закаменело, — не стану, вы слышите, похвалиться титулом, который сейчас носит мой бывший оруженосец. Он бестолковый юнец, но права возглавлять вашу армию заслуживает больше, чем я. Ведь мне на вас наплевать, а он вас любит.

Гайвен на секунду закрыл глаза.

— Можете идти, герцог. Оставайтесь в пределах моего домена. Можете в Тимлейне, можете в своем лагере под городом. Но если вздумаете отбыть в Стеренхорд прежде моей коронации или увести туда свою гвардию, обвиню вас в измене.

— Ваши слова мне понятны, милорд, — Данкан встал, коротко кивнул и вышел.

Следующим Гайвен вызвал Роальда Рейсворта. Этот оказался сговорчивей. Доводы короля он выслушал внимательно, ни единым словом не попытавшись прекословить.

— Хорошо, — сказал граф Рейсворт коротко. — Я справлюсь с этой задачей.

Лорд Роальд держался невозмутимо. Ветеран четырех малоудачных кампаний в Северном Лумее, он редко прежде появлялся при дворе. Когда Раймонд и Роальд были молоды, они оба вместе проводили много времени близ театра военных действий. Потом Раймонд зачастил в Тимлейн, его же двоюродный брат в качестве наместника управлял фамильными владениями Айтвернов на западе. Политики граф Рейсворт чурался, против решений Раймонда никогда не прекословил. Он хорошо разбирался в военном деле и казался очень сговорчивым.

— Вижу, — прибавил Роальд, — вы опешили от моей решительности.

— Я ожидал, вы станете задавать вопросы.

— О причинах, по которым в вашу немилость впал мой сюзерен, герцог Айтверн? Я полагаю, вам, как королю Иберлена, виднее, и с моей стороны было бы нагло пытаться вас расспросить.

— Вы верно понимаете ситуацию, — Гайвен на миг ощутил облегчение. Очередных возражений он бы не вынес. — В ближайшее время в столицу придут Эдвард Эрдер и Виктор Гальс со своими отрядами. Они должны будут принести мне присягу верности на моей коронации. Также, я отдам в ближайшие дни распоряжения, согласно которым королевская армия должна будет занять их владения и впредь следить за недопущением новых бунтов. Лорду-констеблю следует отобрать надежных офицеров и укомплектовать гарнизоны для поддержания порядка в мятежных провинциях. Вы справитесь с этой задачей?

— Разумеется, мой король. Королевская армия перестала быть благонадежной после предательства Терхола, но в моей личной гвардии и в малерионском войске найдется достаточно людей, которым можно доверять. Я переведу их на соответствующие должности.

— Ваша личная гвардия, как и само малерионское войско, находятся под юрисдикцией Драконьих Владык, не дома Ретвальдов. Вы уверены, что сможете добиться перевода названных военачальников в мою армию, не вызвав недовольства герцога Айтверна? И согласятся ли сами эти люди сменить сюзерена?

Рейсворт сделал многозначительную паузу.

— Сюзерен, — сказал лорд Роальд, — у этих людей был один. Мой покойный кузен. Авторитет лорда Артура в войсках почти нулевой. Солдаты не знают его. Как лорд-констебль, я легко проведу все необходимые нашему делу перестановки. Фактом сейчас является то, что армии Ретвальдов в самом деле нельзя доверять. Ей нужны новые командующие.

«Таким образом, — подумал Гайвен, — я продолжаю делать то, от чего меня предостерегала мать. Продолжаю политику отца. Цепным псом Ретвальдов станет вилять малерионский хвост, и кто знает, чье теперь войско, мое или этого побочного Айтверна?»

Выбора у юного короля все равно не было. Две трети офицеров, прежде служивших в войске Ретвальдов под началом Раймонда, предали своего командира и поддержали притязания Кардана на трон. На Горелых Холмах королевская армия, принявшая сторону Гледерика, под знаменем Яблочного Древа выступила против дружин Айтвернов и Тарвелов, поднявших ретвальдовского хорька. Доверия запятнавшим себя лейтенантам и капитанам больше не было, требовались другие, как в столицу, так и для надзора за мятежными окраинами — а значит, следовало привлечь малерионцев. Не Тарвела же, который предпочел устранился. Из малерионцев Роальд Рейсворт обладал наибольшим влиянием. Оставалось лишь надеяться, что назначение его верховным констеблем удовлетворит его амбиции и обеспечит преданность.

Прежние союзники Кардана держались пока покладисто — по крайней мере, на виду. Старый Джеральд Коллинс был неизменно учтив с новым королем, приходил на каждое заседание Коронного совета, ни единым жестом не напоминал, что сидел в этом совете и пару месяцев назад, когда его возглавлял узурпатор. Казалось бы, герцог Коллинс настолько разбит гибелью старшего сына, что теперь и вовсе не помыслит упорствовать в измене. Эта показная покорность не обманывала Гайвена. Помимо покойного Элберта, у владельца Дейревера оставалось еще двое сыновей, Брендан и Джером, и кто знает, не стремятся ли они мстить за брата.

Эдвард Эрдер, сын погибшего от пробудившейся магии Ретвальдов лорда Джейкоба, приехал в Тимлейн в конце июня. Это был очаровательный, любезный молодой человек, всем своим видом демонстрировавший, что не разделяет заблуждений отца.

— Ваши меры, — говорил он, улыбаясь, Ретвальду при личной встрече, — без сомнения, суровы, но я понимаю их обоснованность. Иной государь на вашем месте был бы и более жесток. Шоненгем примет и ваших солдат, и вашего наместника — я верю, конечно, что эти люди станут вести себя разумно и не допустят самоуправства. Я буду защищать свой народ, если его права окажутся ущемлены, — улыбка лорда Эрдера стала шире, — но и в мыслях не держу запятнать себя тем неповиновением, которое проявил мой отец.

— Вы хотите сказать, герцог, что не одобряете попытку реставрации Карданов?

— Я хочу сказать, мой король, что мой дом ни в малой степени не был заинтересован в ней. Ваш батюшка никогда не ущемлял вольностей Шоненгема, и что не говори о Раймонде Айтверне, он тоже никогда не шел против нас. Мой покойный отец, — а вот теперь улыбка молодого Эрдера поблекла, — руководствовался идеалистичными принципами верности прежней династии, а вовсе не интересами нашего домена. Я могу понять Гальса и Коллинса, бездарное противостояние с Лумеем и Бритером уже пятнадцать лет отравляет им жизнь и вызвало их злость. Но север в эти дела не вовлечен никак. Отец... Отец хотел видеть королем Кардана, вот и все. Это фамильная гордость, желание отыграться за гибель лорда Камбера. Мой король, видит Бог, я не столь мелочен.

— И вы не намерены присоединиться к новому бунту, если тот вдруг возникнет?

— Ваше величество, я не глупец. Иберлен пролил достаточно крови, зачем проливать еще? Если ваше правление окажется справедливым, а я уповаю на это, надобность в бунте отпадет и вовсе. Вы же располагаете планом, как остановить эту возмутительную войну с Лумеем?

Вопрос, заданный шоненгемским герцогом, казался небрежным, но требовал вразумительного ответа. Авантюра, предпринятая Торвальдом Ретвальдом на закате его могущества, неоправданно затянулась. Началась она почти два десятка лет назад с попытки взять Аремис, но попытка эта оказалась провальной. Затем старый король умер, иберленская армия отступила, и противостояние приняло затяжной характер — особенно, когда в него включился и соседствующий Бритер. С тех пор война то затихала на несколько лет, то разгоралась вновь. Порой иберленские войска занимали северные области Лумея, порой бритерцы и лумейцы, как случилось это недавно, тревожили набегами пограничные домены северного королевства. Кардан собирался положить этому разорительному конфликту конец, а сможет ли продолжить его дело Ретвальд?

— В скором времени, герцог Эрдер, в Тимлейн прибывает Клифф Гарландский. После моей коронации мы обсудим возможность союза. — «И для этого, видимо, мне все же придется взять в жены его старшую дочь. Что ж, если Айна все равно отказала мне, нет разницы, кого видеть своей королевой». — Вместе мы сможем уже через год перейти в наступление.

— Гончие Псы Кенриайна, — Эрдер удовлетворенно кивнул, — это сильный союзник, в самом деле — несмотря на их восточные неудачи. Я буду надеяться на успех этого дела, мой король.

Пока Эрдер казался лояльным — как казались лояльными они все, все эти герцоги и графы, еще недавно вешавшие на башнях своих крепостей знамена с Яблочным Деревом. Гайвен ни на минуту не доверял никому из них. «Они ждут, когда я оступлюсь и проявлю слабость — а потом набросятся и разорвут мне плотку». Мабон и намеченная на него коронация должны были все решить. Выступив перед лордами, он должен был проявить им свою силу. И речь шла не только о союзе с Гарландом, о котором на коронации предстояло объявить. В личных дополнениях к пригласительному письму, отправленному Ретвальдом еще в начале июня в Кенриайн, он сообщал о готовности заключить помолвку с юной Эмилией. Однако не только приглашенная из Гарланда королева и помощь прославленных гарландских лучников занимали сейчас мысли юного короля.

Магия. Второй Король-Чародей, так прозвали его — а он все еще не имел ни малейшего понятия, как этой магией управлять. Если бы он мог устроить на коронации нечто вроде представления, продемонстрировать в деле свое волшебство всем мятежным лордам и строптивым вассалам — это бы навсегда укрепило их в верности. Покорность страны перед Бердаретом-Колдуном держалась на страхе перед его Силой, следует показать вновь, что Сила Ретвальдов жива. Какой-нибудь фокус вроде тех, которыми Бердарет при первой встрече напугал Коронный совет Иберлена, игра света или теней. Вот только молодой Ретвальд не знал, как добиться подобного.

Он вновь перерыл все секретные архивы Тимлейнской цитадели, доступ в которые имели лишь представители королевского дома — вот только книг, посвященных колдовству, нашлось там всего три. Первая — переписанные от руки каллиграфическим почерком «Основы незримого мира» мэтра Дрипонаса, уже читанные Гайвеном раньше. Мэтр Дрипонас, уроженец южного Либуерна, сам колдуном не был. Он приехал в Иберлен проводить свои изыскания, касающиеся магии, через пятьдесят лет после Войны Пламени, когда страна все еще была скована суевериями и страхом. Прилежно законспектировал несколько сотен легенд и поверий, включающих истории про ведьм, летающих на метле нагими в свете полной луны, или рецепты приворотного зелья. Ничего из этого не имело

отношения к подлинному чародейству.

Еще две книги были напечатаны до Войны Пламени — но касались магии лишь вскользь. Одна была учебником естествознания, вторая — истории. Сами по себе они были интересны, но о колдовстве говорили до обидного немного, да и то такими терминами, которые непросто было понять. «Концентрация психокинетической энергии», «изменение восприятия трехмерного мира», «подключение к глобальной матрице информационного поля». Насколько смог Гайвен уразуметь рассуждения авторов, имелось ими в виду, что для творения магии в самом деле не нужно было чертить пентаграмму или кричать заклятия на высоком антракте. Требовались чистая воля и чистый разум, приложенные в правильном направлении.

К сожалению, более подробные и конкретные руководства не пережили войну магов и последовавший за ней хаос. Единственным дельным советом, вынесенным юным Ретвальдом из книг, оказалась байка о памяти минувшего, приведенная еще мэтром Дрипонасом. Мол, носители Дара способны заглядывать в прошлое и воскрешать память своих далеких предков. Недаром и Артур рассказывал о похожих видениях, приходивших к нему. Если Гайвен сможет воскресить в себе память Бердарета Ретвальда, возможно, он овладеет и его магическими знаниями? Раз за разом молодой король напрягал разум, представляя, что пытается проникнуть сознанием в далеко прошедшие годы и посмотреть на мир глазами своего опочившего предка. Делал он это, как советовалось в книге, несколько раз в день, на рассвете, в промежутках заседаний кабинета министров, перед сном. Каждый раз безрезультатно, и на третьей неделе Гайвен понял, что готов отчаяться.

А потом начались сны — где-то сразу после Ламмаса. Одни и те же, постоянные, гнетущие. Величественные города, уничтожаемые землетрясением. Драконы, дышащие огнем и танцующие среди туч. Неслышимый бестелесный голос, проникающий будто прямо в душу. «Я ищу тебя и уже скоро найду».

Просыпаясь каждый раз после этих кошмаров, молодой Ретвальд ощущал, что медленно сходит с ума. Кто ищет его и кто хочет найти? Что за тихий шепот, постоянно доносящийся на грани сознания? Откуда взялось это ощущение чужого внимания, неизменно преследующего его? К концу августа, когда прибыло наконец гарландское посольство вместе с прелестной Эмилией и ее воинственным отцом, кошмары сделались почти невыносимы.

Артура в эти дни Гайвен сторонился — между ними и без того пролегла тень. Однажды, в самые последние дни августа, молодой Айтверн все же спросил его:

— Что с тобой творится, дорогой сюзерен? На тебе совсем уж лица нет. Любовницу, что ли, завел, и она тебе спать мешает?

«Если бы. Если бы».

Комната, в которой они с Артуром сидели за поздним завтраком, на мгновение дрогнула, словно утратила четкость ощущений. Гайвен моргнул, и наваждение тут же пропало.

— Государственные заботы, — насилу ответил Король-Чародей. — Вам бы не знать, господин первый министр, как могут они утомлять.

«Ты скоро явишься ко мне — и тогда мы поговорим. У тебя есть вопросы, я могу все объяснить». Уже почти знакомый голос, произнесший эти слова, был слышен, казалось, почти наяву. Гайвен поглядел на Артура — тот, похоже, ничего подобного не заметил. Никто не зывал к нему из незримого мира.

— Что такое? — герцог Запада нахмурился. — У меня рога на голове выросли?

— Заведете супругу, лорд Айтверн, тогда и будут вам рога, — не сдержал улыбки Гайвен.

— Поостерегусь пока что. А насчет девицы Рэдгар ты точно решил?

— Разумеется. Поговорю еще с лордом Клиффом, и на Мабон как раз объявим помолвку.

— Я помню, — сказал Артур словно между делом, — ты проявлял интерес к моей сестре.

— Она не проявляла ко мне интереса, — ответил Гайвен спокойно. — Как ее дела, к слову?

— Недавно я пришел домой навеселе, как раз после того, как мы обсуждали с Рэдгаром ваш альянс. Набросилась на меня, едва не накричала. С тех пор я ночую во дворце. Кажется, ваше величество, — ухмылка Артура была откровенно вымученной, — отношения с леди Айной не сложились у нас обоих.

— Что ж, значит так тому и быть. А тебе все же стоит озаботиться выбором супруги, времена нынче беспокойные. Ты оказывал знаки внимания девице Таламор. Почему теперь ее сторонись?

Артур замялся. Размешал ложкой десерт.

— Я не знаю, — сказал он тихо.

— К Мабону найди себе невесту. В нынешние времена герцогу Айтверну не пристало не иметь наследника. На коронации соберется много иноземных аристократок. Подумай, союз с кем из них окажется Малериону наиболее выгоден.

— Такими заботами не отягощал меня даже мой отец, — сказал Артур с откровенной злостью. — Вы мой король, но в мою спальню извольте не лезть.

— Твой отец излишне скорбел по твоей матери. Их брак был совершен без любви, и ему не хватало решимости обречь тебя на подобную участь. Однако, — Гайвен посмотрел на вассала со всей строгостью, — сейчас мы не можем позволить себе таких щепетильностей. Коллинс имеет двух наследников, старший сын Тресвальда, будучи на два года старше тебя, уже женат, а что ты? Следуешь примеру Александра Гальса? Тот хранил верность своей юношеской любви, вот и кончилось тем, что ему наследует брат. Я не думаю, что ты хочешь видеть герцогом Айтверном Лейвиса, Артур.

— Хорошо, — сказал первый министр Иберлена хмуро, — я задумаюсь на этот счет.

— Задумайся. Самое время.

Когда Артур, сердито откланявшись, вышел, взмахнув расшитым золотыми драконами зеленым плащом, бестелесный голос раздался вновь — раздался внезапно, как и всегда. Он прозвучал, когда молодой Ретвальд поднимался из-за стола, и от неожиданности король пошатнулся и едва не упал, напугав слугу. Гайвен с трудом устоял, вцепившись пальцами в спинку кресла. В ушах прозвучало, произнесенное доверительно, почти с приязнью:

«Ты делаешь все верно — но твой груз слишком тяжок, а эти люди слишком равнодушны, чтобы осознавать твои цели. Я помогу тебе, дитя моей крови, если ты откроешь мне дверь».

Гайвен огляделся — кроме камердинера, он был в зале один.

— Вам дурно, мой король? — спросил тот встревожено.

— О нет, Чарльз. У меня просто закружилась голова. Я дурно сегодня спал.

«Ты пытаешься найти ключи от Силы — и я дам тебе их все. Только не бойся меня, пожалуйста. Я тебе не враг».

— Ваше величество? — слуга не отставал. Не иначе видел, как помертвело лицо короля.

— Все в порядке. Я просто... — «Я просто схожу с ума». — Я просто немного устал.

«Ты не безумен. Ты в ясном рассудке. Это магия, которую ты искал. Приди ко мне, когда сможешь — и я научу тебя тому, чему не научит никто».

3 сентября 4948 года

Кэмерон Грейдан оказалась не совсем такой, какой Артур ее представлял. Представлялась ему женщина-ремень — холодная, властная, жесткая, с клинком, обогранным кровью врагов, с послушной малейшему мановению ее руки армией за спиной. Такой она выглядела на портрете, что он однажды заказал из-за границы, желая больше узнать о своем кумире — и не совсем такой оказалась в жизни.

Чернокудрая, белокожая, статная, ослепительно красивая диковатой красотой востока, вдовствующая королева Эринланда держалась с простотой, даже нахальством бывалого ландскнехта. Героиню рыцарских романов она напоминала мало, скорее уж странствующую наемницу, какого-нибудь капитана вольных отрядов. На юге такие водились — это в Иберлене считалось, будто женщине не полагается брать оружие в руки. На разбойницу с большой дороги, непонятным капризом надевшую придворное платье, леди Кэмерон походила больше всего.

И все же Кэмерон Грейдан была и оставалась королевой. Эдвард Фэринтайн не стал лишать ее этого титула, пусть даже покойный ее супруг, король Хендрик, восемь лет уже лежал в сырой земле, оставив двоюродному брату эринландский трон. Когда армия Клиффа Рэдгара в декабре пятьдесят второго года осаждала Таэрверн, если бы не мужество леди Кэмерон, город скорее всего бы пал. Ведь государь Хендрик погиб, эринландская армия оказалась деморализована, опальный принц Эдвард не пользовался тогда большим доверием у солдат. Кэмерон Грейдан сплотила вокруг себя жителей столицы, а затем, когда победа была одержана, отдала власть Фэринтайну. Прежде Артур часто мечтал встретиться с ней. Находясь на службе у герцога Тарвела, даже задумал однажды сбежать на восток, дабы увидеть своими глазами легендарную Королеву Зимы. И вот леди Кэмерон шла рука под руку с ним, улыбалась, шутила (порой весьма грубовато), комментировала дворцовые гобелены и наряды придворных.

— До ларэмской роскоши вам, конечно, далековато, — прищурилась она, изучая убранство приемных залов, — но старый-добрый Каэр Сиди вы оставили в дураках.

— Моя леди бывала в Ларэме?

— Пока не твоя, — хмыкнула вдова эринландского короля, — но бывала. После смерти Хендрика меня угораздило поколесить по свету, с визитами разной степени официальности. На паданскую столицу стоит посмотреть. Они извели на нее, небось, все мрамор и золото Срединных Земель — кроме тех, что достались Толаде. Сам ты, судя по твоим выпученным глазам, по свету не странствовал?

— Не довелось, ваше величество.

— Отчего же так? Двадцать лет, в этом возрасте молодые люди уже пускаются в путешествия. Гледерик Брейсвер из дома в пятнадцать лет сбежал, как он рассказывал — так был он сыном купеческого приказчика. А ты сын герцога, и что, не хотелось никогда увидеть мир?

На этот вопрос Артур затруднился бы дать определенный ответ. Свое детство он провел на западе Иберлена, в Малерионе. Там, в краю высоких холмов и изумрудной травой

поросших долин, на берегу вечно шумящего, беспокойного океана, он часто мечтал о неизведанных землях. О легендарном Медосе на западе, где жива, по преданию, магия Древних. О таинственной Чинской империи на востоке, откуда венетские купцы привозили пряности и шелк. О Райгаде, Арэйне, Та-Кем. Но дальше Тимлейна на восток Артур так и не забрался. Стеренхордские леса заменили ему восточные степи, а столичные салоны — южные острова.

— Хотелось, — сказал Артур наконец, — да сначала руки не дошли, а теперь куда мне?

— А теперь ты первый министр, и совершишь еще не одну дипломатическую миссию, — улыбнулась ему Кэмерон ободряюще. — Твое положение просто располагает к поездкам. Это тебе лучше, чем быть наместником в какой-нибудь дыре. Держи выше нос, малыш.

— Малышом, сударыня, меня в последние пять лет называли только мой отец и лорд Данкан Тарвел, а вы не похожи ни на одного, ни на другого.

— Будет тебе хорохориться. Я слышала, вы отменный дуэлянт, сэр Артур? Вызываете на поединок каждого, кто усомнится в вашей доблести?

— Каждого, кто усомнится открыто, — уточнил Артур. — Бегать за сплетниками и шептунами было бы неблагородно и мелко. Поэтому в лицо со мной как правило любезны до крайности. А что, госпожа, вы кажется хотели переведаться со мной на шпагах?

— Скорее уж на мечях. В моем багаже остался добрый клеймор. Как вы относитесь к подобному виду оружия, юноша?

— Клеймор двуручный? Предпочитаю прямой палаш на одну руку, если надо рубить, и шпагу, если колоть или резать. Зависит от противника, от настроения, от многого. Как вышло, сударыня, что женщина столь ловко разбирается в военном искусстве?

Кэмерон пожала плечами. Посмотрела куда-то вдаль.

— Мне хотелось сражаться. Я не эринландка по матери. Мой род был с севера, из Глак-Хорла, пока тот не погиб. Мои предки вместе с ильмерградцами странствовали по Ветреному морю и нападали на города тех земель, где сейчас Гарланд. Выросла я среди таэрвернских особняков и липовых аллей Верхнего Города, но истории о древних воительницах с детства манили меня. Отец выдал меня за Хендрика, Хендрик оказался расположен к моим фантазиям. Лично занимался со мной каждый день, учил обращаться с оружием. Говорил, это правильно. Говорил, королева Вращающегося Замка должна быть столь же искусным воином, как и король. Моей радости не было предела, когда я впервые выбила меч у него из рук. А Хендрик тогда рассмеялся, крепко обнял меня и прижал к груди.

Артуру стало на мгновение неловко. Он поколебался, прежде чем сказать:

— Я сочувствую вашей утрате. Вижу, вы любили его. При заключении подобных браков любовь бывает нечасто. Вам повезло, наверно. — Приказ Гайвена найти себе невесту до сих пор звучал у молодого Айтверна в ушах. Ему и помыслить не хотелось, какой та невеста окажется.

— Не стоит мне сочувствовать, — сказала Кэмерон. — Я за эти годы наслушалась столько сочувствий, что просто от них устала. Да и прекрасным принцем из сказки Хендрик все же не был. Иногда он вел себя, как отменный баран. Вы, я вижу, сдружились с королем Клиффом — а старина Клифф не так уж прост. Он может рассказывать вам смешные байки и пить с вами вино, но у него нюх, как у гончей собаки со своего герба, и разум, как у опытного крючкотвора. Хендрик хотел бранной славы, а Клифф играл на этом. Подослал ему убийц, разозлил до крайности. Хендрик выступил в поход, будучи к этому походу не

готов. Так я лишилась мужа, а Гарланд чуть не стал в полтора раза шире себя.

— Я понимаю. Каждый король печется об интересах своего королевства. Лорд Клифф прибыл сюда ради брачного союза с домом Ретвальдов. Как первый министр, я произвожу часть переговоров, связанных с этим.

— Сам жениться пока не надумал?

— Может и надумал, — посмотрел Артур на Кэмерон с вызовом, — да было бы на ком. Вы, кажется, за прошедшие после смерти короля Хендрика годы также не обзавелись новым мужем? Желающих терпеть ваш острый язык, надо полагать, не обнаружилось?

— Желающие-то были, — пожалла вдова Грейдана плечами, — у меня желания не было. Когда вокруг придворные болтуны, проще оставаться одной. Вы ж сами понимаете, герцог Айтверн, каковы эти аристократы. Воспитание отменное, красивых слов на отнюдь не остром языке хоть ложкой жуй, а за душой ни совести, ни чести.

Беседа на какое-то время увяла. Кэмерон и Артур, обойдя за последний час большую часть парадных залов главного здания Тимлейнской крепости, расположились в уютной галерее третьего этажа, выходящей на поросший тенистым садом небольшой внутренний дворик. Артур сидел на высокой скамье, болтал ногами и смотрел в окно. Вдовствующая королева расположилась рядом. Кэмерон сидела к Артуру вполоборота, тоже глядела куда-то вдаль, теребила край черного платья. До назначенного Гайвенем званого ужина оставалось еще добрых два часа.

Молчание, повисшее в галерее, начало становиться тревожным, и Артур внезапно испытал неловкость.

— Простите меня, — сказал он. — Я был неучтив, сказав, что вы неприятны мужчинам.

— Пустое, — ответила Кэмерон равнодушно. — Я в самом деле бываю несносна. Не женись на мне Хендрик, осталась бы в старых девах. Не знаю, что он во мне нашел. Все время хохотал, что ему понравились мои зубы, будто я лошадь какая-то.

— Я вас оскорбил.

— Да хватит уже извиняться. Что до моего брака... Эдвард тоже все время ворчит, что не хватало мне ходить во вдовах до скончания века. Только многое он в этом понимает? Хотя да, наш король же мастер в делах любви. Одну невесту со скандалом бросил, сам женился на ведьме из дикого леса.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

За возможность сменить тему молодой Айтверн уцепился охотно. Все лучше, чем касаться в разговоре матримониальных дел.

— Расскажите мне об этом. Эдвард Фэринтайн и его жена практикуют магию?

Кэмерон ответила не сразу, будто испытывала какие-то колебания.

— Практикуют. Они о таком стараются не говорить, но ты услышать, пожалуй, вправе. Кэран в самом деле наследница герцогов Кэйвен. Их род не прервался в Войну Пламени, как гласят хроники, а затаился где-то в глуши. Это все было связано с колдовством. Когда Фэринтайны и вы, Айтверны, отказались от его применения, Кэйвены предпочли уйти от людей, но магию сохранить. Дар передавался в их роду по женской линии. Куда они девали мужчин — лучше не спрашивай. Кэран была воспитана полу-безумной мамашей, напичкавшей ее глупостями, что именно она должна вернуть искусство волшебства в наш бренный мир. По молодости Кэран совершила немало дурацких поступков — ради исполнения своей великой миссии, конечно. — Кэмерон хмыкнула. — Эдвард увидел бедняжку и пожалел, хоть она едва не заколола его насмерть — все считала Фэринтайнов

виноватыми в их отречении от колдовства. Вот только Эдвард и сам сизмальства тяготел к подобным материям. Кэран свалилась нам под ноги в треске и блеске, едва молнии из глаз не пускала. Эдварду пришлось приложить немало усилий, чтоб остановить слухи о ее даре. Уверил всех, и немалым подкупом, что рассказы об умениях его избранницы — всего лишь бредни пьяной солдатни.

— Почему? Если они чародеи, разве не хотели они пользоваться своей силой прилюдно?

— Твой сюзерен Гайвен Ретвальд воспользовался своей силой прилюдно. Много верноподаннической любви это ему принесло?

— Кажется, я понимаю, о чем вы, сударыня.

— Я об этом. Эдвард сказал Кэран, лучше сначала изучить все самостоятельно — не производя лишнего шума. Они углубились в книги, в эксперименты, в попытке что-то сделать самим. Сначала это — потом уже огласка. Стали искать потихоньку учеников. Пробовали привлечь даже Гледерика, да тот отказался. Юнец чурался магии, как огня. Что-то из своих знаний они передали Гленану, что-то еще кому-то из надежных людей. В планах у них ни много, ни мало — созвать новый Конклав. Ретвальд спутал им все карты. Явил магию, да еще на поле боя, как чародеи древности. За считанные месяцы восстановил против себя все королевство. Эдвард и Кэран приехали сюда ему помочь, пока он не свернул себе шею окончательно. А Король ваш Чародей вместо этого воротит от них нос. Отказывается от дружеской поддержки.

— Гайвен последнее время... не слишком общителен.

— Я заметила. Любезен, как северный шторм, приветлив, как укол стилетом.

Артур усмехнулся:

— Вы мастер тонких метафор, королева.

— Не без этого, герцог.

Айтверн внезапно обнаружил, что имевшееся между ними напряжение как рукой сняло, что ему больше не хочется задира́ть Кэмерон Грейдан, да и она, кажется, больше не зади́рала его. Наследник малерионских герцогов и вдовствующая королева Эринланда сидели на скамье совсем рядом, на расстоянии нескольких дюймов плечом к плечу, и высокая грудь Кэмерон мерно вздымалась под лифом строгого платья. Артур обратил внимание, что и в свои двадцать девять лет леди Грейдан сохранила всю красоту молодости — разве что возле глаз и губ в паре мест обозначились смешливые морщинки.

— Вы, кажется, проявили большой интерес к иберленской живописи, — сказал он осторожно.

— Не скажу, что большой, но парочка любопытных полотен в вашей парадной висит.

— Найдутся и еще более любопытные. В этом замке хранится картина работы моего предка, Эйдана Айтверна — основателя первого Конклава и героя битвы при холме Дрейведен. Изображает его самого и Темного Владыку Шэграла, Повелителя Бурь Севера, на их переговорах перед началом войны. Сказать точнее, это копия, но копия абсолютно точная, сделанная еще в старом Тарнарихе. Возможно, вам будет интересно взглянуть?

— Можно и посмотреть, все равно хоть ноги разомну. Куда прикажете идти, герцог?

— Картина хранится в моем кабинете, — Артур посмотрел Кэмерон прямо в глаза. — Это недалеко. На этом же этаже.

Кэмерон помолчала. Закусила на миг нижнюю губу, будто раздумывая о чем-то. Потом вздохнула и широко, белозубо улыбнулась. Зубы у нее и в самом деле оказались отменные,

здесь покойный король Эринланда не ошибся. Королева легко поднялась со скамьи, взяла Артура за руки и потянула его за собой, будто знала дорогу:

— Пойдемте, герцог Айтверн. Посмотрим, что у вас за картина.

Идти до кабинета оказалось в самом деле недалеко. За это время Артур успел лишь дважды раскланяться с парой знакомых дворян, одним малерионским и одним стеренхордским, проводившим его со спутницей заинтересованными взглядами. Зайдя в кабинет, он едва успел запереть дверь на засов и уже хотел показать иностранной гостье легендарное полотно, когда та неожиданно схватила его за плечи и развернула лицом к себе. Хватка у королевы Кэмерон была не по-женски крепкая.

— Соблазняешь меня, как провинциальную фрейлину? — спросила она на редкость любезно.

— Не понимаю, о чем вы, госпожа, — нацепил светскую улыбку на лицо Артур.

— То есть, за предложением посмотреть на драгоценное произведение искусства не последовал бы бокал дорогого астарийского вина, которое мы, без сомнения, в нашем Таэрверне и отродясь не пили? Его бы ты мне предлагать не стал?

— Что же такого ваше величество имеет против доброго вина?

Королева прижала его спиной к двери, навалилась грудью. Напор ее был неожиданно сильным. Впрочем, скорее ожидаемым, если говорить о даме, что уже в двадцать лет надевала полный рыцарский доспех и сражалась двуручным мечом. Артур скосил глаза вниз — и увидел, как завязок его бриджей касается длинный обоюдоострый кинжал.

— Развлекаться с любезными вдовушками ты, без сомнения, любишь? — проворковала Кэмерон почти нежно, проведя острием кинжала по ткани его камзола от пояса вверх и обратно вниз, к штанам. — Такими сладкими речами ты добиваешься от них, чего хочешь?

Артур набрал в грудь воздуха. Выдохнул.

— Сударыня, боюсь, вы поняли меня неправильно. Я отнюдь не вижу в вас любезную вдовушку, с которой, помаявшись скукой, можно весело и развратно провести время, не питая ни малейшего уважения к ней самой. Я вижу сейчас перед собой женщину, истории о которой слышал уже восемь лет подряд — и которой все эти годы восхищался. Вы называете меня мальчишкой, и это отчасти верно, я был еще мальчишкой, когда впервые узнал о вас. Узнал о том, как вы сражались храбрее любого рыцаря. Как спасли свое королевство, когда больше бы никто его не спас. О том, сколько вражеских воинов отправили вы на тот свет — я убил врагов, пожалуй, гораздо меньше. Я, возможно, и держусь с вами излишне нагло, но это из избытка чувств, а не от нехватки уважения. Я робею, познакомившись с той самой Королевой Зимы, о которой грезил подростком. А робость всегда делает меня нахальным.

— Значит, — усмехнулась королева, не убирая клинка, — ты, как и всякий мужчина, мечтаешь затащить в постель женщину, о которой годами грезил?

Артур улыбаться перестал. Посмотрел на Кэмерон так серьезно, как только мог.

— Разумеется, ваше величество. Я хочу оказаться с вами в одной постели, и ничего постыдного в этом не вижу. Потому и могу признаться в этом совершенно прямо. Вы можете отказать мне, если не хотите меня сами, но не обвиняйте меня в нечестной игре. Я бы в самом деле угостил вас вином, но лишь из любезности, а потом сообщил бы свои намерения так откровенно, как только это возможно. Вы нравитесь мне. И вы красивы. И я уважаю вас. Я желаю быть с вами вместе, как мужчина бывает един с женщиной. Если вы против этого — я извинюсь перед вами, мы выйдем отсюда и забудем этот разговор.

— Не нужно никуда идти, — сказала Кэмерон неожиданно мягко. — Ты, пожалуй, не

так уж и плох. Особенно когда забываешь, что должен казаться плохим.

Кэмерон разрезала кинжалом, оказавшимся на редкость хорошо заточенным, все застёжки носимого Артуром камзола — от самой нижней до самой верхней. Сбросила этот камзол с его плеч. Развернула юношу, усадила его в стоящее посреди кресла, помогла избавиться от перевязи с мечом. Все это она проделала молча, не сказав ни единого слова. Артур тоже молчал, изучая ее сосредоточенное лицо — напряженное настолько, будто леди Грейдан и сейчас собиралась идти в бой. «Интересно, — мелькнула у Артура в голове непрошенная мысль, — были ли у нее мужчины после смерти мужа, хотя бы один?»

Кэмерон отстранилась, аккуратно положила кинжал на край письменного стола. Потянулась к завязкам своего платья, развязала их. Одежда упала к ее ногам, и королева Эринланда осталась совершенно обнаженной. Исподнего она, как оказалось, не носила. Бьющий из стрельчатых окон витражный свет заходящего солнца играл на высокой груди, тонкой талии, крепких бедрах, сильных ногах бывалой наездницы. Затаив дыхание, Артур изучал взглядом напрягшиеся соски и темный треугольник волос внизу живота. У него и раньше были женщины, в Стеренхорде и в Тимлейне, но почему-то сейчас герцог Айтверн и вправду ощутил себя неопытным мальчишкой. Он сидел в кресле и неотрывно смотрел на женщину, о которой в самом деле мечтал, еще будучи не начавшим брить усы оруженосцем в замке герцога Тарвела.

Избавившись от сапог, леди Кэмерон подошла к юноше, стянула с него рубашку, затем развязала, спустила и сбросила на пол бриджи. Юноша остался в одних сапогах, украшенных серебряными шпорами.

Она не целовала его. Не произносила по-прежнему никаких слов, и тем более больше не пыталась шутить. Было во всем происходящем нечто странное, будто они оба словно во сне исполняли заученные движения какого-то древнего мистического ритуала. Кэмерон склонилась над Артуром, густые черные волосы упали ему на лицо. Юноша подался вперед, едва не вываливаясь из кресла, чувствуя, как напряглась и распрямилась его мужская плоть. Мгновением позже на этой плоти сомкнулись сильные пальцы Кэмерон. Артур коснулся языком ее правого соска, обхватил губами, с силой сжал. Кэмерон издала едва слышный выдох, левой рукой с силой схватила затылок Артура, прижимая его голову теснее к своей груди. Пальцы ее правой руки оказались умелыми и быстрыми, действовали ловко, знали свое дело. Айтверн насилу подавил стон.

Кэмерон приподняла бедра, села на Артура верхом. Он откинулся на спинку кресла, позволил королеве крепко себя обнять, прильнуть к себе разгоряченным обнаженным телом. Почувствовал, как сам входит в ее горячее лоно.

Кэмерон двигалась на нем уверенными резкими движениями. Порой убыстряла темп — и тогда Артуру было очень сложно сдержаться, чтоб не излить в нее семя. Порой, наоборот, замедлялась, позволяя перевести дух. Артур покрывал ее грудь поцелуями.

Ее руки лежали на его плечах, порой вновь касались головы. Иногда Кэмерон прижималась к нему очень тесно, обнимая со всей силы и будто ненароком касаясь губами лба. Иногда напротив отстранялась, запрокидывала голову, тяжело дыша. Артур гладил ее по покрытой потом спине, касался пальцами плеч, ласкал соски.

В какой-то момент сильная судорога пронзила тело эринландской королевы, она вскрикнула, напрягая все мышцы, и вновь прижалась к нему, обмякнув. Тогда молодой Айтверн потерял уже всякий контроль над собой, ощутил, что жаркая прятая волна пронзает и его самого, подобная удару молнии. Ее напрягшееся лono крепко держало, сжимая, его

мужскую плоть, и Артур понял, что семенная жидкость исторгается сейчас из него.

Он выдохнул и тоже обмяк, в свою очередь обнимая Кэмерон и проводя руками по ее волосам. Какое-то время наследник Айтвернов и Королева Зимы просидели в оказавшемся таким удобным кресле, едва дыша и не шевелясь. Затем Кэмерон слегка приподнялась, почти ласково расчесала его свалявшиеся волосы.

— Спасибо, что не сказал никакой глупости, — проронила она тихо. — Это было мне важно.

Артур кивнул. Попытался все же найти губы Кэмерон своими — но та ловко отстранилась. Айтверн перевел взгляд на тот самый злополучный портрет, все это время наблюдавший за случившейся тут любовной сценой со стены — и внезапно похолодел. Так бывает, когда смотришь на нечто хорошо знакомое из непривычного доселе угла.

Картина изображала двух человек, застывших рядом друг с другом в кругу менгиров посреди осенней равнины. Один, светловолосый, в зеленом плаще, имел хорошо узнаваемые, веками наследуемые родовые черты Айтвернов. Лорд Эйдан, он это полотно и писал — его оригинал точнее. Второй мужчина... Черные волосы, худощавая поджарая фигура, облегающая серая одежда, тяжелый двуручный меч. Его брат и противник, обезумевшее чудовище, демон из древних легенд, вознамерившийся уничтожить человечество — то самое человечество, что одержав победу над ним, тремя веками позже едва не уничтожило себя само.

Эта сцена была хорошо знакома Артуру — он видел ее не наяву, но и не совсем во сне, в диковинном видении, что принесла юному Айтверну в деревне Эффин его зачарованная эльфийская кровь. Повелитель Бурь кричал и спорил, угрожал войной, обещал истребление роду людскому. Воздух дрожал от мощи доступной ему магии, и само пространство, казалось, рвалось на части при каждом его гневном слове.

— На тебе лица нет, — Кэмерон серьезно нахмурилась, провела пальцем по его губам. — Что стряслось? Я оказалась хуже, чем худшие из твоих прежних любовниц?

— Не в этом дело, моя госпожа. Посмотрите туда. Картина...

— Довольно скверная, на самом деле, если признаться. Твой предок был магом и воином, но художник из него оказался довольно посредственный. Что именно тебя так заинтересовало на ней?

— Взгляните сами. Повелитель Бурь... Он никого не напоминает вам? Кого-то, кого, возможно, вы повстречали совсем недавно? Здесь, в Тимлейнском замке. Будь волосы его не черны, а белы...

Кэмерон обернулась, не вставая с Артура, внимательным взглядом изучила портрет. Какое-то время недоуменно молчала, хмурила брови. А потом вдруг вскрикнула — и до боли, так, что едва не выступила кровь, сжала ногтями плечи юноши.

Лорд Шэграл Крадхейк из второй линии Дома Драконьих Владык, брат Эйдана Айтверна, что отрекся от него и выступил войной против новорожденного Иберлена, один из величайших эльфийских чародеев древности, предводитель обрушившихся на Срединные Земли сидов, названный Повелителем Бурь и Владыкой Тьмы, имел фамильную внешность дома Ретвальдов. Он не напоминал, конечно, Брайана Ретвальда — тот держался всегда слишком любезно и мягко, и иное выражение глаз и изгиб губ скрадывали сходство. Не был он особенно похож и на прижизненные полотна Бердарета Ретвальда — первый из новых королей Тимлейна был слишком уж хрупок, слишком немогуч телом, а Владыка Тьмы, несмотря на худобу, демонстрировал гордую статью отменного бойца. Но вот Гайвен... Если

сделать поседевшие волосы снова черными, но оставить на месте то надменное, сосредоточенное выражение, которое нынешний владыка Иберлена носил на лице все последние месяцы... Родство становилось тогда пугающим — и оттого вдвойне несомненным.

Артур насилу вытолкнул непослушные слова из себя:

— Бердарет-Колдун соврал нам всем, и мы сотню лет питались его ложью. Он не пересекал Закатное море. Не учился ни в каком Медосе. Первый из Ретвальдов, уж не знаю с какой целью, пришел сюда из Волшебной Страны. Он прямой потомок этой эльфийской твари. И... — говорить последние слова не хотелось совершенно, но Кэмерон глядела на юношу внимательно и серьезно, даже не пытаясь поднять на смех, и потому он все-таки признался, — и мой родич. Это держалось в тайне, но Повелитель Бурь был из дома Айтвернов. Был братом лорда Эйдана. Они поссорились и стали враждовать. Это значит, что Бердарет-Колдун и все его потомки — старшая линия нашего дома. Наследники Повелителя Бурь. Наследники его тьмы.

Солнце бьет с небес испепеляющим колодцем света. Ветер свистит в ушах, подобно реву тысячи озлобленных великанов. Земля при каждом шаге отрывается из-под ног. Если верить астрономам, наш мир с бешеной скоростью вращается вокруг своей оси, позволяя дню в положенный срок сменяться ночью. Если верить собственным взбесившимся чувствам, это вращение почти можно ощутить.

Каждое чужое слово — подобно крику. Каждое свое — бьет колоколом. Чувства обострились. Стали излишне резкими. Любая линия — будто проведенная черной краской по холсту. Сила бьет между пальцев. Ее не сдержать. Гайвену Ретвальду кажется, что он вот-вот свихнется.

Такое ощущение нарастало всю последнюю неделю, с тех пор, как начались видения — и сделалось наконец совершенно мучительным. Все его ощущения вдруг оказались куда более сильными, чем может это вынести человеческий разум. Так уже было однажды, на Горелых Холмах — только продолжалось всего несколько минут. Сейчас тянется уже четвертый день. Хочется кричать, рвать со стен гобелены, размахивать шпагой — пока с ладоней не польется беспощадное пламя, уничтожая все на своем пути.

— Что со мной происходит? — не выдерживает, спрашивает Гайвен вслух.

Тьма на мгновение окружает его, гасит нестерпимый свет, и становится немного проще. Голос тьмы мягок и исполнен сочувствия, прикосновение тьмы — слаще материнской ласки. Слова, произносимые тьмой, звучат в сознании столь ясно, будто собеседник находится совсем рядом.

«В тебе слишком много Силы. Она сжигает тебя. Ты и первый раз едва пережил. Потом ты попытался коснуться магии снова, призвал, не умея использовать — и теперь она ищет выход. Будь ты послабее, смог бы это сдержать, но ты слишком силен. Если не поставишь заслон — магия тебя уничтожит».

«Кто ты такой?» — с трудом, Гайвен все же пытается разговаривать мысленно. Кое-как образы складываются в слова. Он не уверен, что ему ответят — но ответ все же приходит.

«Я твой родич. Прародитель того, что ты называешь домом Ретвальдов. Твой прапрадед, Бердарет, был мне сыном. Он ушел, чтоб искать власти на чужих землях».

«Ты из Медоса? Из Закатных королевств? Разве можно разговаривать через половину мира?»

Тьма, кажется, смеется. Намек на веселье проступает в ее клубящихся дымных изгибах.

«Не из Медоса... Если я начну рассказывать тебе историю нашего рода, мы и до вечера здесь просидим, а ты так и часа не выдержишь. В другой раз мы поговорим по душам, и я надеюсь, без таких ухищрений. Сейчас мы разговариваем сквозь пространство. Мы называем это окном. Я почувствовал, когда ты пробудился, и принялся искать тебя. Кричал, звал как мог. Хорошо, ты начал откликаться раньше, прежде чем Сила тебя уничтожила».

«Ты обещал мне ответы».

«Ты их получишь совсем скоро. Сейчас постарайся не умереть. Я поставлю на тебя щит. Это сдержит тебя от неконтролируемых потоков извне, поможет закрыться».

Тьма обволакивает его, окружает плотным одеялом, сжимает в своих объятьях. Затем внезапно пропадает, тает. Перед глазами проступают, обретая плотность, очертания малого королевского кабинета — и свет и звуки больше не сводят с ума. Наоборот, кажутся теперь слегка приглушенными, доносящимися будто издалека. Будто прозрачная пленка окружила Гайвена Ретвальда, защищая от ставшего невыносимым мира.

— Ваше величество, — Блейр Джайлс стоит в дверях, выглядит взволнованным. — Сейчас происходит нечто, требующее вашего срочного вмешательства.

Гайвен поднимает голову, с изрядным усилием концентрирует взгляд на молодом малерионском лейтенанте. Этот мальчишка помог Артуру совладать с Гледериком. Теперь и не скажешь, что он родом с фермы — носит кольчугу и гербовый драконий плащ, держится уверенно, как настоящий рыцарь. Находится в паре шагов, и все же Гайвену кажется, что Джайлс стоит где-то в нескольких милях от него самого.

— Что такого стряслось, лейтенант, что без меня никак не обойтись?

— Чужестранный король... Этот Эдвард Фэринтайн. Он привез с собой капитана по имени Кэбри, а этот капитан вызывал сэра Артура на бой. Не знаю, что за кошка между ними пробежала, но Артур согласился и пошел драться. — Блейр замялся. — По-моему, дуэль между ними была бы сейчас лишней.

Проклятье. Вот уж воистину — не к месту так не к месту.

Гайвен встал, понемногу привыкая к изменившемуся восприятию окружающих его вещей. Набросил черный, под стать защитившей его тьме, плащ. Натянул перчатки.

— Ценю вашу предусмотрительность, лейтенант. Проводите меня, остановим это безобразие.

Пока новоиспеченный малерионский офицер вел юного короля коридорами и переходами Тимлейнского замка, Гайвен Ретвальд испытал новый, ни с чем не сравнимый приступ безумия. На сей раз — видения. Непонятные, обрывочные картинки, похожие на осколки каких-то позабытых снов. Встают в памяти, о чем-то кричат и просят.

Армия, собравшаяся перед его взором на заснеженной равнине, и ветер рвет знамена с изображенными на них крепостными стенами и венчающей их пурпурной короной. Флаг Тарагонской империи, флаг побеждавшего сотню лет назад юга. Ветер играет этим флагом — и тот же самый промозглый ветер февраля развеивает полы черного плаща.

Он стоит посреди поля. Смотрит. За его спиной — войско, что скоро станет покорно. Промеж пальцев собирается сила — и эту силу уже не остановить.

Гайвен... нет, Бердарет Ретвальд, запрокидывает голову, хохочет. Оборачивается к застывшим за его спиной лордам Айтверну и Тарвелу, Гальсу и Коллинсу, Блейсберри и молодому, угрюмому Элтону Эрдеру. Раздвигает губы в полу-безумной усмешке:

— Вы желали увидеть мое могущество, господа? Сейчас оно сокрушит наших врагов!

Продолжая ухмыляться, тот, кто станет вскоре первым Королем-Колдуном, вновь обращается лицом к имперской армии, вознамерившейся сокрушить Иберлен. Делает шаг вперед. Ветер ревет погребальным гимном. Тарагонцы натягивают луки. Они еще не понимают, кто стоит перед ними — но скоро поймут. Бердарет Ретвальд — имя, что он взял себе сам, имя, перед которым скоро преклонятся народы — вскидывает руку, и поток испепеляющего огня рвется вперед, уплотняясь прямо в холодном воздухе, и обрушивается на передовые шеренги вражеского войска.

Даже его силы, самой могущественной на Срединных Землях, едва хватит на то, чтоб испепелить сейчас несколько сотен человек. Да и то, платить за это придется долгими месяцами слабости, немощи, боли. И может быть — годами неспособности творить чары. Сейчас он исчерпает себя до дна. Но это неважно. Неважно все, кроме короны, что скоро окажется на его голове, и серебряного кресла, которое он займет. Несколько сотен хватит. Тысячи обратятся в бегство.

Огонь ревет, пронзает воздух, сжигая выпущенные стрелы — и выпустивших их лучников. Кричат, сгорая внутри доспехов, тарагонские латники. Заходится торжествующим ревом иберленская армия, и Радлер Айтверн становится бок о бок с человеком — нелюдем — которому до конца жизни теперь будет верен.

... Гайвен вернулся в реальность столь же внезапно, как ее покинул, и едва не упал при этом с лестницы.

— Вы и сэр Артур — будто родственники, — пробормотал Блейр с совершенно не приставшей подданному ворчливостью. — Оба сегодня со ступенек едва не падаете.

— Насколько помню, — ответил Гайвен, — Ретвальды и Айтверны породниться еще не успели. Вы путаете нас с Карданами, лейтенант.

«Что это было? Память предков? Так выглядит она? Как совладать с нею? Как отыскать в ней нужное?»

Тьма, похоже, зашлась в хохоте. Гайвен сжал волю в кулак, пытаясь удержать здравый рассудок. С Эдвардом Фэринтайном, державшимся с совершенно неподобающей гостью нахальностью, молодой Ретвальд разговаривал холодно, неучтиво. Фэринтайн добивался встречи, но в таком состоянии Гайвен мог поговорить разве что с подушкой в своей опочивальне. И то, не заснув, а зарывшись в эту подушку лицом и сжав ее зубами, чтобы не взвыть. Важнее всего было продержаться до вечера, не опозориться перед своими строптивыми вассалами и перед иностранными гостями на назначенном банкете. Гайвен отбрил оказавшегося излишне общительным эринландского короля, вышел из залы, где они разговаривали, а Айтверн и капитан Кэбри незадолго перед тем дрались.

— Фэринтайн желает побеседовать с вами о магии, если верно то, что мы подслушали, стоя под дверью, — заметил Джайлс в коридоре. — Вы маг, и он, кажется, тоже. Почему вы не хотите переговорить с ним на свои магические темы? Вдруг это окажется вам чем-то полезно.

«Потому что магия уже прямо сейчас пытается меня уничтожить, и если я начну говорить о ней со свалившимся с востока колдуном, то скоро потеряю всякое самообладание — а там, глядишь, окончательно свихнусь». Гайвен мог лишь надеяться, что к завтрашнему дню ему станет легче, и можно будет вызвать эринландских чародеев к себе, для столь необходимой им беседы. В противном случае он просто рехнется.

— Я непременно обсужу с Фэринтайном все интересующие его вопросы, но не прямо сейчас. Всем разговорам полагается свое время. Джайлс, проводите меня в библиотеку, я

хочу посидеть пару часов над книгами.

«Что ты в этих книгах вознамерился найти? — спросила его тьма едва ли не с сочувствием. — Все книги, что могли предоставить тебе нужные знания, обратились пеплом, когда пал Конклав. Продержись и впрямь еще хотя бы день. Поговори с этим колдуном лордом Эдвардом, если хочешь. Он такой же самоучка, как и все здесь, и многого не подскажет. Я попробую открыть ворота в пространстве, между моим замком и твоим, но на это уйдет время. Сейчас это не так просто мне сделать, как в былые дни. Но когда я приду, я смогу тебе помочь».

«Спасибо, — Гайвен испытал нечто, похожее на благодарность. — Как мне тебя называть?»

Его незримый собеседник усмехнулся.

«Опуская все несущественные степени родства — зови меня просто дед».

3 сентября 4948 года

Порой наступают дни, когда решается судьба — то ли твоя собственная, то ли всех, кто тебя окружает. Бывают дни, когда приходится действовать — и от действий твоих зависит все, абсолютно все, что случится после. Такие дни выпадают нечасто, горящей кометой пронзают серое марево пустых, бессмысленных лет — но когда они приходят, нужно не отступать и совершить все, что попросит судьба. Такой день, знала Айна Айтверн, настал и сегодня — и ей следовало не оплошать.

Одна-единственная мысль неотступно билась в висках.

«Я предаю брата. Предаю короля. Предаю Иберлен». Не такой судьбы для себя она ждала. Не такие поступки совершать мечтала — но судьба пришла и схватила ее за горло, как схватывала прежде всех мужчин и женщин дома Айтвернов на переломе эпох. Айтверны всегда решали, каким быть Иберлену и куда идти — решат они и сейчас. Много раз Драконьи Владыки могли предъявить права на Серебряный Трон, и не делали этого. Может быть, теперь такое время наконец настало? Ведь основавших эту страну Карданов действительно больше нет.

«Когда все это только начиналось, я призывала Артура оставить Гайвена и отдать трон Гледерику. Либо занять его самому. Сделать это, чтобы закончить войну. Война закончена — но сегодня я начинаю ее снова. Будь отец жив, он бы проклял меня — но я прокляла его раньше».

Айне было тревожно и страшно — но тревожно и страшно ей было все последние четыре с лишним месяца, каждый практически день, и потому девушка немного привыкла и даже как-то приспособилась. Страх невозможно любить, но его порой можно перестать замечать. Важным было не показать волнения солдатам и слугам. Она не знала, до какой степени может положиться на них, не приставлены ли в особняк шпионы — неважно, чьи именно.

Лорд Рейсворт, напротив, не проявлял отныне и тени сомнений. Вел себя уверенно, рассуждал об успехе спланированного им переворота, как о деле решенном. Айна, накануне опять приглашенная к нему домой, сидела напротив, смотрела на родича и молчала. В этот раз она почти не пила — вкус вина вдруг сделался ей противен. К еде не притрагивалась тоже. Иногда отворачивала голову, глядела в огонь.

— Ты сомневаешься, — сказал дядя мягко, касаясь пальцами ее щеки. Жест этот, непрошено ласковый, едва не заставил девушку отдернуться. С ней давно уже никто не был добр — но от этой доброты так и хотелось бежать без оглядки. Любая доброта казалась сейчас Айне омерзительно лживой.

— Я сомневалась с самого начала. И все же, я участвую в этом.

— Клянусь нашим родом, тебе не придется об этом жалеть, дорогая.

Айна подняла голову.

— Я помню, — сказала она, — как вы сидели с Артуром на берегу моря. В то лето вы не отлучались из Малериона ни на день. Каждый вечер, выслушав бейлифов и разослав письма в графства, вы приходили с ним под тень Драконьей Скалы и садились на камнях у песка.

Рассказывали ему истории, он слушал во все глаза. Я тоже порой приходила, садилась рядом. Вы не замечали меня, только его. Ерошили ему волосы, хлопали по плечу. Он все просил «дядя Роальд, дядя Роальд, расскажите еще сказку». Это вы набили Артуру голову этим рыцарским вздором. Отец никогда не был с ним рядом, только вы. Вы и виноваты. Вы не любите Лейвиса, вы хотели воспитать из Артура такого сына, которого вам не хватало. Воспитали. Довольны?

Граф Рейсворт не ответил. Только край его щеки неожиданно дернулся.

— Если завтра что-то пойдет не по плану и Артур умрет, — продолжила Айна с ненавистью, — вы будете убийцей собственного сына. Последний рыцарь из дома Драконов падет по вашей вине. Рыцари ведь не бросают своих королей.

— Как только я терплю тебя, — прорычал Роальд сквозь стиснутые зубы. Это было едва ли не первое проявление чувств, выказанное им за все последние дни. Что ж, для меня это маленькая победа, отметила Айна. — Тебе доставляет удовольствие задирать меня раз за разом? — продолжал граф почти с яростью. — Ждешь, пока я подниму на тебя руку в гневе? Не дождешься, дорогая племянница. Или ты думаешь, мне так легко и нравится это? Вы с твоим братом такие одинаковые. Вы только умеете, как осуждать других с высоты собственной непогрешимости. Раймонда, меня. Все вокруг виноваты, только вы с Артуром знаете, как поступать правильно. Подавитесь своей правильностью, миледи. Я буду делать, что должен.

Айна откинулась на спинку кресла:

— Делайте. Все равно нас всех проклянут.

Ночью Айне снились странные вещи. Казалось, она бредет бесконечными коридорами — серое дерево, пыльный воздух, старый паркет. Коридоры эти петляли, раздваивались и вновь сходились. Винтовыми лестницами она поднималась в башню, где воздух был холоднее льда, а серебро декора потемнело от вечности. Почему-то девушка знала, прежде в этой башне обитали ангелы. Выходя на открытую ветрам галерею, Айна глядела в небо — и в небе этом горела тысяча лун. Алые и зеленые, золотые и белые, эти луны густо усеивали бесконечный простор.

— Твоя кровь кричит, — раздался за спиной девушки голос. — Откройся ей. Разреши ей гореть. Пусть кровь станет огнем — иначе она станет ядом.

Айна обернулась — и увидела незнакомого мужчину, с лицом белее мрамора, с наголо выбритым длинным черепом. Странного вида светлая одежда была на нем — облегающая, непривычного вида. За спиной его простирались крылья бесплотного света — иллюзорные, но вместе с тем почти зримые.

— Кто вы? — спросила она.

— А кто ты? — вернул ей вопрос мужчина. У его глаз был вертикальный зрачок.

— Наследница лорда Раймонда. Наследница Дома Драконов, — с этими словами Айну наполнила решимость.

— Погибель лорда Раймонда, — поправил ее мужчина мягко. — Погибель Дома Драконов, — огненные росчерки за его спиной пронзили диковинные небеса. Вокруг башни на многие мили вокруг простиралась бескрайняя пустота — не видно земли, и если перегнуться через край балюстрады, увидишь внизу такое же море далеких светил.

— Что вы говорите такое? Мой отец пал от руки заговорщиков и изменников. Принял гибель в бою, когда меня не было рядом.

— Твой отец, — мужчина подошел к Айне вплотную, и воздух замерзал при его

приближении, — пал, когда ты пожелала ему пасть. Тобой двигал гнев, но слова остались словами, и они были произнесены. Или мне напомнить тебе? — Голос, что донесся следом из его уст, был голосом самой Айны Айтверн. — «Я проклинаю вас, будьте вы прокляты, отсюда и навечно! Получайте то, на что бросили меня, пейте собственный яд! Я не желаю, чтобы вы жили на свете! Я хочу, чтобы вы умерли! Я хочу, чтобы вы попали в ту же беду, в которую попала я — и не выбрались из нее! Чтобы никто не пришел за вами и не спас вас, чтобы никто не протянул вам руку! Именем всех сил, что есть в этом мире, я налагаю на вас проклятие, пусть оно вцепится в вас и не отпускает, пусть оно сожрет вашу плоть, и ваши кости, и ваше сердце тоже сожрет, если только оно у вас есть, сердце!» Так ты сказала, верно?

Айна отшатнулась. Отцовский кабинет предстал перед ее мысленным взором — и тот несчастливый день, когда прежний констебль Иберлена пал подле тела покинутого всеми короля Брайана. День, когда она в самом деле выкрикнула эти слова, каждой частицей своей души желая, чтобы они сбылись. Ей казалось, родной отец предал ее — и безумно хотелось, чтоб это предательство вернулось к нему стократ. Все свои обиду и боль вложила Айна в то проклятье — но неужели этих обиды и боли оказались достаточно, чтоб придать ему силу?

— Я не чародейка, — сказала она тихо. — Вы ошибаетесь. Я не такая, как Гайвен.

— Ты дракон. Мы не можем быть другими. Ты сказала — и случилось так, как случилось. Впредь будь осторожна в своих словах, сестра.

— Кто вы такой?

Мужчина отвернулся. Оперся руками о мраморные перила, глядя в бездну. Крылья его уплотнились, наполнились светом — и стало видно, что каждый кончик их острее, чем клинок погибельной стали.

— Это долгая история, — сказал незнакомец тихо.

— Мы не спешим. — Айна встала рядом. Всмотрелась вдаль. Тысячи лун — и каждая из них словно недостижимый мир. А за ними — далекие, горящие всполохами недоступного света солнца. Башня парила в пустоте, здесь, посреди бесконечности, и под ее фундаментами не было опор. — Сон это или явь, расскажите мне все.

— Очень давно, — сказал мужчина в белом медленно, все также избегая касаться девушки взглядом, — и очень далеко от твоей родины были мы. Когда в историях твоей Земли говорится о падших ангелах, рухнувших с неба, говорится в них о нас. Когда в историях твоего мира говорится о богах и демонах, в них говорится о нас. Но мы не были ни тем, ни другим. Просто наш путь оказался слишком далек, и завел нас в места, где мы оказались чужими.

Холод, что наполнял пространство вокруг, добрался наконец до ее сердца.

— Вы драконы.

— Правильно, — мужчина кивнул. Повернул лицо. Огонь горел в глубинах вертикальных зрачков. — Сквозь бездну пространства, с нашей погибшей родины, пришли мы в мир, который является тебе домом, сестра. Два народа населяли этот мир — люди и те, кого вы сейчас называете сидами. Нас было мало — едва лишь горстка, последний отблеск сгинувшего целого. Нас переполняла гордыня. Жажда свершений. Жажда поделиться теми знаниями, которыми мы владели. Сначала мы явились к эльфам и одарили их самыми тайными из всех тайн, поселив в их сердцах гордыню. Затем мы обратились к людям — и город, построенный людьми под нашим началом, известен вам теперь как Антрахт, Город Света, Город Пламени. Ты читала, чем обернулось для людского народа наше наследие.

— Я читала, — сказала Айна медленно. — Читали все, кто умеет читать. Империя пала, разрушенная междоусобицей и гордыней своих правителей. Вместе с Антрахтом погибли миллионы. Тысячу лет мир пребывал во тьме. Из этой тьмы вышли чародеи. Сиды двинулись войной на человечество. Повелитель Бурь...

— Был из рода драконов, — закончил за нее собеседник. — Как и твои предки. Он был им родичем — это та часть истории, которую твоя семья предпочла забыть. Все эти две тысячи лет наследие драконов разрушает, калечит вашу Землю. Ты часть этого наследия — Айна Айтверн. Твой брат часть этого наследия. Король-Чародей — тоже его часть.

— Зачем вы говорите это мне? Если это не сон...

— Это сон. Но не все сны — лживы.

— Хорошо, допустим, — Айна почувствовала внезапную уверенность в себе — даже здесь, среди иллюзий и бреда. — Вы — дракон. Вы ушли. Еще до Великой Тьмы. Вас много веков никто не видел. Вы решили, что наломали в нашем мире достаточно дров. Оставили нас разгребать то, что осталось после вашей империи. Копаться в обломках. Жить на развалинах. Вы сбежали. Если это все мне не привиделось, зачем вы говорите со мной сейчас?

— Ты должна будешь кое-что сделать.

— Прекрасно. Все от меня хотят, чтобы я сделала что-то, — девушка поглядела на собеседника с вызовом. — Это, очевидно, традиция? Может быть, это нечто семейное?

Дракон улыбнулся — открыто и широко, будто услышал показавшуюся ему забавной шутку:

— Отчасти да. Ты должна будешь нас вернуть в этот столь неразумно оставленный нами мир. И слушай меня пожалуйста внимательно, сестра, — он оборвал ее с внезапной властью. — Ты можешь сколько угодно считать происходящее сейчас сном, бредом, причудой своего воспаленного воображения. Мне все равно. Но ты запомнишь этот разговор. И когда придет время — ты сделаешь то, что должна. Нам требуется помощь. Предстоит совершить кое-что важное, чего мы не можем. Этот мир закрыт для нас, но есть двери, открыть которые тебе по силам. Отнесись к моим словам серьезно, я прошу. Я — настоящий, и вещи, о которых я стану говорить, тоже вполне реальны.

— Подавитесь, — сказала Айна неожиданно грубо. Так, как говорил Артур, когда желал вызвать гнев отца. Сделала шаг назад. Вскинула руку, сжимая ее в кулак. Если этот колдун, или демон, или кем он был, желал расположить ее к себе — он выбрал неподходящие аргументы. И вел себя излишне нагло — так, будто не сомневался в ответе. Держался с видом, будто может настаивать на своем. От подобного отношения Айна безумно устала. От этого слишком веяло лордом Раймондом. И лордом Роальдом. И всей ее семьей разом. — Мне наплевать, настоящий вы или нет, — сказала она. — Наплевать, чего вы хотите. Все только и делают, что пытаются от меня чего-то добиться. Подавитесь своими просьбами, кем вы ни были, дражайший сударь.

Ее собеседник, казалось, был обескуражен подобной отповедью. Его крылья продолжали становиться плотнее, теперь они казались изготовленными из прочного, сверкающего в пламени тысячи светил стекла.

— Не я один стараюсь сейчас прорваться в ваши сны, — сказал он осторожно, теперь подбирая слова явно более тщательно. — И не так просто мне было до вас достучаться — после всех преград, что ваши предки поставили. Я хочу поговорить. И поверь, лучше с вами поговорю я, нежели тот, другой. Он, я думаю, почти добрался до вас. Он будет пытаться

войти вам в доверие, но цели у него свои. И однажды эти цели уже обернулись войной.

— Да мне наплевать, я уже высказала один раз и повторю еще, — ярость сейчас клокотала у Айны в груди, ища выхода наружу — сама, казалось, готовая обратиться в огонь. — Делать мне нечего, кроме как вести разговоры с влезшим в мою голову демоном. Или кем вы там на самом деле являетесь — сами сказали, что и демонами вас звали тоже. Никого другого, кроме вас, я пока не видела — и ни с кем больше разговаривать не желаю.

Ее кулак сжался. Воздух зазвенел. Вспышка света рванулась между ними — и дракон внезапно отступил назад, взмахнув крыльями.

— В тебе есть Сила. В вас всех есть Сила. Вы — заблудившиеся дети посреди лесного пожара, что сами устроили. Неужели вы не понимаете, что эта же Сила вас разрушит, если вы не научитесь ею владеть?

— Разрушит, как вы разрушили Антрахт? Мэтр Гренхерн рассказывал, как все тогда случилось. Древние сами себя уничтожили. Говорите, во мне есть магия и она погубила отца? Тогда я должна слушаться советов тех, чьей милостью была погублена целая страна? Предпочту решать сама.

— Я прошу. Тебе нужно просто со мной поговорить. Это не займет много времени.

Казалось, он в отчаянии. Действительно в отчаянии, и не играет при этом. На миг Айна ощутила в себе жалость — и тут же подавила ее. Кто был добр с нею? Почему она должна быть добра с очередной тварью, вознамерившейся с ней играть? Тем более, эта тварь даже не человек, если говорит правду.

— Я не хочу вас слушать. Оставьте меня в покое, слышите! — девушка сорвалась на крик. — Хватит, вам всем от меня что-то нужно! Убирайтесь, просто убирайтесь наконец, я видеть из вас никого не желаю! Я вас ненавижу! Родичей, ангелов, демонов, богов! Катитесь в преисподнюю и там оставайтесь, вместе с моим отцом, которого я, по вашим словам, сжила со света!

Крылатый незнакомец хотел что-то еще сказать, добавить, подобрать последний, решающий аргумент, в надежде, что сработает хотя бы он. Айна не желала слушать. Если это был сон, больше всего сейчас она желала проснуться. Мир вокруг потускнел. Контуры башни расплылись. Лицо собеседника сделалось далеким, голос — неразличимым. Светила, напротив, вспыхнули еще ярче, будто притягивая ее к себе. Прошла рябь, налетел ветер, и все, что окружало Айну Айтверн в этом странном месте, в один миг исчезло.

Пробуждение оказалось тяжелым. Айна будто выныривала на поверхность из объятий тяжелой, темной воды — как поднимается с большой глубины едва не затонувший пловец. Прорывалась, преодолевая сопротивление, с чувством, что возвращается в явь откуда-то издалека. Тело болело, оставалось неподъемным, чужим. Девушка с трудом разлепила глаза, глядя в резной потолок, прислушалась к боли в одеревеневших мышцах.

«Безумные сны. Драконы? Колдовство? Явится же такое в голову...»

Привидевшийся сон казался диким, невероятным, лишенным всякого смысла. Прошла пара минут — и его детали уже начали изглаживаться из памяти, оставив по себе лишь несколько неопределенных, смутных картинок. Станные разговоры о давно минувшем прошлом, фантасмагорическая крепость, парящая в звездной пустоте. Такое может присниться, если слишком долго просиживать накануне вечером за старинными книгами. Айна и в самом деле нередко прежде мечтала оказаться волшебницей — подобно ее предкам в давно минувшие дни. Однако знания о магии оказались давно растеряны ее семьей — да и немного женщин-чародеек, если верить семейным хроникам, прежде рождалось в роду

Айтвернов. Одна или две, не больше — колдовской дар предпочитал передаваться по мужской линии в их семье.

«Тот человек из сна, он сказал, я убила отца силой своего проклятия». На минуту Айна задумалась, возможно ли такое в самом деле. Обладает ли она способностью творить волшебство? Раймонд Айтверн пал в бою, не под воздействием черной магии, но не могла ли какая-то магия, совершенная Айной, лишить его в том бою удачи, приблизить к нему смерть, сделать ее из вероятной — неизбежной?

Легенды часто говорили о подобном. Немало древних королей и героев погибли, оказавшись жертвами злых чар. Так, например, Ингвар Черный обидел на Остару бродячую ведунью, с насмешками прогнав ее от пиршественного стола и грозя спустить собак — и по прошествии трех недель умер, заколотый в спину кинжалами собственных ближних дружинников. Именно такую судьбу и напороочила ему ведунья, когда люди ярла гнали ее прочь.

«Если я убила отца с помощью магии, что еще с помощью нее я могу сделать?» Айна посмотрела на свое отражение в зеркале. Бледная, растрепанная после сна юная девица в смятой ночнушке. Мало общего с чародейками из старых баллад. Но и Гайвен Ретвальд в волшебниках прежде не числился — однако на поле боя его колдовство принесло ему победу. «Способна ли я сама на подобное? Как Адальберта Гранер или Катриона Кэйвен?» Гадать сейчас не было особого смысла. Если в ее крови и спряталась магия, Айна все равно не знала, как управиться с нею и разбудить.

Лейвис Рейсворт явился в дом Айтвернов к четырем часам пополудни. Одетый в красное и золотое, препоясанный мечом, он ворвался в семейную библиотеку, где дочь лорда Раймонда коротала время за «Жизнеописанием лорда Патрика», и, тяжело дыша, претворил за собой двери.

— Собирайся скорее, сестренка, — выдохнул кузен, подходя к столу и срывая, не иначе от волнения, за пояс перчатки. — Нужно быть во дворце.

— Сейчас, не к вечеру? — Айна неохотно оторвалась от книги. Повесть об ошибках и заблуждениях Патрика Айтверна, жившего в дни, когда пал старый Конклав магов, оказалась интересна и поучительна. Раздоры и интриги разрушили в ту пору старый Иберлен точно также, как собираются сейчас разрушить нынешний. Прошло семьсот лет — но все те же противоречия разрывали изнутри северо-западное королевство. — Отчего такая спешка?

Граф Рейсворт собирался арестовать Короля-Чародея поздно вечером, когда тот закончит заседание Коронного совета и соберется отходить ко сну — окружить его солдатами прямо в монаршей опочивальне. Окончательные договоренности об этом он заключил позавчера со всеми капитанами отрядов замковой стражи.

К назначенному часу Айна Айтверн должна была находиться в цитадели, чтобы быть немедленно представлена верховным лордам и сановникам как новая наследница Серебряного Трона. Но до назначенного часа оставалась еще половина дня, и поспешность Лейвиса удивляла. Айна надеялась, у нее есть немного времени на то, чтоб собраться с мыслями — прежде чем все вокруг окончательно придет в движение. Она надеялась собраться с духом. Книга помогала в этом. Знание чужих ошибок убережет хотя бы от пары собственных. Не от всех. Ошибок все равно будет слишком много. Айна не льстила себе. Она знала — что бы ни начнется сегодня, она к этому не готова.

— Планы переменялись, — сообщил кузен. — Отец будет брать Ретвальда на банкете, в шесть.

— Прямо за обеденным столом? Что за вульгарность? Десерт хоть ему дожевать разрешите?

— Можно подумать, прежний план был лучше и разлучать Ретвальда с подушкой — не вульгарно. Приехал король Эринланда с супругой, на четыре дня раньше намеченного срока. Ретвальд отменил по этому поводу вечерний совет, и будет давать прием, до поздней ночи. Отец сказал, арестует Гайвена прямо там.

— На глазах у всех пэров королевства, а также чужеземных гостей? Рискованный шаг. Лейвис вздохнул:

— Отец паникует. Он до сих пор толком не поговорил с гарландцем, до того сложно прорваться, а тут явился эринландский король. Сложно угадать их реакцию. В Тимлейне находятся два чужих короля. Что они скажут, услышав утром, что пригласивший их монарх низложен и взят под стражу собственным коннетаблем?

— Поэтому граф Рейсворт решил низложить этого монарха прямо под носом у Рэдгара и Фэринтайна, давая рассмотреть им все подробности этого и без того сомнительного предприятия? Он безумен? Хочет сразу продемонстрировать двум сильнейшим государям востока, что совершает в Иберлене государственный переворот?

Пауза, сделанная Лейвисом, оказалась Айне весьма не по душе.

— Отец не совсем обезумел, — сказал кузен наконец. — То есть обезумел, но не сегодня, а когда вообще затеял все это дурное дело. Он не хочет выпускать Фэринтайна и Рэдгара из внимания. Он арестует Ретвальда и сразу объявит тебя новой королевой. Поднесет это, как свершившийся факт. Лорды этот факт признают. Коллинс, Гальс, Тресвальд и Эрдер согласны. Тарвела нету в столице, Артур все равно не составит большинства от совета. Переворот останется нашим внутренним делом, однако если чужаки окажутся недовольны и выкажут поддержку Ретвальду... Всегда проще решить дело сразу, когда они будут в окружении наших солдат, а не когда успеют завтра поутру свистнуть своих гвардейцев.

Айна со стуком захлопнула книгу.

— Война с Эринландом и Гарландом, — сказала она сухо. — Вот чего вы добьетесь.

— Не обязательно война. Скорее нет, чем да. Но даже если да — лучше соблюсти меры осторожности в таком деле. Иноземцы быстрее признают тебя местной королевой, если в спины им будут смотреть арбалеты твоей будущей гвардии, — Лейвис постарался изобразить шутовской поклон. Вышло не слишком удачно.

Происходящее не нравилось Айне чем дальше, тем сильнее. Роальд Рейсворт необдуманно рисковал. Он действительно не успел заручиться поддержкой гостившего в столице гарландского венценосца, прежде чем начинать переворот, и не знал до сих пор его возможной реакции. Клифф Рэдгар слыл человеком себе на уме. В Иберлене у него, несомненно, были свои интересы, и кто знает, на что он готов пойти, дабы их соблюсти.

Сейчас, когда приехал вдобавок еще и эринландский владыка, следовало и вовсе отложить смещение Гайвена, хотя бы на неделю. Следовало выждать время, попробовать договориться с иностранными гостями об их невмешательстве — однако вместо этого Рейсворт решил пойти ва-банк. Он действительно паниковал, и его поспешность могла оказаться самоубийственной. Брать в заложники двух чужеземными королей, если те откажутся признать смену власти в Тимлейне? Это немедленно обернется затяжным противостоянием с их вассалами. Иберлен и без того враждует с Лумеем, находится в прохладных отношениях с Тарагонской империей. На юге Срединных Земель у

Тимлейнского королевства друзей давно уже нет. Если не останется их и на востоке, что ожидает Иберлен тогда?

Да, в случае, если Клифф Рэдгар не признает свержение Гайвена, взять под стражу Клиффа Рэдгара не окажется сложным. Вот только уже на следующий год гарландская армия подступит к Тимлейну, взяв предварительно Дейревер. А эта армия, если верить донесениям, куда сильнее той, которую смог собрать Роальд Рейсворт.

— Ты считаешь, твой отец прав, Лейвис?

— Не считал и не считаю. Я тебе сразу сказал, он свихнулся. Не знает, кого бояться больше, Ретвальда или Коллинса, вот и решил выступить против того, кто меньше нравится народу. Мы все еще расплатимся за его выбор, но выбирать нам самим не из чего, верно?

Айна чуть поколебалась.

— Мы все же можем пойти к Артуру, — сказала она наконец.

— Не можем. Артур уже никто. Папа купил весь гарнизон. За Артура и сотни мечей не поднимется. Вставай, сестра, и поехали. Что уж время попусту терять, — молодой Рейсворт безнадежно махнул рукой. — Выпью сегодня вина в честь начала твоего правления. Да будет оно благополучнее трех предыдущих.

Капитан Фаллен встретил свою госпожу в передней. Все последние дни он не покидал особняк Айтвернов. Формально оставаясь командиром подчиняющейся Артуру Айтверну фамильной гвардии, Фаллен находился по сути в опале у своего господина и почти не виделся с ним.

У Драконьих Владык, напомнила себе Айна, две тысячи человек размещены сейчас в стольном городе и еще шесть тысяч стоят лагерями в предместьях — однако лишь треть из них набрана непосредственно в Малерионе и подчиняется Айтвернам напрямую. Большинство прочих командуют вассалы отца. Такие, как Рейсворт и занявший его сторону тан Брэдли. Для подавляющей части этих людей Артур Айтверн — в самом деле никто, и они поддержат или уже негласно поддерживали сторону сэра Роальда. Как сделал это, например, Фаллен. Дядя говорил с ним лично, и капитан принял его доводы сразу. Здесь, в резиденции Айтвернов и прилегающих к ней казармах, расквартированы четыре сотни бойцов, и все они находятся у Клауса Фаллена в непосредственном подчинении.

— Мой лорд. Моя леди, — капитан поклонился Лейвису и Айне.

— Мы с леди Айной направляемся во дворец. Что тут у вас?

— Мои лейтенанты готовы. Если герцог Айтверн явится сюда, им дан приказ его задержать.

— Хорошо, — Лейвис кивнул, чуть помедлил. — Он будет сопротивляться, имейте в виду. Если явится.

— Я помню приказ брать герцога живым. Ловчие сети уже заготовлены.

— Хорошо, — сказал сын графа Рейсворта еще раз. — В солдатах вы уверены?

— Не уверен, — буркнул Клаус. — Вы задаете дурацкие вопросы, мой лорд. С офицерами я поговорил. Два дня разговаривал. Дело они знают и приказы отдадут. Что скажут простые солдаты, если им придется драться с сэром Артуром — предугадать не сможет никто. Ни вы, ни я, ни Господь. Так что хватайте его во дворце, не дайте сбежать, а я буду молиться, чтоб там все началось и закончилось.

— Хватать Господа, а молиться дьяволу? — переспросил Лейвис с неуместной издевкой.

— Хватать лорда Артура Айтверна, бес бы вас побрал с вашим батюшкой.

— Поберет непременно, — пробормотал Лейвис.

— Капитан Фаллен, — Айна шагнула вперед, обвила руками шею офицера, поцеловала его в щеку. — Я благодарю вас за верность моему дому.

— Теперь вы — мой дом, — сказал Клаус глухо. — Вам я в самом деле буду верен. Ваше величество.

В королевском замке сегодня яблоку не было места упасть. Собрались почти все знатные лорды Иберлена — помимо Данкана Тарвела, продолжавшего отсиживаться в своем военном лагере в половине дня пути от столицы. Большинство присутствовавших тут вельмож так или иначе были осведомлены о готовящемся мятеже. Граф Рейсворт хорошо потрудился за остаток лета, убедив одних аристократов и обольстив перспективами возможного будущего возвышения других. Многие были верны еще Гледерику Кардану и намерены были продолжать начатое им дело. Этих возглавлял Джеральд Коллинс, что займет в скором будущем место во главе Коронного совета.

— Кого нам следует опасаться? — шепотом спросила Айна у Лейвиса, разглядывая окружающую их толпу.

— Фэринтайна. Рэдгара. Нашего собственного брата и сюзерена. Других врагов у нас в Тимлейне нет.

К молодым Айтвернам подошел Эдвард Эрдер, герцог Шоненгема. Глубоко поклонился, приложив руку к груди. «Сын Джейкоба осторожен и слишком впечатлен смертью родителя, — вспомнились Айне слова дяди. — Он до последнего отвергал мои планы. Говорил, сейчас не время для нового восстания, говорил, нужно подождать хотя бы года три, пока все успокоится. Насилу нам с Коллинсом удалось его убедить».

— Юный лорд Рейсворт, — с высоты своих двадцати двух лет Эрдер вполне мог называть семнадцатилетнего Лейвиса юным, не опасаясь вызова на дуэль, — леди Айтверн, вот и вы. Хорошо, что успели вовремя. До начала объявленного Гайвеном официального ужина еще полчаса, но нам лучше пройти в Сиреневый Зал заранее. Мне поручено сопровождать вас.

— Где Артур? — спросила Айна.

— Отправился показать одной леди из свиты Фэринтайна здешний дворец. Мой осведомитель доложил пятнадцать минут назад, что закончилась эта прогулка в занимаемом лордом первым министром кабинете.

— Леди красива? — Лейвис приподнял бровь.

Эдвард Эрдер вежливо улыбнулся:

— Леди прославлена. Речь о Кэмерон Грейдан, вдове прежнего короля.

— Кузен не теряет времени даром. Что ж, порадуемся за него — когда в следующий раз так развлечется. Что сам Фэринтайн, следили?

— Уединился в покоях левого крыла с супругой, должен появиться в скором времени. С ними прибыло четыре сотни солдат, их уже разместили. Командует некто Гленан Кэбри. Хмурый молодчик, не отрывает руки от эфеса. На встречу с королем они возьмут с собой десяток охранников. Я поставил арбалетчиков на верхней галерее.

— Сам ваш тезка, который король, — Лейвис явно не мог сдержать любопытства, — каков он из себя?

— Похож на морского разбойника старых времен, только топора за спину не хватает. Здоровый, косая сажень в плечах, но, в отличие от гарландца, держится как фронт. — Эрдер нахмурился. — Хороший боец. Я бы опасался его не меньше, чем Рэдгара. С Рэдгаром на

обед придет человек двадцать, будут дочери, и даже сын. Мы постараемся, чтоб они не пострадали. Дипломатического скандала уже не избежать, но континентальной войны все еще можно избежать. Лорд Рейсворт, — заметил северянин чопорно, — вам известно мое отношение к сумасбродству вашего отца.

— Да знаю я, — сказал Лейвис с отчаянием. — Знаю. Что ты все политес из себя давишь да лясы точишь. Все я знаю, и ты знаешь, что я знаю, и толку с того, что мы знаем, думаем или говорим. Это все треп. Важны лишь решения. А решают здесь только папа и Коллинс, не мы с тобой. Коронный совет состоится в девять. Ты не забыл лучший свой камзол нацепить? И возьми побольше цепей и камней. Момент выйдет значимый для истории, полагается соответствовать.

— Если все пройдет гладко, то в девять и надену побрякушки, а пока этого хватит. — Камзол северного лорда и без того выглядел безупречно, а на каждом пальце, кроме больших, было по украшенному драгоценным камнем кольцу.

Эрдер поглядел на Айну:

— Бойтесь? — спросил он с внезапным сочувствием.

Девушка фыркнула:

— Боялась, когда ваш отец собирался меня убить. Сейчас — мне уже как-то все равно. Может, потом все будет плохо, но вряд ли — хуже.

— У меня не было случая извиниться за тот случай, госпожа. Я даже не знал о случившемся, меня не было в столице. Знал бы — попробовал бы спорить. Я не одобряю подобных методов. Но их одобрял мой отец, и теперь, получается, унаследовав его титул, я унаследовал и его ошибки.

— Унаследовали. И я непременно напомню вам об этом, когда отправлю вас на плаху, а ваши владения поделю меж своими вассалами. — Айна взглядела в оставшееся бесстрастным лицо Эрдера и махнула рукой. — Я пошутила. Нет смысла ворошить прошлое и разбирать, кто и в чем виноват. Мы все по грудь в грязи, герцог, и погружаемся в это болото все глубже. Я не стану предавать вас опале за дела вашего отца, даже если займу этот проклятый серебряный трон.

— А замуж за меня пойдете? — спросил Эрдер с внезапной лихостью. — У подобного союза найдется немало преимуществ. За мной домены севера, за вами запада. Объединив их, мы сможем держать Иберлен в кулаке. Я красив, умен, обаятелен, девицы на меня не жаловались. Хороший любовник, вот, хоть леди Абигайл спросите. Или леди Кристину. Или леди Джессику.

— Замуж я пойду только за Лейвиса, — Айна взяла кузена под локоть. — Таким образом мы снова объединим две линии Драконьего Дома в одну. Я смогу рассчитывать, что армия, собранная старшим Рейсвортом, и впредь останется мне безусловно верна, а Запад — как никогда един. Раз уж делать Айтвернов королями, пусть королями станут все Айтверны. Или хотя бы их большинство.

— Плохая мысль, сестренка, — фыркнул родич. — Просто скверная. Не знаю, какой любовник из лорда Эдварда, из меня — явно хуже. Ты прогадаешь, что выбрала меня, а не его.

— Я буду любить тебя не за любовный пыл, а за твой домен, твоих вассалов и твои богатства. В супружеской же опочивальне, — Айна широко и насмешливо улыбнулась, — когда дело дойдет до твоих неуклюжих ласк, я просто закрою глаза и подумаю о том благе для Иберлена, что мы совершаем.

Эдвард Эрдер усмехнулся, затем засмеялся. Мгновением спустя рассмеялся и Лейвис Рейсворт — громко, пусть и не совершенно беззаботно. Скорее тревожно. Чувствуя эту тревогу всем сердцем, присоединилась к общему смеху и Айна. Группа проходивших по коридору придворных недоуменно оглянулись на троицу молодых аристократов.

Они все трое шутили. Им всем троим было страшно. Сын покойного повелителя Севера, организовавшего предыдущий мятеж и в ходе его погибшего. Сын нынешнего лорда-констебля, организовавшего мятеж новый. Дочь погибшего на прошлом мятеже прошлого лорда-констебля. Им бы стоило быть врагами, но сейчас они оказались заодно, на одной, не ими выбранной стороне в этой войне. Даже не зная, надолго ли предстоит идти общей дорогой. Порой судьба вынуждает заключать странные союзы. Порой эти союзы держатся годами, порой умирают за день.

Все трое этих молодых дворян, хоть и не признались бы в этом ни за что, упирая на собственных значительности и взрослости, в глубине души ощущали себя осиротевшими за этот несчастливый для Иберлена год детьми. Айна и Эдвард в самом деле потеряли своих отцов — и в каком-то смысле полагали при этом, что оказались своими отцами преданными. Лейвис Рейсворт отца не терял — видел его каждый день, напротив. Сидел с ним за одним столом, старательно исполнял отдаваемые им приказы. Тем не менее, этот нескладный, неловкий, ернического и беспокойного нрава юноша сейчас, возможно, даже сильнее обоих своих спутников ощущал одиночество и покинутость. Он старался храбриться, отпускать беспечные фразы, при каждом удобном случае издевательски шутить. Ему было страшно. Возможно так страшно, как никому еще сейчас в этом замке.

Айна посмотрела на кузена — и словно почувствовала его смятение. Сделала шаг вперед. Взяла его руки в свои. Лейвис вздрогнул, сделал попытку отступить, но не смог.

— Мы падаем, — сказал он беспомощно. — Это не тонуть в болоте, как ты сказала, это падать в бездну. Я видел сегодня утром кошмар. Не помню, про что. Кажется, о пропасти, в которой не было дна. Вот в эту пропасть мы сейчас упадем.

— Успокойся, — сказала Айна, крепче сжимая его пальцы. Внезапно вспомнился собственный сегодняшний странный сон. Там тоже была пропасть, на тысячи миль простиравшаяся в пылающее чуждыми солнцами никуда — а еще крылья, на каждой грани которых отражался солнечный свет. И эти крылья казались достаточно сильными, чтоб преодолеть любую бездну. — Мы драконы, Лейвис. Мы не упадем. Мы взлетим.

3 сентября 4948 года

Тьма окружала его, и каждый шаг последнего Ретвальда был шагом тьмы.

Тьма защищала и спасала, тьма стала щитом и доспехами, обретшей силу рукой отца и обретшей любовь рукой матери — всем, чему Гайвену не хватало доселе. Тьма звенела в его ушах, пряталась в складках плаща, собиралась в уголках глаз. Ее голос был мягок и добр.

Ее голос говорил правду — ту правду, которую он прежде в своей беспечности не желал замечать. Ту правду, от которой он прятался, которую отрицал в наивной вере, что в этом городе у него еще остались друзья.

«Все время, что ты пытался править ими по справедливости, они готовились вонзить нож тебе в спину. Все эти вельможи, что клянутся тебе в верности, уже подготовили твое свержение. Я слышал их предательский шепот, не доносящийся до твоего трона. Видел переглядывания, не замечаемые тобой. Видел, как сменяются часовые, как готовится быть обнаженным оружие. Сегодня они возьмут тебя под стражу — на глазах у всего королевства, дабы засвидетельствовать твое падение. Сейчас, стоит тебе перешагнуть порог зала, в котором ты назначил приветственный пир».

«Если это измена, — отвечал мысленно Гайвен, глядя на то, как склоняют спины в поклонах слуги, пока он вышагивает к распахнутым дверям Сиреневого Зала, где уже собрались лорды Иберлена, готовясь встретить его, — если это измена, я покараю изменников первым. Я не намерен разделить судьбу отца».

«Кто встанет на твою сторону? Они предали тебя, все».

«Мой первый министр. Артур пошел бы ради меня на смерть. Уже ходил. Артур не оставит меня и сейчас».

«Он сам остался один, как и ты, преданный соратниками и вассалами. Вдвоем вам не выстоять против целой страны. Тебе нужно бежать. Я открою тебе ворота в пространстве. Почти открыл. Я встречу тебя в моем замке, там мы обсудим, как ты сможешь вернуть себе престол и подавить мятеж. Тебе нужны солдаты, и я подскажу, где их найти. У дома Ретвальдов могут найтись союзники в самых неожиданных местах».

«Ты предлагаешь мне снова бежать? Я набегался. Я уже бежал, когда умер отец. Мне хватило. Теперь я буду драться. Сила со мной, говоришь? Помоги мне ее использовать».

«Я помогу. Но ты совершаешь ошибку, дитя моей крови. Они назовут тебя чернокнижником и демонским отродьем, если ты обрушишь на них свою магию сейчас».

«Ошибку совершили те, кто выступил против меня».

Гайвен перешагнул порог пиршественной залы Тимлейнского замка. Сделал пять шагов и остановился. Гости уже собрались — стояли, ожидая его появления. Были здесь почти все аристократы Коронного совета, а также их дамы, их родичи, их соратники. Герцог Джеральд со своим старшим сыном Бренданом, граф Тресвальд с супругой и дочерью, Виктор Гальс, лорды Брэдли, Лайонс, Таламор, Манетерли и Хлегганс. Одни из них сражались недавней весной за дом Карданов, другие — за дом Ретвальдов, но сейчас все стояли вместе, словно объединенные общим делом и общей задачей. Так бывает, когда появляется общий враг.

Гайвен видел Лейвиса Рейсворта — чем-то смущенного, озадаченного, почти

смятенного. Видел Айну Айтверн, стоящую рука под руку с ним, прямую и твердую, такую же недоступную и далекую, как тогда, несчастливой ночью в замке Стеренхорд, когда прахом рассыпалась его любовь. Видел Эдварда Эрдера, широко расправившего плечи и почти небрежно положившего руку на меч. Наследник Шоненгемских скал, тот стоял по левую руку от Айны, словно и не было меж их домами вражды.

Фэринтайн и Рэдгар находились в противоположных краях зала, каждый в окружении своей свиты. Фэринтайна сопровождала жена, таинственная королева Кэран, о которой болтали, будто магия ее далеких предков подвластна ее воле. Были с эринландским владыкой также его ближайшие сподвижники, лорды Кэбри и Свон — оба отважные рыцари и ветераны войны, а также несколько телохранителей. Не хватало только вдовствующей королевы Кэмерон.

Клифф Рэдгар расположился на отдалении от прочих гостей. Слишком воинственный, слишком жесткий, в здешнем обществе он казался осколком какой-то другой, более суровой и честной эпохи. Из всех дворян Иберлена быстрее всего король Гарланда смог бы найти общий язык с Данканом Тарвелом, но Тарвел отсутствовал сейчас в Тимлейне, не желая находится при дворе. Ни жены, ни сына, ни дочерей рядом с Рэдгаром не было. Только несколько его ближних лордов и избранные гвардейцы. Гарландский король стоял нахмуясь, внимательно изучая толпу взглядом. Лицо его оставалось, как почти и всегда, непроницаемым. Гайвен до сих пор не понял этого человека, и не был уверен, что вообще поймет.

Все были тут. Все явились посмотреть на драму, что вот-вот начнется, знаменуя новый перелом в истории Иберлена. Не хватало только Артура Айтверна. Единственного человека в этом замке, кому Гайвен еще мог верить. «Артур осуждал каждый мой шаг. Возражал, спорил, ругался, поднимал голос почти до крика. И все же остался верен. Я верю, что остался. Я, наверно, очень виноват перед ним».

Гайвен шагнул навстречу Роальду Рейсворту, стоявшему во главе группы королевских гвардейцев. Остановился, положив ладонь на рукоятку шпаги.

— Граф Рейсворт. Вижу, гости уже собрались. Когда ждать начала банкета?

— Лорд Ретвальд, — ответ Рейсворта был тих. — Банкета не будет.

Тьма сгустилась. На секунду, по изменившемуся лицу сэра Роальда, Гайвену показалось, что кузен лорда Раймонда тоже видит эту тьму. Во всяком случае, он казался встревоженным. «Ты видишь, что я был прав», раздался бесплотный голос в ушах короля. «Сейчас они выступят против тебя. Собери свою волю в кулак и будь стойким. Мир смотрит на тебя. Я смотрю».

— Что значит — банкета не будет? — последним усилием воли Гайвен еще сохранял невозмутимость. Поступал так, как учила его мать. Королева Лицеретта говорила, государь Иберлена должен оказаться выше человеческих страстей и подавить в себе любую слабость. «Сегодня слабостью, которую я должен подавить, должна сделаться доброта». Одобрение послышалось в шелесте тьмы. — Я вижу здесь и короля Эдварда, и короля Клиффа. Я объявил ужин в честь наших иностранных гостей, и наши иностранные гости пришли. Почему же вы заявляете, что никакого ужина не будет?

— Вам сейчас все в деталях объяснят, сударь, — сообщил Рейсворт сухо. — Не беспокойтесь, без ответов вы не останетесь, — теперь он смотрел на Гайвена с откровенным презрением. Как, впрочем, смотрел на него и всегда, с того самого дня, как явился в замок Стеренхорд. «Я думал, если назначить этого человека во главе своего войска, это смирит его

амбиции и обеспечит покорность. Как я мог так просчитаться?»

«Когда-то, — заметил тот, кто прятался в темноте, — я ошибся точно также, как ты. Что теперь толку сожалеть? Тебя, хотя бы, не оставлял родной брат — за неимением братьев».

— Я должен сделать объявление, — Джеральд Коллинс выступил вперед, подходя к Ретвальду и Рейсворту. Ступал Коллинс тяжело, опираясь на толстую трость.

В свои шестьдесят герцог Дейревера выглядел девяностолетним. Белые, поредевшие волосы, изъеденная морщинами кожа, согбенная спина. Старый этот вельможа всю жизнь потратил на упражнения в царедворстве, мечтая занять место как можно ближе к трону, и видел в Раймонде Айтверне своего основного соперника на этом пути. За Гледериком Карданом он пошел, надеясь выше Айтвернов вознести свой дом, а в Гайвене, очевидно, усмотрел очередную помеху. Коллинсы держали на себе, через порт Дейревера на Ветреное море, морское сообщение с востоком, и в герцогах Запада видели помеху и в вопросах торговли, и в вопросах политики. В жилах Коллинсов текло немного крови Карданов, и это лишь подогревало их гордыню.

— Объявление? Разве сейчас подходящее время для объявлений, герцог? — Эдвард Фэринтайн нахмурился. — Нас в самом деле пригласили на пир — вот этот вот юный господин в черном пригласил, — эринландец кивнул на Гайвена. — Я многое слышал о пирах в Тимлейнском замке и хотел принять участие в хотя бы одном, и моя супруга хотела, — наследник высоких фэйри усмехнулся. — Почему мне кажется, что в этих стенах затевается нечто недоброе? Я смотрю на собравшихся уже четверть часа, и мне не нравятся ни их лица, ни их шепот, ни их настороженность. Почему нас до сих пор не пригласили к столу? Почему стоим, будто на военном плацу? Что вы задумали, господа иберленцы?

— Я поддерживаю недоумение моего супруга, — голос Кэран Кэйвен возвысился над толпой, перекрикивая поднявшийся было ропот. Так, наверно, ее далекий предок, леди Катриона, выступала перед советом волшебников. Рыжие волосы разметались по плечам, высокая грудь часто вздымалась. При королеве Эринланда не было оружия, но оружием сейчас казалась она сама. — Дайте нам ответ. Что затевается здесь? Мы обеспокоены не меньше, чем обеспокоен ваш государь.

Клифф Рэдгар промолчал. Айна Айтверн вскинула подбородок. Лейвис Рейсворт сжал кулаки. По толпе придворных прокатилась рябь.

— Недоумение, выказанное царственной четой Эринланда, вполне законно и объяснимо, — герцог Коллинс адресовал гостям с востока почтительный поклон. — Мы, как принимающая сторона, в самом деле должны извиниться перед вами за нарушение протокола. Однако ваше присутствие здесь и сейчас... лорд Эдвард... и леди Кэран... и лорд Клифф, — еще один поклон, уже в сторону гарландца, — необходимо. Как государи Срединных Земель, признанные Святым Престолом, вы завизируете процедуру отречения иберленского короля.

— Гайвен Ретвальд разве собрался отречься? Вот это новость, он и сам кажется узнает ее впервые от вас, — Фэринтайн покачал головой. Дал знак эринландским рыцарям, и те, готовые обнажить оружие, встали по обе стороны от него и от королевы. — Я не знаю, в какие игры вы собрались играть здесь, герцог Коллинс, но предупреждаю вас быть осторожным. Этот мальчишка опасен. Вспомните судьбу предыдущего Эрдера. Не забавляйтесь с огнем. Если вы замыслили переворот, подумайте о своей семье. Ваши дети уже выросли, но и взрослым детям нужен отец.

— Вы всего лишь гость здесь, лорд Эдвард. Я прошу вас не вмешиваться, а лишь

выступить свидетелем.

— Кто сказал, — уточнил Фэринтайн холодно, — что я стану вмешиваться? Политика Иберлена — внутреннее дело Иберлена. Любые волнения, совершаемые в Иберлене касаются лишь тех, кто здесь имеет сомнительное счастье обитать. Я даже не думаю отдавать здесь приказы, и не мне решать, какие безумства совершаются при тимлейнском дворе. Не настолько, благо, ваше самовлюбленное королевство важно в глазах мировой политики. Я лишь предостерегаю. Будьте осторожны. Ваша решимость чревата горой трупов.

— Господа, — Гайвен не знал, как у него нашлись силы не пошатнуться, не сделать шаг назад. Он очень хотел быть сильным, и тьма поддерживала его — однако сейчас владыка Иберлена ощутил себя на все свои шестнадцать лет, если даже не младше. Так, наверно, чувствовал себя Брайан Ретвальд, когда вся армия, во главе с генералом Терхолом, отвернулась от него. «Отец верил им и попал в ловушку. Я продолжаю его судьбу. Я буду сильнее. Я не дам себя сломать». — Господа. Фэринтайн прав. Не стойте у меня на пути. Иначе... — на мгновение он сделал паузу, ощутил колебание, страх. Но тьма была рядом, и тьма вселяла уверенность и силу. Обещала защиту и поддержку. Вместе с тьмой Гайвен ощущал себя почти всесильным. — Иначе я уничтожу любого, кто выступит против меня. Я это вам гарантирую. Вы слышали о моей магии? Я пушу ее в ход.

Прежде, чем кто-то успел дать Гайвену ответ, противоположные двери Сиреневого Зала распахнулись, и Артур Айтверн, сопровождаемый Кэмерон Грейдан, ворвался под здешние высокие своды. Наследник драконьих герцогов шел стремительно, как будто подгоняемый порывами незримого ветра. Расталкивая толпу, он направлялся прямо к окружившим Гайвена аристократам и гвардейцам, и по лицу его нельзя было ничего понять, кроме того, что он чем-то сильно взволнован. При виде своего господина Блейр Джайлс шагнул ему навстречу:

— Сэр Артур!

— Сэр Блейр! Удивительная картина! — Артур приближался, чеканя шаг, взмахивая полами гербового плаща, высоко подняв подбородок. — Я ожидал увидеть лордов Иберлена сидящими за столом и пьющими хорошее астарийское вино, а вижу стоящими на ногах вокруг моего государя, сомкнув ряды. Все вино в этом замке уже выпито, и вы ждете добавки?

— Герцог Айтверн, — Коллинс развернулся к нему, попутно делая быстрый знак Рейсворту, — раз вы тут, послушайте и вы, что мы желаем сказать. Речь пойдет о низвержении узурпатора. Царствованию дома Ретвальдов пришел конец, и мы сейчас намерены объявить об этом официально.

Артур остановился посреди зала, будто внезапно споткнулся. Обвел присутствующих взглядом. Замер. Его лицо побелело.

Казалось, он не верит происходящему — просто не в силах поверить. Конечно, он и не верил. Артур Айтверн готов был ожидать от судьбы любой неожиданной подлости, но только не нового мятежа так скоро после подавления прежнего. На мгновение Гайвену сделалось и смешно, и горько. Его последний рыцарь оказался столь же беспомощен, как и он сам. Не следовало назначать Рейсворта констеблем, подумал Гайвен. «Еще одна среди многих ошибок. Я сам подвел события к этой черте».

— Единственный узурпатор, которого я помню, — сказал Айтверн медленно, — уже низложен. Я сам его низложил. Тремя этажами выше, три месяца назад. Коллинс, что за ересь тут происходит? Вы хотите, чтоб я низложил и вас заодно? Я могу. Мой клинок при

мне.

Роальд Рейсворт при этих словах Артура сделал взмах рукой — и, словно актеры в заранее отрепетированном спектакле, наряженные в атлас и шелк иберленские дворяне расступились в стороны, подобно волнам откатились к боковым галереям, оставляя середину зала пустынной. Из примыкающих коридоров, обнажая клинки и поднимая арбалеты, выступили, облаченные в полный боевой доспех, солдаты королевской охраны. На ярусах верхнего этажа также показались стрелки. Гайвен видел, как они берут под прицел и его самого, и Артура.

— Дядя, — Артур обернулся к Роальду Рейсворту, — не знаю, что вы задумали, но скажите, пожалуйста, этим людям уняться. Я вас очень хорошо прошу. По-семейному, — юный герцог Запада, казалось, еще хотел уладить дело миром.

«Миру только что настал конец», сказала Гайвену тьма, и Ретвальд отстраненно подумал, что его невидимый собеседник прав. Если и можно было достичь в этом королевстве примирения, то уже не теперь. Последняя черта только что пройдена. Слишком много лжи. Слишком много предательств. Эта земля утонула в предательствах и в лжи — и пора положить им конец.

— Дядя! — повторил Артур настойчиво. — Что вы молчите?

Роальд Рейсворт ответил не сразу. Он колебался. Разумеется, он колебался. Легко организовать заговор против короля, в которого не веришь и которого не считаешь достойным трона. Легко привлечь на свою сторону соратников и друзей, сказав им, что радеешь о лучшем исходе для государства. Легко спланировать каждый шаг будущего мятежа, легко подкупить вельмож и стражу.

Сложнее, намного сложнее — прямо смотреть в глаза мальчишке, которого воспитывал как родного сына, и открыто признаваться ему, что его продал. Все знали, что граф Рейсворт многие годы был молодому Айтверну заместо отца, и воспитывал его, как воспитывают свою кровь и семя. Сейчас граф Рейсворт и герцог Айтверн стояли, разделенные двумя десятками футов пустоты, и ладони их лежали на рукоятках мечей.

— Сэр Артур, — голос Роальда Рейсворта был хриплым, как скрежет клинка по точильному камню, — отдайте мне, пожалуйста, ваше оружие. Решением Коронного совета вы отстранены от должности первого министра и лишаетесь титула герцога Запада. Ваши владения и ваши войска перейдут вашим родичам, а вашу судьбу решит королевский суд.

— Разве я в чем-то провинился перед этой страной, дядя, что вы бросаетесь такими словами? Разве какие-то мои деяния заслуживают суда? Мне казалось, перед нашим королевством я чист.

— Вы содействовали захватившему Серебряный Трон чернокнижнику и предательски убили законного государя, короля Гледерика Первого. Подобной провинности достаточно для вынесения смертного приговора, но как королевский констебль, я могу гарантировать вам помилование и изгнание. Будьте добры, подчиняйтесь.

Артур потрясенно выдохнул. Он по-прежнему до конца, видимо, не был готов к происходящему. Воспитанный на рассказах о рыцарской доблести и чести, меньше всего он ждал увидеть врагом человека, все эти понятия о доблести и чести в него вложившего.

Артур посмотрел на сестру, Айну — та стояла в окружении сторонников Рейсворта, молчала, и, казалось, забыла как дышать. Посмотрел на стоящую подле себя Кэмерон Грейдан. Супруга короля Хендрика тоже молчала, и молчание это было настороженным. Оружия при ней не было, ведь знатной даме, пришедшей на придворный прием, оружие ни к

чему. Но по выражению глаз леди Кэмерон ясно читалось — будь оружие при ней, она бы сейчас не колеблясь пустила его в ход.

Артур вытащил из ножен на левом бедре длинную дагу и передал леди Кэмерон. Та без малейшего промедления приняла. Коротким взмахом проверила баланс клинка, удовлетворенно кивнула. На мгновение впавший в оцепенение Гайвен вдруг понял, что Артур в упор смотрит на него.

— Ваше величество, — герцог Айтверн говорил негромко, но все, кто собрался в тот момент в Сиреневом Зале Тимлейнского замка, отчетливо слышали его голос, — сейчас я хорошо понимаю, что испытывал мой отец, стоя минувшей весной подле вашего отца на стенах этой цитадели. Я не буду отрицать, во время вашего правления я нередко бывал недоволен вами. Однако, — привычная улыбка разломила губы драконьего герцога, — я отнюдь не желаю, чтоб это правление заканчивалось столь скоро. Ведь тогда я не смогу и впредь выказывать свое вам недовольство.

— Герцог Айтверн, — Гайвен охотно поддержал его тон, — мы находимся сейчас в подавляющем меньшинстве. Это королевство целиком выступило против нас. Тем не менее, я намерен убить всякого, кто встанет на пути моего правления и вашего недовольства. Вы окажете мне посильную помощь в этом?

— Без малейших колебаний, мой король, — Артур выхватил меч.

Очень многое случилось в следующую минуту. Достали, все как один, оружие собранные сюда Рейсвортом солдаты. Удержал своих людей, готовых присоединиться к начинающейся замятне, Эдвард Фэринтайн. Печально чему-то вздохнул, качая головой, Клифф Рэдгар. Обнажил клинок и встал плечом к плечу с Гайвеном Блейр Джайлс.

Роальд Рейсворт развернулся, махнул рукой в сторону герцога Айтверна — и арбалетки верхних галерей дали залп. Закричала, бросаясь вперед, вскидывая руки, Айна Айтверн. Вспышка белого света рванулась от нее к Артуру. Эта вспышка просияла подобно разорвавшейся молнии, осветив Сиреневый Зал ярче сотни свечей, и тут же погасла. И тогда, во внезапно замедлившемся времени, Гайвен увидел, как почти достигшие драконьего герцога стрелы вспыхнули пламенем и истлели, опадая на паркет горстками пепла. Не причинив Артуру ни малейшего вреда.

Так Бердарет Ретвальд в недавно посетившем Гайвена видении оборонялся от выстрелов тарагонских стрелков. Только на этот раз подобную магию применил не давно опочивший колдун. Это сделала Айна. Секундой спустя она стояла, тяжело дыша, и глядела широко распахнутыми глазами на собственные пустые ладони, будто ожидала увидеть их обожженными. Изумление отпечаталось на ее лице. Женщины дома Айтвернов не владеют магией. Это знают все, кто читал старые хроники. Вот только эта женщина, видимо, владела.

Кто-то кричал. Кто-то схватился за меч — из тех, кто мечи еще не достал.

— Второй залп! — приказал арбалетчикам граф Рейсворт.

— Остаться на месте! — кричал своим людям Эдвард Фэринтайн. Видимо недовольная его решением, королева Кэран в ярости дернула супруга за рукав, но лорд Вращающегося Замка даже не повернул головы. Он действительно не хотел вмешиваться — не хотел примыкать ни к одной из сторон. Возможно, он был по-своему прав. Граф Свон выругался, но подчинился. Граф Кэбри подчинился молча.

«Теперь, — обратился Гайвен к тьме, — мне нужна вся помощь, которую ты можешь мне предложить».

«Сила твоя. Вот только сможешь ли ты ее удержать?»

Тьма изменилась. Стала послушной и податливой. Стала покорной, как глина, из которой Создатель лепил первых людей. Тьма оказалась подобна реке, чьей силой можно было управлять, чье течение было подвластно мысли и в любое мгновение меняло напор. Гайвен взял тьму в свои ладони (а вместе с ней он взял свою стойкость и свою волю) и швырнул ее прямо в Джеральда Коллинса.

Хищная чернота со свистом, подобно стреле, вырвалась из распрямившихся пальцев иберленского короля — и окутала темным пологом дейреверского герцога. Уплотняясь. Становясь чернее беззвездной полночи. Коллинс взмахнул руками. Закричал. Взыл. Его кожа, и без того изъеденная морщинами старости, на глазах иссыхала, становилась пергаментно тонкой — а затем слазила, обнажая на лице кости черепа. Тлели, опадали ключьями волосы. Обваливалось с рук мясо. Спустя несколько мгновений на украшенный росписью в форме кленовых листьев паркет рухнул облаченный в дорогие одежды скелет. И выглядел этот скелет так, будто пролежал в гробу добрых три сотни лет.

— Чародейство! — заорал Лайонс, срывая глотку. — Ретвальду служат демоны!

Арбалетчики еще заряжали орудия, но было очевидно, что они не успеют. Мечники разворачивались, не зная, к кому бежать первыми — к Айтверну или к Ретвальду. Застыла, все также ошарашенно замерев, Айна Айтверн, и Лейвис Рейсворт стоял подле нее, безуспешно пытаясь утянуть куда-то прочь.

Пятеро гвардейцев, оказавшихся посмелее прочих, все же кинулись к Гайвену, выставив пики. Король-Чародей ударил их с размаху тьмой, словно размахивал кнутом — и все пятеро повалились на пол, бросая оружие, отхаркиваясь выступившей на губах кровью. Умирая. Их сердца остановились в один миг. Блейр сжал рукоятку клинка до хруста в пальцах. Но не отступил от своего государя.

— Идите ко мне, — сказал Гайвен, не веря, что он это говорит. — Идите. Всех, кто придет — всех и убью. Мне не сложно.

«Даже если придется уничтожить десятки тысяч?» — спросил его дед.

«Даже если».

— Это бравада, пустая бравада! — крикнул Рейсворт. — У любого чародея есть запас сил, и он не бесконечен! Колдун скоро выдохнется, стреляйте!

Придворные вжались в стены. Арбалетчики дали новый залп, на сей раз по Гайвену. Заслонился он без труда, представив, что использует подвластную ему черноту как щит. Стрелы истлели точно также, как сгорели те, которые до того предназначались Артуру. Магия наконец стала покорна, и позволяла делать все, что пожелаешь. Или почти все. Концентрация психокинетической энергии, значит? Как просто, когда есть кому помочь.

Гайвен поднял правую руку, собирая вокруг нее черноту. Сейчас, первым ударом, нужно уничтожить Рейсворта. Затем — Брендана Коллинса, Лайонса, прочих членов совета. Следом стрелков. А после, возможно, мятежу придет конец и в Иберлене наконец наступит мир. Может быть, удастся обойтись даже без показательных казней. Хотя прямо сейчас устроить их крайне хотелось.

— Некоторые люди, — внезапно отчетливо и громко сказал Эдвард Фэринтайн, делая шаг вперед, — заключают сделку с силами, которые не способны ни оценить, ни понять. Не думая ни о цене, ни о последствиях. Бездумно подставляясь сами и подставляя других. Ты совершил ошибку, мальчик. И мне очень тебя жаль.

Король Эринланда выхватил из чехла на поясе пистоль. Удивительная, баснословных денег стоящая вещь, украшенная золотой резьбой и рубинами. Такие делают за восточным

морем, и в Иберлене Гайвен прежде подобного оружия не видел. Оно и появилось на дальних окраинах Срединных Земель хорошо если лет пять назад. Длинный, в десять дюймов, ствол с широким дулом смотрел Ретвальду прямо в лицо.

Эдвард Фэринтайн прищурился. И нажал на спусковой крючок.

Последним, что слышал Гайвен, было — «я не позволю тебе умереть».

А потом тьма приняла его в свое лоно.

* * *

Артур Айтверн, как и почти все в Иберлене, никогда прежде не встречался с огнестрельным оружием. Разве что слышал краем уха, что такое вообще существует. Встречал упоминания о бомбардах, о тяжелых и неуклюжих пушках, что последние годы начали появляться на вооружении в армиях Венетии, Либурна, Дарнея. Было подобное оружие мощнее, чем привычный требюшет или баллиста, но и значительно сложнее в обращении. Неудобней и дороже. Поэтому отец относился к нему с изрядным скепсисом и не стремился закупать для своих войск.

Слышал что-то Артур и о попытках сделать огнестрельное оружие ручным, наподобие арбалета — но действующих образцов ему доселе не попадалось. Не требовалось, однако, большого ума, чтобы понять — это именно такой образец, увидев его в руках Фэринтайна.

С криком Артур бросился к своему королю. К королю, за которого все еще готов был сложить голову — даже если в жилах того действительно текла кровь темных фэйри. Артур знал, что не успеет. Но остаться на месте все равно не мог. Фэринтайн выстрелил. Будто прогремел гром, из дула пистолета рванулось пламя, белым маревом повалил дым.

Что произошло следом, Айтверн не понял. Когда Гайвен своей магией убил старого Коллинса и расшвырял бросившихся его задержать солдат, с его рук срывалось что-то вроде нитей, сотканных из угольной черноты. Сейчас эта чернота окружила его всего, с головы до пят. Заключила в плотный, непроницаемый кокон. Сделалась щитом. Одна доля выдоха, один быстрый перестук сердца — и тьма исчезла.

Вместе с ней исчез и Гайвен. Его больше не было в зале — ни живого, ни мертвого. Артур ожидал (и боялся) увидеть лежащий на полу с развороченной головой или грудью труп — но Ретвальд сгинул, не оставив по себе никакого следа. Артур остановился. Опустил меч.

Перекрикивая галдящую толпу, приказывая следовать за собой растерявшимся было солдатам, показался Роальд Рейсворт. Если дядя и был обескуражен, то очень быстро овладел собой. Слишком много битв уже было на его счету. Терять самообладание сэра Роальд просто отвык.

— Узурпатор, — сказал он громко, принуждая всех вокруг успокоиться, — бежал, используя свое волшебство. Я читал о подобном, в библиотеке моего покойного кузена. Чародеи могли перемещаться на большие расстояния, если им грозила опасность. И закончим на этом. Сэр Артур, Ретвальда здесь больше нет, и сомневаюсь, что у него хватит смелости вернуться. Отдай мне наконец свой чертов меч, племянник.

Отдать меч? Сейчас? Когда рухнуло королевство, когда погиб или сбежал, видя предательство подданных, король? Сдаться на милость торжествующих победителей? Артур Айтверн не привык сдаваться. Он и раньше шел навстречу опасности, не желая перед ней

отступать. Разве рыцарь бежит перед лицом врага, даже если враг одержал верх? Долг рыцаря — сражаться с тем, кто сильнее тебя, во имя вещей, в которые веришь. Так Артур выходил на бой против Александра Гальса, Джейкоба Эрдера, Гледерика Кардана. В какие-то разы ему повезло — иногда благодаря храбрости, иногда благодаря хитрости, иногда благодаря удаче. В этот раз в везение он уже просто не верил. В одном только этом зале — против него добрая сотня мечей.

И тем не менее, отступить и сдаться Артур не мог. Что-то внутри него всеми силами противилось этому. Он обещал защищать своего короля — и значит будет его защищать, даже если этого короля больше нет. В конце концов, отец ведь тоже не сдался. Быть хуже, чем собственный отец, Артур попросту не хотел. Его отец и так был по-своему во многих отношениях плох. Говоря откровенно, во многом Раймонд Айтверн был ужасно плох — и как родитель, и как рыцарь, и как сеньор. Но погиб он достойно. «Что ж, папа, — подумал Артур весело, — значит скоро мы с тобой увидимся — и тогда нам предстоит еще одна ссора».

Рыцарь из Дома Драконов удобнее перехватил рукоятку клинка. Блейр Джайлс и Кэмерон Грейдан встали подле него. Кэмерон подняла при этом с пола оброненный одним из убитых Гайвеном гвардейцев длинный меч. Артур вспомнил, как громко королева Эринланда стонала какой-то час назад, обвив его шею руками. Жаль, что не будет второго раза — во второй раз оказаться сверху хотел он. И заставить черноволосую королеву уже не стонать — кричать.

Блейр Джайлс ухмыльнулся:

— Даже не понимаю, что я забыл на вашей стороне, сэр Артур.

— Я сам не понимаю, что забыл на своей стороне, сэр Блейр.

Роальд Рейсворт обнажил меч. Хороший, проверенный не в одном десятке боев клинок — с драконьим клеймом Айтвернов на лезвии, как и у самого Артура. Значит, если так надо, сегодня один Айтверн сразится с другим. Раньше так уже бывало не раз. Раймонд Айтверн, когда был молод, убил своего брата Глэвиса, задумавшего узурпировать трон, а лорд Эйдан сражался с Повелителем Бурь. Дядя Роальд не Повелитель Бурь. Простой человек. Просто немного сильнее и опытнее. Ерунда. Не сильнее, чем был Александр Гальс.

За спиной дяди Роальда встало несколько десятков солдат.

— Отдай мне все же это оружие, мальчик, — сказал Рейсворт негромко.

— А давайте, — острое клинка прочертило в воздухе круг, — вы отберете его сами. Вы можете, я в вас верю.

— Хватит! — громкий голос внезапно заставил и Артура, и лорда Роальда обернуться, опустив уже занесенные к бою мечи. — Хватит. Дозвольте высказаться еще одному человеку, я вас прошу. А потом делайте что хотите. Любую глупость.

Клифф Рэдгар, сопровождаемый двумя десятками своих телохранителей, вышел и встал напротив. На сегодняшней банкет он явился, как и всегда, в полном боевом доспехе. Иберленцы уже привыкли к этой причуде гарландского короля и не стали возражать. Все это время молчавший, безучастно наблюдавший за творившимся в Сиреневом Зале безумством лорд Клифф сорвал с плеч украшенный оскаленными песьими мордами рыжий плащ и швырнул его ровно промеж герцогом Айтверном и графом Рейсвортом.

— Кто переступит через этот плащ первым, — сказал король Гарланда коротко, — того я убью.

Клифф принял переданный ему оруженосцем двуручный меч и с размаху вонзил его в

дубовый паркет. Оперся на рукоять.

— Я, — сказал гарландец все также спокойно, — считаю себя воспитанным человеком. Вы можете в этом усомниться, глядя на мои медвежьи манеры. Но я действительно воспитанный человек. Я потомок двадцати поколений королей, и я думаю, я могу претендовать на некий аристократизм даже в свете вашего блестящего двора. Гостю не пристало вмешиваться, когда хозяева ссорятся. Здесь я гость. Вы пригласили меня в этот замок, я приехал. Я пил ваше вино, ел ваши хлеб и мясо, спал под вашим кровом. За это я вам чрезмерно благодарен. Мы, гарландцы, не настолько цивилизованные люди, как вы, иберленцы. Нам иной раз не хватает изящества и такта. Однако даже мы умеем испытывать благодарность к тем, кто нас хорошо принял.

— Блестящая речь, лорд Клифф. Ближе к делу.

— Сейчас подойду, граф Рейсворт. Я всего лишь хочу сказать — я не сторонник лишнего кровопролития. Одно дело убивать врага на войне, убивать чужеземца, убивать в честном бою, убивать ради процветания своей родины или ради воинской славы на худой конец. Совсем другое — убивать друга и родича, да еще на пиру. Так поступают только варвары, а иберленцы, кажется, не варвары, — чернобородый король сощурился.

— Вы справедливо заметили, что не вам лезть в наши дела, лорд Клифф.

— Да. Только это уже и не ваше дело. Вы задумали взять под стражу сэра Артура. Я же настаиваю — вы не вправе этого делать. Как герцог Запада, сэр Артур был связан ленной присягой с иберленским королем. Иберленский король низвергнут и пропал, так что мы можем считать тимлейнский трон в настоящий момент вакантным. Вы заявили, что от лица Коронного совета лишаете сэра Артура малерионского герцогства. Спорное заявление, не уверен, что в правах вашего совета разлучать верховного лорда с его доменом. Но допустим, вы это сделали. Как безземельный рыцарь, сэр Артур ничего не должен по закону ни иберленскому королю, которого сейчас попросту нет, ни вашему негодяйскому, вероломному совету. Как король Гарланда, герцог Кенриайн и герцог Роттенгейм, я беру этого человека, сэра Артура, под свое покровительство и защиту.

— Юридически, ты не ошибся, — подтвердил Эдвард Фэринтайн с усмешкой. — Как лучший законник и самый, должно быть, образованный человек здесь, я подтверждаю — Клифф Рэдгар действительно вправе обеспечить Артуру Айтверну свое покровительство. Все существующие законодательные кодексы Срединных Земель трактуют этот вопрос вполне однозначно. Вам следовало прежде назвать имя нового тимлейнского короля, а уже потом принимать решение об аресте владетельного пэра. Коронный совет, действующий от лица пустой короны, не имеет силы. Мое почтение, кузен. Это было красиво, — король Эринланда поклонился.

— Твой выстрел тоже был красив, — король Гарланда вернул давнему противнику поклон. — Так что, господа Коронный совет Иберлена и верные его слову псы, вы отступаете перед очевидным фактом?

Роальд Рейсворт все еще не желал признавать поражение — хотя случившееся сейчас было для него именно поражением. И пусть организованный сэром Роальдом переворот увенчался формальным успехом, и пусть низвергнутый король без следа исчез, разве можно было позволить уйти из этого зала свободным человеку, который станет теперь главной угрозой новым правителям Тимлейна? А ведь Артур Айтверн этой угрозой обязательно станет. Как стал ею в прошлый раз. Роальд Рейсворт помнил, чем закончил Гледерик Кардан, и не хотел разделить его участь. Один из немногих в Тимлейне, он относился к

Артуру всерьез.

— На моей стороне, — сказал Роальд Рейсворт, — в настоящий момент находятся почти все верховные лорды Иберлена. На моей стороне — полторы сотни мечников, пикинеров и стрелков в этих стенах. Их мечи, пики и стрелы смотрят сейчас на вас. На моей стороне не меньше двадцати тысяч солдат за пределами этих стен. Вы уверены, что желаете со мной спорить, ваше величество?

— На моей стороне, любезнейший — сорок тысяч солдат к востоку от вашей границы. Хорошо обученных, прекрасно подготовленных солдат. На моей стороне верные мне лорды в Кенриайне, что обязательно за меня отомстят, надумай вы поднять на меня руку. На моей стороне договоренности о мире и дружбе с почти всеми государствами цивилизованного мира. Ни Венетии, ни Астарии, ни Либурну не понравится, если иберленцы взбесятся и начнут убивать чужих королей. А еще на моей стороне справедливость и честь.

Граф Рейсворт со стуком вогнал меч в ножны.

— Убирайтесь и проваливайтесь, — сказал он глухо.

— Хорошо, — Клифф без всякого усилия вытянул двуручник из пола. — Пойдемте, сэра Артур. И все, кто хочет вас сопровождать, пусть тоже вместе с нами уходят. — Он коротко кивнул Кэмерону и Блейру. — А эти господа пусть остаются здесь и решают, кто из них достаточно благороден, чтоб восседать в кресле из потемневшего серебра.

3 сентября 4948 года

В полном оцепенении Айна Айтверн сидела в каком-то кресле, куда посадил ее Лейвис, и продолжала смотреть на свои руки, сложенные на коленях ладонями вверх. Пальцы мелко дрожали. Она вся дрожала. Она помнила, как с этих пальцев рванулся, испепеляя выпущенные арбалетчиками Рейсворта стрелы, ослепительный свет. Такой же настоящий, как тьма, которой, словно плетью, орудовал против кинувшихся на него солдат Гайвен.

«Я действительно владею магией. Я действительно наложила проклятие на своего отца. Я действительно чародейка. Что мне теперь с этим делать? И что они все сделают со мной?»

Она не понимала, как это случилось. Просто увидела, что Артур сейчас падет замертво, пронзенный десятком стрел — а дальше все вышло само собой. Сила пробудилась, страх и ярость стали светом, свет превратился в пламя.

Откуда-то появился Роальд Рейсворт — выглядящий куда злее обычного.

— Вставай, — сказал он резко. — Пошли. Ты должна немедленно предстать перед Коронным советом.

— Они меня казнят? — спросила Айна. — Казнят как чернокнижницу?

— Что? Нет. Они тебя коронуют. Ну, не сразу. Через какое-то время.

— Я применила магию. Вы видели? Я применила магию, чтобы спасти Артура. Я такая же, как Гайвен. Отродье демонов.

Роальд Рейсворт неожиданно крепко обнял ее и прижал к груди:

— Девочка моя, — сказал он ласково, — ты надежда нашего дома и наше спасение. Ты все поймешь позже. Пойдем.

Происходящее казалось Айне подернутым дымкой тумана, и она до сих пор не могла поверить, что не спит. Не таким она представляла то, что должно было случиться этим вечером. Тогда, два часа назад, когда они с Лейвисом и Эдвардом стояли у порога Сириного Зала, готовясь в него войти, Айне казалось, у них всех троих есть какая-то роль в предстоящих событиях. Она думала, они смогут на что-то повлиять, что-то изменить. Единственная роль, в действительности им доставшаяся — роль наблюдателей.

«Все решали другие, а мы просто стояли и смотрели. Несмотря на все наши титулы, нашу решимость, нашу гордость и наш гонор. Мы — просто марионетки в чужой игре, разряженные в кружева куклы, и не более того. Я говорю, что хочу действовать, но все равно не действую. Это спектакль Коллинса и Рейсворта, не наш». Впрочем, теперь это спектакль одного Рейсворта. Коллинс погиб — захлебываясь криком, иссох заживо за считанные секунды.

«Это сделал Гайвен. Сначала его, потом еще пятерых солдат. Дядя думал, это будет просто — прийти к глупому книжному мальчишке, потребовать от него отречения от трона. Вот только этот книжный мальчишка научился убивать».

Айна хорошо запомнила лицо молодого Ретвальда, каким оно было тогда. Гайвен совершенно не колебался, прежде чем применить свою магию. Ни сомнений, ни жалости — он пообещал уничтожить всех, кто бросит ему вызов, и он почти это сделал. Сделал бы, если б не выстрел Фэринтайна. Дядя Роальд уцелел только чудом.

Вокруг галдели придворные, мелькали слуги, грохотали доспехами солдаты, хриплыми голосами выкрикивали приказы офицеры. В Тимлейнском замке царили смятение и хаос. Смятение не настолько бурное, как то, что случилось после свержения Брайана Ретвальда, но все же поставившее все вокруг верх дном. Слухи об обезумевшем короле-колдуне распространялись по крепости со скоростью лесного пожара, а вместе со слухами нагнеталась паника. Король свергнут с трона заговором вельмож. Король не пожелал отказаться от власти и в начавшемся бою применил темные заклятия. Король убил чарами Джеральда Коллинса, и не одного его. Король без вести пропал — но возможно, еще вернется, чтобы отомстить всем, кто его предал.

Граф Рейсворт распорядился закрыть ворота замка и не выпускать никого в город, разве что по личному своему разрешению. Объявил, что как лорд-констебль, принимает управление Тимлейном на себя. Объявил, что скоро Коронный совет объявит имя нового государя.

Клифф Рэдгар покинул замок сразу, как только закончилось побоище в Сиреневом Зале — один из немногих, кому это удалось. С гарландским королем уехали его солдаты и Артур Айтверн — и Айна не знала, какая теперь ждет судьба ее брата. Она вообще ничего не знала. Просто шла вслед за дядей, словно в забытье, коридорами и лестницами королевского замка, иногда спотыкаясь. Лейвис был рядом. Поддерживал ее за руку, и девушка даже не пыталась его помощь отвергнуть. Сил огрызаться на кузена у нее больше не осталось. У нее вообще ничего больше не осталось.

Только рвущийся с пальцев свет. Сила, подобная той, что не раз уже в прошлом этот мир разрушила.

Только сошедший с ума мальчишка, который еще весной читал смешные книги о смысле жизни и признавался ей в любви, а теперь — седой, закованный в кокон из тьмы, обещал принести смерть всякому, кто выступит против его власти.

Только родной брат, уходящий в изгнание. Едва избежавший смерти. Лорд Роальд клялся, что ни за что не подвергнет Артура опасности — но приказ стрелять по нему отдал без колебаний. Если бы не сила, проснувшаяся в Айне Айтверн, Артур уже был бы мертв. «Ты просил себе верить, дядя. Как я могла оказаться настолько глупа?»

«Все, чем я могу теперь воспользоваться — это я сама».

Лорды уже собрались в тронном зале. Сидели, о чем-то переговаривались, бросали тревожные взгляды на трон. Простое серебряное кресло во главе длинного стола, без особенных украшений и изысков, и впрямь изрядно потемневшее от времени. Короли пользовались им редко, разве что в самых официальных случаях, предпочитая собирать советы на бархатных сиденьях в Малом зале. Трон из серебра был причудой кого-то из прежних Карданов, когда Тимлейн был только основан. Гайвен в него садился хорошо если один раз. Однажды сел Артур, еще при короле Брайане — пожаловался, что холодно, и тут же встал.

За стрельчатыми окнами темнело, день сменялся сумерками, сумерки скоро перейдут в ночь. Удлинившиеся тени затопили комнату. Айна замерла на пороге, рассматривая собравшихся — всех этих встревоженных, неуверенных в исходе начатого ими предприятия людей, которым предстояло сейчас решать будущее государства.

Брендон Коллинс, только что ставший герцогом Дейревера вместо погибшего отца, быстрыми глотками пил горячую, пар в лицо, травяную настойку. Это был молодой человек лет двадцати, принадлежавший к тому же поколению иберленской знати, что и Эдвард

Эрдер с Артуром. Сухопарый, изможденного вида, средний сын лорда Джеральда лишь недавно стал наследником герцогства, после гибели на прошлом мятеже своего старшего брата Элберта. Выглядел он нездоровым и усталым, особенно сейчас.

Напротив Коллинса занял место граф Стивен Тресвальд. Мужчина лет сорока, в модном бархатном камзоле с золотым шитьем, с волосами, завитыми на лумейский манер, он не только принадлежал к шестерке верховных лордов, но и возглавлял ныне посольскую коллегия. Лорд Стивен считался неплохим дипломатом. Собственных амбиций не имел, охотно исполнял то, что ему назначали исполнять. Вместе с братом и сыном поддержал Гледерика Кардана, следуя линии Джейкоба Эрдера, с которым был связан дальними родственными узами — а теперь примкнул и к нынешнему восстанию.

Сам Эдвард Эрдер сидел дальше к низу стола, на удалении от пустующего трона. Беседовал о чем-то с Виктором Гальсом, при виде Айны и Рейсвортов посветлел лицом, едва не вскочил из кресла, но все же остался сидеть. Виктор Гальс тоже повернул голову, внимательно глядя на вошедших. Новый сюзерен Элвингарда очень напоминал покойного брата — такое же тонкое породистое лицо, строгие черты, черные волосы, разве что был лет на десять моложе и держался еще более замкнуто, чем Александр. Из собравшихся здесь дворян он был накоротке разве что с Эрдером, избегая всех прочих.

«Лишь эти четверо, — сказала себе Айна, — имеют значение. Коллинс и Тресвальд, Эрдер и Гальс — прямые вассалы короны. Не хватает для полного счета Тарвела и Айтверна. Все прочие сановники и министры — лишь пешки, исполняющие их волю. Они решат так, как укажут верховные лорды».

Пешек набралось пятеро. Канцлер казначейства Граммер. Лорд-дворецкий Пайтон. Церемониймейстер Брэдли. Хранитель Тайной Печати Таламор. Судья Хлегганс. Брэдли и Хлегганс — вассалы Айтвернов, получившие министерские кресла после воцарения Гайвена, Пайтон связан ленной присягой с Коллинсом, Таламор и Граммер — с Тарвелом. Раньше в совете заседали также графы Холдейн и Дериварн, но они погибли при попытке покушения на Кардана.

Рядом с Граммером Айна увидела тана Боуэна Лайонса. При Раймонде он числился первым министром совета, но был лишен Гайвеном этого звания в пользу Артура, и с тех пор в кабинет не входил. Как и все, присутствующие в этой комнате, сегодня Лайонс также выступил на стороне графа Рейсворта. «Кроме Артура, Гайвена не поддержал никто. Можно быть плохим королем и все равно иметь верных сторонников, а Гайвен совсем плохим королем не был. Неужели страх перед магией сплотил против него всех? И что тогда делать мне, если я — такая же, как Гайвен?»

Лорд Роальд прошествовал к вершине стола, остановился, заметив, что Айна и Лейвис так и застыли в дверях.

— Идите и садитесь, — сказал он раздраженно. — Начинаем, — сам лорд-констебль занял место по левую руку от Серебряного Трона.

— Пойдем, — шепнул Айне Лейвис. — Держись храбро, пусть они тобой подавятся.

На негнущихся ногах, чувствуя кожей, как внимательно сановники совета следят за каждым ее шагом, Айна Айтверн прошествовала через весь зал и опустилась в кресло, стоящее справа от королевского, прямо напротив Рейсворта. Лейвис сел рядом, оперся локтями о столешницу. Рейсворт коротко кивнул племяннице, обернулся к Эйтону Брэдли:

— Что тут у вас? За гарландцами присмотрели?

— Я направил людей по следу короля Рэдгара и его свиты. Их отряд проскакал к

Южным воротам и, видимо, собирается покинуть Тимлейн. Как мне доложили, ни принцессы Эмилии, ни принцессы Катрионы, ни кронпринца рядом с королем замечено не было.

— Значит, он выслал их из замка раньше. Под нашим носом и незаметно от нас. Еще до обеда, видимо. Рэдгар знал, что мы задумали. Поставил в крепости своих шпионов, — Рейсворт казался раздосадованным.

Эдвард Эрдер недовольно шевельнулся. Едва заметно поколебался, затем сказал:

— Граф Рейсворт. Лорд Верховный констебль. Вы убеждали меня, что приняли все меры для соблюдения секретности вашего плана.

— Я их принял. Когда имеешь дело с сотней или двумя сотнями человек, добиться полной секретности невозможно. Рэдгар привез с собой шпионов, а кто-то из наших людей оказался неосторожен или болтлив. Это неизбежный риск, на который мне пришлось пойти.

— Я понимаю. И все же, — Эрдер поднял правую ладонь, — вы много раз сказали мне, что подобного риска не будет. — Видя, что Рейсворт собирается возразить, он возвысил голос. — Лорд-констебль. Я вас прошу, выслушайте, прежде чем спорить. Вы говорите о допустимом риске, а я говорю о риске недопустимом, самоубийственном, поставившем на грань провала все сделанное нами. Вы знали, что в этом замке находится король сопредельного государства, и все равно пошли на переворот в подобных обстоятельствах. Не получив возможности сперва заручиться мнением этого короля. Не понимая последствий его вмешательства.

— Герцог Эрдер. Вы пытаетесь обвинить меня в некомпетентности? Подразумеваете, что я ни на что не годен и пришло время гнать меня отсюда долой? Может быть, вы решили предложить нам другого предводителя? Себя, например?

Эдвард Эрдер выпрямился в кресле. Сцепил пальцы замком.

— Я говорю о фактах, — сказал он тихо. — Всего несколько фактов, господа, попробуйте их обдумать. — Он обвел взглядом присутствующих. — Секретность нашего плана оказалась нарушена. Гарландский король не раскрыл наших намерений Ретвальду лишь потому, что не собирался их раскрывать. Ретвальд применил магию, хотя вы, сэр Роальд, клялись мне, что он не станет либо не сможет этого сделать. Лорд Джеральд, которому мы все прочили кресло первого министра, погиб. Герцог Айтверн, которого вы собирались взять под стражу — на свободе, сейчас вероятно уже покинул Тимлейн, и кто знает, что он предпримет дальше. Сэр Роальд. Я не обвиняю вас ни в чем. Вы собрали нас, и другого предводителя у нас пока нет. — Это «пока» Эрдер ввернул словно между делом. — Я лишь прошу вас. В следующий раз обсуждайте свои планы с нами.

— Я понял вас, герцог. Вы сказали все, что хотели?

— Да, милорд. Пока я сказал все, что хотел.

— Отлично, — Рейсворт слегка улыбнулся. — Я всегда готов выслушать критику из уст человека, не сделавшего для успеха нашего дела ровным счетом ничего и лишь со стороны наблюдавшего за всеми нашими усилиями. Брэдли, что Фэринтайн?

— Ждет в приемной.

— Хорошо, скоро дождется. Господа. Я понимаю, что допустил несколько ошибок и все прошло сегодня не так хорошо, как нам бы того хотелось. Присоединившись ко мне, вы все понимали — если хотим вернуть себе Иберлен, придется рискнуть головой. Сегодня мы ей действительно рискнули. Мне жаль, что погиб Джеральд Коллинс, без его советов и поддержки у нас не нашлось бы ни единого шанса на победу. Однако герцог Коллинс также

знал, на что идет. Мы с вами живы, и Тимлейн теперь в наших руках — осталось только его удержать. Подумайте, пожалуйста, об этом, прежде чем обвинять меня в неважно в чем. Потому как обвиняя меня, вы обвиняете сейчас и самих себя тоже. Или, может быть, кто-то пожелает мне возразить?

Таковых не нашлось. Лорды продолжали сидеть неподвижно. Эдвард Эрдер отхлебнул вина из бронзового кубка. Бросил взгляд на молодого Коллинса, промолчал.

— Хорошо, — продолжил Рейсворт. — Как видели вы все, Ретвальд бежал при помощи магии — открыл, видимо, пространственные ворота, как чародеи древности, в момент когда его жизни угрожала опасность. Ранить его Фэринтайн не успел — пулю нашли на полу, отлетевшей от стены. Я не знаю, куда отправился узурпатор. Не знаю, когда он решит вернуться и с какими силами. Но что он вернется — не подлежит сомнению. Он считает этот трон своим, и так просто нам его не уступит. Нам нужно быть готовыми к его возвращению. А быть готовыми — это значит, избежать раздоров. На руках колдуна — кровь двоих верховных лордов королевства. Вашего отца, Эдвард, и вашего, Брендон. Мы не дадим нашему врагу сделать этот список длиннее. Сейчас нам нужно не решать, кто виноват в нашем бедственном положении, а сделать все, чтоб это положение не сделалось еще более бедственным. Айна, — сказал граф без всякого перехода, — займи, пожалуйста, Серебряный Трон.

Его слова прозвучали настолько неожиданно, что девушка едва не вздрогнула. Чувствуя, как на ней остановились взгляды всех собравшихся в комнате вельмож, Айна Айтверн медленно понялась из кресла, в котором расположилась, и пересела на Серебряный Трон. Его сиденье оказалось действительно весьма холодным и жестким. Стараясь не показать своих неудобства и волнения, Айна распрямила спину, положила руки на подлокотники, высоко подняла голову.

— Хорошо, — сказал Рейсворт. — С этого дня дом Ретвальдов, преступно захвативший власть в Иберлене, объявляется низложенным. Ввиду пресечения прямой линии династии Карданов, корона переходит к дому Айтвернов, который повышается в своем звании от герцогского до королевского. Прежний глава дома, Артур сын Раймонда, лишенный всех званий и титулов за пособничество узурпатору и убийство прежнего короля, будет подлежать аресту сразу, как только окажется в руках правосудия. Как законная глава дома Айтвернов, леди Айна Элизабет Айтверн, герцогиня Малерион, повелительница Запада волей Коронного совета объявляется новой королевой Иберлена.

Вот и все. Так просто. Таковым оказалось ее восхождение на трон. Ни фанфар, ни торжественных речей — просто темная комната, наполненная людьми, которые сами еще не знали, победили они сегодня или потерпели сокрушительное положение. «Кто знает, сколько дней или часов я на этом троне пробуду. Возможно, царствование Гледерика окажется дольше моего». Видя замешательство девушки, Эдвард Эрдер одобрительно ей кивнул.

— Мне положено что-то сказать? — спросила Айна. — Что-то, соответствующее моменту?

— Не сейчас, племянница. Брэдли, распорядитесь, чтобы к утру знамена Ретвальдов спустили со всех башен Тимлейна и заменили на Золотого Дракона Айтвернов. Начиная с рассвета, пусть герольды объявляют народу на площадях о новой королеве и изгнании чернокнижника. На одиннадцать утра официальный прием, королева будет представлена дворянству, магистрату и купеческим гильдиям. Проводить лучше в ратуше. Тогда, Айна, ты

обратишься к народу, речь я уже набросал, обсудим с тобой чуть позже. Герцог Эрдер, вы займете кресло первого министра кабинета.

— Как первый министр, я хочу задать ряд вопросов.

— Я не сомневаюсь. Говорите.

— Благодарю, что разрешаете, — Эрдер, не вставая, изобразил нечто похожее на неглубокий поклон, едва не коснувшись грудью стола. — Милорды, я не буду спорить — замена знамен с неправильных на правильные и произнесение сопутствующих речей являются делом богоугодным. Но не найдется ли у нас темы для обсуждений поважнее? Мой предшественник на посту первого министра этого кабинета все еще на свободе и никаким правосудием, вопреки вашим пожеланиям, граф Рейсворт, не схвачен. Мы все с вами знаем, куда он направится. К герцогу Тарвелу. Опять. Снова просить у него помощи против нас.

— Теперь ситуация несколько иная, нежели четыре месяца назад, — недовольство, испытываемое Рейсвортом, сделалось еще заметней. Было очевидно, что поведение Эрдера раздражает его. — В прошлый раз победу Артуру принес не один Данкан Тарвел. Эту победу ему принес я и все армии Запада. Теперь эти армии на моей стороне. В лагере Тарвела хорошо если четыре тысячи человек — против тех двадцати, что мы сможем выставить против них в ближайшее время. Я прикажу своим войскам выдвигаться завтра днем. К вечеру они достигнут ставки лорда Данкана и принудят его к повиновению.

— Они могут не принять бой, а отступить.

— Могут. Пусть отступают — в Райгерн, Эленгир или Стеренхорд, неважно. Любая крепость, которую они пожелают занять, сделается им могилой. Наместники Малериона и Флестальда на нашей стороне, как и вся страна. Артур и его престарелый наставник могут расположиться в любом окрестном замке на свой выбор. Отступать им будет все равно некуда. К ним не придет подкрепление, и ждать поставок продовольствия им тоже не стоит. Наши враги окажутся прямо в сердце враждебного им королевства. Выбор перед ними встанет простой — все же сдаться или погибнуть.

— Если только, — Эрдер не унимался, — помощь не явится к ним из-за пределов Иберлена. Артур Айтверн покинул Тимлейнскую крепость не один, а в обществе благосклонного к нему монарха. Если сэр Артур вступит в сговор с Рэдгаром, наши восточные рубежи ждет война. Тарвел и Айтверн здесь, Клифф Рэдгар на востоке, а если еще и Пиппин Бренилон, — назвал он лумейского короля, — двинет свои войска через границу, воспользовавшись воцарившимся в нашем государстве хаосом — нам не продержаться и до зимы. Когда последний Кардан впервые, тайно, явился в Тимлейн, а в этой зале всевластно распоряжались Раймонд и Брайан, дела и то шли лучше, нежели теперь.

По Виктору Гальсу и Брендону Коллинсу было заметно, что они разделяют опасения шоненгемского герцога. Будучи младшими родичами людей, безрассудно начавших минувшей весной междоусобную войну в Иберлене, Эдвард, Виктор и Брендон поневоле теперь уже склонялись к осторожности. Наученные безрадостным опытом недавних поражений и потерь, они не желали больше рисковать — и при том понимали, что положение, в которое они позволили себя завести, само по себе зыбко и исполнено риска.

Айна увидела, что лицо Лейвиса также выражает одобрение словам Эрдера. Да и министры совета, кажется, были согласны с доводами северянина. «Дядя остался в меньшинстве. Он любит рассуждать, что Гайвен и Артур потеряли всякую поддержку своих приближенных — но кто сейчас поддержит его самого?»

— Значит, — тон Роальда Рейсворта сделался ледяным, — вы все же сомневаетесь в

моей способности исправить наше положение.

— Я говорю о проблемах, мой господин. Не о вашей неспособности их решить. Как первый министр совета, — Эдвард Эрдер поймал взгляд Виктора Гальса, затем продолжил, — я должен сообщать лорду-констеблю об угрозах, нависших над королевством и престолом. Вот я и сообщаю о них. И я также вправе требовать их устранить.

— Возможно, как первый министр совета вы начнете давать мне прямые приказания?

— Это было бы в рамках моих полномочий. Вы не хуже меня знаете порядок, Рейсворт. Первый министр действительно главнее констебля — и не моя вина, что ваш кузен предпочитал этого не помнить, — северянин едва заметно улыбнулся, будто провоцируя сэра Роальда на вспышку гнева. Тот не поддался ей — но лишь с изрядным трудом.

И Рейсворт, и Эрдер оба сохраняли пока видимость хладнокровия — но давалось оно им нелегко. Еще одна реплика или две, казалось — и совет окончательно перерастет в перепалку. «Это нужно остановить прямо сейчас, — подумала Айна. — Сэр Роальд не прав и действительно наломал дров с этим переворотом — но если мы начнем обличать его бездарность как лидера, нам это уже ничем не поможет».

Айна заговорила неожиданно для себя самой:

— Достаточно пререканий. Успокойтесь, немедленно, оба. — «Я сейчас будто разбираю Артура и его дружков, когда те хотели подраться». — Лорд Эрдер, я понимаю и разделяю ваши опасения — они вполне оправданы. Лорд Рейсворт, я не подвергаю сомнению вашу компетентность. Вы справедливо сказали, попытка захватить власть — занятие небезопасное. Оно грозит риском для жизни. Однако наши жизни пока при нас, и в этом я вижу вашу заслугу. Вы все, господа, согласились видеть меня королевой, — «согласились в действительности или просто не стали оспаривать предложенную Рейсвортом кандидатуру? Велика ли разница, какая марионетка носит корону?» — а значит, как королева я теперь отвечаю за вас и за весь Иберлен. Мне не нравится, лорд Рейсворт, что вы называете Гайвена Ретвальда чернокнижником. Гайвену в самом деле подвластна магия, однако как мы увидели, подвластна она и мне. Меня вы тоже прикажете звать чернокнижницей? Может быть, потащите меня на костер?

— Об этом, — заметил Эрдер, — я как раз и хотел спросить. Мы все видели, леди Айна, фокус, проделанный вами с выпущенными в вашего брата стрелами. Как у вас это получилось?

«Я просто очень сильно не хотела, чтобы Артур погиб. Довольно было и того, что мне пообещали его безопасность и солгали».

— Я не способна удовлетворить ваш интерес по этому вопросу, герцог. Магические знания давно забыты в моей семье, и меня никогда не учили колдовать. В детстве я не раз спрашивала по этому поводу отца. Он отвечал, что Айтверны утратили свое волшебство. Говорят, чтобы спящая Сила проснулась, ее носителю нужно оказаться в крайних, смертельных обстоятельствах. Именно в таких обстоятельствах Сила впервые пришла к Гайвену — в таких она явилась и мне. Но я не знаю, как вызвать ее снова. Если бы могла — уже вызвала.

«Ярость, страх, свет. Достаточно ли мне слишком сильно бояться или слишком сильно ненавидеть, чтобы творить чары? Отца убила моя ненависть, Артура спас мой страх. Боюсь я Гайвена или ненавижу? А этих людей вокруг?»

— Тем не менее, — подал голос Граммер, — вы волшебница — пусть даже по дару и крови, а не по обучению. Сила Айтвернов с вами — пришла однажды и может явиться снова,

если положение снова того потребует. Для меня это добрый знак. Если нам противостоит чародей, хорошо иметь возможность выставить против него другого, собственного. Лорд Раймонд, — продолжил казначей, — всегда был мне другом и товарищем. Я охотно признаю его дочь своей королевой.

— Сына его, — внезапно вставил Лейвис, — своим королем вы бы значит не признали?

— Об этом молодом человеке, — ответил лорд-казначей сдержанно, — у меня осталось не лучшее впечатление. Но вы, леди Айна... Скажу откровенно, я не знаю, кто достоин занимать Серебряный Трон после гибели короля Гледерика. Кандидатов у нас немного. Но вас я поддержу без колебаний.

— Я разделяю мнение лорда Граммера, — сказал Патрик Таламор. — Кровь Айтвернов — благородная кровь. Тысячу лет Драконьи Владыки защищали эту землю. Если один из наследников их дома показал себя недостойным, спутавшись с тираном и убийцей — это не основание перестать доверять всем прочим. Я буду верен королеве Айне так же, как был верен ее отцу.

— Я лорду Раймонду верен не был — вернее, не был верен ему мой отец, — поправился Эрдер. — Но я в очередной раз повторяю, как говорил уже моему другу Виктору — этот выбор в действительности самый лучший. Народ любит Айтвернов, и одобрит королеву, вышедшую из их рода. К тому же, прекрасная юная леди покажется людям приятнее седовласого угрюмого колдуна, — северянин послал Айне улыбку. — Хорошо выступите завтра в ратуше, покажитесь затем горожанам на главной площади — и к следующему вечеру Тимлейн будет ваш.

— Я благодарю вас за советы, герцог. Но вы правильно заметили, сейчас найдутся дела важнее речей и приемов. Сперва мы обсудим их. Лорд Брэдли, вы упомянули, король Эринланда ждет беседы. Пригласите его, пожалуйста, присоединиться к нам.

Эдвард Фэринтайн, одетый, как всегда, в белый плащ поверх черного костюма, вошел в зал и уважительно поклонился присутствующим. Отодвинул кресло в самом конце стола, прямо напротив Айны, сел. Меча при эринландском государе не было — лишь все тот же пистолет в набедренном чехле.

Айна чуть подалась вперед, внимательно изучая лицо гостя. Широкий разлет бровей, большие глаза с фиолетовой радужкой, длинный нос, решительный подбородок. Твердый взгляд. Взгляд человека независимого, привыкшего настаивать на своем. Выросший в тени коронованного кузена и старшего брата, лорд Эдвард, когда получил корону, показал себя уверенным и, когда это было необходимо, даже непреклонным. Он определенно был достоин своих прославленных предков.

О Фэринтайнах Айна знала немного. Как и Айтверны, они происходили от старой эльфийской знати. Крови драконов в них не было — но была иная, ничуть не менее высокая. Владыки Холмов некогда правили эльфами востока, стоя вровень с самим Сумеречным Королем на западе. Столица их располагалась в древнем замке Каэр Сиди. Когда почти все эльфы ушли в Волшебную Страну, Фэринтайны отказались от власти и присягнули королям новообразованного Эринланда, сконцентрировавшись на изучении магических тайн. В Конклав чародеев они вошли вместе с Айтвернами, Кэйвенами и другими достойными древними родами — и были одной из немногих семей волшебников, переживших Войну Пламени. Сам Эдвард, восходя на трон, женился на неизвестной девушке по имени Кэран, уверяя, что та является наследницей дома Кэйвенов.

«И Фэринтайны, и Кэйвены владели магией некогда. Также как Айтверны и Ретвальды.

Если магия проснулась в нас, возможно она проснулась и в них?»

— Ваше величество, — сказала Айна, понимая, что все вокруг ждут ее слова, — у меня найдется несколько вопросов к вам.

— Ваше величество, — тонкая улыбка зазмеилась по губам властителя Каэр Сиди, — по мере сил, я постараюсь вам эти ответы дать. Я ведь не ошибся, титулуя вас величеством? Вы сидите на троне, недавно принадлежавшем Гайвену Ретвальду, и лорд Брэдли, когда звал меня сюда, обмолвился, что я предстану перед новой королевой Иберлена. Вы единственная женщина в этом зале, значит вы — королева?

— Вы не ошиблись. Волей Коронного совета, этот трон теперь действительно мой.

— Вот ведь как получилось. Я ехал на коронацию одного монарха, а придется посетить коронацию другого, — Фэринтайн, казалось, искренне забавляется происходящим. Сидел он в кресле с расслабленным видом, невозмутимо поглядывая на присутствующих. На мгновение Айне сделалось не по себе. «Он понимает в происходящем куда больше нас всех — и не спешит этим пониманием делиться».

— Я надеюсь, моя коронация не будет вам в тягость, — сказала девушка как могла любезно. — Лорд Эдвард, я сознаю, насколько ироничной сложившаяся ситуация предстает перед вами, со стороны. Но у меня все же остались вопросы. Давайте сосредоточимся на них. Вы стреляли в Гайвена Ретвальда. Почему вы это сделали?

— Он убил одного из ваших сановников и собирался убить остальных. Что еще оставалось мне делать, выпить с ним бутылку вина?

— Я спрашиваю вас совершенно серьезно, король Эдвард.

— А я совершенно серьезно вам отвечаю, королева Айна. Я приехал в Тимлейн не только из дипломатической вежливости. Меня привела сюда тревога — сродни той, которую, кажется, недавно испытали вы все. — Фэринтайн чуть помолчал, поджав губы. Затем продолжил. — Вы все видели, что эта тревога оправдалась. Я не знаю, какие силы призвал к себе на помощь ваш недавний король. Его никто не обучал магии — а он применял Силу, как опытный чародей. Иногда правильнее выстрелить, а не ждать, пока трупов станет больше.

— Я поняла вас, сударь. — Айна чуть поколебалась, посмотрела на Рейсворта. Тот сидел с безучастным видом, будто не желая вмешиваться в беседу. «Разумеется, если я перетянула разговор на себя — дядя ждет, как я справлюсь с этим разговором. Что ж, осталось продемонстрировать, что он действительно не ошибся с выбором королевы». — Лорд Эдвард, вы приехали к нашему двору в неудачное время. Вашей вины в этом нету — только наша. Иберлен в эти дни поражен раздорами и междоусобицей — однако как его новая властительница, я обещаю вам и впредь гостепреимство и приязнь.

— Это даже больше, чем я смел рассчитывать, госпожа, после моей неуместной эскапады.

— Я не вижу ничего неуместного в вашем поступке, лорд Фэринтайн. Напротив, вполне возможно, вы спасли жизнь всем нам. Скажите пожалуйста... вы упомянули, Гайвен сражался как опытный чародей. У вас есть предположения, где он обучился этому?

— Этого я вам сказать не могу. Колдун может обрести могущество множеством разных путей. Далеко не обязательно черпать его из книг или иметь знающего наставника. Многие вещи можно освоить интуитивно, многие — почерпнуть из воспоминаний своих предков. Существует и такой способ — пробудить память пращуров и извлечь из нее требующиеся умения. Скажите пожалуйста, госпожа... Мой вопрос покажется вам нахальным, но я уверен,

что буду не первым, его в этот вечер задавшим. Как овладели магией вы?

— Я не овладела ею, лорд Эдвард. В нужный момент все получилось само собой — но я не знаю, повторится ли.

— Что ж, понимаю. Так оно обычно и бывает. Леди Айна, магия — одна из причин моего присутствия здесь. Я рассчитывал обсудить эти вопросы с Гайвеном Ретвальдом, но возможно, в вашем лице найду более подходящего собеседника. В моем фамильном замке сохранилось много трактатов, посвященных колдовскому искусству, и в свое время я прочел их все. Пытался... пытался кое-что практиковать и сам. — Фэринтайн явно сомневался, стоит ли делать подобные признания на глазах у почти всех влиятельных аристократов Иберлена, но, видимо, все же решил идти до конца. — Я не могу назвать себя опытным колдуном, до своих предков мне далеко. Однако кое-что я умею. Моих знаний достаточно, чтоб понимать — Гайвен Ретвальд действительно не мог овладеть подобным могуществом самостоятельно. Телепортация, так называется перемещение в пространстве, была доступна лишь самым сильным из чародеев. Далеко не каждый мог освоить ее — иначе бы Древним не пришлось строить летательные и другие подобные машины.

— Я разделяю вашу тревогу, лорд Фэринтайн. Мы сами не понимаем случившегося.

— Я вижу. Леди Айна, вы позволите обсудить эти и ряд подобных тем наедине с вами, несколько позже? Раз вы наделены Силой, я хочу дать вам несколько советов. Возможно, это поможет вам лучше ее контролировать — и в следующий раз вызвать ее уже осознанно.

«Король Эринланда только что прямо признался, что является волшебником — и при всех зовет меня себе в ученики. Колдунья и ученица чужеземного государя — такой меня запомнят люди, только что посадившие на престол?»

Лорды внимательно наблюдали за нею — Айна кожей, казалось, чувствовала их интерес. Они могли произносить учтивые речи и клясться в верности наследнице лорда Раймонда, но девушка понимала — для них всех она лишь удобный компромисс, на котором настоял граф Рейсворт. И выгодная невеста, руки которой теперь будут добиваться все неженатые аристократы страны. Для того же Эрдера — это шанс самому сесть на Серебряный Трон, и хотя пока его ухаживания казались скорее шутливыми, вряд ли они останутся таковыми надолго. А предпочтя одного кандидата, Айна неизбежно настроит против себя всех прочих — и кто знает, не обернется ли это новым бунтом.

Права Айтвернов на трон были более чем призрачными, особенно если занимать его вот так, через голову Артура. Да, Айтверны приходились родней старым государям — но не они одни. В родстве с Карданами за тысячу лет успели оказаться многие дворянские дома, и сейчас, возможно, они все захотят вспомнить об этом родстве.

«Если я прилюдно соглашусь изучать магию — возможно, я вступлю на тот путь, что уже привел Гайвена к свержению. Лорды получают поводы бояться меня, памятуя о судьбе старших Эрдера и Коллинса, и, возможно, попытаются свергнуть, когда мое правление окажется им не по душе. А оно разонравится им сразу, стоит мне хоть раз отказаться делать то, что от меня потребуют. Объявив меня ведьмой, они получают прекрасный предлог от меня избавиться. Если же я отвергну предложение Фэринтайна... Что ж, я останусь той же беспомощной девчонкой, которой была всегда, и неважно, корона у меня на голове или бантик».

— Лорд Эдвард, разумеется, я согласна. Я приму от вас все знания, которые вы сможете мне передать. У нас впереди, видимо, война — и я не хочу оказаться на этой войне безоружной. Единственное, в чем я прошу меня простить — я не смогу дать вам аудиенцию

сегодня. Совет затянется допоздна, а утром мне предстоит предстать перед горожанами. Может быть, завтра, ближе к вечеру? Вас это устроит?

— Разумеется, устроит. Гайвен Ретвальд хотел мариновать меня целую неделю. Вы — сама любезность по сравнению с ним, госпожа.

Эдвард Фэринтайн был доволен, Айна Айтверн — испугана, Роальд Рейсворт порядочно разозлен явным пренебрежением совета, а все прочие ждали, какой исход события приобретут в дальнейшем. Кроме Лейвиса. Этот, похоже, уже дождался. Встревоженным он больше не выглядел. Наоборот, на лице наследника Рейсвортов читалось странное облегчение, будто у него гора с плеч наконец упала. Будто чего-то неприятного и тягостного, чего юный Лейвис боялся до крайности, милостью вышних сил все-таки не произошло.

* * *

Совет действительно затянулся допоздна. Лорды осмелели, подали голос, перебивали друг друга, доходило едва не до крика. Всем нашлось, что высказать, и все высказывались от души. Стоило Эдварду Фэринтайну сослаться на то, что он должен провести жену и покинуть высокое собрание, как за столом тут же началась оживленная беседа.

Множество вещей действительно следовало обсудить. К примеру, отмену указов, принятых Гайвеном в течении этого лета. Айна гарантировала Коллинсу, Эрдеру и Гальсу, что назначенные Ретвальдом в их владения войска не будут туда направлены, и о назначении специальных королевских наместников в дворянские домены речи также не идет. Потребовалось обговорить с Граммером послабление, хотя бы временное, налогов, так как их бремя за последний год тяжело легло на народ, провоцируя новое недовольство.

— Народ будет рад, — поддержал Эрдер. — Начать новое царствование с сокращения хотя бы части податей — верный способ заручиться поддержкой третьего сословия. Если прежняя власть драла три шкуры и не оставляла им порой даже миски с похлебкой на ужин, тем быстрее они начнут любить новую, не настолько жадную.

Таламор, напротив, проявил недовольство:

— Это красивый, но глупый жест. Налоги вы урежете, хорошо, но где прикажете брать деньги на содержание той же армии? Казна и без того истощена междоусобицей этого года и лумейскими неудачами минувшего, а торговля сейчас захирела. Солдаты будут недовольны отсутствием жалованья.

— Вам не стоит так волноваться о деньгах, лорд Патрик, — сказала Айна. — За последние годы Малерион получил изрядный доход. От войны, возможно, хирела ваша, восточная торговля — но не наша, западная. Мой отец предпочитал держать деньги при себе, но как королева, я не могу последовать его примеру. Малерион вложится в королевскую казну и в нужды государства в той мере, в которой это окажется необходимо. Неправильно, что запад нашей страны процветает, пока прочие области испытывают нужду.

— Вы собираетесь разорить собственные закрома, раз уже разорены тимлейнские?

— Нет, лорд Патрик. Я лишь хочу показать, что королева Иберлена не станет сидеть на сундуках с золотом, обдирая и заставляя голодать свой народ. Я надеюсь, в этом году закончится хотя бы внутренняя война — а значит, сократятся расходы и в следующем году мы сможем вновь наполнить казну. Тогда станет легче. Пока легкие времена не настали — я пушу в оборот те средства, которые мой отец нажил.

Роальд Рейсворт, с нахмуренным видом, предложенное Айной решение все же одобрил. Сказал, что подобная мера действительно позволит избежать недовольства. Чувствуя хотя бы первые ростки одобрения министров, Айна позволила себе расслабиться. Ненамного. Самую малость. «Гайвен правил, пытаюсь заставить их всех почувствовать себя слугами. Я сделаю из них друзей. Это не принесет мне безусловной верности всех вассалов короны — но, может быть, расположит хотя бы нескольких».

Нужно было сделать очень многое. Пройдет совсем немного времени, и весь Иберлен узнает, что власть в Тимлейне в очередной раз сменилась. Кто знает, к каким потрясениям это тогда приведет. Роальд Рейсворт сказал, что незамедлительно отправит доверенного человека к Тарвелу. Сообщить о свершившемся перевороте и просить все же принять сторону победителей. Лорд-констебль, впрочем, сомневался, что из этого выйдет толк.

«Артуру снова некуда идти — а значит, он опять придет к человеку, который научил его быть рыцарем. Даже оказавшись в сокрушительном меньшинстве, он продолжит сражаться. Теперь он будет сражаться против меня».

Айна знала, что ее брат не отступит. Воля Роальда Рейсворта и прочих членов Коронного совета вознесла ее на Серебряный Престол — однако эта же воля рассорила ее с братом. Может быть теперь навсегда. Для Артура законным королем останется Гайвен, а любой, покусившийся на его место, будет предателем и узурпатором. Девушка понимала, что брат не поддержит ее — да и не сможет поддержать, учитывая, что она заняла престол после того, как он был объявлен лишенным звания главы дома. Иначе этот престол принадлежал бы ему самому.

В этот самый момент, ведя заседание кабинета министров — ведя его как королева, наделенная правом голоса и способная править, а не просто молчаливо сидеть на троне — Айна вдруг осознала, что ни за что не пожертвует местом, которое теперь обрела. Даже ради примирения с братом. «Я всегда хотела что-то менять, принимать решения, действовать самой. Теперь я смогу это делать. Как я могу отказаться и снова отступить в тень?»

Она знала, что ей не будет легко. Государи старше и опытнее ее нередко теряли корону, а вместе с ней и голову, столкнувшись с открытой изменой или клубком интриг. Престол Иберлена оказался ныне шаток, как никогда прежде, и любой амбициозный аристократ будет стараться склонить новую королеву на свою сторону или, возможно, даже уничтожить ее. Глядя на министров и пэров, окруживших ее ныне, Айна Айтверн отчетливо понимала, что эти люди, даже самые любезные из них, навсегда останутся опасностью для нее — и все же не была готова отступать. Отступать значило вернуться в затворничество фамильного особняка, к подругам, книгам и пустоте — вместо того, чтобы стоять на вершине мира.

«Теперь я осознаю, зачем была нужна власть Гледерику и всем прочим. Иногда обладать властью — это единственный способ жить». Быть живой. Не игрушкой. Не куклой. С собой.

Заседание завершилось за полночь. Роальд Рейсворт отправился отдавать приказы войскам, прочие лорды разбрелись по своим покоям. Айна осталась с Лейвисом и Эдвардом Эрдером наедине — совсем как тогда, у порога Сиреневого Зала. Минул всего один вечер — и мир действительно сорвался в бездну. Кто знает, когда его падение теперь остановится. Трое молодых людей, королева, герцог и сын графа, расположились в одном из покоев дворца, у высокого окна, выходившего на спящий город. Эдвард достал бутылку ячменного виски, и они с Лейвисом пили его из горла. Айна время от времени прикладывалась к бокалу с вином. Третьему или четвертому бокалу с вином подряд.

— Про что думаешь? — спросил Лейвис. Он очень устал. Порядком уже захмелел.

— Про Артура, — сказала Айна неожиданно честно. Возможно, откровенности ей придало выпитое — а возможно, все та же усталость. — Он ведь вернется, ты понимаешь? Куда бы он ни ушел, он вернется, и тогда снова будет война.

— Это не совсем так, — возразил Эрдер. Герцог Севера не пытался сейчас фанфаронствовать или излишне любезничать — наоборот, казался сосредоточенным и мрачным. В этот момент он немного даже напоминал своего покойного отца. — Неправильно будет говорить, — сказал Эрдер, — что война снова начнется. Война продолжалась все это время. Просто мы не сумели ее закончить.

Айна посмотрела на него — а потом, преодолевая шум в голове и дрожь в ногах, подошла вплотную и с размаху залепила пощечину. Девушка неожиданно почувствовала злость.

— Стыдитесь, герцог, — сказала она.

Эдвард Эрдер стянул перчатку, провел пальцами по чуть покрасневшей щеке. Не сказал ни слова.

— Стыдитесь, герцог, — повторила Айна. — Подумаешь, мы не смогли что-то сделать. Еще сделаем. Если окажемся достаточно для этого сильны. Если перестанем наконец себя жалеть. Я надеялась, вы ободрите свою королеву. Плохи подданные, не способные ободрить своих королей.

— Хорошая заготовка для тронной речи, — пробормотал Лейвис. — Так и скажешь завтра купцам и знати? И каким именно образом, скажи, нам пристало тебя ободрять?

Айна молча забрала у него виски и сделала глоток. Пойло оказалось омерзительным на вкус, и каким-то лишь чудом наследнице Айтвернов удалось подавить порыв к рвоте. Новая королева Иберлена выбросила бутылку в окно — и та со звоном разбилась где-то внизу.

— Мы все тут изменники и предатели, — сказала Айна, с трудом опираясь о подоконник. Ей было плохо и мерзко. — Мы знали, на что шли, и никто насильно нас не тянул. Так что примем, кто мы есть, спокойно и прекратим заламывать руки. Если грянет война — я стану на ней драться, а не лить слезы. У меня есть моя сторона, и я в нее верю. Надеюсь, что и вы тоже. Говоришь, мы не сумели закончить эту войну? Может быть, сумеем теперь.

— Или умрем, — заметил Лейвис.

— Или умрем, — подтвердила Айна. Внезапно ей захотелось расплакаться, и гори они огнем, эти корона и королевство, двор и дворяне, и судьба Иберлена вкупе с ними со всеми. Лишь бы брат был рядом и отец был жив, и никакой войны не было, и мэтр Гренхерн приходил провести урок каждые вторник и пятницу, а Гайвен рассказывал, какую философию вычитал на этот раз в старинном трактате, и на улицах смеялись дети.

Айне ужасно хотелось плакать, но к несчастью, было уже слишком поздно для слез.

Из тронного зала Артур вышел словно во сне — не чувствуя паркета под сапогами. На пороге он остановился, оглянулся, нашел в толпе придворных Айну. Та стояла, придерживаемая под руку Лейвисом Рейсвортом, и даже не смотрела в его сторону. «Они все же переманили сестру. Не только ее. Все королевство». Собственные слепота и глупость жгли сейчас Артура, подобно клейму.

И все же Айна уберегла его — в момент, когда любое спасение уже казалось невозможным. «Меня дважды спасает уже чужое колдовство. Сперва Гайвен, теперь она. А на что гожусь я сам?»

— Не стой столбом, — прошипела Кэмерон, ухватив молодого Айтверна за рукав. — Нам пора убираться отсюда.

— И в самом деле пора, — согласился герцог Запада безучастно. Посмотрел на короля Клиффа, что уже оперся о лестничные перила, готовый спускаться в холл. — Ваше величество, раз мы покидаем Тимлейнский замок, вам, вероятно, стоит провести свою семью?

— Уже проведаль. Я отослал жену и детей из города еще днем, пока вы были заняты приемом столь важных вашему вниманию гостей. — Клифф поправил перевязь с мечом, вздохнул, сделал шаг назад, схватил Артура за руку. Хватка у короля оказалась крепкой. — Я понимаю твои чувства, — сказал гарландец тихо. — Однако если ты сейчас поддашься им, мне нет смысла с тобой возиться.

подавив короткую вспышку гнева, Айтверн кивнул.

— Я понимаю вас, — сказал Артур сухо.

— Надеюсь на это. Внизу нас ждет экипаж, и мои рыцари уже седлают коней.

— Вы знали о перевороте. Знали и не сообщили Гайвену.

— Если б сообщил, кровь пролилась бы раньше, а итог остался все равно прежним, — признался Клифф неожиданно мягко. — Пойдем.

Сопровождаемый Рэдгаром и его гвардейцами, а также Кэмерон и Блейром, Артур спустился на крепостной двор. Король подвел его к большой карете, чьи двери были украшены гарландскими гербовыми гончими псами. Из широко распахнутых окон приемного зала доносился встревоженный гул — не иначе, до придворных и слуг докатились уже вести о случившемся перевороте, очередном, третьем за год. Кенриайнские гвардейцы, в полном боевом облачении, и впрямь оказались готовы к выезду — но ни свитских, ни лакеев с ними не было.

«Клифф и впрямь отослал часть своих заранее, вместе с родными. Получается, он все знал. Как вышло, что не знали мы? Как мы могли оказаться настолько беспечными?» Упрямая и назойливая, эта мысль все никак не желала оставить Артура в покое.

— Куда направимся? — спросила Кэмерон. — У тебя есть на примете надежные места? И надежные люди? Ты недавно возглавлял здешнее войско, мне говорили.

— Возглавлял. Только не уверен, что оно меня запомнило, это войско.

— Если с ними ваш дядя, — сказал Блейр Артуру тихо, — значит и вся армия.

Несомненно, он был прав. Рейсворт укомплектовал королевское войско своими доверенными офицерами, и наверняка теперь держит его в кулаке. Собственным гвардейцам Артур тоже не видел больше смысла доверять — да и кто из них вообще стоил доверия? Надежных людей у него, не считая Блейра, не нашлось бы вовсе — не считать же надежным Клауса Фаллена, один вид которого вызывал у молодого герцога беспокойство. Капитан Фаллен слишком явно показывал, что не питает уважения к новому главе дома Айтвернов. Потому Артур и старался держать его на отдалении от себя.

Лорд Раймонд собрал вокруг себя людей, преданных лично ему — однако на сына покойного драконьего герцога их преданность вовсе не распространялась. Молодой Айтверн со всей ясностью вдруг осознал, что ему больше не на кого опереться — кроме тех людей, что находятся сейчас рядом с ним.

Клифф открыл двери кареты, поднялся на ступеньку, с легкой издевкой протянул Артуру руку:

— Куда прикажете держать путь, ваша светлость?

— Решу по дороге, — герцог Запада забрался в салон, помог подняться вдове Хендрика.

Блейр уселся с другой стороны. Экипаж, окруженный всадниками королевского эскорта, тронулся. Стража на воротах крепости не решилась остановить гарландцев, и вскоре под копытами уже застучала мостовая. Вечерело. Город пока еще ни о чем не знал. Высунувшись в окно, Артур наблюдал, как проезжают мимо кареты и всадники, зажигаются уличные фонари и свет в окнах. Когда они вести разлетятся, начнется паника — но пока Тимлейн мирно готовился ко сну. «Возможно, это его последняя спокойная ночь».

— В Малерионе, — спросила Кэмерон, — у тебя хоть кто-то найдется? Мы можем поехать туда. Это твоя страна — подними свой народ, призови тех из лордов, что сохранили честь. Собери, наконец, ополчение. Так сделали мы с Эдвардом, когда этот господин, — вдовствующая королева ткнула пальцем в сторону Клиффа, — пожаловал к нашим воротам.

— Сударыня, — отвечал Артур ровно, — если мы направимся в мой родовой замок, там и просидим, пока враг не пожалует уже к нашим воротам с осадой. Я изучал последнюю войну Эринланда и Гарланда, и знаю, что в тот раз вам и королю Эдварду помог лишь своевременный приход союзных войск. Нам в нашем положении такой роскоши ожидать нет смысла. Рейсворт подомнет под себя страну, и никто не встанет на мою сторону.

— Сразу видно стратегический ум, — пробормотал Клифф. — Юноша, раз вы так умны, как проворонили заговор?

— А вы, — спросил Артур в упор, — как о нем узнали?

— Не узнал бы только дурак — простите меня, герцог, за грубость. Я в вашем городе уже почти месяц, и конечно, мои шпионы не сидят без дела. Вы не представляете, о каких вещах порой шепчутся за портьерами солдаты и слуги.

— Я желаю все же знать, — рука Айтверна коснулась рукоятки меча, — когда именно вам донесли о готовящемся перевороте, любезный сэр.

Клифф подался вперед. Щелкнул указательным пальцем по ладони Артура:

— Не хорохорьтесь, молодой человек.

— Отвечайте на мой вопрос, сударь.

— Мальчишка зол. Не провоцируйте его, Клифф. Ему не впервой драться с королями, — Кэмерон чарующе улыбнулась.

— Не смог удержаться, простите, — гарландский король вздохнул. — Мне сказали вчера — когда ваш дядя уже решил брать под арест вашего сюзерена. Он сменил все караулы

в замке, и некоторые караульные оказались болтливы — под влиянием хорошего эля. План был таков, что Ретвальда схватят лишь после вечернего совета, но видимо, приезд Фэринтайнов заставил заговорщиков спешить. Я выслал леди Гвенет с детьми из города, пока вы встречали Эдварда. И решил ждать.

— И ничего не делать.

— Это не моя война, герцог. Не мое королевство. И не мои враги.

— Однако, вы помогли мне покинуть замок. Почему?

Клифф помедлил. Побарабанил пальцами по оконному стеклу.

— Я планировал выдать дочку за Гайвена Ретвальда, и его свержение оказалось мне неудобным, — сказал он наконец. — Наш союз можно было бы направить против общих врагов на юге, а новый переворот грозит продолжением и без того затянувшейся в вашем государстве смуты. Пиппин Лумейский доставляет неприятностей вам не меньше, чем мне.

— Так заключите союз с Рейсвортом. Его сыну, Лейвису, невеста тоже нужна.

— Я не уверен, что лорду-констеблю Рейсворту нужен я. У меня есть основания полагать, что союз с Гарландом не входит в его планы. Мы виделись, в порядке деловой встречи, и не нашли общего языка. Я полагаю, он собирается продолжать политику изоляционизма, начатую вашим отцом, и не примет задуманных мной авантюры.

— Значит, это все же ваша война, любезный, — Артур широко улыбнулся. — И ваши враги. Хотя и не ваше королевство. — Айтверн подался вперед. — Помогите мне, лорд Рэдгар. Помогите вернуть Иберлен — а я приведу вам на помощь армию, и вместе через год мы будем пировать в цитаделях Аремиса. Дядя Роальд трус, вы правы. Он не двинется дальше границ Бритера. А я двинусь, и закончу то, что начал мой дед. Вместе с вами, мы разрубим Лумей на части и выйдем к южным морям.

— Обещания человека без армии и без вассалов. Без титула, и, — Клифф прищурился, — по мнению многих — без чести, если брехня про то, как вы убили Кардана и Гальса, правдива. Я могу довести вас до города Эленгир, дать лошадь, вывести на тракт. Дальше следуйте, куда будет угодно.

— А можете принять мой союз, рискнуть и остаться в выигрыше.

— Могу, — король на секунду прикрыл глаза. — Если пойму, за каким бесом оно мне сдалось.

— Непременно поймете, — мысли возникали в голове Артура мгновенно и тут же облекались в слова. — Смотрите сами, ваше величество, как мы поступим. Мы прямо сейчас поедем в ставку герцога Тарвела, моего старого друга и товарища. Он не заинтересован в политике — но заинтересован в моем расположении. Тарвел даст мне свое войско, мы выступим против мятежников и разгромим их. Растопчем мятеж в зародыше, прямо здесь, в сердце страны, пока враги торжествуют победу и не готовы к нашему удару.

— Звучит интересно. Герцог Тарвел уже поставлен в известность, что отдаст вам свою армию? — голос короля Клиффа был вежлив настолько, что этой вежливостью можно было уколоть, словно стилетом.

Артур откинулся на спинку сиденья и зевнул. Он знал, что и Клифф, и Кэмерон, и молчаливо слушающий разговор Джайлс сейчас внимательно смотрят на него — и не мог позволить себе выказать и грана неуверенности. Артур в самом деле был сейчас человеком без армии, без вассалов и без чести — и чтобы вернуть все эти вещи и еще множество других, нельзя было демонстрировать даже тени сомнений. Люди идут лишь за тем, кто без колебаний готов их вести.

— Герцогу Тарвелу никуда не деться от меня, — сказал молодой Айтверн так невозмутимо, как только мог. — Вы же никуда не делись от меня, милостивый государь. Вот и он не денется. Я умею убеждать, у меня хорошие манеры, когда мне это надо, и я могу подобрать убедительные доводы. Тарвел послушает меня, а затем согласится. Он всегда соглашается — в прошлый раз тоже.

Владыка Гарланда с пол-минуты изучал герцога Западных Берегов — а затем рассмеялся.

— Вы авантюрист и наглец, Айтверн. Почти такой же, каким был ваш покойный родич — тот самый, которого вы убили три месяца назад в Тимлейнской крепости. По-хорошему, мне бы следовало высадить вас сейчас, вместе с вашим замечательным лейтенантом, на обочину, и идите куда хотите, благо до родового особняка вам отсюда недолго.

— Но вы не высадите. Вы тоже авантюрист, лорд Рэдгар. Я много знаю о вас. Знаю, как вы лезли в паданскую междоусобицу, знаю, как пошли в свой легендарный поход против столицы Эринланда. Вы любите рисковать, и вы рискнете. Я приглашаю вас на славную войну, — Артур на треть вытащил меч из ножен, — которую мы начнем здесь, а закончим в сотнях миль отсюда героями, которых славит весь континент. Можете согласиться, а можете поехать домой и сожалеть об упущенном шансе. Но вы не поедете домой. Не сейчас.

— Бог с вами, не поеду, — король вздохнул. — Покажите мне этого вашего Тарвела, развяжите войну — и возможно, она придется мне по душе. — Клифф скосил глаза в сторону Кэмерон. — Вас, кстати, сударыня, не препроводить обратно в замок, под защиту Фэринтайна? Раз уж мы направляемся в военный лагерь, вряд ли это лучшее место для леди.

Королева надменно вскинула подбородок:

— Вам ли не знать, какова эта леди в бою. Я останусь с Айтверном. Мне интересно посмотреть, что выйдет из его затей.

— Быть по сему. Интересно будет оказаться с вами на одной стороне. Но все же, сэр Артур, — в голос гарландца добавилось яда, — пока мы едем к его светлости Данкану Тарвелу, сочините аргументы получше, чем «вы заключите со мной союз, потому что я вас очень об этом прошу».

* * *

Часов после четырех ночи, когда покинувший иберленский Коронный совет и отдавший ряд распоряжений своим солдатам Эдвард Фэринтайн едва успел уединиться с женой, в дверь их покоев раздался стук. Камердинер сообщил, что явился сын графа Рейсворта — и требует его впустить.

— Что-то требовать юный лорд Рейсворт может только у своих лакеев, — ответил эринландский король раздраженно. Он устал и хотел спать. Иберленцы продержали его на своем совете почти до самой полуночи, а после пришлось еще проведать офицеров, рассказать им о перевороте, принять меры безопасности на случай, если местные совсем рехнутся. — Скажите этому юноше, пусть возвращается днем после обеда. Или послезавтра. Или никогда.

— Он уверяет, разговор не терпит отлагательств, сэр. Очень просит о вашем внимании.

— Впусти его, Эдвард, — вмешалась Кэран. В отличие от мужа, она не казалась ни усталой, ни злой. Чародейка смотрела на слугу приветливо, выглядела хорошо

отдохнувшей. — Вдруг дело и впрямь важное. Мне кажется, в такую ночь не бывает неважных дел.

Фэринтайн посмотрел на жену с досадой, махнул рукой.

— Так и быть. Фредгар, скажи мальчишке, пусть заходит.

Лейвис Келвин Рейсворт напоминал чем-то своего троюродного брата — и одновременно не был на него похож. Такой же светловолосый, худой, жилистый — но весь какой-то всклокоченный и нервный. Если Артур Айтверн держался с определенной церемонностью и даже манерностью, кузен его владел собой явно хуже. Дерганные движения, быстрый взгляд. К тому же, юный Рейсворт был явно пьян — от него изрядно разлило спиртным.

Юноша вошел в отведенную Фэринтайнам гостиную, огляделся.

— Садитесь, — Эдвард указал Лейвису на глубокое кресло, стоящее спиной к дверям. Сын лорда-констебля опустился в него, Кэран расположилась напротив, на мягком диване.

Фэринтайн достал из бара бутылку бренди и три рюмки.

— Будете, сударь?

— Буду, — сказал Лейвис решительно и мрачно.

Эдвард усмехнулся. По молодому человеку было очевидно — пить ему больше не стоит. Тем не менее, король Эринланда разлил терпкий, ароматный напиток по рюмкам и сам одну тут же опустошил. Молодой Рейсворт тут же последовал его примеру, а вот Кэран даже не шелохнулась. Она не любила выпивку.

— Хороший бренди, — сказал Лейвис, утерев губы рукавом.

— Сомневаюсь, что вы сейчас можете отличить хороший бренди от плохого, — Эдвард уселся в кресло по левую руку от гостя. — Совет кончился едва три часа назад, где вы успели напиться?

— А мне долго и не надо, — ухмыльнулся кузен Артура. — С нашей новой королевой.

— Вы дружны, не так ли? — осведомился Эдвард вежливо.

— Дружны? — Лейвис скривил губы. — Можно и так сказать. С самого детства. Можно мне еще?

— Можно. Не стесняйтесь просить о таком, — сказал Эдвард, подливая гостю вторую рюмку.

Он мало что знал об этом мальчишке. Лейвис Рейсворт обычно держался в стороне от политики и пользовался при дворе еще меньшим влиянием, чем Артур Айтверн — полгода назад. У него не было ни могущественных покровителей, ни амбиций, ни сторонников, ведь все знали, что Рейсворты — лишь тень Айтвернов, боковая линия Драконьего Дома, во всем исполняющая волю главной. Однако отец этого юнца захватил сейчас власть в Иберлене. На Серебряный Трон Роальд Рейсворт посадил Айну Айтверн, но королеве будет нужен король. Если верховный констебль пожелает удержать страну в руках своего дома, он выдаст новоиспеченную королеву Айну за отпрыска.

Эдвард Фэринтайн присмотрелся к стремительно хмелеющему мальчишке, что сидел в кресле, сторбившись в неловкой позе, и елозил пальцами по краешку стола. Если брат с виду, он еще меньше годился в короли, нежели Гайвен Ретвальд. Но и самого Эдварда десять лет назад никто в здравом уме не прочил на трон.

— Расскажите мне о магии, — сказал Лейвис внезапно. — Все, что можете рассказать.

— Неожиданная просьба. И ваша кузина, и лорд Гайвен не горели желанием говорить со мной на эту тему.

— Они не горели, а я горю, — упрямота, что зажглось сейчас в глазах этого нескладного подростка, хватило бы на пятерых Артуров Айтвернов. — Я был на совете и слышал, о чем вы распинаетесь. Вы владеете магией. Вы приехали сюда, потому что у нас завелся Король-Колдун, иначе бы плевать вам было на наши коронации и интриги. Я читал старые книги, не поверите? Остин и Финниган Фэринтайны входили в Конклав перед его падением. Колдовство передавалось в вашем роду тысячу лет.

— И оно интересно вам, — заметила Кэран. Наследница Катрионы Кэйвен говорила мягко, но взгляд ее сделался вдруг таким, каким бывал в прежние дни. Когда она с мечом в руках выходила на битву, и обагряла этот меч кровью. — Поведайте нам без утайки, почему это сделалось вам интересно, — тонкие пальцы погладили пустую рюмку.

«Кэран может сколько угодно играть добрую и заботливую жену, очаровательную светскую леди, быть обаятельный и милой — это нисколько не изменит ее сути, — подумалось Эдварду. — В неполные двадцать лет она убила человека, которого любила, и стремилась поставить весь мир верх дном. И едва не убила меня. Я живу с готовым каждый миг загореться фениксом — но я не должен думать, будто его приручил. И если ей сейчас не понравятся ответы молодого Рейсворта, кто поручится, что молодой Рейсворт выйдет отсюда живым?».

— Мне никто не говорил о магии, никогда. Я спрашивал отца — а он молчал. Говорил, магия давно забыта. С тех дней, когда старую столицу пожрало пламя. Айтверны разорвали свои книги, перестали учить наследников. Потом появился Гайвен... А теперь Айна сжигает в полете стрелы, и готова учиться у вас. Я могу быть чародеем, как она? Во мне течет та же самая кровь, — губы побочного потомка Драконьих Владык дрожали.

Ну конечно, подумал Эдвард. Как непросто быть боковым наследником древнего и славного рода — не наследуя ни замка, ни власти, ни даже фамильного имени. Навсегда остаться лишь вассалом дяди и кузена, исполнять их приказы, следовать за ними по пятам, жить их мечтами. Так хочется стать кем-то настоящим. И уж конечно, хочется стать чародеем из старых сказок — особенно после того, как увидел их силу.

Видимо, Кэран думала то же самое. Она подалась вперед, мягко, едва-едва, коснулась пальцами щеки Лейвиса. Юноша вздрогнул, но не отстранился.

— Хочешь обрести могущество, мальчик? — спросила чародейка ласково. Несмотря на гладкую кожу лица и лишённые седины волосы, она вдруг показалась супругу такой старой, будто видела еще самую Великую Тьму. — Желаешь быть таким же, как Гайвен Ретвальд? Как Бердарет-Колдун? Как великие древности, что двигали горы и прорезали новые моря в земной тверди?

— Хочу быть собой. Меня учили быть рыцарем, но я не рыцарь. Не такой, как Артур. Поединки и войны — это ему, а я — что-то другое. Тем не менее, я тоже Айтверн. Пусть не по имени. Я знаю кое-что о прежних Айтвернах, говорю. Они могли многое сделать и без меча.

На кончиках пальцев Кэран вдруг загорелся огонь. Холодное голубоватое пламя. Чародейка взмахнула ладонью прямо перед глазами Лейвиса, но тот и тогда не отдернулся. Юноша дышал размеренно и ровно. Казалось, выпитое придало ему спокойствия.

— Хорошо, — подытожил Эдвард. — Ты желаешь найти себе дорогу в жизни и коснуться наследия предков. Я и сам начинал с подобного. Мы можем с тобой заниматься — в конце концов, мы ведь приехали в Иберлен, чтоб найти учеников. Если, конечно, ты не предашь нашего доверия и пришел сюда не затем, чтоб шпионить.

— Я не спрашивал отца. Если вы про это. Он верно думает, я пью или сплю.

— Хорошо, — сказал Эдвард еще раз, с нажимом. — Но ты должен понимать, что хочешь заняться небезопасным делом. Помнишь, что было минувшим вечером? Понимаешь, почему я стрелял в Ретвальда?

— Чего тут понимать. Он взбесился. Начал убивать направо и налево. Еще немного — и убил бы всех в зале. Вы решили его остановить.

— Нет. Дело не в этом. — «Хотя и в этом тоже. Лучше убить одного колдуна — чем позволить ему устроить резню, в которой погибнут все, наделенные даром, а Артур и Айна им обладают и могли пострадать, неважно уже по чьей вине». — Подумай еще раз. Вспомни. Что показалось тебе странным?

Лейвис Рейсворт молчал какое-то время, сосредоточенно хмуря лоб. Потом взялся за бутылку бренди и осторожно налил себе половину рюмки — расплескав попутно все же пару капель на стол. Пить, однако, не стал — только лишь принюхался и поморщился.

— Он исчез в конце, когда вы стали стрелять этой штукой, — сказал Лейвис медленно. — Я читал, Гайвен дал мне книгу из своей библиотеки. Это называлось телепортация. Мгновенное перемещение. Только самые сильные чародеи могли делать подобное. Мог Повелитель Бурь. Мог Сумеречный Король. Один или два раза смог Эйдан Айтверн. Все остальные не могли.

— Верно. И я, и Кэран занимаемся магией много лет — однако такие приемы нам недоступны. И почти никто в старом Конклаве тоже не мог их освоить.

— Да... Вы сказали на совете, этим заклинанием невозможно овладеть самостоятельно. А Гайвен овладел. Либо он самый сильный волшебник за последнюю тысячу лет, либо ему кто-то помог. Вы к этому клоните?

— К этому. Я присматривался к нему весь день. И особенно, когда на него напали и он начал колдовать. Гайвен Ретвальд применял очень сильные чары — такие не по силам новичку. И он не открывал двери в пространстве, чтоб спастись от моего выстрела, я бы почувствовал это. Кто-то забрал его — кто-то, пришедший за ним извне. Не все так спокойно в Иберленском королевстве, юный Лейвис. Если Король-Колдун исчез — не думайте, что он не вернется. А вместе с ним придут и те, кто оказал ему покровительство... кем бы они ни были. Темные фэйри с севера? Колдуны баснословного Медоса? Кто-то еще, о ком мы даже не догадываемся? — Эдвард Фэринтайн пожал плечами. — Начинается очень опасная игра. Ты уверен, что жаждешь в нее вступить?

— Я уже вступил. Вы что, не понимаете? Я по уши в этой игре, — юноша, казалось, был полон отчаяния. — Вы думаете, я хотел всех этих переворотов и войн? — он все же выпил, скривился, с трудом подавил позыв к рвоте. Эдвард убрал со стола бутылку. — Нет, не хотел, — продолжал Лейвис. — Но раз все вещи, которые мы обсуждаем, происходят, надо же мне с ними что-то сделать.

Эдвард и Кэран переглянулись. Чародейка подавила вздох.

— Ладно, — сказал Эдвард. — Иди, пожалуйста, спать, я устал, а тебе через семь часов быть подле твоей королевы в ратуше. Когда она объявит всем вокруг, что она теперь королева. Вечером мы с тобой встретимся. С тобой и с леди Айной. Попробуем придумать, с чего начинать. Если дар есть в вас обоих — будем учить вас вместе.

— Спасибо, — Лейвис встал, пошатнувшись. — У вас на диване вздремнуть можно?

— Нет, нельзя. Я вызову слугу, он проводит вас в ваши покои, и сделает это прямо сейчас, пока вы еще на ногах стоите. Только слухов, что мы с женой пьянствуем с сыном

верховного констебля, мне не хватало. А они будут, когда вы с похмелья вывалитесь утром в коридор.

— Спасибо, — пробормотал Лейвис еще раз.

— Не за что. Я делаю это не ради вас. А потому, что если мы с Кэран останемся последними чародеями в Срединных Землях — грош цена этому миру.

* * *

К пяти утра лагерь Данкана Тарвела уже не спал. Начались серые и тревожные сумерки, стремительно растворявшие в себе ночные тени. Меж шатров и палаток загорались костры, перекликались дозорные, с полевой кухни доносился невнятный шум. Стеренхордская армия, расположившаяся в пятнадцати милях к югу от Тимлейна, стояла здесь с того самого дня, как войска Гайвена в начале июня заняли город. Железный Лорд, по своему обыкновению, не вмешивался в государственные дела, но своих солдат отсылать домой не стал.

Он так и не доверился ни на йоту миру, казалось бы наступившему в стране после гибели Гледерика Кардана. И как оказалось, не доверился зря.

«Тарвел теперь — моя последняя надежда, последняя соломинка, за которую я смогу ухватиться, — подумал Артур с отчаянием. — Я наговорил Рэдгару кучу красивых слов, что сумею сделать сэра Данкана союзником, а так ли оно в самом деле? В прошлый раз стеренхордский герцог едва согласился вступить в междоусобицу. И то, мне пришлось сразиться с Александром ради его согласия. Что теперь? Он не хочет войны. Он пошлет меня ко всем чертям и будет в своем праве».

О собственных странных открытиях, сделанных им за изучением старинного портрета, Артур старался не думать. Чьим бы потомком Гайвен не оказался в действительности, он оставался законным королем Иберлена. Размышлять обо всем прочем юноша не хотел, и Кэмерон также попросил на эту тему не распространяться. Когда Гайвен вернется, а герцог Запада верил, что его король вернется из той неведомой бездны, куда отправило его колдовство, Айтверн лично поговорит с ним на тему его родословной — а до тех пор будет молчать.

Несмотря на все свои тревогу и страх, Артур держался перед спутниками с прежней уверенностью. Все дорогу до ставки Тарвела, занявшую шесть часов по Королевскому Тракту, молодой Айтверн предавался с королем Клиффом светской беседе — в основном, обсуждали изящную словесность. Кэмерон дремала, слегка посапывая и откинувшись головой на спинку сиденья. Блейр не спал, но и в беседу господ не вмешивался. Глядел куда-то в окно, в темноту.

Они могли бы прибыть в лагерь сэра Данкана намного раньше, может быть к двум или трем ночи — если бы не провели несколько часов вечером в одном из предместий Тимлейна, где Клифф дожидался визита нарочного, сообщившего ему, что его дети и супруга, королева Гвенет, доставлены в полной безопасности в выбранное гарландским королем тайное место неподалеку от столицы. Услышав эти известия, Рэдгар посветлел лицом и сказал, что можно отправляться в путь.

— Вот мы и приехали, — сказал Артур, сдерживая зевок, когда спрыгнул со ступеньки кареты на утопанную тысячами сапог землю посреди лагеря. Молодой герцог Запада

нечеловечески устал и мечтал сейчас лишь об ужине и мягкой постели, но позволить себе этого не мог. Сперва следовало поговорить с Тарвелом — и услышать его ответ. Если ответ окажется отрицательным — задерживаться здесь нельзя, Рейсворт скоро вышлет, если еще не выслал, своих по следу, чтобы схватить племянника и доставить обратно в Тимлейн.

Вот только куда двигаться дальше, в случае отказа Тарвела помочь, Айтверн не знал. У него в самом деле не нашлось бы больше никого, на чью помощь можно было рассчитывать. Кроме Блейра, который невесть зачем в это безумство втянулся и теперь ведет себя так, будто ни о чем не жалеет.

Часовые проводили Айтверна и спутников до занимаемого Железным Герцогом шатра. Там, несмотря на ранний час, ярко горел свет. Лорд Данкан, одетый в серого цвета сюртук, прямо сидел за столом и читал книгу. На носу у герцога были очки. Он выглядел сейчас скорее преподавателем из Академии, нежели человеком, стальной рукой уже тридцать лет правившим четвертой частью королевства. Невозмутимый, ровный — такой же как всегда. Айтверн слишком хорошо знал, что прячется за этой невозмутимостью.

Когда Артур вошел, Тарвел, казалось, совсем не удивился.

— Здравствуйте, сударь, мне сегодня как раз не спится, так что заглянули вы удачно, — он захлопнул книгу и отложил на край стола. Прищурился, сдвигая очки на край носа. — Кто это с вами? Его величество Клифф Гарландский? Не виделись уже пять лет, сударь, с самого вашего прошлого визита в Тимлейн. Хорошо выглядите — даже не располнели, что при нынешнем длительном мире в ваших владениях было бы ожидаемо. А кто эта леди?

— Кэмерон Грейдан, вдова Хендрика Грейдана, — женщина выступила вперед и сделала реверанс. Тарвел смерил ее изучающим взглядом.

— Вы заводите хороших друзей, сэр Артур. С каждым днем все лучше и лучше — молодому Коллинсу не чета. Король одной страны, королева другой. Не хватает только императора из Толады. Прикажите подать завтрак? Что будут пить ваши спутники? Вино, травяную настойку? Крепких напитков подавать не стану, простите. Час ранний, да, и, — Тарвел чуть помедлил, — вы знаете, в какие времена я предпочитаю оставаться трезвым.

«Никогда не пью в дни войны». Как же, Артур прекрасно помнил эту привычку старого учителя. В дни мира старик Тарвел, бывало, не просыхал месяцами — но стоило начаться войне, разом забывал про любой хмель.

Преодолевая растерянность, молодой Айтверн подошел к столу и сел. Кэмерон и Клифф последовали его примеру, а вот Блейр остался стоять в трех шагах позади.

— Вижу, — заметил король Гарланда, — вы не удивлены нашим визитом.

— Я ждал прихода сэра Артура уже месяц, — согласился Данкан Тарвел спокойно. — С тех пор, как дела в Тимлейне пошли совсем скверно, а новый констебль принялся подминать под себя войско и якшаться с лордами востока. Последние три ночи мне совсем не спалось, а значит, вот оно, решил я. Тем более, вчера в мой шатер влетел ворон и едва не выклевал мне глаза. Ворон — птица войны. Вы думаете, такие приметы случаются просто так?

— Постоянно, здесь и рядом, всегда, — пробормотала Кэмерон. — Наш мир состоит из пустых и бессмысленных примет, простите мне уж мою дерзость. Значит, вы поняли, что случился мятеж?

— Отчего бы еще, повторяюсь, моему ученику и другу приходить сюда в пять утра, да еще в сопровождении высоких иноземных гостей. Просто так он давно уже не навещает меня — слишком много забот, слишком много неотложных дел. К тому же, мои прознатчики постоянно, каждый божий день, приносят новости из столицы, и о всеобщем недовольстве

докладывают все чаще и чаще. Других новостей, кроме плохих, сейчас нет. Я ждал переворота со дня на день, в лучшем случае к концу месяца. Хочу спросить, — осведомился Тарвел совсем уж бесцветным тоном, — Гайвен Ретвальд мертв или находится в плену у восставших?

— Сбежал, — ответил Артур. — При помощи колдовства. Коллинс хотел арестовать его, а вместо этого сам погиб. Мы не знаем, где Гайвен и что с ним.

— Жаль. Я предпочел бы, если б он погиб. Этот молодой человек не понравился мне сразу, и было очевидно, что страну ему не сберечь. На чьей стороне Роальд Рейсворт? Я правильно понимаю, что — не на вашей? — Артур молча кивнул. — Предсказуемо, — продолжил Тарвел. — Итак, Ретвальд свергнут и пропал... вчера, судя по тому, что гонцов еще не было. Большая часть знати примкнула к восстанию и будет теперь кроить законы по своему усмотрению. Вы, мой юный друг, как всегда оказались слишком упрямы и слишком горды, чтобы принять неизбежность и согласиться с мнением большинства, а также с фактами и с голосом разума. Заступничеством короля Клиффа вы находитесь сейчас здесь, а не гниете в застенках Веселой Башни?

— Все так, — щеки Артура горели. От стыда ему хотелось провалиться сквозь землю. Не таким наследник Драконьих Владык представлял этот разговор в своем воображении, покуда трясся в карете на ухабах и колдобинах тракта всю ночь. Данкан Тарвел догадался обо всем, случившемся в Тимлейне, стоило ему только увидеть бывшего оруженосца входящим в свой шатер. Все заранее заготовленные доводы мигом вылетели у Айтверна из головы. Достаточно было только посмотреть на стеренхордского герцога, чтобы понять — тот не согласится ни с одним. Артур слишком помнил упрямство своего прежнего наставника. В прошлый раз это упрямство стоило Александру Гальсу жизни. — Вы вернс поняли общий расклад, сэр, — сказал Артур с тяжелым сердцем. Ему вдруг стало очень стыдно перед Кэмерон, с безучастным лицом наблюдавшей этот разговор. Если вдове короля Хендрика и показалось вдруг вчера, что наследник лорда Раймонда чего-то стоит — сейчас она окончательно разуверится в этом. — Вы прекрасно все поняли, милорд, — повторил Артур. — Мне и добавить к вашим словам нечего.

— Хорошо, — лорд Данкан совсем уж грустно вздохнул и протер очки. — Господа, ужин скоро принесут. Думаю, для вас это будет скорее все же ужин, чем завтрак. Хороший, сытный ужин, мясо и овощи, никаких вредных для здоровья десертов. Подкрепитесь — и идите спать, хотя бы до полудня. Когда встанете, обсудим, как именно станем отбивать у неприятеля Тимлейн.

— Простите? — Артуру показалось, он ослышался. — Отбивать Тимлейн? Вы сказали именно это?

— Разумеется. А вы пришли сюда не за этим? Не за моей помощью? Разве вы не хотите, чтоб я предоставил вам свои отряды? А вы двинете их против Рейсворта и его своры.

— Все именно так и пришел я за этим, но... — Айтверн смеялся. — Я полагал, вы откажетесь. Вы не хотели вмешиваться в эту войну.

— Не хотел. Четыре месяца назад не хотел. Но вашей милостью я уже в нее вмешался, и будь я проклят, если покину бой, который в самом разгаре. — Тарвел оставался все таким же спокойным. Казалось, он говорит во сне — или страдает мигренью. — Я все понимаю, Артур. Вы считаете меня вздорным глупым стариком и заготовили кучу красивых, напыщенных, рыцарственных словечек, чтоб убедить меня оказать вам поддержку. Скажете хотя бы одно — и я действительно выставлю вас вон. Когда отдохнете, вам нужно

вспомнить, что вы теперь единственный законный верховный правитель Иберлена. Как первый министр, глава Коронного совета, и, в связи с предательством графа Рейсворта, также как командующий всей королевской ратью. Ввиду очевидного исчезновения правящего государя, эта страна подчиняется только вам. Или вы считаете, — лорд Данкан посмотрел куда-то вверх, — я поганый бунтовщик и не выполню отныне любой ваш приказ, лорд регент?

3–4 сентября 4948 года

Ветер надрывался зверем — колючий, холодный, зимний. Швырял прямо в лицо комья обжигающего снега. Порой в его вое слышались волчьи голоса, порой надрывный плач, порой смех. Сквозь рваные дыры туч виднелись ледяные глаза звезд, и Гайвен не был уверен, что знает имена этим звездам. Как не знал он, и что делает здесь — в узком горном ущелье, посреди беспорядочного нагромождения уходящих ввысь скал.

Последним, что помнил наследник Ретвальдов, был ствол пистолета, направленный ему в лицо. Слова Эдварда Фэринтайна — *«ты совершил ошибку, мальчик. И мне очень тебя жаль»*. Вспышка выстрела, грохот. Обещание тьмы, что она не даст ему умереть. Затем весь мир померк, будто задернули занавес.

Теперь тьма молчала. Больше не утешала, не давала советов. Не отзывалась ни на какую попытку обратиться к ней. «Возможно, и не было никакого незримого собеседника? Возможно, я обезумел, и голос в голове был лишь следствием этого безумия?»

Гайвен брел горным ущельем медленно — по щиколотку, иногда по колено утопая в рассыпчатом свежем снегу. Лютая стужа, казалось, уже проморозила его до костей. Гайвен не понимал ни где находится, ни куда ему теперь идти. Просто брел вперед, пока хватало сил. Юноша весь дрожал, зубы били чечетку. От нещадного мороза у него болели даже глаза.

«Интересно, — подумал Гайвен краем сознания, — существует ли такая магия, с которой можно перестать чувствовать холод?» Если подобные секреты и были известны чародеям древности, последний из Ретвальдов ими не владел точно. На секунду юношу чуть не разобрал горький смех. Аристократы Иберлена были уверены в его колдовском могуществе и боялись его — вот только носитель этого могущества вот-вот околеет, словно надоевшая хозяину собака, выброшенная на двор посреди декабря.

И все же, кое-что Гайвен мог. Последняя сцена, развернувшаяся под сводами Сириеневого Зала Тимлейнской крепости, до сих пор ярким образом отпечаталась в его мозгу. Сила, что пробудилась наконец, вырвалась, стала доступна. Кричащий бешеным криком, умирающий Джеральд Коллинс. «Они думали, они могут предать моего отца, предать Раймонда Айтверна, а теперь предать и меня — и остаться безнаказанными?» Гайвен сожалел, что не смог убить всех в той комнате.

Всех, кроме Артура.

«Я допустил ошибку. Он единственный оставался мне верен. Спорил со мной, подвергал сомнению каждый мой шаг — и все же не отступился, когда пришлось выбирать. Ни тогда, перед лицом Гледерика Кардана, ни сейчас». Гайвену сделалось тошно от своих собственных доверчивости и беспечности. Он казался сам себе теперь безвольным и слабым — ровно таким, каким его считала мать. «Я приблизил Рейсворта к себе, надеясь, что так смогу получить его преданность — а он все равно оказался изменником. Как и все».

С самого детства, всегда. Насмешливые взгляды придворных. Ложное почтение и лицемерные клятвы. Двумличие и фальшь. Он привык быть сыном короля, который не король ни в чем, кроме титула. Быть мишенью для издевательств, ощущать себя изгоем в замке своих предков. «Я оказался слишком мягок и не понял ошибки отца. Я позволил им напасть

на себя. Больше никогда не повторю подобного. Если выживу. Если выберусь из этого места».

Гайвен остановился, плотнее запахиваясь в плащ. Зажмурился. Вновь попытался прислушаться к пустоте, окружавшей его — но та, ледяная и равнодушная, не приносила ответов. Сила, что дважды уже пробудилась, вновь молчала, не давалась в руки. «Магия подчинилась мне, я же помню. Неужели я не могу вызвать ее снова? Ведь я потомок того, кто истребил армию Империи на Борветонском поле».

Начинали коченеть уши и пальцы, язык едва мог коснуться обледеневших губ. Пустота подступила ближе, вздрогнула, как дрожит морская волна в ожидании прибоя, и вновь замерла. Старые книги говорили, для магии не обязательно знания. Хватит одной лишь воли — если удастся собрать ее в кулак. Воля — сильнее всех бесполезных знаний мира.

И все же, сейчас ее не хватало. Вспомнились первые, неудачные уроки фехтования, колючий взгляд инструктора, на каждом третьем выпаде вылетающая из слишком слабых пальцев шпага. Будто в издевку, ветер завыл злее. «Я боюсь, ноша, врученная вам судьбой, не по вашим плечам, принц. Если вы избегаете этого боя, не надейтесь, что сможете избежать всех прочих, уготовленных вам судьбой», — сказала однажды королева Лицеретта, когда наследник трона не решился бросить вызов на поединок задевшему его колкой фразой юному лорду.

Гайвен распахнул глаза. Мотнул головой, стряхивая снег с волос. Хватит. Хватит вспоминать былую слабость и былые ошибки. Иначе действительно, умереть — все, что ему осталось.

«Но я не умру. Ради имени моего дома, который иначе прервется, будет осмеян и забыт. Ради моего королевства, которым я должен править и которое растащат на куски, передравшись, изменники. Я выстою. Меня не убили мои подданные, не убьет и эта метель».

Пустота рассмеялась. Прильнула к нему, как кошка жметя к ногам. Вдруг сделалась покорной и податливой, будто глина. Дохнула в лицо теплом. По земле пробежали искры, снег вспыхнул и загорелся — как если бы кто-то поджег разложенный под ним хворост. Вот только сам по себе снег не горит, и никакого хвороста под ним не было тоже.

Стена пламени взлетела вверх на несколько футов, окружила Ретвальда широким кольцом. Воздух стремительно нагревался, отгоняя стужу. Ветер не слабел, буря не убавила пыла — однако пламя горело спокойно и ровно, ни в малой степени не колеблясь.

Губы Гайвена разошлись в слабой, из последних сил вымученной улыбке. «Я все-таки кое-что могу. Не такое ничтожество, как считала мама». Эта мысль согревала лучше любого костра.

Второй Король-Чародей Иберлена вдруг пошатнулся, сделал попытку устоять на ногах — а потом все же рухнул оземь.

* * *

На сей раз ему не являлось почти никаких снов — ни плохих, ни хороших. Это оказалось непривычно после всех последних месяцев, когда каждая ночь была наполнена беспрестанными кошмарами. Теперь — одни только пустота и забвение. Лишь ближе к самому пробуждению вдруг слышался плеск волн — умиротворяющий, мягкий. Возникло чувство, будто он распластан в плывущей по воде лодке, свесив руки за борта, и смотрит

куда-то в высокое ясное небо.

Гайвен очнулся. Он лежал в широкой постели, застеленной белоснежным бельем, и глядел в потолок. В простой светлый потолок, без всяких росписей и узоров. Однажды по поручению матери Гайвен инспектировал главную городскую больницу, и это ужасно ему ее напомнило. Юноша ощущал себя отдохнувшим — ни следа прежних усталости, утомления и боли. Подобное чувство наступает, когда проваляешься в беспробудном забвении часов десять, а то и больше. Голова казалась светлой и ясной.

Ретвальд сел в кровати, огляделся. Серой краской покрытые стены, картина в дубовой раме напротив — белый парусник посреди бескрайнего моря. По левую руку от кровати — тумба, на ней прозрачный стакан с водой и тарелка с мелко нарезанными яблоками. Дверь одна, без ручки, и никаких окон. Освещение давала люстра под потолком — вот только вместо свечей на ней были установлены четыре небольших белых шара.

Световые лампы. Такие же, как у Древних. Гайвен читал о них раньше, видел изображения в книгах. Их использовали еще даже в Тарнарихе, при первых королях Иберлена. «Где бы я ни оказался, я уже точно не в Тимлейне. Может даже, не в Срединных Землях». Он попробовал собрать свои разрозненные воспоминания воедино. Схватка в Сиреневом Зале, выстрел Фэринтайна, затем — горные тропы и буря. Попытка обратиться к силе, разгоревшееся среди снега и шторма пламя. Дальше — снова провал. «Тот голос из тьмы, что назвал себя дедом — он сказал, что поможет мне. Это и есть его помощь?»

Юноша встал. На нем уже не было плаща и камзола, надетых им минувшим днем в Тимлейнской крепости. Вместо них — рубашка и брюки незнакомого покроя и очень добротного шитья, перетянутые кожаным поясом с металлической пряжкой. На ковре рядом с кроватью — черные кожаные туфли с высоким каблуком.

Обувшись, Гайвен подошел к двери. Раздался тихий шелчок, и та отворилась сама при его приближении. Юноша вышел на широкую кольцевую галерею, подошел к резным перилам, огляделся. Внизу — просторный зал, чем-то напоминавший отцовскую гостевую. Множество книжных шкафов вдоль стен, мягкая кожаная мебель, небольшой круглый стол, освещенный все теми же световыми лампами. Прищурившись, молодой Ретвальд заметил, что в одном из стоящих рядом со столом кресел расположился, опустив голову и листая раскрытую на коленях книгу, какой-то человек. Лица его было отсюда не разглядеть. Незнакомец казался расслабленным, сидел в небрежной позе, и даже не смотрел в сторону Гайвена.

Поддав короткое колебание, юноша стал спускаться в зал. Он шел осторожно, опираясь левой рукой на перила, боясь нового приступа слабости. Ноги, тем не менее, держали его крепко. Когда молодой Ретвальд приблизился к столу, сидящий за ним мужчина заговорил:

— Мишель Вилар, «Неистовый Марлен или превратности искусства». В нынешнем сезоне этот плутовской роман считается наиболее популярным среди салонов Лумея и Толады. Критики отмечают хороший слог, богатую фантазию автора. Какого ты сам мнения о нем?

Гайвен на секунду замер. Немного опешил. Ответил медленно, тщательно подбирая слова:

— Боюсь, я не поклонник изящной словесности, сударь. К тому же, в нынешнем сезоне у меня было совсем немного времени, чтобы читать.

— Соглашусь, что времени у тебя было немного, — мужчина захлопнул книгу и положил на край стола. Посмотрел в упор на Гайвена. — Я читаю все, что мне смогут сюда

доставить, — сказал он просто. — Книги из своей библиотеки я перечитал все, некоторые — несколько десятков раз. Мне не хватает новых. Присаживайся, пожалуйста, и дай мне на тебя взглянуть.

Юноша отодвинул кресло, сел, положив руки на подлокотники. Сам посмотрел на собеседника. Мужчина лет сорока или чуть постарше, с костистым худым лицом, с многочисленными морщинами возле глаз и губ. Волосы — коротко подстриженные, не закрывающие даже ушей, черные, с редкими седыми нитями. Облегающая серая рубашка с высоким воротником, на указательном пальце правой руки — стальное кольцо без камня или надписи. Чертами лица незнакомец чем-то вдруг напомнил Гайвену отца — будь у того такой же цепкий, внимательный взгляд.

— Полагаю, — нарушил молчание Гайвен, — вас я должен называть дедом?

— Меня. Я должен извиниться — за то, что ты едва не погиб. Когда Фэринтайн взялся за оружие, я навел на тебя телепорт. Мне не хватило сил доставить тебя прямо сюда. Тебя выкинуло на половине дороги. Я отправил за тобой слуг. Они нашли тебя, лежащим без сознания, и доставили ко мне домой.

— Ясно, — сказал юноша без всякого выражения.

«Я навел на тебя телепорт». Магия, доступная лишь самым сильным из прежних волшебников. Осветительные приборы, которых ни в одной стране не делали уже семь столетий. Этот человек назвал себя, еще будучи лишь голосом в голове у Гайвена, основателем дома Ретвальдов. Юноша вновь пригляделся к черноволосому мужчине. Действительно, похож на отца... И на портреты короля Бердарета тоже похож. Разве что шире в плечах, крепче. Скорее напоминает воина, нежели книжника, хоть и сидит посреди роскошной библиотеки. Не меньшей, чем та, что была дома у самого Гайвена.

— Какой сегодня день?

— Четвертого сентября. Около одиннадцати утра. Мне доставили тебя в полночь. Что последнее ты помнишь?

Гайвен чуть помедлил. Ему не хотелось сейчас говорить слишком много, и он старательно обдумывал любой свой ответ. Его собеседник казался вежливым и внимательным — но это не означало, что говорить с ним безопасно. Даже если этот человек действительно спас ему жизнь.

— Огонь, — сказал юноша наконец. — Я замерзал, и пытался себя согреть. Сначала ничего не получалось. Затем вышло, как-то само собой. Это третий раз, когда у меня получается магия. Где я нахожусь?

— Дома, — незнакомец с фамильными чертами Ретвальдов слегка прищурился, наблюдая за его реакцией. «Кажется, мы играем в одну и ту же игру, — подумалось Гайвену. — Он изучает меня так же, как я изучаю его». — Ты находишься в моем замке Керлиндар, во владении Амарт королевства Сумерек. В двух сотнях миль от северной границы Иберлена и от Каскадных гор, на Волчьем перевале которых тебя нашли.

Гайвен откинулся в кресле. Посмотрел в высокий потолок, украшенный сложным орнаментом. Прошелся взглядом по книжным полкам — переплеты, инкрустированные камнями и золочеными надписями, с названиями на языках, которых он подчас даже не знал. Вновь взглянул на стол — стопка книг, бутылка вина без этикетки, пара бокалов, еще одна тарелка с нарезанными фруктами. Юноша потянулся за яблоком, осторожно взял, откусил.

Волшебная Страна. Он в Волшебной Стране. На родине всех сказок. В королевстве

фэйри. В запретном краю. В стране, откуда ни один человек не возвращался живым, где правят Сумеречный Король и Повелитель Бурь.

— Я ценю твою выдержку, — сказал дед негромко. — Ты не доверяешь мне. И стараешься не говорить слишком много. Это правильно. Ты совсем не знаешь меня и чего от меня ждать.

— Вы правы, сударь. К тому же, я вообще не люблю говорить лишнего, — ответил Гайвен, прожевывая сочную мякоть. На мгновение он почувствовал себя так, будто разговаривает с кем-то из иберленских аристократов — например, с Рейсвортом. Те тоже казались доверительными и любезными, до первого ножа в спину. Если этот человек, вернее это существо, пытается расположить его к себе, тем меньше стоит на него полагаться. — Когда Бердарет Ретвальд явился в Тимлейн, — продолжил юный Ретвальд, — он уверял, что пришел с Закатных королевств. Я никогда в это не верил. Закатные королевства давно отвернулись от нас, и ни один корабль не пересекал западное море. Бердарет мог придумать такую ложь только ради сокрытия неприемлемой в Иберлене правды. Получается, он был фэйри?

— Был, — черноволосый мужчина тоже взял с тарелки грушу и откусил. Чуть склонил голову к левому плечу — его шейные позвонки громко хрустнули. — Мой сын был сидом, как и я сам. Как ты понимаешь, беглецов с севера уже тысячу лет не принимают к югу от Каскадных гор. Он изучал магию здесь, у меня — но предпочел найти себе трон на человеческих землях. Бердарет придумал себе фамильное имя — то самое, которое носишь теперь и ты.

«Эльфийская кровь», — Гайвен сдержал усмешку. Звучало правдоподобно. Еще мать сказала однажды, будто Ретвальды напоминают ей темных фэйри из сказок. После Войны Смутных Лет нелюдей и в самом деле не жаловали в королевстве Карданов. Был заключен договор, между Карданами и Сумеречным двором, о запрете эльфам селиться южнее Каскадных гор. Айтверны остались едва ли не единственными, кто смешался с людьми. Если один из сидов решил захватить тимлейнский трон, когда прежняя династия пресеклась, разумно, что он скрыл свое происхождение. Другое дело, зачем сиду делать подобное?

— Как я слышал, — сказал Гайвен осторожно, — существа вашей природы бессмертны. Эйдан Айтверн отказался от своего бессмертия ради любви к леди Гвендолин Шарентар, однако это, как и история дома Фэринтайнов, считалось исключительным случаем. Зачем вашему сыну жертвовать вечностью ради тех двадцати пяти лет, что он провел на тимлейнском троне?

Лицо эльфа дрогнуло — будто от с трудом сдерживаемой гримасы.

Он подался вперед — так, что лампы хорошо осветили его легкую седину, его морщины, его усталые глаза и потрескавшиеся сухие губы. Он не выглядел вечно юным фэйри из сказок. Он вообще не выглядел фэйри. Артур Айтверн или Эдвард Фэринтайн и то куда больше напоминали эльфов, нежели он.

— Я кажусь бессмертным? — спросил хозяин замка Керлиндар спокойно. — Если я бессмертен, отчего я так стар? — Гайвен не ответил, не сводя взгляда с лица того, кто назвал себя отцом его прадеда, и тогда сид продолжал. — Мне две тысячи лет и три сотни, и сейчас я — самый старший из всех, кто живет в королевстве Сумерек. Я смог дожить до этого возраста лишь потому, что моя кровь — старше и чище, чем кровь прочих. Редкий из Народа в последнюю тысячу лет доживает до шестиста. Моему сыну Бердарету было три сотни лет, и он был слаб телом. Возраст уже отразился на нем — слабостью и хворью. Едва ли он

протянул бы еще столетие. Что лучше, скажи мне — исцарапать за сто лет вечным наследником опального лорда или двадцать пять лет просидеть на вашем Серебряном Троне? Он решил, пусть его смерть будет осмысленной жизни.

— Я не знал, — сказал Гайвен тихо. — Мы в самом деле думали, вы живете долго.

— Жили когда-то. Поколение, что предшествовало моему, жило и три тысячи лет — но вряд ли я разделю их судьбу. Мы вымираем, Король-Чародей, — сухие губы изогнулись в подобии усмешки. — В этом мире сейчас обитает, наверно, больше пятиста миллионов смертных человек, и будет скоро еще больше, а знаешь, сколько осталось нас, Народа Дану? Тех, кого вы зовете эльфами? Чуть больше тридцати тысяч на все королевство Сумерек, и еще двести тысяч — на карликов, гоблинов, пикси и прочие малые племена. Срок нашей жизни гаснет с каждым поколением, и детей у нас тоже рождается меньше. Сочетаясь браком с людьми, мы умираем быстрее. Без этого — медленнее.

— Это увлекательно слушать. Однако полагаю, сейчас мне стоит прервать вас и осведомиться, как вас зовут. Вы знаете мое имя, но я не знаю вашего, хоть вы и называете себя моим родственником.

Сид взял с тарелки еще одно яблоко — и перебросил Гайвену. Юноша без труда поймал.

— Хорошая реакция, — отметил эльф. — Думаю, ты хорошо фехтуешь. Некоторые вещи у нас в крови, и от них не сбежать. Мое имя тебе известно. Я — Шэграл Крадхейк, тот, кто звался лордом Дома Метели. Я сын Трайгара Крадхейка и брат по матери Эйдана Айтверна. Я происхожу из второй линии Драконьих Владык — старшей на текущий момент. Я отец Бердарета Ретвальда, первого в твоём доме. Я твой прапрадед.

Повелитель Бурь. Темный Владыка. Бледный Государь.

Эти прозвища — и еще полсотни других. Предводитель темных фэйри, что обрушились на Иберлен в год его основания. Поклявшийся, если верить преданиям, на корню истребить человечество. Победенный собственным братом в битве на холме Дрейведен и сгинувший в полуночной тьме тысячу лет назад. Из всех страшных сказок на свете эта была наихудшей. Теперь демон из этой сказки сидит напротив него и рассуждает о модных романах. И даже не похож на демона. С виду — такой же человек, как все.

Вот только ему, по собственным словам, больше двадцати столетий.

— Я не вижу свиты из ходячих мертвецов, — сказал Гайвен нарочито сухо, радуясь, что его голос не дрогнул. — Вы сидите не на троне из куска смерзшегося льда. Пьете тоже не из ледяного кубка, да и не кровь вы, кажется, пьете, — юноша кивнул на бутылку вина.

Шэграл Крадхейк криво усмехнулся и покачал головой:

— А где верные тебе демоны, Гайвен Ретвальд? Те твари из Бездны, которых ты призвал из преисподней? И которые разорвали на части Джейкоба Эрдера. Где тени неуспокоенных душ, что толпой следуют за тобой по пятам? Я не похож на героя историй о себе. Но про тебя тоже сложили историю, и я вижу, она далека от действительности. Ты видишь старика, я вижу мальчишку. Так что давай забудем истории и поговорим как взрослые люди. Или нелюди. Или кем нас стоит назвать.

— Я был осведомлен, — заметил Гайвен осторожно, — что Повелитель Бурь происходит из дома Драконьих Владык. Это никогда не афишировалось, но тайной для знающих не являлось. Однако мне сложно поверить, что во мне течет его кровь. — Он чуть помедлил. — Ваша. Я не знаю, — признался юноша честно, — как мне реагировать на сказанное вами. Если это все — не дурная шутка.

Усмешка того, кто звался в Срединных Землях Темным Владыкой, сделалась шире.

— Это не дурная шутка.

— Хорошо. — Гайвен взял грушу. Он почувствовал легкий голод — каким-то отдаленным краем сознания. — Я постараюсь... — прикрыть на секунду глаза, выровнять дыхание, успокоить бешеное скакнувшее сердце, не думать ни о чем, — я постараюсь осмыслить сказанное вами.

— Ты хорошо держишься. Впрочем, я не ждал другого от своего наследника. Хочешь спросить меня о чем-нибудь? Задавай мне любые вопросы, я отвечу. Ты мой гость и родич, и я постараюсь удовлетворить твое любопытство.

— Расскажите мне все, если вас не затруднит.

— Все — это слишком много. Или ты пожелаешь, чтоб я рассказал тебе всю историю этого мира? По крайней мере ту ее часть, к которой имела отношение наша семья? — сид говорил слегка издевательски. Что-то непонятное сквозило в его глазах. И взгляд его был таков, что верилось — этому человеку... этому существу действительно больше двух тысяч лет от роду.

Юноша слегка поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. Внезапно он ощутил умиротворение. Сказанное его собеседником должно было пугать или восприниматься как глупый розыгрыш — но не пугало и не воспринималось. Каким-то шестым чутьем Гайвен понимал, что этот человек или вернее нелюдь с фамильными чертами дома Ретвальдов, такой до странности обходительный и любезный, говорит ему правду. И эта правда удивительным образом вселяла ему некое спокойствие. «Все вокруг считают меня нечистью, демонским отродьем. Половина Иберлена ненавидит, половина — боится, и обе половины пытаются скинуть с трона. Если я в самом деле нечисть и демонское отродье, может так даже лучше? Если этот учтивый джентльмен, с его манерами опытного царедворца и глазами тысячелетней твари, мой родич, возможно, я попал действительно в место, где должен быть?»

Даже если нет, его стоит послушать. Вряд ли кому-то еще выпадал такой разговор.

— Расскажите, — попросил Гайвен, — расскажите, почему вы воевали против людей.

Шэграл Крадхейк еще раз хрустнул шеей — теперь уже склонив голову к правому плечу.

— Расскажу, — он слегка помедлил. — Некоторые вещи будут тебе знакомы. Я знаю, ты неплохо для этой эпохи образован. Но лучше не упустить ничего. Это будет долгий рассказ.

— Я никуда не спешу, сударь.

— Хорошо. Нам придется обратиться к очень древней истории. Были времена... ты наверно знаешь... когда люди и дети Дану жили на одной земле. Это очень древняя страна, твоя родина. Она видела многих завоевателей, подчинялась многим династиям. Сейчас вы зовете ее Иберлен — но прежде у нее было много имен. Мой собственный дед помнил времена, когда твоя родина была, как и ныне, частью материка. Затем море вышло из берегов, когда великие льды на севере таяли, и отделило ее от нынешнего Лумея проливом, расколов на несколько больших островов. Это было в годы юности моего деда, больше восьми тысяч лет назад. В те дни здесь жил народ, называвший себя пиктами. Они разрисовывали лица краской, на варварский манер, и возводили менгиры. Делали круги из стоячих камней, где поклонялись богам, которых уже и мне не вспомнить. Мы строили свои города рядом с их деревнями, и учили их основам ремесел. Мы были здесь раньше, но врагов в них не видели.

Через пролив переправились гаэлы — первые из предков твоего народа. Это был народ поэтов и воинов. Они шли в битву на боевых колесницах, без страха разили мечами из

бронзы. Нам они поклонялись, как богам. Их вожди правили в Корнуолле и Кенте, и до самых Каскадных гор. Они слагали песни и строили города. Мы научили их ковать хорошие мечи и наконечники стрел — уже из холодного железа. Они воевали между собой, но мы не видели в этом дурного. Те войны еще не были опасны. В них оставалось место доблести и чести.

Новый век принес новых завоевателей, которые сокрушили разрозненные гаэльские герцогства. Римляне напомнили бы тебе тарагонцев. Грубее, примитивнее, проще — но они тоже создавали империю. Они колесовали и вешали, распинали пленных на крестах и уводили в рабство. С ними пришла вера в Создателя, что ходил по земле Иудеи в образе человека и творил чудеса — и случилось это почти пять тысяч лет назад, когда ребенком был мой отец.

Летели века. Одни народы сменялись другими. Тебе ничего не скажут имена саксов, датчан, норманнов. Их нет в вашей истории, но они остались в вашей крови. Отголоски их мелодий порой скользят в ваших песнях. Каждый век королевства возносились и падали. В пятом веке после прихода Создателя в Винчестере, что неподалеку от современного Элвингарда, властвовал король Артур — первый Артур, что основал идеалы рыцарства, а его сестра, чародейка Моргана, плела против него козни. Эту страну стали звать Британией, а потом и Англией. Она даже успела побыть империей, два столетия или три — и тогда ее стяг развевался во многих чужих краях.

Но все империи людей мимолетны.

Людей становилось все больше, и мы уходили в тень. Прятались в холмы, становились байкой менестреля. Люди почти перестали в нас верить. Нас рождалось все меньше, а их — больше. К двадцать первому столетию от прихода Создателя на Земле жило уже семь миллиардов людей, а к двадцать второму — пятнадцать. Люди придумали одну вещь, называемую наукой, и еще одну, называемую технологией. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Я понимаю. Я слышал о машинах Древних.

— Слышал, — улыбка Повелителя Бурь вдруг сделалась грустной, — но не видел. Если не считать этого, — он коснулся пальцем лампы. — Многие из тех вещей приносили немалую пользу. Мы, в этом королевстве, пользуемся ими и поныне. Тогда нам пришлось учиться у человеческой расы, и это оказалось нам впрок. Но люди изобретали не только осветительные приборы и новые лекарства. Они создавали оружие. Их войны больше не велись при помощи мечей и стрел. Сначала появился пистолет, уже известного тебе типа. Затем он сделался многозарядным. Затем их пушки стали способны выпускать множество снарядов одновременно, и на многие мили. — Он сделал короткую паузу, помолчал, затем продолжил. — Первая из больших войн, случившаяся еще прежде Великой Тьмы, была хуже всех предыдущих войн мира — и хуже всех последующих, кроме одной. Вы уже не помните ее. В ту пору применялось оружие, называвшееся ядерным, а также были выпущены на волю искусственно созданные болезни. Война длилась несколько десятков лет, и к ее концу на планете от пятнадцати миллиардов жителей осталось едва ли три. Государства уничтожались, правительства теряли власть, многие народы оказались истреблены.

Тогда на Британских островах еще жили остатки гаэлов — малые, разрозненные племена. В Ирландии, где теперь стоит Малерион, в Эдинбурге, близ которого теперь Шоненгем. После войны эти народы решили объединиться, вернуть себе старое имя, скреплявшее их. Они обитали на окраинах островов, пока их сердце и столица, город Лондон, оказался уничтожен до самого своего основания. Как потом Тарнарих. Уже пять

тысяч лет история ходит по кругу.

Мы впервые вышли на свет тогда. Явились из своих холмов, перестали быть сказкой. Когда я говорю «мы» — я говорю и о Драконьих Лордах тоже, об Айтвернах и Крадхейках. О братьях и кузенах моего отца. Они помогали людям отстраивать разрушенный мир. Они сделали все, что могли, чтоб избыть последствия катастрофы. Поднять леса на месте пепелищ. Очистить изгаженный воздух. Вытравить отраву из вод. Смертные не остались в долгу. Смертные подарили нам свою технологию, а мы — преподали основы магии, почти до того незнакомой им. Из наших союза и согласия возник новый альянс. Ты слышал о нем — об Антрахте.

— Империя Света.

— Такое гордое название она взяла себе, и отчасти его заслужила. Империя Света контролировала все нынешние Срединные Земли, Венетию и большую часть Медоса, западного материка. В течении следующих шести столетий она достигла невероятного уровня процветания и развития. Естественные силы и сверхъестественные, объединенные вместе, могли творить чудеса. Пользуясь знаниями, оставшимися от драконов, люди даже достигли звездных миров — и могли бы закрепиться там. Эту главу древней истории вы уже помните — с нее начинаются самые старые из ваших хроник. Я был мальчишкой, когда все рухнуло. Державы смертных уже больше столетия находились в скрытом противоборстве, которое в итоге вылилось новой войной. Вы запомнили ее как Великую Тьму. Еще более страшное оружие, чем прежде, использовалось в ней. Тектонические бомбы, дробившие основания материков, и плазменные излучатели, что прямо с небес выжигали всякую жизнь на планете. Победителей в этой войне не нашлось. И Антрахт, и его противники оказались полностью уничтожены — а с ними рухнула цивилизация, что обещала не повторить ошибки своих предшественников и простоять вечно.

— Вы говорите о начале Великой Тьмы.

— Верно, я говорю о ней. Тебе снятся сны, Расскажи? Гибнущие города? Раскалывающаяся земная твердь? Они снятся мне, и снились моему сыну. Мир изменился тогда. Многие земли на юге и востоке оказались уничтожены. Воды раскинулись на месте прежних государств. В других местах море отступило — там, где искусственные разломы пробили океанское дно. Британские острова вновь соединились с материком, по линии прежнего континентального шельфа, и дальше на север, к нынешней Волшебной Стране, где мы сейчас находимся, и до самых вулканических и ледяных островов. Поднятый пепел закрыл небеса, на много лет лишил выживших солнечного света. Наступила долгая зима, и я помню, как неделю за неделей пепел падал с небес. Удары энергетических орудий, установленных в небесах над Землей, разрушили города и крепости — а зима доконала все уцелевшее. Пришел голод, а за ним и болезни. Человеческая раса вымирала, в хаосе и беззаконии. Народы распались на племена, а ошметки племен собирались в банды.

— И вы снова вмешались, верно? Фэйри остановили Великую Тьму. Это знают все.

— Вмешались, — взгляд Повелителя Бурь сделался каким-то пустым. — Мы жили в этом мире, и считали, что несем ответственность за него. Так вновь рассудил мой отец, и его братья поддержали его. Как и за шесть веков до того, мы протянули руку помощи смертным. Мы давали им еду и лекарства. Лечили их раны. Лечили раны самого искалеченного мира — той магией, что текла в наших жилах. Старались очистить небо и исцелить землю. Многие из лучших чародеев оказались тогда выжжены дотла. Некоторые — заплатили жизнью.

Мой отец был одним из первых лордов в Народе Дану. Драконий Владыка, он

пользовался властью не меньшей, чем сам тогдашний король. Эльф лишь по матери, дракон по отцу, происходя от тех, кто некогда сошел со звезд, он был более высокого происхождения, чем главы прочих Великих Домов. Отец принял решение, и Звездный Совет поддержал его.

Отец сказал — технологии опасны. Бесценно полезные в умелых руках, они губительны в распоряжении гордецов и глупцов. Ради власти правители человечества погубили собственные народы. Разве можно и впредь оставлять подобную силу людям? Мы взяли науку себе — приручили ее как дикого зверя. Людям же мы запрещали пользоваться ею. Забирали себе машины и книги. Мы хранили их в Каэр Сиди и в некоторых иных прежних цитаделях Антрахта, чудом переживших крушение Империи Света. Смертных осталось немного, и выжившие были столь разобщены и растеряны, что не смогли противиться нам. Ведь взамен мы подарили им пищу и кров. Принесли покой и мир.

Мы попытались воссоздать для людей тот порядок, что существовал прежде изобретения огнестрельного и других подобных ему видов оружия. Вернуть ту эпоху, когда человек еще умел ладить с Землей. Основать королевства, что были бы подобием старых — существовавших до начала павших империй. За два-три поколения после начала Великой Тьмы потомки уцелевшего населения Срединных Земель обратились в дикарей — и мы напоминали этим дикарям, кем были их предки раньше. Возвращали им имена, оставшиеся на страницах истории, и учили жить заново. Пытались стереть эпоху машин из их памяти. Нашлись вещи, однако, которых мы не предусмотрели.

— Я начинаю понимать, — сказал Гайвен негромко, — о каких вы вещах говорите. Вас все равно было слишком мало, верно? Вы не смогли держать в накинутах вами узде человечество. Ваш народ угасал, по мере того, как обитатели Срединных Земель поднимались из прежнего варварства и множились. В конечном счете, это вас загнали в угол и лишили всей той власти, что у вас до того была.

— Все верно. Прошло еще несколько столетий — и мы оказались в меньшинстве. Королевства, которые мы создали, обрели силу, и начали теснить нас. Чародеи, которых мы обучили магии в надежде на их поддержку, пожелали все же запустить вновь машины Древних. Я пытался противостоять этому — и потерпел поражение. Эйдан был мне сводным братом. Поздний ребенок, он родился, когда земля и небо вновь приняли положенный им облик, и не помнил Великую Тьму. У нас была одна мать и разные отцы — мой из второй линии драконьего рода, его — из третьей, младшей. Последняя попытка сохранить чистоту крови, уже разбавленной браками с сидами. Эйдан был идеалист и верил, что прежний мир можно вернуть. Он создал Конклав чародеев. Я потерпел поражение на войне и был изгнан сюда, в этот замок. Созданные нами запреты пали, люди освободились из-под нашей власти и снова пробудили силы, которые уже дважды оказались слишком опасны для них. Вы запомнили Войну Пламени как порождение худших своих кошмаров — но и она была не столь страшна, как войны, что велись задолго до нее. Конклав погубил себя раньше, чем смог бы натворить слишком много бед. Вы называете меня Темным Владыкой, — лицо древнего сида стало надменным, — но я никогда не приносил столько тьмы, сколько выпустили в этот мир люди. И сколько еще могут выпустить вновь.

— Вы боитесь машин, — Гайвен шевельнулся в своем кресле, — однако все равно их используете, как я понял.

— Мы осторожны в этом. Чего нельзя сказать о других.

Гайвен посмотрел на своего собеседника в упор. Тот казался искренним, да и сказанное

им ни в малой степени не противоречило историческим книгам, которые молодой Ретвальд прежде читал. Ему в самом деле было известно о Великой Тьме, когда правители прежних империй едва не истребили человеческий род в своей схватке за власть. Именно в те годы фэйри уберегли человечество от неминуемого вымирания, заложив фундаменты нового мира. В ответ люди изгнали бывших союзников и спасителей на далекие северные окраины континента, за край Каскадных гор, и завладели их прежними вотчинами.

«Мы привыкли считать Шэграла Крадхейка чудовищем и воплощением зла, пугать детей теми прозвищами, что ему сочинили — однако разве его положение так уж отличается от моего собственного? Разве он не прав, говоря, что история о Повелителе Бурь правдива не больше, чем история о Короле-Чародее? Возможно, он враг Иберленского королевства, но враг ли он мне?»

Несмотря на свои мысли, Гайвен постарался сохранить привычную холодность. Как бы не располагал к себе его странный собеседник, молодой король уже привык хранить печать равнодушия на лице. Прародитель династии Ретвальдов сказал юноше, что в своем замке тот находится дома — однако и Тимлейнская крепость тоже оставалась для Гайвена домом. Дом — не то место, где можно позволить себе откровенность и слабость.

— Я хочу знать, — сказал молодой Ретвальд, — зачем вы спасли меня.

— Той причины, что ты кровь от моей крови, недостаточно?

На мгновение правая ладонь Гайвена едва не сжалась в кулак.

«Как я хотел бы, чтоб этого оказалось достаточно. Чтобы отец любил меня, а мать — уважала. Чтобы друзья и союзники не наносили удара в спину, чтобы существовали какие-то еще основания для самоотверженных действий, помимо личной выгоды и личных интересов. Вот только так никогда не бывает. Будь ты аристократ иберленского двора или чародей из бездны былой эпохи, тобой всегда движет что-то еще. И как бы красиво ты не говорил со мной, дед — прошли те дни, когда во мне оставалась хотя бы доля доверчивости».

— Боюсь, я не могу полагаться на ваши слова, сударь. Вы обратились ко мне. Вы меня нашли. Вы приложили силы, чтоб доставить меня сюда, и я не верю, что это оказалось легко даже для вас. Так назовите, пожалуйста, ваш мотив.

Повелитель Бурь поднялся. Он оказался довольно высокого роста — выше, чем Артур или Гледерик, и шире в плечах. Даже несмотря на свободную рубашку, было видно, какие сильные у него руки. Предводитель темных фэйри протянул Гайвену Ретвальду раскрытую ладонь — мозолистую, загрубевшую, без линий жизни и судьбы на ней.

— Ты кровь моей крови, — повторил он. — Я помнил Бердарета, когда тот уходил. Изможденный, стареющий, почти тронутый дряхлостью. Я не стал удерживать его в Керлиндаре, ибо Керлиндар сделался для него тюрьмой. Он ушел в страну, из которой некогда был изгнан я, в страну, где жили мои отец и дед, и прадед. Альбион, Придейн, Англия, Британия, Оловянные острова, Иберлен. Как ни назвать этот край, он — изначально наш. Прежде норманнов и данов, прежде римлян и кельтов, прежде пиктов и саксов он принадлежал Дану, пока предки человечества оставались всего лишь дикарями на далеком и жарком юге. Мой сын вернулся домой и надел там корону — а теперь его потомок оказался один в окружении предателей и лицемеров. Как я мог не спасти тебя, мальчик? Я обратил сталь и огонь против человечества десять столетий назад, но ты — не человек. Ты один из нас. Ты черный дракон из старшей ветви Крылатых Владык, ты высокий фэйри Сумерек, ты лорд Неблагого двора.

Тот, кто назвал себя Гайвену дедом, в самом деле казался искренним.

И сказанному им до безумия хотелось верить.

«Однажды вы станете королем, мой сын, и не допустите ошибки, которую делает ваш отец, — сказала однажды Гайвену его мать, пресветлая королева Лицеретта-Августина, владычица Иберлена. — Вашего отца тесным кольцом обступили негодяи и льстецы, использующие его ради удовлетворения собственных низменных целей. Желая заручиться его поддержкой, дабы добиться влияния и власти, они говорят немало речей, что кажутся ему красивыми и искренними. Однажды они придут с этими речами и к вам, когда вы займете Серебряный Трон. Не будьте глупы. Не доверяйте патоке, которой вас попытаются накормить. Воспользуйтесь возможностями этих людей — а потом сами управляйте ими, как фигурами на шахматной доске».

Гайвен Ретвальд смотрел на Шэграла Крадхейка, и не видел в нем легендарного проклятого повелителя тьмы. Он видел еще одного могущественного вельможу, движимого интересами, которых он сам пока не мог понять — но которые несомненно были.

«Могу ли я сделать фигурой на своей шахматной доске существо, которое старше меня в десятки раз? Колдуна, что могущественней меня стократ? Тварь, при одном упоминании которой дети дрожат в своих постелях от закатных морей до восходных? Я не знаю, но попытаться должен. Возможно, наши интересы совпадают хотя бы отчасти — а ничьей другой помощью, кроме него, заручиться я не смогу. Меня считали чернокнижником — что же, будем считать, я призвал на подмогу дьявола».

— Вы упомянули, — сказал Гайвен, — что наш с вами дом находится на самом деле не здесь. Он на юге, в королевстве с десятком имен. Это верно. Я благодарен вашему гостеприимству, лорд Шэграл, но не намерен пренебрегать им слишком долго. Мой замок — Тимлейнская крепость. Кресло, в котором мне положено сидеть, сделано из чистого серебра. Мои враги изгнали меня с юга, как изгнали когда-то вас. Однако я намерен вернуться. Если понадобится, один, без друзей, без армии, без слуг — и без родичей. Я не прошу вас сопровождать меня. Если понадобится, я добуду себе власть сам, как сделал это когда-то ваш сын. Прошу лишь, чтоб вы указали мне дорогу. От ваших дверей — и до моего дома.

— Тебе не придется возвращаться одному, — сказал Повелитель Бурь очень тихо. — Мой сын покинул Керлиндар немногим больше столетия назад, но твоего появления, Король-Чародей, я ждал десять веков. Тебя — или кого-то подобного тебе. Мы вернемся в страну, которую у нас двоих отняли, и снова сделаем ее своей. Ты и я — а вместе с нами и весь Волшебный Народ.

4 сентября 4948 года

Сегодня в Тимлейнской ратуше собрался весь высший свет иберленской столицы. Пришли почти все аристократы, кто был в городе, с женами, сыновьями и дочерьми, с вассалами и приближенными слугами. В первых рядах стояли наследники погибшего Джеральда Коллинса, Брендон и Джером; министр Таламор с дочерью Амелией; Повелители Юга Виктор Гальс со свитой; Стивен Тресвальд со всеми своими родственниками; владельцы малых домов с Севера, связанные ленной присягой с Шоненгемом; и прочие, и прочие. Явилось все дворянство, от владетельных пэров до последнего эсквайра, кого только удалось собрать, ибо с самих семи утра глашатаи и посыльные ходили по Тимлейну, выкликая нобилитет Иберлена явиться в ратушу в к одиннадцати часам.

Присутствовали Эдвард Фэринтайн с Кэран Кэйвен, сопровождаемые капитанами Кэбри и Своном — а вот Клиффа Гарландского не было, и никто не сумел его разыскать. Донесения стражников сводились к тому, что гарландский король с кавалькадой своих рыцарей проехал минувшим вечером через Южные ворота и не возвращался с тех пор.

Прибыл зато архиепископ Райгернский Роджер Кемп в окружении палаты епископов и палаты клира, все в роскошных одеяниях, расшитых золотом и украшенных драгоценными камнями. Формально подчиненная Святому Престолу Либуерна, контролировавшему почти все духовенство Срединных Земель, иберленская церковь несколько столетий уже не вмешивалась в политику, в случае династической смуты поддерживая наиболее влиятельного кандидата на корону — как поддержала уже незадолго до этого Гледерика Кардана. По заверению Роальда Рейсворта, остался архиепископ безвмолен и в этот раз.

Встал, рядом с лордами и духовенством, городской магистрат в полном составе — нынешний лорд-мэр Хьюстон и его олдермены, что представляли гильдии ювелиров и суконщиков, бакалейщиков и меховщиков, галантерейщиков и виноделов, а также говорили за весь прочий мастеровой и ремесленный люд.

Пришли купцы, владельцы кораблей и торговых компаний, чьи суда ходили в Астарию и на Полуденное море, в Ильмерград и Арэйну; привозили оттуда пряности и шелка, соболиные меха и экзотические фрукты — расплачиваясь за то железом с рудников Каскадных гор и солью с верховий Нейры, а также полновесным иберленским фунтом, принимаемым во всех портах от Тарагона до самой Райгады.

Большой Зал оказался весь заполнен людьми, и еще больше их было на Фонтанной площади перед ратушей — где столпились простые горожане, ремесленники и мастеровые с мануфактур, коробейники и слуги из господских домов, а также прочие зеваки и даже нищие, привлеченные слухом о возможной раздаче двором подарков. Плотная шеренга гвардейцев, вооруженных алебардами и протазанами, отделяла простолюдинов от дворян и купечества. Этим утром королевскую гвардию переодели с черно-белых цветов Ретвальдов на зелень и золото Айтвернов, и это сразу вызвало волну слухов. На покатых крышах окружавших площадь домов собрались, свесив ноги, мальчишки.

Айна, стоящая на возвышении подле тронного места, еще раз оглядела публику, нервно перехватила левое запястье правой ладонью. Выспаться новоиспеченной королеве этим

утром так и не получилось. Несколько тревожных часов на рассвете она провалилась в муторной дреме, проснулась с головной болью, противной сухостью во рту и режущим сердце страхом.

Рядом находился Лейвис, и выглядел он не лучше. Его лицо казалось изможденным и бледным — и вряд ли дело здесь было в одной только ночной выпивке. Держаться сын графа Рейсворта, тем не менее, старался достойно. Рука лежит на золоченом эфесе шпаги, подбородок — приподнят, губы и брови сведены. Лейвис вызвался быть личным сопровождающим королевы на сегодняшней церемонии и не отходил от нее ни на шаг. К своему удивлению, Айна была даже немного благодарна ему. После вчерашнего дня кузен почему-то перестал раздражать. Она не знала, надолго ли это.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Когда куранты на Башне Ветра пробили одиннадцатый час до полудня, церемониймейстер Брэдли взмахнул рукой, и заиграли трубы, призывая переговаривавшихся зрителей к молчанию. Эдвард Эрдер, облаченный в фамильный черный плащ с гербовым серебряным грифоном, выступил вперед, приветственно взмахнул рукой. На зал упала тишина.

— Высокие лорды и леди, и весь добрый народ Тимлейна! — сказал он зычно. Айна знала, что стоящие сейчас на Фонтанной площади герольды передают слова заготовленной шоненгемским герцогом речи горожанам. — Колдун и чернокнижник Гайвен Ретвальд, захвативший Серебряный Трон после убийства короля Гледерика, низвергнут и бежал из страны. Сторонников у него не осталось. Как новый первый министр Коронного совета, объявляю, что сторонник узурпатора и цареубийца, Артур, сын покойного верховного констебля Раймонда, также лишается в нашем государстве всех почестей и титулов, и объявлен вне закона. Однако совершенная им измена не распространяется на высокий дом Айтвернов, родственными узами связанный с прежней королевской династией. По закону и по справедливости, Драконьи Владыки наследуют Серебряный Трон и корону Иберлена, а также герцогство Райгерн и графство Илендвальд. Как старшая в их линии крови, леди Айна Элизабет Айтверн, единогласным решением Коронного совета и с одобрения пэров королевства, становится с сего дня нашей новой королевой, как герцогиня Малерион, герцогиня Райгерн, графиня Илендвальд, Повелительница Запада, Защитница Государства и Щит Отечества. Ваше величество, я прошу вас обратиться к народу.

Подталкиваемая в спину стоявшим сзади графом Рейсвортом, Айна сделала два шага навстречу толпе. С утра девушка пыталась разучивать составленную дядей официальную речь, однако слова ее, выпретенные и напыщенные, вызывали у нее лишь отторжение. Айна оглядела Большой Зал. Множество людей, богатых и знатных, влиятельных, весь цвет королевства, титулованные особы и денежные мешки — и все ждут, что она скажет. «От моих слов сейчас зависит, кем я запомнусь им. Испуганным ребенком, которого засунул на трон совершивший переворот родственник — или кем-то, с кем нужно считаться».

— Господа, — сказала Айна негромко и осеклась — от волнения перехватило горло. По толпе прокатился ропот — недоуменный, на грани насмешки. — Господа, — повторила девушка громче. Роальд Рейсворт недовольно кашлянул за спиной, Лейвис неожиданно мягко коснулся локтя. — Я не хочу врать вам! — сказала Айна неожиданно для себя резко. — Я знаю, кого вы видите перед собой. Девуцу юных лет, посаженную на трон за отсутствием иных претендентов. Вы знаете, я юна и ничем не проявила себя. Я не мой отец, которому вы двадцать лет подчинялись, и я не Гледерик Кардан, которому еще недавно вы

все поклялись в верности. Я могу пообещать, что буду править вами мудро, но откуда у меня возьмется мудрость? — Айна вновь замолчала. Ее взгляд остановился вдруг на лорде-мэре. Генри Хьюстон, выходец из джентри графства Гальс, никогда не лез в политику, чурался дворцовых интриг — однако жилось Тимлейну при нем хорошо. Это он распорядился установить на центральных улицах города керосиновые фонари взамен дававших слишком мало света и нещадно чадивших масляных, и следил за исправной работой водопровода. Поймав взгляд юной королевы, сэр Генри внезапно одобрительно ей кивнул — и чувствуя его поддержку, Айна продолжила. — Я не политик и не солдат. Однако я люблю эту страну, и не сделаю ей ничего дурного. Предателей я покараю, а достойных людей — награжу по справедливости. Я не понимаю многого в делах управления, но понимаете вы. Я спрошу у вас, когда будет надо, и не отмахнусь от ваших советов. Я ищу справедливости — не мести, порядка — не смуты, примирения — не войны. Многие из вас недавно еще дрались друг против друга на Горелых Холмах, но общее дело объединило нас. Это был плохой год для Иберлена. Много достойных людей сложили головы, кости отважных рыцарей обглоданы воронами, последний из Карданов лежит в могиле. Четыре великих дома из шести потеряли сеньоров. Но хотя пали они, остались мы. Мы справимся за них, ибо кроме нас, никому. Теперь мы — эта страна. Не дадим ей погибнуть.

— Хорошо сказано! — воскликнул герцог Эрдер, стоило Айне замолчать. — Господа, вы слышали нашего нового сюзерена? Осталось претворить сказанные им слова в жизнь, чем теперь и займемся. Святая правда, вы знаете — мой покойный отец недавно поднял меч против Айтвернов и до последнего вздоха сражался с ними, а теперь я вручаю Айтверну меч и клянусь в верности, — он в самом деле обнажил клинок. — Милорды, коронация ее величества еще не назначена, но присягу леди Айне мы принесем сейчас и здесь. Я сделаю это первым. — Эдвард Эрдер развернулся к дочери лорда Раймонда, поднимая клинок острием вверх. — Долгих лет королеве Иберлена, и да будет ее царствование счастливым! Славься, Айна Первая из дома Драконьих Владык!

В тот же миг Лейвис Рейсворт вырвал шпагу из ножен и заорал:

— Слава Айне Айтверн! Слава моей королеве!

Словно по команде, все прочие господа в зале стали обнажать оружие и вразнобой, кто во что горазд, кричать приветствия и здравицы. Кто-то кланялся, кто-то преклонял колено. Нестройный гул эхом бился от высокого потолка, вылетал в окна — и смешивался с грянувшим с площади ревом, ибо видно герольды там дочитали наконец положенное им воззвание. Айна стояла немного растерянная, наблюдая за форменным светопредставлением, творящимся в зале. Отстраненно девушка подумала, что ее рожденная импровизацией речь и впрямь наверно оказалась неплохой, раз вызвала такое сильное воодушевление у публики. Однако сама Айна никакого восторга не испытывала. Напротив, ей вдруг сделалось от себя противно. «Я стою здесь и принимаю корону, как глава дома Драконьих Владык — а где находится в этот момент настоящий Драконий Владыка? Дядя сказал, что выслал к лагерю Тарвела войска. Там ли сейчас Артур? Что сделает он, когда увидит полки мятежников? Мои полки. Будет ли он сражаться? Конечно, будет. Я произношу слова о мире — но начинаю войну».

Айна сама не понимала теперь, как влезла в это все. Только что она пила вино в особняке Рейсвортов, выслушивала изменнические планы сэра Роальда и думала, как предупредить о них брата — и вот сама оказалась во главе переворота. «Что толкнуло меня на этот путь? Дурное настроение? Гордыня? Пара неласковых слов Артура, сказанных в

неподходящий момент? И вот мы уже стоим во главе армий, что скоро, возможно, сойдутся в битве». Девушке стало страшно, захотелось немедленно бежать из зала — но в шаг от нее стоял Роальд Рейсворт, и путей для отступления не осталось.

— Совсем не рада, да? — шепнул ей Лейвис с иронией и сочувствием сразу.

— Сам видишь, — также шепотом ответила Айна.

Нестройный гомон затягивался, и молодой королеве подумалось, что пора бы как-нибудь его прервать — как он и без того в самом деле оказался прерван. Откуда-то сверху вспыхнул слепящий свет, раздался оглушающий, раздирающий слух грохот — а затем своды Большого Зала Тимлейнской ратуши проломились и потолок начал падать толпе на головы.

* * *

Эдвард Фэринтайн скучал. Он и пришел на церемонию объявления новой иберленской королевы лишь приличия ради, чтоб соблюсти дипломатический протокол. С тех пор, как кузен покойного Хендрика Грейдана принял корону Эринланда, ему много раз приходилось участвовать в ни к чему не обязывающих монотонных церемониях, лишенных всякого практического смысла, и эта была лишь одной из тысячи. С куда большим удовольствием Эдвард бы сейчас выпался после минувшей долгой ночи — но не свезло. В компании жены и двоих капитанов он стоял в первом ряду благородного собрания, в половину уха выслушивал претенциозные воззвания местных высокопоставленных особ, глядел то на свои сапоги, то в окно.

Дочка Раймонда Айтверна мучалась, кажется, похмельем и испугом одновременно — но ее выступление придворным понравилось, а может, они просто ждали повода покричать. Юная Айна сейчас ужасно напомнила Эдварду кузена Хендрика, каким тот был в момент своих коронационных торжеств. Тоже орал что-то дурным голосом про честь предков, верность родине, победу над врагами. «Все неудачные правления начинаются одинаково — с красивых слов и высокопарных жестов». Фэринтайн не особенно сочувствовал несчастной барышне — ведь та сама оказалась достаточно глупа, чтоб позволить Эрдеру и Рейсворту себя окрутить. Тем не менее, Айна Айтверн была чародейкой, а значит, заслуживала внимательного отношения.

Чужое присутствие Эдвард ощутил не сразу. Возможно, не будь Фэринтайн столь рассеян, он бы заметил, как изменилось ментальное поле, как промелькнул в нем чей-то сильный и четкий след. Однако сейчас король Эринланда невидящим взором скользил по кричащей толпе, отстукивая пальцами на рукоятке собственного меча военный марш, и оказался совсем не готов к тому, что случилось дальше.

Когда грянул взрыв, Кэран среагировала первой. С малых лет обучавшаяся магии, она действовала рефлексивно. Подавив непрошенный вскрик, чародейка в защитном жесте вскинула руки — и белое сияние охватило их. Еще не прошла звуковая волна от сдетонировавшей бомбы, еще валились на головы иберленским нобилям обломки стропил и балок, а Кэран уже обратилась к силе, формируя защитный экран. Падение осколков замедлилось — они останавливались, увязая в воздухе, что сделался внезапно плотным и способным их удержать. Остатки потолка зависли в пустоте, даже мелкая каменная крошка не коснулась пола.

Ликование вокруг переходило в ужас, крики восторга сменились воплями страха. Кто-то

падал ниц и закрывал голову руками, кто-то рвался к окнам. У выводящих на площадь дверей уже образовалась давка. В два прыжка Эдвард Фэринтайн взлетел на помост, схватил за плечи тезку, Эдварда Эрдера, разворачивая лицом к себе.

— Командуйте парадом, — приказал король. — Выводите отсюда людей, живо!

Олухом правитель Севера явно не был, и растерянности не проявил. Отрывисто кивнув, герцог Шоненгема ринулся вниз с помоста — успокаивать паникующих придворных и отдавать приказы солдатам, чтоб те расчистили столпотворение у единственного выхода из ратуши и не дали толпе никого затоптать.

Эдвард развернулся, взглядывась в лицо жены. Кэран стоял, закатив глаза, все также не опуская рук, и даже не шевелилась. Фэринтайн знал, все силы волшебницы сейчас уходят на то, чтоб удерживать остатки потолочных перекрытий, не дать им все же обрушиться на собравшихся, пока те не покинут здание. Кэран нужно было продержаться еще хотя бы десять минут — но Эдвард не был уверен, хватит ли у нее сил.

Король Эринланда потянул к себе за рукав Лейвиса Рейсворта — тот, казалось, впал в ступор и потерянно топтался на месте, глядя на образовавшуюся в сводах Большого Зала дыру.

— Эй, ты. Очнись, — приказал Эдвард. Побочный Айтверн вздрогнул, понемногу приходя в себя. — Ты хотел быть чародеем, — продолжал Фэринтайн, — сейчас как раз нужна твоя помощь. Моя жена одна не справится, ты должен ее поддержать. Поделиться с ней своей силой.

— Я ничего не умею, — сказал Лейвис растерянно.

— Наплевать. Просто подойди к ней и положи руки на плечи. Она будет пить твою энергию сама, как только почувствует тебя рядом. Только смотри, держись на ногах крепко. Не упади в обморок.

Оставив Лейвиса, Эдвард, расталкивая на пути дворян и гвардейцев, ринулся в направлении, противоположном выбранному ими — к боковой лестнице, ведущей на верхний этаж. У него оставалось еще одно дело — найти незваного гостя, пока тот не ушел. В момент, когда рухнули своды Большого Зала, Фэринтайн не почувствовал никакого сплетения энергетических потоков, никакого создания заклятья — а значит, враг не применял магию. Видимо, чтоб не быть обнаруженным раньше срока, зная о двух обученных чародеях, находившихся внизу. Значит, тот, кто обрушил потолок, использовал для этого одно из старых взрывных устройств. Не затащил же он в ратушу громоздкую современную пушку, в самом деле. Такую тайком не пронесешь, и без тросов и лебедки не поднимешь. Нет, для такого дела требуется оружие Древних — а в этом мире оно мало у кого осталось.

Разве что у родственников. Тех, что из-за Каскадных гор.

Гость ждал Фэринтайна посреди главного зала второго этажа ратуши, стоя спиной к устроенному им пролому. Мужчина в облегчающей черной одежде и высоких кожаных сапогах, с разметанными по плечам седыми волосами. Лицо почти старое, морщинистое — но сам с виду подвижный, жилистый, ловкий. Едва увидев его, Фэринтайн выхватил из напоясной кобуры пистолет, который предусмотрительно держал заряженным. Выстрелил. Грянула отдача, взвился пороховой дым.

С нечеловеческой скоростью нелюдь в черном отклонился с траектории выстрела — превратившись при этом в сплошное смазанное пятно. Эдвард выбросил вперед сжатый кулак, сформировал телекинетический удар. Гость вскинул руку, на которой сверкнул металлический браслет — и принял на него направленную Фэринтайном энергию, погасив

ее. Все понятно. Прибор портативной защиты — чуть попроще, чем тот, который мальчишка по имени Дэрри Брейсвер когда-то нашел в восточных лесах. Фэйри взяли что могли от наследия Империи Света. В этом чудилась своеобразная ирония — дети магии и чистой силы, они охотно пользовались изделиями из холодного железа, придуманными простыми смертными в незапамятные годы.

Эдвард сожалел, что разбираясь в древних технологиях, сам не имеет сейчас под рукой никакого рабочего их образца. Импульсный разрядник сработал бы тут куда лучше современной неуклюжей пистолети. Может, и пробил бы вражеский щит.

Эдвард Фэринтайн обнажил меч.

— Я здесь не для дуэли, — сказал седовласый с насмешкой, но сам оружие тоже достал. Легкий, длинный, слегка изогнутый меч. Похож на обычную кавалерийскую саблю, но сделан, по виду, из сплава настолько хорошего, что режет металл как бумагу. Или столь же легко рассекает чужие клинки.

Впрочем, и фамильный меч Владык Холмов, выкованный три тысячи лет назад, был не хуже. Не вступая в разговор, Фэринтайн прыгнул на врага. Еще в полете занес меч в выпаде, обрушил. Темный фэйри принял удар на чашечку своей сабли, изогнул руку, молниеносно ранил Фэринтайна в колено. Эдвард пошатнулся, отступил, принял защитную стойку.

— Ты знаешь, — сказал Фэринтайн, — что я сделаю, если решишь меня убить.

Фэйри посмотрел на него едва ли не с презрением:

— *Знаю, тварь,* — он говорил не на гаэльском... не на нынешнем языке, что два тысячелетия назад назывался, если верить хранившимся в Каэр Сиди книгам и собственной памяти крови, ирландским диалектом английского, в противовес давно забытому подлинному гаэльскому прошлому. На Высоком Наречии фэйри, которое некогда пользовалось модой и при иберленском дворе. На наречии, чьи мелодичные, певучие звуки бились о вересковья Шотландии и белые скалы Кента прежде, чем люди впервые явились сюда. — *Мне не приказывали тебя убивать.*

Он, тем не менее, сделал один танцующий шаг вперед — и направил острие сабли Фэринтайну в лицо. Эдвард знал, что если враг пожелает, с легкостью пробьет его оборону, как если бы ту выставил неумелый новичок. Ты можешь считаться лучшим рыцарем континента, но как фехтовальщик все равно ничего не стоишь против существа, чей возраст не меньше, чем пять сотен лет.

— А что именно тебе приказали? — спросил Эдвард. Нога чуть заметно пульсировала, штанина окрасилась алым. Не опасная рана — но подвижность серьезно ограничит, по крайней мере на две недели вперед. — Зачем нападать на иберленцев? Вы поддерживаете Гайвена, раз спасли его тогда и атакуете теперь. Почему он выгоден вам? Хотите использовать его?

Фэйри крутанул кистью. Отбил клинок Фэринтайна, сделал выпад, оперевшись острием сабли эринландцу в горло.

— *Говорить с тобой мне тоже не приказывали.*

— Так молчи, — резко выдохнул Фэринтайн и ударил магией во второй раз. На сей раз его противника все же сбilo с ног, протащило по полу два десятка футов. Эдвард наступил сапогом на оброненную врагом саблю, отбросил ее прочь. Хромая, сделал два шага к седовласому сиду, заноса меч. Тот уже вскочил, отступая. Эдвард знал, что даже обезоруженное, это существо остается слишком опасным для него.

Воздух за спиной эльфа изменился. Потек, будто расплавился, как металл, который

плавят в огне. Разошелся в стороны, открывая за собой пустоту. Когда телепортационная машина, найденная некогда Эдвардом в подземельях Вращающегося Замка, открывала двери в пространстве, она давала тот же эффект. Только сейчас портал явно открывали с другой стороны — чтобы дать посланцу сидов путь к отступлению. Эринландец ускорил шаг. Впрочем, он знал, что не успеет нагнать нападавшего, прежде чем тот скроется в портале.

— *Именем Дома Единорога!* — крикнул Эдвард Фэринтайн на том же языке, на котором говорил его враг. — *Я Владыка Холмов, я выше кровью тебя, я бросаю тебе вызов на поединок. Не примешь его — навеки уронишь честь своего имени, младший.*

Уже готовый шагнуть в засиявший радужным светом открывший в пространстве пролом, темный фэйри вдруг остановился. Замер будто в нерешительности, оценивающе глядя на Эдварда. Выпростал вперед руку — и валявшаяся на светлом паркете сабля сама прыгнула ему в ладонь.

— *Я принимаю твой вызов,* — сказал сид. — *Но время для боя выберу сам.*

Существо развернулось, показывая Эдварду спину — и скрылось в портале. Пространственная дверь тут же закрылась, ее мерцающий свет померк. Фэринтайн остановился посередине комнаты, тяжело дыша. Откуда-то снизу доносились крики придворных, но все дальше и тише. Видимо, Эрдер все же успешно справился с эвакуацией. Аура Кэран стремительно отдалялась, пока не стала почти неощутимой. Как понял Эдвард, жена отступала к выходу на площадь последней, продолжая удерживать в воздухе стропила балки. Наконец все голоса, кроме тех, что доносились с улицы, смолкли, и тогда раздался долгожданный грохот. Больше не останавливаемые никакой магией, обломки потолка рухнули вниз.

Лорд Вращающегося Замка долго, заковыристо выругался, отводя душу.

— Долгих лет Айне Первой, — сказал он затем, и вложил меч в ножны.

* * *

На Фонтанной площади творилось настоящее безумие. Люди кричали, толклись, бесновались. Гвардейцы, как могли, пытались сдержать их панику — но было видно, им самим вот-вот может изменить выдержка. Окружающие, охваченные страхом, ждали как минимум огненного града с небес. Рейсворт и Эрдер, раздававшие направо и налево приказы, все же пытались снова взять ситуацию под контроль — и кажется, понемногу им это получалось. Во всяком случае, удар, нанесенный по ратуше, оказался единственным, и второго, вопреки всеобщему ожиданию, не последовало. Заметив это, зеваки постепенно начали приходить в себя.

Кэран Кэйвен покинула ратушу последней. Холодная и властная, королева Эринланда спустилась с привратных ступеней на брусчатку площади с неторопливым изяществом, немигающим взглядом оглядела толпу. Сопровождавший ее под локоть Лейвис Рейсворт выглядел значительно хуже. Глаза глубоко запали, по вискам катит пот, все тело трясет мелкая дрожь. Поглядев на него, Айна на мгновение испытала жалость — а потом одернула себя.

Сама юная королева, молча стоявшая подле Роальда Рейсворта, как никогда ощущала свою бесполезность в эту минуту. Даже Лейвис смог что-то сделать, поддерживая каким-то чародейским образом Кэран, а она — нет. Тем не менее, Айна не позволила тоске и

отчаянию прорваться наружу. Поприветствовала королеву Эринланда коротким кивком, как равная равную, вновь развернулась к дяде, наблюдая, как тот отдает распоряжения солдатам. Нужно было наблюдать за старшими и учиться, ведь однажды, возможно, принимать решения в минуту опасности придется ей самой. Всеобщая паника понемногу рассеивалась.

Прошло какое-то время, прежде чем из дверей ратуши вышел, подняв за собой облако пыли, Эдвард Фэринтайн. Щегольский белый плащ его был весь в грязи, левая сторона брюк порвана, позади тянулся легкий кровавый след. Тем не менее, король Эринланда шел уверенно, не сбиваясь с шага. Подойдя к собравшимся, он поклонился иберленским лордам, поцеловал руку супруге.

— С кем ты дрался? — спросила Кэран.

— С нашим первым предположением, — ответил Эдвард загадочно. — Второе оказалось ошибочно. — Он посмотрел на Айну. — Позвольте поздравить, ваше величество, с началом вашего царствования, — сказал лорд Вращающегося Замка с издевкой. — Осмелюсь предположить, оно окажется знаменательным. Достойным занесения в исторические хроники.

— Почему вы так считаете, сударь? — спросила Айна, едва подавив дрожь в голосе. «Это Гайвен. Он все же вернулся. И вернулся на следующий день. Как мы могли подумать, что сможем его одолеть? Он убил Эрдера, убил Коллинса, а теперь убьет и нас всех».

Фэринтайн сменил Айну Айтверн внимательным взглядом:

— Понимаете, юная леди, — сказал он неожиданно серьезно, — я всегда считал, что величие короля измеряется по величию дел, что ему предстоит решить. Так, например, если речь идет о войне, а только что действительно началась война, в хроники попадет то правление, в котором государству противостоял действительно могучий враг. Смею заверить, врага, более грозного, чем нынешний, Иберленское королевство не знало с момента своего основания.

Сэр Эдвард оглядел притихших Айну и Лейвиса, герцога Эрдера и графа Рейсворта.

— Простите, господа, — сказал он. — Разбирайтесь тут сейчас сами, ваша страна, ваш народ, ваши заботы. О магии и всем прочем, леди Айна и лорд Лейвис, давайте поговорим не сегодня, а завтра, с утра. Сегодня я ужасно хочу спать.

Шэграл Крадхейк взмахнул рукой — и объемное изображение охваченной всеобщей суматохой Фонтанной площади Иберлена погасло, растаяло в воздухе без следа. Повелитель Бурь отпил воды из хрустального бокала, откинулся в кресло, посмотрел на сидящего напротив Гайвена. Они были все в той же библиотеке, и прошел примерно час.

— Ваш человек уже был в Тимлейне, когда мы начали говорить, — сказал Гайвен. — Вы начали действовать прежде, чем я попросил вас о помощи.

— Разумеется. Я знал, что ты попросишь.

Король-Чародей с силой сжал кулаки. Ощущение того, что он сделался пешкой в чужой игре, усилилось. Противное, неприятное, мерзкое ощущение. «Я захотел играть своим, если можно его так назвать, дедом — но не вышло ли так, что уже он играет мной?» Молодой Ретвальд чувствовал тревогу, и она все возрастала. Формально, устроенная слугой Шэграла выходка не означала ничего дурного. В свете планов Гайвена она даже была полезна. И все же, юноше казалось, он все глубже увязает в болоте, из которого потом выбраться потом не сумеет.

— Объясните, пожалуйста, смысл этой эскапады, милостивый государь.

— Ты и сам прекрасно все понимаешь. Любой войне предшествует формальное ее объявление. Отзыв послов, разрыв дипломатических отношений, затем — первый удар. Послов отозвали твои противники, совершив нападение на тебя и поставив свою ставленницу на иберленский трон. Но подлинный первый удар нанесли сейчас мы. Они напуганы — и скоро будут напуганы еще больше. Враг, ожидающий атаки в любой момент, с любой стороны, враг, не знающий, как от этой внезапной атаки защититься — это уже лишь половина врага. Только что мы деморализовали наших противников.

— Предположим, — сказал Гайвен. — И все же вы могли спросить мое мнение, сударь.

— Прости меня, — Шэграл Крадхейк улыбнулся.

Молодой Ретвальд вздохнул, потянулся за уже неизвестно какой по счету апельсиновой долькой, разгрызая зубами терпкую мякоть. Голод в желудке становился все навязчивей, и юноша понял, что не отказался бы уже от действительно плотной еды. Например, от тарелки горячего супа и чего-нибудь мясного.

— Кроме того, — продолжал Повелитель Бурь, — у моей, как ты выразился, эскапады был и еще один смысл. Тебе нужна армия, потомок, а у меня под началом — едва ли два десятка воинов. Все почти столь же надежны и умелы, как лорд Дэлен — но с таким количеством бойцов ты Тимлейн не завоюешь. Нам нужно собрать весь Волшебный Народ, а мне это сделать было бы накладно. Я не правлю в этой стране, Гайвен, и никогда не правил. Имел прежде определенный вес, но не более того. Королевством Сумерек распоряжается Сумеречный Король и стоящий за его спиной Благой двор, а я — лишь опальный аристократ, и в Керлиндаре нахожусь в сущности под негласным арестом. После того, как я потерпел поражение в войне с братом, ко мне мало прислушиваются здесь. Великие Дома не соберутся на мой призыв.

— И вы решили создать повод, — предположил Гайвен. — Выкинуть нечто... значительное, чтобы дворянство этого королевства собралось само.

— Верно. Например, для суда надо мной. А он состоится, можешь не сомневаться, в ближайшие сроки. Король прощает мне мелкие проступки, но нападения на земли людей не простит. В столице уже знают о совершенном мною, не могут не знать. Это позволит нам проникнуть туда — под присланным же по нашу душу конвоем. Я думаю, Сумеречный Король уже вызвал Стражей Грани, и они будут здесь с минуты на минуту.

Темный Владыка закрыл глаза, будто прислушиваясь к чему-то. Удовлетворенно улыбнулся. Он казался довольным — как купец, только что заключивший лучшую сделку в своей жизни. Вновь Гайвен ощутил тревогу. «Он сказал, что ждал меня — и похоже, что действительно ждал. У него все продумано, и, похоже, место мне в этой партии он знает лучше, чем я сам».

Двери библиотеки распахнулись мягко, будто от незримого толчка. В освещенную ярким светом электрических ламп комнату вошли четверо — все статные воины, как на подбор. Сверкающие, будто из золота сделанные доспехи облегали их тела. Закованные в латные перчатки ладони лежали на рукоятках длинных мечей.

У одного из явившихся были черные волосы и алые, как свежепролитая кровь, глаза без белка, второй был светловолос и лиловоглаз, и сквозь солнечную шевелюру его пробивались короткие рожки. Была с ними также огненно-рыжая девушка и еще один, узкоглазый юноша с лицом белым, как фарфоровая маска.

— Здравствуй, Брелах, — сказал Повелитель Бурь темноволосому сиду, что шел чуть впереди остальных. — Разделишь со мной трапезу?

— Не думаю, Шэграл, — покачал тот головой и сделал какой-то знак спутникам. — Поднимайся скорее, и псов своих собери. Твой срок вышел, и Келих Скегран ждет тебя в Звездном Дворце. Не думай сбежать. Я убью тебя быстрее, чем достанешь оружие.

— Я не стану его доставать, — ответил предок Гайвена спокойно. — Если мой король жаждет видеть меня, я охотно предстану перед ним.

4 сентября 4948 года

Несмолкающий крик пронзал его сны. Беспрестный, неотступный, он преследовал Артура в каждом сновидении, что являлось ему сегодня. Айтверну казалось, голоса зывают к нему — о чем-то просят, чего-то настойчиво требуют. На каждой запутанной дорожке страны грез, что превратилась ныне в страну кошмаров, этот крик преследовал его. «Прислушайся, приди к нам, отвори двери». Он не слышал. Не мог сосредоточиться. Один сон оказывался страшнее другого, и все вместе они затягивали наследника Драконьих Владык в вязкую, липкую паутину страха.

В остальном, он не смог бы запомнить сны этой ночи — за исключением одной, объединяющей их всех черты. Их наполняли бесконечные смерти и кровь. Мысленному взору Артуру являлись поля сражений, до самого горизонта усеянные трупами. Почти как тогда, на Горелых Холмах, только хуже. Затем перед его мысленным взором проступали лица мертвых друзей.

Руперт Бойл. Элберт Коллинс. Александр Гальс. Все, кого Артур считал близкими себе людьми; все, на кого он мог бы опереться в час, когда придет беда. Все, кого он предал или кто предал его. Вслед за погибшими товарищами появлялся отец. Холодная мраморная маска вместо лица, молчаливый укор. «Лучше, если дом Айтвернов возглавит кузен Роальд, нежели мой сын», — сказал лорд Раймонд в день, когда похитили Айну. «Что ж, папа. Твое желание почти сбылось».

После отца появлялся Гледерик Кардан. Делал шаг вперед из мрака — с усмешкой, приставшей к губам, с кровавой раной в груди. Человек, что мог бы стать королем Иберлену и сюзереном дому Айтвернов. «Айтверны не изменяют своим королям. Кроме меня. Я — изменник».

Имена погибших и павших всплывали в памяти. Их лица, неподвижные, немые, на секунду выступали из тьмы — лишь затем, чтобы потом вновь исчезнуть в ней. И каждый раз — один и тот же призыв, вновь и вновь рвущийся откуда-то из-за пределов иллюзии.

«Услышь нас. Откройся нам. Приди. Ты нам нужен. Ты один распахнешь двери».

Артур не мог. Он смотрел в лица убитых, сам словно паря в пустоте, и думал, что стал главной, а возможно и единственной по-настоящему весомой причиной всех этих бесконечных смертей. «Мои руки в крови. Моя хваленая честь пропитана дымом погребальных костров. Вот, что принесло миру мое нелепое рыцарство».

Крик не смолкал, но теперь захотелось сбежать от него — окончательно раствориться в пустоте. Хотелось больше ничего не знать, не помнить, не существовать.

Артур очнулся от того, что его трясли за плечо. Быстрая, хлесткая пощечина окончательно привела юношу в чувство.

— Вставай, — Кэмерон Грейдан склонилась над молодым герцогом Айтверном. Черные волосы упали ему на лицо. — Вставай немедленно.

Юноша резко сел в постели — так резко, что Кэмерон едва не отшатнулась.

— Обед уже подали? Остывает? — Артур старался говорить небрежно, но чувство подступившей беды не отступало. «Пока я спал, случилось что-то плохое — и теперь я

узнаю, что именно».

Предчувствия не обманули его.

— Разведчики донесли, к лагерю Тарвела приближается армия. Будет здесь через час. Может раньше.

Артур невольно зевнул. Потряс головой, постарался сфокусировать взгляд. Получилось у него это плохо. Походный шатер, в котором юноша заснул часов пять или шесть назад, плавал перед глазами, казался вытканым из осеннего утреннего тумана. Голова болела, нестерпимо хотелось завалиться обратно в постель и дремать до самого Судного дня с его трубами, архангелами и Страшным судом. Что-то, однако, подсказывало Айтверну — выспится он теперь уже не скоро.

— Под какими знаменами идет это войско? — спросил Артур.

— В основном — под твоими. Золотой дракон на зеленом поле. Сомневаюсь, впрочем, — Кэмерон нахмурилась, — что эти солдаты пришли сюда изъяснить тебе верность. Там еще видели отряд с грифоном Эрдеров и с оленем Гальсов. Всего — тысяч шесть или семь. Конница, позади пехота. Двигаются с севера, по Королевскому Тракту.

— Понятно, — Артур старался говорить спокойно. Отбросил одеяло, надел сапоги. Встал, опершись на подставленную вдовой Хендрика руку. — Где лорд Данкан?

— Ждет тебя на дворе, — Кэмерон смотрела внимательно и изучающе. Чуть кусала губу. Артур понимал — вдова прежнего эринландского короля не верит в него, ждет от него страха и паники. Это ни капли, впрочем, не обижало. Никто вокруг не верил в Артура — до такой степени, что юноше стало уже почти наплевать. — Готов выходить и беседовать с ним? — спросила Кэмерон. — Тарвел сказал, раз ты по закону регент, тебе и решать, что нам всем делать дальше. Можем отступать, можем принимать бой. Хотя отступить мы уже вряд ли успеем. Пока снимемся с позиций, эти молодцы уже будут здесь и все равно сядут на хвост. Кони у их авангарда, было сказано, резвые.

— Резвые так резвые, — Айтверн пригладил волосы, накинул плащ. — Пойдемте, сударыня. Я готов.

Снаружи царили оживление и суматоха. Надевали, при помощи оруженосцев, доспех и седлали коней всадники, точили наконечники копий, лезвия мечей и алебард пехотинцы. Павильоны и тенты стремительно сворачивались, отряды строились в боевые построения на вытоптанной площадке посередине лагеря. Сотрясали воздух сердитые окрики сержантов и офицеров. На смотровых вышках и верхотуре оборонительной стены заряжали арбалеты стрелки. Позади закрытых сейчас на три засова бревенчатых главных ворот солдаты переворачивали обозы и телеги, делая из них вторую линию укреплений — на случай, если сквозь первую прорвется враг. Там же, перед воротами, пара дюжин человек из прислуги спешно рыла ров и устанавливала на его дне остро заточенные колья, как приветствие неприятельской кавалерии. Хотя приказа отступать или принимать бой еще отдано не было, войско Тарвела явно готовилось к обороне.

Сам лорд Данкан, облаченный в кирасу и вооруженный двуручным топором, ожидал Артура подле своего шатра, в сопровождении трех своих капитанов — Паттерса, Грегана и Лирмана. Составил компанию им также Блейр Джайлс — насупленный, серьезный, бодрый, в полном боевом доспехе, при полуторном мече и со щитом за спиной, держащий украшенный драконьими крыльями шлем на сгибе локтя. Чуть поодаль от них стоял Клифф. Гарландский король держался невозмутимо, никак не реагировал на творящуюся вокруг суету, смотрел куда-то вдаль.

При виде Артура лорд Стеренхорда коротко поклонился, прижав правую ладонь к груди:

— Мое приветствие, лорд регент.

— Мое приветствие, сэр Данкан. Леди Кэмерон успела сказать мне пару слов, но все же, доложите обстановку теперь и вы. Я хочу знать подробности.

— Извольте. Конный разъезд вернулся полчаса назад. Разведчики доложили, со стороны Тимлейна движется войско. Идут по Тракту налегке, никаких обоза и сопровождения — только конные и пешие. На глаз — тысяч семь или чуть того меньше. Сами понимаете, считать точное число моим людям было несподручно. В авангарде отряд под знаменем Айтвернов и Рейсвортов, дальше Гальсы и Эрдеры. Находятся сейчас милях в четырех от нас, а скоро будут еще ближе. У меня здесь три тысячи бойцов, еще две — у моего племянника Алистера в десяти милях к северо-западу, на Окружной дороге. Я отправил только что гонца к Алистеру, с приказом выдвигаться навстречу к нам. Жду вашего слова, сударь. Мы можем сейчас сняться с места и отступить, но вы сами понимаете, насколько уязвима армия на марше. Бросать обозников и челядь я не стану, а наше передвижение они затруднят. Противник легко настигнет нас и атакует в арьергард. Я подчинюсь любому вашему приказу, лорд регент, однако советую оставаться на имеющихся позициях. Часа три или четыре до подхода Алистера мы продержимся, а дальше окажемся в почти равном соотношении по численности. Здесь, к тому же, у нас уже готовы укрепления и продовольствия на две недели. Как явится Алистер, он ударит их с фланга, а мы выйдем из-за стен и атакуем в лоб. Я считаю наши шансы неплохими, если только они не прорвутся сюда сходу.

— А они способны прорваться? — уточнил Артур.

Тарвел раздраженно махнул плечом:

— Всякое возможно, мы на войне. Но стены, — он махнул в сторону десятифутовых бревенчатых укреплений, по периметру окружавших его лагерь, — здесь хорошие, недаром мои люди все лето рубили лес по правому берегу Нейры. Приставных лестниц у противника вроде нет. Этот отряд послан сюда дожидаться моего изъявления покорности, а не пойти на штурм. Пока нет. Когда они доставят из Тимлейна осадный парк, а это не раньше, чем завтра — Алистер уже соединится с нами. Мы разгромим передовой отряд противника и сможем развить инициативу.

— Еще они могут забросать ваш часток факелами, — вставила Кэмерон.

— Могут, — согласился Тарвел. — Только мы стоим на роднике, и я уже распорядился пожарной команде держать жбаны с водой наготове. — Он развернулся к Артуру. — Ожидаю вашего решения, сэр. Скажете уходить — мы уйдем, только я не считаю это правильным, уж простите старика.

Артур и сам не считал возможное отступление правильным выходом. Доводы Данкана звучали вполне разумно. Здесь они в самом деле располагали и водой, и запасами продовольствия, и возможностью обороняться. При попытке бегства их маленькая армия неизбежно будет настигнута и окружена. Куда более разумным решением казалось остаться на месте и принять бой на хотя бы относительно выигрышной позиции. «Вот только разумные решения неизбежно в конечном счете заводят в ловушку. Первый натиск неприятеля мы, возможно, отобьем. Вот только затем подойдут основные силы мятежников. Дядя говорил о двадцати тысячах бойцов, пребывающих под его началом в одной только столице и окрестностях, и ему понадобится не больше двух дней, чтоб выдвинуть большую их часть против нас. Не окажемся ли мы в конечном счете в ловушке здесь, когда враг перережет

любые дороги и зажмет нас в тиски?»

Несмотря на все свои сомнения, Артур, тем не менее, произнес:

— Вполне признаю вашу правоту, сэр Данкан. Вы разбираетесь в военном деле куда лучше моего, так что уповаю на ваш опыт. Прикажите армии приготовиться к обороне.

— Уже приказал, — кивнул Тарвел удовлетворенно. — Мы почти готовы.

— Хорошо. — Артур посмотрел на Клиффа. — Ваше величество, вы не обязаны участвовать во внутренней иберленской междоусобице. Несмотря на мою вчерашнюю просьбу, вы вправе покинуть нас и направиться в место, которое сочтете безопасным. Тем более, вас ожидают жена и дети. И королевство, которым вы должны править и которое на вас рассчитывает.

— Назовите меня трусом еще раз, сэр Артур — получите по зубам, — сказал гарландец почти любезно.

Айтверн подошел к владыке Кенриайна и протянул ему руку:

— Простите, милорд. Я не желал вас обидеть.

— Прощаю, — рукопожатие у Клиффа оказалось крепкое. — Я хочу наконец увидеть вас в деле. Не лишайте меня этой возможности.

Кэмерон обнажила меч. Поймала на его холодной стали блеклый отблеск осеннего солнца.

— Одевай доспехи, мальчишка. Довольно слов, скоро заговорит железо.

Воспользовавшись помощью Блейра, Артур надел бригантину, наручи, поножи. Броня эта была легкой, практически не сковывала движений. Айтверн никогда не пользовался латным доспехом, считая его слишком неудобным. Скорость и ловкость — вот на что он привык полагаться в бою. И хотя в поединке с Джейкобом Эрдером подобная тактика едва не стоила Артуру жизни, он не собирался от нее отказываться. На левую руку, впрочем, Артур сегодня взял небольшой треугольный щит. В толчее всеобщей свалки, если та наступит, он окажется сподручнее кинжала.

Сам Блейр облачился в серебристую пластинчатую броню с вычеканенным на латном нагруднике малерионском драконом. Изрядно за минувшее лето подросший и раздавшийся в плечах, молодой рыцарь выглядел сейчас внушительно. Он казался вполне готовым к тому, чтоб немедленно вступить в сражение. Перехватив взгляд Айтверна, Джайлс усмехнулся:

— Можете не верить, я волнуюсь. Для меня это почти первый серьезный бой. Не считать же Холмы, там я не отходил от вас и меча толком не обнажил.

— Не дергайся ты так, — отвечал Артур. — Все едино мы покойники. Не сегодня, так завтра. Это против Гледерика у нас были шансы, а теперь? Даже с помощью Тарвела, против нас весь Иберлен. Мы проиграли эту войну и скоро подохнем. Как твой первый сеньор.

— Хотите меня разозлить? — Блейр нахмурился.

— Говорю правду. Я просто сегодня многое понял, — Айтверн отвернулся, посмотрел на товарищей, не слышавших их разговор. Тарвел отдавал приказы своим офицерам, Кэмерон разговаривала с Клиффом — беспечно, будто с давним другом. И она, и Клифф улыбались. — Это бессмысленная война, Блейр. Сам подумай, ради чего это все? Короли садятся на трон и падают с него всегда. Я скинул одного и посадил другого. Теперь мой король свергнут и пропал, а мой собственный дядя двинул против меня солдат. Так и будем резать друг другу глотки до конца времен? Я не знаю, Блейр. За что ты сам дрался сначала, когда влез в это?

— За моего господина. Потом — не знаю. Хотел за него отомстить. Не отомстил,

правда — вместо этого сдружился с вами. Теперь, наверно, и сам не знаю, что делаю и почему, — признался Блейр чуть растерянно.

— Просто мы дураки. Как и большинство людей. Ладно, пошли.

Дозорные на привратных башнях заиграли в рожки тройной сигнал тревоги. Сопровождаемый Тарвелом и прочими своими спутниками, Артур по приставной лестнице поднялся на верхотуру защитной стены, уже заполненную изготовившими к бою арбалеты и луки стрелками. Внизу, под защитой ворот, собирались меж тем, тесно смыкая щиты, пехотинцы.

— Вот они, — махнул рукой Тарвел, — идут.

Артур присмотрелся, чуть щурясь на сделавшемся вдруг слишком ярким солнце. Юноша увидел, как с пролегающей к миле востоку прямой линии Королевского Тракта, мощенного плотно пригнанными друг к другу каменными плитами, отделилась, вступив на ведущую к лагерю лорда Данкана грунтовую дорогу, темная змея вражеской конницы. Поднялась в воздух поднятая сотнями копыт пыль. Ехали всадники быстро, оставив чуть на отдалении следовавшие за ними пешими отрядами. Виделась в этом некая беспечность — внезапного нападения они не боялись явно. Вскоре Артур уже мог разглядеть развернутые на прохладном ветру знамена. Впереди всех прочих и впрямь реял дракон Айтвернов. «Почему дядя приказал вывесить его? Не Рыжего Кота Рейсвортов? Или он решил объявить себя главой нашего дома?»

Вражеская конница остановилась примерно на расстоянии примерно пятиста футов от лагеря, почти вне зоны досягаемости стрел. Всадники развернулись в длинный полукруг. По флангам подошли, утыкая копья в землю, пехотинцы. Из середины вражеского войска выехало несколько рыцарей в роскошной позолоченной броне, в шлемах, украшенных разноцветными плюмажами. Сопровождавший их герольд вывесил на кончике пике белый флаг, звонко протрубил в рог.

— Лорд Данкан, сэр Блейр, сопроводите меня на переговоры, — приказал Артур. — Всех остальных прошу остаться здесь и ожидать нашего возвращения. Капитан Паттерс, командуйте в наше отсутствие.

— Вы смелый человек, — заметил Клифф, — если лишь с двумя товарищами готовы встать лицом к лицу с людьми, уже не меньше трех раз в этом году торговавшими своей преданностью.

— Какие бы они ни были, эти достойные сэры — все же рыцари. Я надеюсь.

Молодой герцог Айтверн оседлал коня. Пока Данкан Тарвел около двух минут разговаривал со своим капитаном, Артур успел шепнуть Блейру несколько слов, попросив его о помощи в одном деле. План созрел в голове Айтверна почти мгновенно, под давлением обстоятельств, но казался удачным. Оставалось лишь, чтоб Джайлс его поддержал. К немалому облегчению Артура, после короткого колебания его бывший оруженосец все-таки согласился. Наконец и сэр Данкан оказался в седле.

Солдаты отворили ворота лагеря, трое конных поскакали навстречу ставшему неожиданно промозглым ветру. Осень в Иберлене обычно наступала позже, не ранее середины октября — но видимо, не в этот год. Артур держал поводья небрежно, левой рукой. Чуть прищурясь, всматривался вдаль. Делегаты противника тронули коней, выдвинулись навстречу. Вскоре Айтверн уже мог разглядеть их лица. Во главе процессии, кутаясь в фамильный светло-серый плащ, с гербом, изображающим синего карпа на зеленом поле, ехал тан Эйтон Брэдли, один из самых старых и верных вассалов отца. Двое из

сопровождавших его рыцарей также принадлежали к гвардии Драконьих Владык, то были лорд Ардерон и лорд Манетерли. Еще двое носили цвета Шоненгема.

Когда всадники сблизились в середине поля, сэр Эйтон привстал в стременах, поднял руку. Его украшенное короткой бородкой лицо не выражало никаких чувств. Смотрел он вперед ровно и спокойно, не отводя взгляда.

— Добрый день, герцог Тарвел. Добрый день, сэр Артур. Рад видеть вас в добром здравии обоих, — Блейра Джайлса, как особу слишком незначительную, благородный тан приветствовать не стал.

— Лорд Брэдли, — Артур ударил жеребцам по бокам, выехал вперед, — я не расположен выслушивать ваш политес. Чего хочет мой дядя? Ищете меня, чтоб арестовать и доставить в темницу?

— Мне в самом деле были даны подобные распоряжения, однако ваши, сэр Артур, поиски, не являются моей главной задачей. Я явился к герцогу Тарвелу, — тан Брэдли перевел взгляд на Железного герцога. — Милостивый государь, у меня с собой документы, подписанные новым главой Коронного совета, герцогом Эдвардом Эрдером, и верховным констеблем Иберлена, Роальдом Рейсвортом. В них заверяется об отрешении от трона Гайвена Ретвальда. Юноша из дома Айтвернов, сейчас сопровождающий вас, лишен своего прежнего министерского кресла в совете. Это означает, сэр Артур больше не имеет права говорить от лица нашего государства. Я здесь, чтобы поставить герцога Тарвела в известность о произошедших в нашей стране за минувшие дни переменах, и пригласить отправиться с собой в Тимлейн — предстать перед нашим новым монархом.

— Кто же является нашим новым монархом, с позволения сказать? — в тоне сэра Данкана промелькнула легкая насмешка. — Монархов за этот год было столько, что я скоро начну путать их имена. Брайан, Гледерик, Гайвен, кто теперь еще?

Ни один мускул не дрогнул на лице посланника.

— Ныне, волей владетельных пэров и решением Коронного совета, на Серебряный Престол вступила наследница нашего прежнего доброго лорда-констебля, герцога Раймонда Айтверна. Айна Айтверн принесет Иберлену порядок и мир.

В глазах у Артура потемнело, и юноша с трудом подавил желание немедленно выхватить из ножен меч. Вместо этого он, как мог неспешно, развернул коня, подъезжая к сэру Эйтону еще ближе — так, что при желании мог бы коснуться того рукой.

— Вы втянули мою сестру в это дело, — сказал герцог Айтверн настолько негромко, что тану Брэдли пришлось наклонить голову, чтоб расслышать его слова. — Вы держите ее в королевском замке в заложниках и еще смеее уверять, будто говорите по ее воле. Вы снова повторяете уловку покойного Джейкоба, когда он уже попытался торговать жизнью Айны. Низкие приемы от низких людей. В вас осталась еще хоть крупица порядочности, господа?

— Я клянусь, вы ошибаетесь, сэр. — Невозмутимость посланца мятежников по-прежнему нельзя было перебить ничем. Сэр Роальд знал, кого направлять на переговоры. Тан Брэдли действительно прекрасно владел собой, и разговаривал сейчас без всякого смущения или трепета. — Айна Айтверн примкнула к нашему делу добровольно, без какого бы то ни было принуждения, и целиком разделяет принятые нами цели. И хотя многие в королевском совете желали бы видеть вашу голову на плахе, сэр Артур, лишь заступничеством нашей новой государыни речи о вашей казни не идет.

— Что ж, я вас понял, — сказал Артур сухо.

Некой отрешенной, холодно-рассудительной частью своего сознания юноша подумал,

что, возможно, Брэдли не врет. Айна никогда не питала почтения к Гайвену, и еще до битвы на Горелых Холмах призывала Артура встать на сторону Гледерика. Вернувшись после падения последнего Кардана в Тимлейн, сестра продолжала держать Артура на расстоянии, почти не разговаривая с ним. Возникшая между детьми лорда Раймонда трещина увеличилась, превратившись в пропасть. «Я сам не заметил, как лишился всей семьи. Отец в могиле, дядя предатель, Айна — на его стороне, ну а Лейвис мне братом и не был. Даже Александр был мне кузеном в большей степени, чем он».

Душевной боли юноша не почувствовал.

«Ладно, я остался совсем один. Если не считать Кэмерон и Блейра, лорда Данкана и короля Клиффа, и еще сюзерена, который пропал и которого нужно найти. Не худший вид одиночества из возможных».

Брэдли меж тем продолжал:

— Требования, с которыми я сюда приехал, следующие. Сэр Данкан, вы остаетесь пэром Коронного совета и одним из самых приближенных вассалов царствующего дома. Никто не подвергает сомнению ваш ранг. Ее величество и первый министр лишь просят вас сложить оружие, если вы его подняли, явиться в Тимлейн для принесения присяги королеве Айне, а также выдать в мои руки сэра Артура, как опасного смутьяна и бунтовщика.

— Условия более чем великодушные, — признал Тарвел. — Вот только названный вами бунтовщик — является в настоящее время законным правителем нашего государства. Посудите сами, в последнее время нами правило два короля, Кардан и Ретвальд. Ретвальд назначил герцога Артура Айтверна своим первым министром, а значит, в отсутствие Ретвальда именно герцог Айтверн может считаться местоблюстителем трона. Кардан погиб — в честном бою, насколько знаю, и не оставил прямого наследника. Это означает, что достоинство Яблоневого Древа переходит к ближайшим родичам старой династии — к Драконьим Владыкам. Ибо еще дочь основателя Тарнариха Дэглана Кардана, леди Виктория, вышла замуж за сына лорда Эйдана Оливера Айтверна. Таким образом, сэр Артур, как ближайший здравствующий потомок короля Дэглана, является принцем крови и наследником Серебряного Престола. Скажу по чести, сэр Эйтон — я не знаю, чьи притязания, Гледерика или Гайвена, более законны. Здесь впал бы в затруднение даже опытный юрист. Однако к какой стороне ни склоняйся, этот мальчик рядом со мной — сейчас наш регент, а возможно, и король.

— Этот мальчик убил короля Гледерика, а значит — лишен любых прав на трон. Именно поэтому в Тимлейнском замке сидит сейчас Айна Первая, а не он.

— Этот мальчик, — возразил Тарвел любезно, — просто оказался чуть менее сговорчив, нежели его сестра, и не поддался на ваши посулы. Нет такого закона, по какому убийство им Гледерика Кардана делало бы его изменником. Как такой же потомок монаршего дома, сэр Артур был как минимум равен лорду Гледерику своим рангом и званием, а возможно — и превосходил его. Ибо не имел среди своих предков бастардов. Два человека королевской крови сошлись в честном поединке, только и всего. Старые обычаи допускали такой способ разрешения прений. Еще принц Кристофер, в 4605, кажется, году от пришествия нашего Господа, победил на дуэли своего старшего брата Элиота, и наследовал через два года своему отцу королю Томасу. Что бой Гледерика и Артура был честен, охотно подтвердит присутствующий здесь рыцарь, лейтенант малерионской гвардии сэр Блейр Джайлс. Сэр Блейр прежде состоял на службе у графа Гальса, и думаю, у вас нет оснований усомниться в достоверности его слов.

— Это все крюкотворство и сотрясение воздуха, — вступил в разговор граф Ардерон. — У нас семь тысяч солдат, у вас в вашем форте сколько? Едва две? Две с половиной? Не ломайте комедию, Тарвел. Сейчас мы вас окружим со всех сторон, а к ночи подойдут еще войска. Завтра в обед привезут пять осадных башен, а если надо — и десять. Поэтому отдавайте нам Айтверна и поехали в столицу. Другого выхода у вас нет.

— Мой кузен Ричард прямолинеен и прав, — улыбнулся Брэдли. — Решайте, герцог.

— Я уже решил, — ответил Тарвел упрямо, — за меня решит мой король.

«Как смешно, — подумалось Артуру, — и суток не прошло с момента, как Гайвен исчез, но уже нашлись люди, что называют меня королем, а Айну — королевой. Не будь мы братом и сестрой, распрю бы решил династический брак. А так ее решат три фута острой стали в чье-то сердце».

— Лорд Брэдли, — сказал Артур, пряча кривую усмешку. Он все еще смотрел на предводителя вражеского отряда в упор, и кони их стояли в футе друг от друга. — Давайте поступим, как рыцари прошлых лет. Я вызываю вас на поединок, ибо прятаться за спины солдат не хочу. Побеждаете вы — поступаем, как вы сказали. Побеждаю я — вы отводите войска на десять миль к северу и ближайшие сутки не подходите к нашим позициям, а также не пытаетесь нас преследовать в случае нашего отступления.

— Герцог Айтверн, — Брэдли впервые назвал его герцогом, как называл до переворота, раньше, каких-то два дня назад. Почему-то казалось, прошло уже два года, не два дня. — Я не дурак, герцог Айтверн. Мне минуло уже пятьдесят зим, а вы — молоды и полны сил. Мне приказали исполнить возложенную на меня миссию, а не меряться молодецкой удалью. Вы победите меня, если сойдетесь в бою. Поэтому такой возможности я вам не предоставляю.

— Вы ошибаетесь, — сказал Артур бесцветно. — Уже предоставили.

Подавшись вперед в седле, Айтверн выхватил левой рукой длинную дагу, что висела до того в чехле у него на поясе. Перехватил правой рукой запястье сэра Эйтона, не дав тому вытащить свое оружие, и вонзил клинок тану под ребра — проворачивая вверх и доводя до самого сердца. Брэдли вскрикнул, выпучил глаза — кровь запузырилась на его губах. «Где теперь ваше самообладание, милорд?» В тот же самый миг Блейр Джайлс выхватил из-под плаща небольшой арбалет, взятый им перед выездом из лагеря у тарвеловского стрелка, и разрядил графу Ардерону в грудь. Тот вскрикнул и завалился на бок, выпадая из стремян.

Не знаящий о замысле Артуре, Данкан Тарвел потрясенно выругался — а граф Манетерли и двое шоненгемских рыцарей обнажили мечи. Выхватил свой клинок и Артур. Дага его так и осталась в груди у Эйтона Брэдли, что бездыханный повалился на землю, но нужды в ней уже не было. Артур вскинул клинок, отбил нанесенный Остином Манетерли удар.

— Вы негодяй и болтаться вам на виселице вскоре, — сказал Манетерли.

Айтверн не ответил. Выставил свой меч вперед, парируя сделанный сэром Остином выпад. В седле особенно не пофехтуешь, но сейчас этого и не требовалось. Все равно дело стоило решать быстро. Манетерли не был особенно искусным воином, и серьезного противника Артур в нем не видел. Юноша размахнулся, отбил еще один удар, и вогнал свой меч сэру Остину промеж пластин доспеха. Подъехавший ближе Блейр решил дело рубящим ударом по голове. Айтверн чуть отстранился, высвобождая оружие, но хлынувшая во все стороны кровь все равно забрызгала его плащ.

Оставшиеся двое рыцарей уже развернули своих жеребцов, поскакали прочь — в направлении основного отряда. Там уже заметили случившееся — раздался бешеный крик,

заиграли горны. Вскинули луки стрелки. Артур развернул своего коня, ударил по бокам, пуская в бешеный галоп к распахнувшимся уже по чьей-то своевременной команде воротам лагеря. Тарвел и Джайлс последовали его примеру. Засвистели, прошивая воздух, первые стрелы. Артур припал к конскому крупу, стараясь уберечься от вражеского залпа. Как никогда он сожалел сейчас, что оставил в Тимлейне своего дарнейского жеребца, резвого, словно ветер. Теперь все могли решить только удача и провидение Господне — при условии, конечно, что Бог еще не отвернулся от него.

Айтверн и его спутники на полном скаку влетели под защиту лагерных укреплений, оставшись невредимы. Лишь две стрелы скользнули по латам Блейра да еще одна сломалась об прочную кирасу, надетую лордом Данканом. Когда дубовые ворота закрылись и Артур, тяжело дыша, спешил, герцог Тарвел, с белым от гнева лицом, закованными в латную перчатку пальцами схватил его за плечо:

— Будь ты проклят, щенок. Что ты творишь?

Испытывая сам сейчас гнев не менее сильный, чем овладевший его бывшим наставником, Артур вытащил меч и направил его Данкану Тарвелу в грудь:

— Довольно меня отчитывать, сэр, — сказал Айтверн, не помня себя от ярости. — Вы сами сказали, что признаете меня регентом и могли бы признать королем. Я себя королем не считаю. Я верен Гайвену и верю, что он вернется. Однако для вас — я правая его рука и его голос. А потому прекратите говорить со мной, как со своим оруженосцем. Я герцог Запада, я первый министр короны и я, черт побери, я, а не вы, команду здесь.

— И до чего ж ты докомандуешься здесь, хотел бы я знать, — тяжело сказал Тарвел.

— Я вам скажу. Мы с Блейром сейчас сделали полезное дело. Мы убили троих из пяти главных вражеских офицеров. Теперь противник ослаблен и уже не так резво пойдет на приступ. И согласованности меж их отрядами будет меньше.

— Артур прав, — подал голос Блейр. — Герцог Тарвел, простите, но эти люди не церемонились с нами никогда. Мы с ними тоже церемониться теперь не обязаны. Я исполнил приказ своего командира, и требую, чтоб вы тоже не перечили ему.

— Требуешь, значит, — сказал Тарвел. — Видел бы тебя твой лорд. Настоящий.

Блейр пошатнулся, сделал шаг вперед с потемневшим от гнева лицом — но остановился, когда Артур схватил его за руку. Удерживая Блейра, Айтверн оглядел собравшуюся вокруг толпу. Клифф Рэдгар лишь усмехнулся и пожал плечами, а по виду Кэмерон и вовсе ничего нельзя было сказать. Неожиданно подал голос капитан Паттерс — рослого вида солдат с жесткими чертами лица:

— Я вам подчинюсь, Айтверн, и мои люди тоже. Врагов надо убивать, а не цацкаться с ними — в этом я с вами согласен.

— Приятно слышать, — Артур коротко кивнул офицеру и, делая вид, что не обращает больше внимания на Тарвела, сопровождаемый Блейром вверх по ступенькам стал подниматься на стену. — Пойдемте. К нам сейчас направятся гости, нужно их встретить.

Присланные Рейсвортом отряды в этот самый момент действительно сделали первую попытку пойти на приступ. Кавалерия пока оставалась на своих местах, а вот пехота, в количестве около тысячи человек, прикрываясь длинными щитами и выставив вперед копья, пересекла поле, приближаясь к воротам. Группа солдат, заметил Артур, тащила окованный железным наконечником длинный таран. Его, видимо, все же взяли с собой заранее, не надеясь на сговорчивость Тарвела.

Айтверн махнул рукой, дал арбалетчикам лорда Данкана приказ стрелять. Те сделали

залп, разряжая арбалеты. Короткие железные болты взвизгнули, вонзаясь где-то в тисовое дерево неприятельских щитов, а где-то — и во вражьи тела. Некоторое количество солдат противника упали, остальные плотнее сдвинули ряды. Пока арбалетчики взялись за перезарядку оружия, на их место встали лучники. Взвились стрелы, сделав в рядах пехотинцев Рейсворта еще одну прореху. Те расступились, давая место собственным лучникам, и те открыли ответный огонь. Артур присел на колени, прячась за идущим поверху стены бревенчатым частоколом, прикрылся щитом. Находившиеся рядом офицеры последовали его примеру. Несколько десятков выпущенных нападающими стрел перелетело стену и упало в лагере, но били они не прицельно, и вреда почти не причинили. Из стоявших на стене бойцов убило хорошо если человек десять — не более того.

Тем не менее, случившийся заминки хватило, чтоб атакующие успели добраться до ворот. Таран с тяжелым рокотом ударил об их створки — те едва не слетели с петель, но пока все же устояли. «Лорд Данкан многого не учел, — промелькнула в голове Артура лихорадочная мысль. — Его разведчики сообщили, что конница Рейсвортов идет налегке — а вот что пехота позади тащит с собой тараны, они уже не увидели. Если ворота падут и начнется бой, наши шансы уже не столь хороши, как казалось раньше. Им даже передвижных башен не надо, если смогут прорваться внутрь и закрепиться на входе». Айтверн выглянул из-за частокола. Увидел, что передовые соединения вражеской кавалерии подтягиваются вслед за пехотой, сосредотачиваясь в сорока футах позади нее. Как раз, чтобы взять хороший разгон и влететь в ставку Тарвела, если проход в нее окажется открыт.

— Мы хотели ввергнуть неприятеля в растерянность, а вместо этого лишь сильнее разозлили и раззадорили, — заметил Блейр. — Они в наши двери стучатся так настойчиво, что скоро будут внутри.

— Это я как-то недосмотрел, — признался Артур чуть виновато. — Надеялся, что смогу их напугать. Продолжайте палить, пока не кончатся снаряды, — бросил Артур лейтенанту Бэлфуру, командовавшему стрелками. — Мы с сэром Блейром возвращаемся вниз.

Внизу рыцари Тарвела уже все спешили с коней, встали возле образовавших возможную вторую линию обороны телег, взялись за топоры и мечи. Клифф Рэдгар стоял в середине их строя, вооружившись двуручным мечом, и гарландские гвардейцы окружали его. Завидев возвратившегося со стены Айтверна, он указал кончиком клинка в сторону сотрясаемых ударами ворот:

— Вы вовремя. Наши гости взбесились, как пчелиный рой, и скоро примутся нас жалить.

— Никаких хороших манер за ними не водится, как обычно, — Артур встал рядом с Кэмерон, поднял меч. — Хотели посмотреть на меня в деле? Сейчас увидите.

На пятом или шестом ударе створки все же рухнули, подняв облако пыли. Не дожидаясь, пока солдаты Рейсвортов ворвутся в образовавшийся пролом, Артур сам бросился в атаку, увлекая за собой товарищей. Первого же оказавшегося на своем пути неприятельского солдата он сбил с ног ударом щита и тут же ткнул клинком в лицо. Высвободил меч, немедленно размахнулся им снова. Бил Айтверн не глядя, нанося размашистые удары прямо в толпу и прикрывая голову и корпус треугольным щитом. Рядом сражались его друзья. Краем глаза юноша заметил, с какой легкостью поднимает и опускает свой длинный меч Клифф и как ловко разит своим клинком Кэмерон, то и дело попадая неприятелям в сочленения их доспехов или прорези забрал.

Вдовствующая королева Эринланда действительно была достойна сложенных о ней

баллад. Она двигалась быстро и одновременно изящно, нанося смертоносные удары взятым ею утром в оружейной Тарвела прямым палахом, заточенным с одной стороны лезвия и прекрасно колющим. Чужие выпады она отбивала обоюдоострым широким кинжалом, скорее похожим на тесак, либо принимала на защитную чашечку палаша. Несколько раз мечи противника проскользили по ее латному доспеху, оставив на нем лишь пару царапин.

Сам Артур дрался сейчас не особенно ловко. Он куда больше был привычен к дуэли, к бою один на один, и в такой свалке, как нынешняя, опытен не был. Однако чести предков и собственного рыцарского звания юноша посрамить не хотел. Понимая, что не сможет произвести сейчас никакого изощренного финта или укола, Айтверн просто рубил мечом наотмашь, вкладывая в каждый замах всю свою мускульную силу. Нескольких противников он уже поразил. Одному так и вовсе разрубил корпус почти до середины.

Вставший следом перед ним вражеский рыцарь взмахнул булавой, обрушивая ее на Артура. Айтверн вскинул щит — но пришедшийся на него удар оказался столь мощен, что юноша не устоял на ногах и рухнул на колени. Оказавшийся рядом Блейр Джайлс воспользовался моментом, чтоб нырнуть вперед и, сделав сильный тычок мечом, проткнуть неприятеля насквозь.

— Я вновь ваш должник, Джайлс, — выдохнул Артур. — В рыцари я вас уже посвятил, как прикажете благодарить в этот раз?

— После победы — сделайте графом.

— Слово чести, сделаю.

Здесь, в узкой горловине сломанных ворот, шириной едва ли в пятнадцать футов, достаточно было нескольких десятков солдат, чтобы остановить продвижение целого войска. Бросивших на землю бесполезный уже таран пехотинцев Рейсворта Айтверн и его солдаты сдержали — но те расступились в стороны, открывая дорогу вставшей за их спинами коннице. Рыцари мятежников выставили вперед пики, ударили коней в галоп. Артур и товарищи отступили за телеги, понимая, что рванувшую в упор конницу им сейчас не замедлить.

Первые шестеро всадников ворвались вовнутрь — и тут же попали под ведущийся сверху людьми Бэлфура обстрел. Четверых рыцарей уберегли броня и щиты, двое все же свалились убитыми. На секунду это создало заминку — но лишь на секунду. Затем подоспела еще одна группа конных, и здесь в дело уже пришлось вступить выставленным Тарвелом по бокам от входа алебардистам. Взмахивая своим длиннодревковым оружием, они перерубали рыцарские копья — а также подсекали коням сухожилия. Нашлась работа и двуручнику Клиффа. Многие из нападавших оказались искусными воинами — однако обстоятельства были нынче не на их стороне. Трое из них не успели вовремя остановить коней и упали в вырытый загодя ров. Остальные оказались проворнее.

Потеряв примерно тридцать человек убитыми, атакующие чуть отступили от ворот. Обозная прислуга как раз доставила лучникам на стене новый запас стрел, и те пустили их в ход, оставив на окрашенной ныне алым полевой траве еще семь или восемь трупов.

— А вы осуждали меня, — сказал Артур Тарвелу укоризненно. — Смотрите, как вышло. Убив Эйтона, я спровоцировал врага на скороспелую, необдуманную попытку штурма. Среди их командиров возникла заминка, кто-то бросил солдат прямо в бой. Видите, выдвинулся только авангард? Остальные стоят позади. Наверно, офицеры сейчас спорят, как поступить. Оставь мы Брэдли и прочих в живых, они бы действовали по всем правилам воинской тактики. Окружили бы нас и попробовали закинуть на стены крючья разом в

нескольких местах, допустим. А так мы создали в рядах противника смятение.

— Ты не знал, что получится именно так, — ответил лорд Данкан сердито. Он все еще был довольно сердит, хоть и сражался сейчас с Артуром плечом к плечу.

— Не знал. Но рассчитывал, и оказался прав. Хотя сначала, когда они выбили створки, немного струхнул, не спорю. Зато теперь удача за нашей стороне, и следует развивать инициативу. Коня мне, коня! — крикнул Айтверн солдатам. — Седлайте коней, рыцари Иберлена! Мне нужно две сотни бойцов, чтоб отогнать этих мерзавцев подальше.

Один из оруженосцев Тарвела подвел Артуру могучего каурого скакуна, и юноша одним ловким движением вскочил в седло. Прежние сомнения оставили его, напротив, сейчас молодой Айтверн испытывал буйное, пьянящее торжество. Уставший за это тягостное лето от министерского кресла и бесконечных совещаний при дворе, он вновь оказался в той стихии, для которой, как верил, был рожден. Бредивший сражениями с детства, Артур наконец был в бою — и уже не как наблюдатель и лишь формальный командующий, как на Горелых Холмах, а как предводитель, ведущий за собой солдат на поле боя. Его меч уже напился вражеской крови, и жаждал испытать ее сегодня еще и еще.

Возглавив наскоро собранный кавалерийский отряд, перехватив поудобнее верный клинок, Артур во главе сверкающей железом кавалькады всадников выехал наконец на орошенный ныне щедро росой и кровью луг. По правую руку от него скакал Клифф Рэдгар, король Гарландский, по левую — Блейр Джайлс. Авангард выставленного Роальдом Рейсвортом войска как раз начал отступать, и без того прореженный стрелками Бэлфура — и тут ведомый Айтверном отряд ворвался в его ряды, тем самым лишь увеличивая всеобщее смятение. Артур рубил направо и налево, раз за разом опуская меч, а его конь затапывал упавших мятежников своими копытами. Юноша не боялся ни ран, ни смерти — им завладело то самое воодушевление битвы, когда в горячке тебе может показаться, словно ты бессмертен. Поддавшись обрушившемуся на них напору, солдаты Рейсворта расступились — и тут Айтверн осознал, что пора разворачиваться обратно.

Выставленные им воины смогли рассеять несколько передовых сотен приведенной Эйтоном Брэдли армии — однако следующие свежие тысячи, находящиеся за ними, уже готовились вмешаться в ход сражения. Выступили на скорый марш отряды пикинеров, построенные в каре, а по флангам напирала еще конница.

— Мы не успеем вывести всех солдат Тарвела из-за стен, а эти подойдут быстрее и сомнут нас, — сказал Артур. — Возвращаемся обратно, и укрепляем позиции.

Так они и поступили. Как бы ни хотелось продолжать оказавшуюся столь лихой скачку, здравый смысл подсказал Айтверну, что в открытом поле он находится в меньшинстве. Находившиеся под началом лорда Данкана тем временем успели оттащить остатки ворот, поставить на их место телеги и расставить меж них стрелков и копейщиков. Увидев, что защитники лагеря встали в жесткую оборону, атакующие остановились. Их собственные арбалетки успели сделать несколько выстрелов, а затем в сражении наступило временное затишье. Войско мятежников так и остановилось на расстоянии пары сотен футов от обороняющихся, не делая пока новых попыток перейти в атаку.

Айтверн, тяжело дыша, сел на землю, прислонился спиной к телеге, положил на колени и принялся начищать о точильный камень столь хорошо послуживший ему меч. Рядом, на каменный валун, присел Тарвел. Как и весь минувший после их ссоры час, лорд Данкан оставался сух и сосредоточен, и не давал волю чувствам. Впрочем, бывал он таким почти всегда и в любые прочие дни. Чувствуя, что его собственный гнев уже почти миновал, Артур

сказал наставнику:

— Хороший день, — счастливая улыбка скользнула по его губам. — Наконец мы деремся с врагом, а не пытаемся ужиться с ним и не гнем перед ним спину. Лучше пара таких жарких деньков, чем целый месяц пустых прений в Коронном совете. Когда подойдет ваш племянник Алистер, дело пойдет еще веселее. Первым делом отгоним этих скотов прочь. Займем затем Эленгир, оставленный там гарнизон малочислен, и укрепимся в нем. Я отправлю гонцов в Малерион, а вы — в Стеренхорд. Призовем всех, кто еще может держать оружие; созовем ополчение. Тогда у нас появятся шансы на победу.

— Герцог Айтверн, — сказал Данкан Тарвел медленно, — я должен кое-что сказать вам.

— Что именно? Говорите, — Артур все еще улыбался, но тревожное предчувствие внезапно кольнуло его сердце.

Слишком напряженно держался Железный герцог Стеренхорда все время с начала сражения, слишком часто отводил взгляд, слишком крепко сжимал в плотную линию губы. Вряд ли дело здесь было, сообразил Айтверн с запозданием, в одной лишь пустяковой перебранке. Нечто иное должно было объяснять поведение сэра Данкана.

— Герцог Айтверн, — Тарвел все пытался, видимо, подобрать слова. — Я должен объяснить вам несколько вещей. Надеюсь, они не покажутся вам сложными. Как вы знаете, я, уже пятнадцать лет возглавляя свой владетельный дом, так и не озаботился тем, чтоб взять себе жену и завести детей. Не стану пускаться в объяснение обстоятельств, принудивших меня остаться холостым. Мне наследует сын моего покойного младшего брата Роберта, Алистер. Сам он уже год женат, однако его супруга, леди Клавдия, ребенка ему принести не успела. Сейчас Алистер — все, что останется от моего дома, в случае моей гибели. Если не считать троих кузенов по женской линии, которых я не считаю достойными наследниками, как вы не считаете достойным наследником, допустим, Лейвиса Рейсворта.

— Вы хотите сказать, что волнуетесь за судьбу племянника в этом сражении, — Артур почувствовал, как зимняя стужа заговорила вдруг его устами. — Я понимаю ваши чувства, Данкан. Роду Тарвелов тысяча лет, и будет печально, если его прямая линия сегодня прервется. Однако ваш племянник скоро, как вы сами сказали, уже прибудет сюда, и либо выживет, либо погибнет в предстоящем бою. Молитесь святым заступникам, чтоб они его защитили.

— Лорд регент... Сэр Артур, — Данкан Тарвел казался очень серьезным. — Я должен сказать, что сознательно ввел вас в заблуждение этим утром. Я действительно отправил Алистеру гонца, однако не с приказом идти на соединение к нам. Наоборот, как его сюзерен и глава семьи, я повелел Алистеру сниматься с лагеря и ускоренным маршем двигаться в направлении Стеренхорда. Также я повелел ему, в случае моих гибели или пленения, не продолжать бессмысленной борьбы, а признать своим господином нового короля в Тимлейне, кем бы он ни был. Заставив вас думать, что мы ожидаем здесь Алистера, я склонил вас к решению принять бой. Задержав здесь войско мятежников, мы дадим время моему родичу безопасно покинуть пределы королевского домена.

В тот миг Артуру Айтверну очень захотелось поверить, что слух изменил ему или разум помутился. К несчастью, похоже это было не так.

— Вы обманули меня, Данкан, — сказал он наконец.

— Обманул, — не стал отрицать Тарвел. — Я сказал, что исполню любой ваш приказ, как регента и наследника трона, но в этом немного схитрил. Вы не отдавали мне никаких

распоряжений на предмет Алистера, и я решил, что вправе сам распорядиться его судьбой. Простите меня великодушно, Артур, но затея, в которую вы втянули меня, обречена на неминуемое поражение. Даже если Алистер поддержит нас — мы выиграем сегодняшний бой, но войну проиграем. Значительных сил Запад нам уже не предоставит, ибо уверен, почти весь поддержал вашего дядю. Заняв Эленгир, мы будем там в такой же западне, как и здесь, и поражение наше станет лишь вопросом времени. Я бы ставил на месяц. Может, недели на три. К тому времени Рейсворт точно соберет достаточно много людей, чтоб пойти на штурм крепости, а нашим собственным солдатам изменит стойкость. Я не удивлюсь, если наши собственные офицеры предадут нас.

— Вместо этого меня предали вы, — сказал Артур тихо.

Он отвернулся. Посмотрел на друзей. Те не слышали его разговора с Тарвелом. Клифф и Блейр торопливо обедали в компаниях местных капитанов и лейтенантов, расстелив походную скатерть прямо подле входа в лагерь. Кэмерон сидела на траве, запрокинув голову, и, слегка прищурясь, глядела в небо, чья синева проступала сквозь прорехи набежавших облаков. Вдова Хендрика Грейдана не казалась сейчас ни гордой, ни воинственной, ни холодной. Наоборот, на ее точеном лице проступало сейчас незнакомое, мечтательное выражение, а губы дрожали в намеке почти на улыбку.

«Интересно, — подумал молодой Айтверн, — а каково пришлось отцу терять мать?»

— Поймите меня правильно, Артур, — сказал лорд Данкан, и голос его был сейчас как никогда мягок. — Я не горжусь вами как учеником, и никогда не был действительно рад нашему знакомству. Я не могу назвать вас добрым человеком или порядочным. Вы горды и надменны. Для вас ничего не значат чувства других людей, и чужие жизни для вас также зачастую лишь пустой звук. Вы охотно отправите на гибель тысячи, если вдруг сочтете, что вам того хочется. Вы часто говорите о чести, но убили своего кузена Александра бесчестно. Также, как и этих троих вельмож сегодня. Я думаю, ваша честь — это что-то очень обтекаемое, что-то очень удобное в использовании. Некое расплывчатое понятие, рамки которого вы определяете сами.

— Я уже понял вас. Я подлец и мерзавец, которому положено болтаться на виселице. Так сказал сегодня Манетерли, прежде чем я проткнул ему сердце. — Артур резко повернул голову. Отложил точильный камень в сторону. — Тарвел, вы сказали, для меня не существует чести. Хорошо. Тогда ничто, никакая дутая выдуманная честь, не помешает мне казнить вас сейчас, как изменника.

— И вы это сделаете? — спросил Данкан.

Артур чуть помедлил с ответом.

— Нет. Ваши люди не поймут. И не поддержат меня после. Скорее всего, они сразу выдадут меня мятежникам, спасая собственные жизни, и на том и всей сказке конец.

Они немного помолчали. Артур все так же сидел, с мечом на коленях, Тарвел расположился напротив. Молодой Айтверн подумал, что день едва только перевалил за свою середину — а он уже невыносимо устал. Хотелось выпить, но рассудок следовало оставлять трезвым.

— Сами вы почему остались здесь драться? — спросил Артур. — Почему вчера обещали мне помощь, а не выгнали вашей или не передали сегодня Брэдли с рук на руки?

— Я не желаю рисковать жизнью своего племянника. Но рискнуть своей жизнью — вполне могу. Вы не слишком нравитесь мне, Артур — это я уже сказал. Но я уважаю вас. Вы сражаетесь до конца, даже будучи загнаны в угол, и рискуете собой столь же охотно и

безрассудно, как рискуете окружающими. Я не одобряю вас, но моя собственная честь, такая же дутая и выдуманная, как ваша, призывает меня сегодня стоять на одной с вами стороне. Не спрашивайте, почему.

Айтверн рывком поднялся и вложил меч в ножны.

— Слова, слова, слова, как говорил один древний принц. Хватит, Тарвел. Не желаю вас слышать. Вставайте и проверьте караулы, а я последую примеру наших офицеров и перекушу. С утра у меня маковой росинки во рту не было. Надо набраться сил.

Глава четырнадцатая

4 сентября 4948 года

Вернувшись в Тимлейнский замок, Эдвард Фэринтайн получил на руки от Гленана Кэбри письмо, вложенное в большой белый конверт. Скрепляла этот конверт гербовая печать с оттиснутыми на ней тремя оскаленными песьими мордами. То был знак королевского дома Рэдгаров.

— Доставил полчаса назад гонец в гарландском мундире, — сообщил бывший оруженосец Эдварда, а ныне командующий его гвардии. — Прискакал, по его словам, из лагеря Данкана Тарвела, причем едва разминулся со следовавшими на юг полками, идущими под знаменами Айтвернов и Рейсвортов. Видимо, тот самый отряд, посланный верховным констеблем, дабы склонить этого своенравного стеренхордского сеньора к покорности.

— Ясно, — Эдвард сломал печать. Вытащил из конверта сложенный надвое лист тонкой белой бумаги и развернул его, быстро пробежав глазами исписанные аккуратным мелким почерком строчки. Надежда на хороший отдых, едва овладевшая им после стычки в городской ратуши, вновь сделалась ускользающей. Король Эринланда перевел взгляд на терпеливого ожидавшего его приказа капитана. — Глен, отправляйся вместе с Томасом к нашим солдатам, собери их всех до последнего человека, способного держать оружие. В ближайший час мы, возможно, покинем этот город.

— Вас понял, — граф Кэбри кивнул. — Куда отправимся?

— Совершить пару необходимых случаю безрассудств.

Отослав капитана, Фэринтайн еще раз перечитал отправленным владыкой Гарланда ему письмо, а затем передал его терпеливо молчавшей Кэран. Отошел к окну, и, заложив руки за спину, принялся изучать наполненный обычной дневной суетой крепостной двор. Пару минут поглядел туда, пока Кэран читала, а затем вернулся в кресло и вздохнул.

Послание Клиффа Рэдгара гласило:

«Любезный кузен!

Первым делом хочу сообщить, что наш общий друг, леди Кэмерон, да хранит Бог душу ее неразумного супруга, находится сейчас под моими покровительством и защитой. Сообща с ней мы решили оказать помощь герцогу Айтверну. Этот молодой человек выказал немалую храбрость и упорство, достойные лучших рыцарей Срединных Земель. И я, и леди Кэмерон полагаем, что должны поддержать его в борьбе против заговорщиков, претендующих ныне на власть в Тимлейне.

Я понимаю, что тебе наше решение может показаться недальновидным. Позиции графа Рейсворта и его сообщников кажутся безупречно прочными, и мудростью стало бы принять именно его сторону в этом конфликте. Однако некое чутье, дорогой друг и старый противник, подсказывает мне — не всегда стоит поступать мудро. Я мог бы привести с десяток доводов логики, почему эти люди не удержат власть, и какие именно внутренние свары и внешние противники развалят их коалицию не позже, чем в течении полугода от сего дня. Однако мне не хватит

писчей бумаги, чтоб изложить подобные соображения. Я скажу проще — я вместе с герцогом Айтверном. Я не прошу и тебя примкнуть к нему, но прошу не оказывать явной помощи его врагам, ведь так ты окажешь помощь и врагам своей предшественницы на таэрвернском троне, вместе с которой некогда доблестно сражался против меня.

Мы находимся сейчас в лагере Данкана Тарвела, расположенном милях в пятнадцати к югу от иберленской столицы. Я пишу эти строки в шесть утра, сразу по прибытии сюда, и надеюсь, тебе они будут доставлены немногим позже полудня. Герцог Тарвел на словах выказал поддержку Артуру Айтверну, однако даже если эта поддержка окажется безусловной и безоговорочной, силы, которыми он располагает, не слишком велики. Наше положение почти столь же отчаянно, каким было твое, когда я осаждал твой стольный город. Я не прошу помочь, ибо понимаю, что в данный вопрос замешана политика, и здравый смысл может заставить тебя удержаться в стороне.

Однако если ты все же как-то, в меру своих сил, вмешаешься — я буду рад.

Я уповаю на тебя, старый враг, ибо больше нам здесь уповать не на что.

Со всем почтением, доставивший тебе много неприятностей в прошлом Клифф».

— Ты собираешься отправиться ему на выручку, — без всякого выражения сказала Кэран, когда молчание совсем затянулось. Фэринтайн вздохнул еще раз.

Наследница Кэйвенов, некогда, в юности, называвшая себя Повелительницей чар, не позволила прорваться и капле овладевших ею эмоций. Эдвард, однако, давно изучил нрав своей супруги и хорошо разбирался в нем. Сейчас он не сомневался — Кэран зла на него. Решение, которое король Эринланда только что принял, действительно являлось редкостным безрассудством, идущим против любого здравого смысла.

— Я помогаю не только Клиффу. Кэмерон и Артуру тоже.

— И что ты сделаешь там, с двадцатью рыцарями? Собрался красиво погибнуть, подобно Хендрику? Нахвтался от него героической дури? — Теперь Кэран уже не пыталась скрыть, что рассержена. — Последнее время я не узнаю тебя, Эдвард. Я выходила замуж за человека осторожного, умеющего принимать взвешенные решения. Этим ты выделялся среди своих взбалмошных родственников. Что теперь? Поддался наконец фамильному гонору? Слишком возгордился, нося на своей голове корону?

Фэринтайн накрыл лицо ладонями, медленно провел пальцами от уголков глаз к губам, успокаиваясь. Их брак с Кэран никогда нельзя было назвать спокойным, и ссорились супруги нередко. Темперамент его жене достался бешеный. Что сказать, если их свадьбе предшествовал поединок не на жизнь, а на смерть. Нередко даже сущие мелочи приводили к ожесточенным спорам. После очередной размолвки Эдварду часто казалось, что однажды он не сможет и дальше удерживать подле себя своенравную волшебницу. Фэринтайн думал — однажды он просто проснется и обнаружит, что остался в постели один. Кэран уйдет, исчезнет в той дымке старинных легенд и преданий, из которой прежде явилась.

Пока, однако, они были вместе. Общее дело объединяло их сильнее любви, привычки или даже занимаемого на двоих королевского трона. Несмотря на непонимание и ссоры. Несмотря на разочарование от невозможности зачать наследника, преследовавшее их уже много лет. Несмотря даже на порой прорывавшуюся взаимную усталость друг от друга.

«Мы последние чародеи, — говорила ему Кэран нередко. — Наш долг — овладеть силами, которыми распоряжались наши предки, проникнуть в секреты Древних, как во Вращающемся Замке, так и в других подобных местах, а также подготовить себе преемников. Сейчас мы олицетворяем собой новый Конклав магов. Однако мы не можем допустить, чтобы с нами он и закончился».

Еще вчера, когда сын лорда Раймонда едва не схлестнулся в Сиреновом Зале с мятежниками, Фэринтайн не желал вмешиваться — до последнего хотел остаться в стороне. Теперь все изменилось. Если древние силы севера проснулись вновь — на счету каждый потомок старых Домов Крови, наделенный способностью творить колдовство.

— Артур Айтверн обладает сильным даром, — сказал Эдвард. — Он потомок самих основателей прежнего Конклава. Эйдана, Оливера, Ричарда, Патрика и многих других чародеев древности. Я не могу позволить, чтоб человек с подобной наследственностью сложил голову столь нелепо. В какой-то мелкой стычке, на никчемной войне за корону, которой в будущих книгах по истории и двух страниц не уделят.

— Даже если Артур погибнет, у нас остается его сестра. И молодой Рейсворт. Лейвис совсем неплох. Он выручил меня своей поддержкой в ратуше. Если б не он, я бы не удержала потолок, прежде чем все успели выйти, но он помог. Я успела заметить, у него очень хорошие способности. Может быть, даже более сильные, чем у его кузена, за которого ты сейчас так печешься.

— Может быть, — не стал спорить Фэринтайн. — Однако сейчас у нас под присмотром находятся три молодых Айтверна — а через несколько часов, возможно, если я не вмешаюсь, одного из них не станет. Драконьих Владык осталось немного, и нельзя рисковать их жизнями.

— Будет лучше, если погибнет последний Повелитель Холмов? Оставишь трон на Гленана? Он не обладает и десятой долей твоей Силы. Простейшие из приемов магии даются ему с трудом. Много лет мы потратили на то, чтоб понять тайну, скрытую в Каэр Сиди. Сейчас ты едва-едва овладел этим могуществом, начал хотя бы понимать, как можно его применить. Гленан этой силой распоряжаться не сможет.

— Оно и к лучшему. Это не та сила, которой я хотел бы владеть. Не та, которой должен распоряжаться один-единственный человек, каким бы он ни был, пусть даже трижды король. Ты прекрасно понимаешь это и сама.

— Пусть так. Но скажи мне, Эдвард Фэринтайн — на кого ты оставишь меня?

Лорд Вращающегося Замка посмотрел на жену — и увидел, что глаза ее блестят от едва сдерживаемых слез. Порывисто встал с кресла, подошел к Кэран, склонился над ней, обнял. Та в свою очередь прижалась головой к его груди, с силой обхватила руками спину, вздохнула. Эдвард осторожно провел пальцами по плечам супруги, чувствуя их дрожь. Овладевшая почти всеми секретами магии, сколько их есть на свете; могущественная настолько, что могла бы убивать людей взглядом; никогда не робевшая с генералами и королями; Кэран боялась сейчас как ребенок. Эдвард понимал, что боится она за него.

— Прости меня, родная, — сказал он тихо. — Но я должен ехать. Там Кэмерон — если бы не она, не было бы сейчас страны, которой мы правим. Там Клифф. Он может и старый мерзавец, но дружили мы с ним дольше, чем воевали, и союзником он был верным. Помнишь Гледерика? Вот уж о ком я бы слова хорошего не сказал. Но он спас нас когда-то. Не потому, что был должен, а ему просто так захотелось. Я был тогда в ловушке, а он привез нам спасение. Артур Айтверн — от той же крови, что он. Я могу ему помочь.

— Ты можешь погибнуть, — пальцы Кэран упрямо вцепились ему в плечо.

— Как и сотню раз до того. Оставайся здесь, и присмотри за Лейвисом и Айной, пожалуйста. Эти дети запутались и сами не понимают, что творят. А я сделаю, что смогу, для их брата. Мы не просто чародеи — мы старше, умнее и опытнее их. Наша история уже рассказана, а их — происходит сейчас. Кто им поможет, если не мы? Клифф понял это первым. Теперь понимаю и я.

— Эдвард Фэринтайн, — голос Повелительницы чар был тих и решителен, — чтобы ни случилось, я запрещаю тебе умирать. Иначе из самой далекой бездны я вытащу твою душу, исторгну ее обратно в мир живых и подвергну таким мукам, каких ты себе и представить не можешь.

Он склонился и поцеловал ее в лоб:

— Конечно, родная. Конечно. Я ни за что не умру, ведь у меня лучшая на свете жена.

— Подожди, — сказала Кэран, чуть отстраняясь, — прежде я залечу твою рану. Иначе ты будешь хромать, и какой тогда из тебя боец?

— Не стоит, — отмахнулся Эдвард. — Ты только попусту растратишь силу. Все равно я буду в седле.

— Стоит, — губы чародейки предательски дрожали, — мало ли что может случиться.

Фэринтайн нахмурился. Он знал, что его супруга крайне искусна в магии исцеления — может быть в большей степени, чем кто-либо еще из ныне живущих на земле. Ведь именно она некогда выходила его старшего брата после смертельной казалась бы раны, полученной им в битве у реки Твейн. Однако требовали подобные чары немалых усилий, и способны были истощить творящего их на много дней вперед.

— Если ты ослабнешь, — сказал он осторожно, — не сможешь себя защитить, если на Тимлейнский замок в мое отсутствие нападут.

— А если ты не будешь владеть ногой, то просто умрешь. Замолчи, Эдвард. Не мешай мне тебя спасать.

Кэран наклонилась вперед. Коснулась ладонями его ноги, сейчас наскоро перебинтованной. Фэринтайн поморщился, едва не отдернулся, чувствуя, как отдается это прикосновение стремительно нарастающей пульсирующей болью — однако сдержался. Кэран Кэйвен закрыла глаза, сжала руку со всей силы — и пальцы ее налились жаром, отчетливо ощутимым даже сквозь плотную ткань брюк. Эдвард почувствовал, как горит раненое колено, словно до него дотронулись факелом. Капли пота выступили на лбу чародейки, губы два раза беззвучно шевельнулись, казалось произнося некое имя — а затем боль сделалась нестерпимой, будто мышцы на ноге принялись резать ножом — и внезапно прошла.

Эдвард развернулся. Сделал шаг. Ни следа хромоты. Ни следа боли. Он снова был абсолютно здоров — здоров и готов к бою.

Кэран откинулась в кресле, тяжело дыша:

— Можете не благодарить, ваше величество, — сказала она.

* * *

— Герцог Айтверн, — при виде Артура лицо капитана Стивена Паттерса посветлело, — вот и вы. Составьте нам компанию за столом, будем рады.

— Составлю, — хмуро ответил юноша, садясь на бревно, — вот только стола никакого я здесь не вижу.

Паттерс широко осклабился:

— Так ведь и мы не видим. Но давайте представим, что он тут есть.

Артур взялся за нож, нарезал себе конской колбасы, положил на хлеб. В животе урчало — он ведь пропустил завтрак, а минуло с пробуждения уже часа три или четыре, вместивших в себя переговоры и бой. Айтверн принялся за пищу, временами поглядывая на товарищей. Офицеры Тарвела держались весело, налегали на обед, попутно оживленно переговаривались. По рукам ходили две фляжки с вином. Сидевшие в общем круге Клифф и Кэмерон тоже казались расслабленными. Заметив выражение лица Артура, Кэмерон, однако, встревожилась. Вдовствующая королева подалась вперед, не стесняясь посторонних тронула его за руку:

— Выглядишь так, будто только что повстречал дьявола. Что не так?

— Герцог Айтверн разговаривал с герцогом Тарвелом, я видел, — вставил Паттерс. — Еще в начале сражения между ними случилась перепалка, если помните. — Капитан внимательно посмотрел на Айтверна. — Я понимаю ваши чувства, сэр, — сказал он с несвойственным ему обычно дружелюбием. — Лорд Данкан непростой человек. Не любит, когда ему перечат и не любит, когда отступают от старых правил ведения боя. Однако ни я, ни мои солдаты не осуждаем вас. Вы сражались доблестно, и мы признаем вас своим командиром.

— Дело не в недовольстве Тарвела, — Артур отрезал себе еще кусок вяленого мяса, положил в рот, наскоро прожевал. — Я служил в Стеренхорде два года оруженосцем и видал вашего господина в настроении и похуже.

— В чем тогда? — нахмурилась Кэмерон.

Айтверн чуть замялся, прежде чем ответить. Положение их маленькой армии и без того было отчаянным. Уступая противнику в численности трехкратно, они могли рассчитывать пока что лишь на защиту возведенных людьми Данкана за лето укреплений. Однако защита это сойдет на нет, как только из столицы прибудет осадный парк — а случится это, согласно заверениям покойного Брэдли, возможно уже завтра. Все надежды осажденных возлагались на скорый подход союзного отряда — что позволило бы вырваться из окружения и попробовать занять в ближайших окрестностях столицы крепость более надежную, чем на скорую руку сколоченный деревянный форт. Теперь этой надежды не осталось.

Артур не знал, как лучше сообщить товарищам о новостях, а потому сказал прямо:

— Алистер не придет. Сэр Данкан обманул нас. Он испугался за судьбу племянника. Говорит, не может рисковать жизнью наследника в безнадежном бою. Гонец, которого он послал к Алистеру, уехал с приказом бежать тому в Стеренхорд. Мы же, господа, стоим здесь не просто так — а чтобы задержать армию мятежников. Мол, вдруг бы решили те отыграться на последнем из Железных герцогов. Сэр Данкан знатный перестраховщик, я погляжу.

— Проклятье, — выпалил Паттерс прежде, чем кто иной успел бы вставить лишнее слово. — Вы не лжете?

Айтверн прищурился:

— По-вашему, я в настолько дурном настроении, чтобы вас разыграть? Нет, сударь. У нас две тысячи человек против почти семи, не считая наших обозников и прочих слуг. Однако даже если мы раздадим топоры и ножи всем маркитантам до последнего, врага все

равно будет вдвое больше, и помощи нам уже не придет. У меня сложилось впечатление, что ваш, Остин, герцог, сам вознамерился героически умереть — и заодно прихватит в могилу всех нас.

Несколько сидевших рядом с Паттерсом офицеров обменялись тихими репликами — в которых слышались разом недоверие и недовольство. Капитан Греган так и вовсе посмотрел на юношу волком. Артур понимал, насколько сложно им оказалось принять услышанное. Он и сам это едва принял, и хотел бы, чтоб слова Тарвела оказались дурной шуткой. Дурной шуткой они, однако, не были. Юноша скосил глаза на Кэмерон — та сидела с каменным лицом, не проронив ни звука после принесенного им известия. Только пальцы сжали рукоятку меча с такой силой, что побелели костяшки. «Что ж, это не первый раз, когда леди Кэмерон оказывается в безысходном положении, окруженная неприятелем со всех сторон. Вот только сейчас нас и в самом деле никто не спасет».

— Что ж, чего-то подобного я ожидал, — сказал Клифф задумчиво. Чернобородый король сидел чуть сгорбившись, подперев кулаком подбородок. — Данкан Тарвел никогда не казался ни прямолинейным, ни излишне сговорчивым. Сиди он при дворе, а не прозябай в провинциальном замке, был бы, несомненно, самым хитрым и опасным среди политиков нынешнего времени. Я удивился, когда он так охотно пошел нам навстречу.

— Странно будет, — сказал Артур, — если вы ничего не предприняли на такой случай. Прежде в недостатке хитрости не упрекали вас.

Король Гарланда развел руками:

— Ну простите, сэр Артур, если не оправдываю ваших ожиданий. Я, конечно, набросал пару писем еще с утра. Своим людям, к примеру, ожидающим меня в безопасном месте с моей семьей — чтоб ехали в сторону гарландской границы. Что еще я могу сделать? До моего королевства отсюда почти триста миль и вызвать армию я не могу. К тому же, — Клифф усмехнулся, — я согласился драться вместе с вами, но пока не соглашался начинать войну. Здесь я неофициально, и вражеским командирам предпочел бы не попадаться на глаза.

— Однако, — заметил Артур, — здесь вы можете вполне официально умереть.

— Могу. Поэтому давайте думать, как нам выбираться из сложившейся передряги.

— Мы должны идти на прорыв, — сказала Кэмерон. — Посадим кого можем на коней. Если надо — по два человека в седло. Хоть по три, но людей нужно отсюда спасти. Вечером разберем часть стены, как стемнеет. Враг, надеюсь, не заметит. За полночь вырвемся, сомнем часовых.

— Потом куда? — спросил Паттерс. — Я не хочу возвращаться в Стеренхорд. Этот человек, герцог Тарвел, может и платил мне два года звонкой монетой, но сегодня мое доверие предал.

Артур очаровательно улыбнулся:

— Предыдущий капитан моей гвардии, Клаус Фаллен, не пользуется у меня особым доверием. Не удивлюсь, если он уже принял сторону восставших. Хотите занять его место, Остин?

— Почту за честь, сударь. Однако это не отменяет моего вопроса.

— В Малерионе у меня еще найдутся верные люди, я полагаю. Если даже нет — тамошних запасов золота с лихвой хватит на то, чтоб купить и вооружить наемников. Главное, занять цитадель. Если поспешим, будем там раньше мятежников. Город отлично укреплен и способен выдержать двухлетнюю осаду. Кроме того, это один из главных

иберленских портов. Он способен принимать корабли как с запасами продовольствия, так и с войсками, — Артур выразительно посмотрел на Клиффа. Тот усмехнулся:

— Вы все же предлагаете мне сделать войну Иберлена и Гарланда делом решенным.

— Я лишь прошу Гарланд помочь мне, как правой руке иберленского короля, покончить с этим восстанием. Как покинем это место, разделимся. Вы — в сторону вашей границы и ваших войск, я — в Малерион, собирать свою армию. Если ударим сразу с запада и востока, Тимлейн будет наш не позже следующей весны.

— Я подумаю, — сказал Клифф неопределенно. — Если мы все же это место покинем Живыми. Леди Кэмерон, ваш план хорош, но рискован. Лошадей у нас куда меньше, нежели людей. Всех мы отсюда не выведем, а если потащим в седлах по два человека сразу, кони пойдут медленнее, и враг нас догонит. Предлагаю собрать отряд только из рыцарей и конных стрелков, а всю прислугу и пехоту оставить здесь. Командующие армией противника полагают себя людьми благородными, и не станут отыгрываться на челяди и простых бойцах. Скорее всего, распустят их по домам или вовсе возьмут себе на службу.

— У меня нет привычки, — Кэмерон гордо вскинула подбородок, — бросать своих людей.

— Своих вы может и не бросаете, но эти солдаты не ваши, а герцога Тарвела. Я привык рассуждать как стратег, простите меня за это. Лишняя тысяча человек погоды сейчас все равно не сделает. Нам нужно собрать кавалерию в кулак и выручать ее. Имеющегося ее состава в самом деле хватит герцогу Айтверну, чтоб занять какой-нибудь подходящий, не занятый врагом город.

— Я поддержу его величество Клиффа, — признался Паттерс. Два других капитана, Греган и Лирман, кивнули — второй, правда, после короткой заминки. — Нужно собрать к вечеру сотен пять конницы, самое большее — восемь, и полагаться на нее. Нас здесь слишком мало для того, чтоб выдержать длительную осаду, и слишком много — чтоб получилось отчаянное бегство. Но решать вам, герцог Айтверн.

Артуру почти не пришлось раздумывать. Во многом он разделял позицию Кэмерон и сам не хотел бросать людей, вставших сейчас под его стяг — пусть и вставших лишь по приказу своего сеньора. С другой стороны, очевидно было, что Клифф прав. Эвакуировать весь лагерь не получится — придется ограничиться лишь костяком конницы, наиболее подвижной ее частью. Всем прочим, кто не покинет форт, мятежники скорее всего и впрямь не сделают ничего дурного.

— Господа капитаны, — обратился Айтверн к троице офицеров, — кому в большей степени подчиняются ваши роты, герцогу Тарвелу или вам?

— Нам, — ответил Паттерс без колебаний. Оба его товарища утвердительно кивнули. — Я со своими людьми перешел к Тарвелу на службу всего пару лет назад, покинув Тресвальда. Лирман здесь тоже недавно. Мы идem за тем, кто заслужит наше уважение, а старина Данкан его только что потерял.

Артур вдруг почувствовал, как в его голове формируется план. «Я потерял собственную гвардию вместе с Фалленом — но возможно, смогу обрести новую здесь? Раз Тарвел подвел меня, я вправе взять с него возмещение ущерба. Его собственными людьми».

— У нас тут шесть с половиной сотен добрых гвардейцев под началом, все с оружием и лошадьми, — ответил ему Паттерс.

— А рыцари и вассалы Стеренхорда, что скажете о них?

— Этими Данкан командует лично, и с ними лучше разговор не вести. Их здесь всего

двести человек, большая часть осталась с Алистером. Остальное копейщики и лучники.

— Я вас понял. — Артур подался вперед. — Господа Паттерс, Лирман, Греган. Вы сами признали, что сражался я сегодня храбро, а золота в моих сундуках больше, чем у любого другого иберленского дворянина, и жалование своим солдатам я плачу исправно. Один мой друг — наш король, другой — король Гарланда, — юноша указал на Клиффа, — и королева Эринланда — тоже на моей стороне. Предлагаю вам поступить мне на службу — жалеть вам о том не придется.

— Клянусь честью, — воскликнул Паттерс, — не предложи вы того сейчас, я бы сам просил вас об этом. Меня оскорбляет идея о службе человеку, из непонятных соображений заведшему нас почитай на верную гибель — а вы, по крайней мере, можете нас спасти.

— Согласен, — поддержал его Лирман, а Греган просто кивнул.

— Что ж, господа офицеры, добро пожаловать под драконий стяг. Выслушайте теперь мои распоряжения. Оповестите своих лейтенантов, а те пусть оповестят сержантов — в два часа ночи всеми вашими шестью сотнями человек выходим в рейд на противника. Те как раз собрались стать напротив нас лагерем — объявим своим, будто намерены навести в этом лагере шороху. Сами же прорвемся сквозь их посты и будем скакать на запад столь быстро, насколько хватит духу, по Окружной дороге. Но никто, кроме нас, присутствующих здесь, не должен догадываться, что наша вылазка — на самом деле бегство.

— Я понял вас, — сказал Паттерс. — Тарвела вы с собой не берете?

— Не беру. Герцог Тарвел останется здесь, командовать своими ленными рыцарями и челядью. Думаю, с предводителями неприятеля он как-нибудь найдет общий язык, и они отпустят его живым в Стеренхорд. А если нет... — Артур пожал плечами, — на нет и суда нет. Я уже не смогу доверять сэру Данкану, в любом случае — а значит, лучше наши дороги разойдутся.

— Жестоко, — пробормотал Клифф, — но правильно.

— А вот я не уверена в правильности ваших решений, сэр Артур, — Кэмерон посмотрела на юношу едва ли не с вызовом. — Пусть мы не можем вывезти всю прислугу, я понимаю, подобное нам не по силам. Однако мы можем договориться с Тарвелом и уйти хотя бы вместе с ним и всеми его рыцарями.

— Договориться? — Айтверн едва не фыркнул. — Моя дорогая леди, простите меня, но когда я в предыдущий раз договаривался с этим господином, это стоило мне жизни моего друга, Александра Гальса. Хватит с меня договоров. Людям, присутствующим здесь, я доверяю, а сэру Данкану — больше нет. На этом любые прения и закончим.

По Кэмерон было видно, она готова спорить и дальше. Тем не менее, эринландка сделала над собой явственное усилие и кивнула:

— Хорошо. Командуешь нами, в самом деле, ты. Я не стану тебе перечить.

— Замечательно, — Артур потянулся к большой головке сыра. — А теперь, раз мы в целом определились с планами, продолжим обед. Я не думаю, что вечером враг еще раз осмелится пойти на приступ — но исключать такой возможности все равно нельзя. Занимайтесь затем своими людьми, готовьтесь к ночи, а я останусь с пехотинцами на воротах. На случай, если состоится еще одна атака.

— Ты думаешь, — спросил Клифф, — Тарвел поверит, что ты вознамерился именно напасть ночью на вражеские отряды, а не сбежать налегке, оставив его одного?

— Может и не поверит, — пожал Артур плечами, — но разницы уже нет. Собственной гвардии он только что лишился. Соотношение сил у нас получается почти равное, и

междоусобной бойни не допустит ни он, ни я. Так что как-нибудь сэра Данкан переживет наш уход.

* * *

Тимлейн был напряжен и встревожен. Вести о том, что Король-Чародей нанес новый удар, явив свою магию прямо на принесении нобилями присяги Айне Айтверн, в мгновение ока разлетелась по столице. Жители заперлись в своих домах, закрыли оконные ставни. Патрули перегородили основные городские проспекты. Центральные районы и окрестности королевской цитадели остались открытыми только для солдат и лиц, исполняющих поручения Коронного совета. Лорд-констебль Рейсворт распорядился привести войска в полную боевую готовность. Он приказал армии ожидать вражеского удара, каким бы тот не оказался, в любую минуту.

Отряды, в количестве четырех тысяч человек, что должны были этим вечером выступить на юг, на поддержку ушедшему вчера усмирять герцога Тарвела Эйтону Брэдли, и доставить ему стенобитные машины и приставные башни, также остались в Тимлейне. Теперь эта затея явно становилась для Рейсворта и Эрдера не самым важным делом. Неизвестный противник обрушил колдовство в самое сердце казалось бы захваченного ими государства, и теперь вчерашние победители напряженно ожидали следующей его атаки. С мрачной иронией Эдвард Фэринтайн подумал, что устроенный темными эльфами демарш невольно сыграет на руку Артуру Айтверну. Если бы не наведенный ими в столице переполох, дополнительные войска уже двигались бы на подмогу Брэдли и Ардерону — и тогда Айтверна и Тарвела не выручило бы ничто. Теперь же у них, возможно, появился шанс.

Оставив Кэран в королевском замке, под охраной двадцати своих гвардейцев, Эдвард взял с собой полтора десятка рыцарей, в их числе капитанов Кэбри и Свона. Кэбри и прежде знал с иберленцами — так, например, он дружил с покойным Гледериком, когда тот подвизался при эринландском дворе, и сопровождал его некогда в одной довольно щекотливой миссии. Томас же Свон был известен как храбрый и умелый воин еще со времен последней гарландской кампании, где сражался под началом Джеральда Лейера, ставшего ныне генералом.

Столицу эринландцы покинули спокойно, не встретив по пути никаких препон со стороны охранявших внутренние и внешние ворота стражников — а вот Королевской тропы оказался перегорожен баррикадой из сваленных друг на друга телег. Командовавший стоящим здесь же отрядом офицер сообщил Фэринтайну, что главная южная дорога закрыта для проезда и пешком, и конным приказом констебля Рейсворта.

— Далее расположились части Данкана Тарвела, известного пособничеством узурпатору, и никому в этом направлении дороги нет, — сообщил рыжебородый лейтенант.

— Разве Данкан Тарвел успел поднять оружие против королевы Айны? — делано удивился Эдвард. — Насколько знаю, известий о подобном происшествии не поступало, а я приближен к вашему королевскому совету. Что до прошлого пособничества узурпатору, с каких пор это сделалось преступлением? Еще недавно граф Рейсворт и сам привел армию узурпатора в этот город.

Солдаты угрожающе положили ладони на рукоятки мечей и теснее сдвинулись плечами, но их предводитель сделал успокаивающий жест. Ссориться с королем Эринланда в его

намерения не входило явно.

— Я ничего не знаю о политике, — сказал он просто. — И мне все равно, кто носит корону. Мой командир дал мне приказ — его я и исполняю. В южном направлении Королевский тракт закрыт. Если желаете ехать на юг, милорд — ваше право. Только езжайте, я вас прошу, каким-нибудь другим путем.

— Так и поступлю, вы уж поверьте, — бросил Эдвард и развернул коня. — Только смотрите, чтоб ваше равнодушие, кто носит корону, не вышло вам в конечном счете боком.

Выезд на Окружную дорогу, делавшую изрядный крюк с запада, оказался свободен — им небольшой отряд и воспользовался. Эринландцы не жалели коней, скакали почти во весь опор. Путь оставался свободен — солдат не встречалось, а простые путники, завидев вооруженную кавалькаду, спешили убраться на обочину. Эдвард даже успел немного подремать в седле, сказала выработанная за многие годы походной жизни привычка. Невольно ему вспомнился другой марш, некогда совершенный им — от замка Каэр Сейнт, где сложил голову его старший брат Гилмор, к Таэрверну. Эринландская армия тогда понесла страшный разгром на Броквольском поле, где пал король Хендрик, и враг прорывался к столице. Тогда Фэринтайну казалась, что родина его находится на самой грани уничтожения. Это сейчас Клифф Рэдгар сделался добрым соседом. Тогда он был разбойником, готовым захватить его дом.

«А сейчас я и сам не знаю, что за игра пошла и какие в ней ставки, — подумал Эдвард невесело. — Смертельные противники превратились в друзей, а Фэринтайн спешит спасти Айтверна от неминуемой смерти». Когда-то давно, он читал, Айтверны, Фэринтайны и Кэйвены уже были союзниками — на той войне, когда погиб прежний Конклав.

Часу в пятом пополудни Фэринтайн и его свита нагнали большой воинский отряд, также следующий на юг. На глаз — двадцать или тридцать сотен, все хорошо вооруженные. Почти половина — тяжелая конница, остальные пикинеры и алебардисты. Шли солдаты под флагом Стеренхорда — вставшим на задние лапы медведем. Завидев эринландцев, отряд под приказы своих командиров встал, и Фэринтайна отвели к его предводителю.

Плечистый черноволосый здоровяк, облаченный в панцирные латы и сидящий верхом на белом в серых яблоках коне, был Эдварду незнаком. На вид молодому рыцарю было что-то около двадцати пяти лет, и серые его глаза смотрели прямо и ясно. Он поздоровался с Фэринтайном рукопожатием, оказавшимся поистине медвежьим.

— Доброго дня, любезный сэр. На лицо вы — ни дать ни взять эльф с картинки из книги.

— Я эльф и есть, — ответил эринландец без улыбки. К подобным замечаниям он привык с детства. — Я Эдвард Фэринтайн, государь Эринланда. Мои предки, если слышали, жили когда-то в чертогах под холмами.

— Вот так гости в нашем захолустье, — присвистнул незнакомец. — Мое почтение, сэр король. Меня звать сэр Алистер, из дома Тарвелов Стеренхордских. С чем вы пожаловали в наши края, с дружбой или с враждой? Мне донесли, что в государстве началась смута, и я двигаюсь на помощь к моему дяде, сэру Данкану. Если вы на стороне мерзавцев, узурпировавших Серебряный Престол, доставайте оружие. Я сражусь с вами один на один, будь вы хоть трижды король.

— В сражении нет нужды, — ответил Эдвард спокойно. — У меня здесь те же цели, что и у вас. Я покинул Тимлейн, узнав, что в ставке вашего дяди находится герцог Айтверн. Я спешу оказать ему помощь. У меня с собой, как видите, немного солдат — но сейчас сэру

Артуру пригодится, полагаю, каждый меч.

«А также магия, которой я владею», — подумал Фэринтайн про себя, но вслух говорить не стал. Прежде ему нечасто доводилось испытывать свое колдовство в открытом бою. Возможно, однако, придется испытать сегодня — уже во второй раз за день.

Алистер Тарвел прищурился. Посмотрел на эринландского короля без всякой доверчивости:

— А вы не врете, любезный? Насчет того, что поддерживаете Айтверна, а не его врагов? Сами посудите, у меня с собой солдат — двадцать семь сотен и еще пятьдесят клинков, а у вас и двадцати голов не наберется. Не желаете ли вы сойти за союзника, опасаясь моего гнева?

— Будь я вам врагом, просто не стал бы вас догонять — ввиду вашего численного перевеса. Не будьте слишком недоверчивым, сэр Алистер. Я в самом деле сражаюсь против тех же людей, против которых сражаетесь вы, и прошу довериться мне в этом вопросе. Даже иберленцам должно быть известно, что Фэринтайны никогда не бьют в спину.

Последние слова не соответствовали действительности — если вспомнить хотя бы коварство покойного Гилмора, в свое время заведшего собственного брата в смертельную, как думалось ему, ловушку. Однако этой истории сэр Алистер не знал, да и слава о владетелях Каэр Сиди в самом деле шла добрая, так что младший Тарвел явно расслабился. Он предложил Фэринтайну и его людям занять рядом с собой и избранными своими товарищами место во главе авангарда. Сразу после этого небольшое войско двинулось дальше.

— Значит, — спросил Эдвард, — ваш дядя призвал вас к себе на помощь? В таком случае, встретились мы весьма удачно.

Молодой Тарвел улыбнулся, но без всякой веселости.

— Так, да не так. Ко мне явился два часа назад гонец, и конь под ним был весь в мыле. Гонец доставил письмо от дяди, а в том письме говорилось, чтоб я немедленно собирал людей и убирался домой, в Стеренхорд. Лорд Данкан сказал, Гайвен Ретвальд свергнут собственными сподвижниками, а к нему самому явился герцог Запада с очередной просьбой о помощи. Дядя решил эту просьбу принять, вот только считает весь замысел обреченным на провал. Он не хотел втягивать меня во всю заварушку.

— Однако вы втянулись. По собственной инициативе, получается? Против воли своего сюзерена?

Сэр Алистер покосился на Эдварда чуть ли не с удивлением:

— А вы думали, я побегу? То есть мой дядя, кажется, думал. Вот только, — молодой рыцарь замялся, — вот только он мой дядя, а не все же какой-то там иноземный пес, которого я знать не знаю и в глаза не видел. Оставить сэра Данкана одного в таком положении я не мог. Минут за пятнадцать я написал письмо жене, дал наказ все тому же гонцу везти его в Стеренхорд, а сам оказался здесь.

— Ясно, — сказал Эдвард.

Старший Тарвел, видимо, решил проявить хитрость — да вот только эта хитрость сломалась об честность и прямоту его наследника. Подобное положение дел было Фэринтайну на руку, ведь теперь сопровождение, с которым он ехал на помощь Айтверну, увеличилось более чем в двадцать раз. Дело переставало казаться таким уж безнадежным — особенно если учесть, что силы Рейсворта заперты в столице, в ожидании нового нападения со стороны Короля-Колдуна, и не выручат теперь Брэдли.

Отряд ехал молча, и какое-то время Эдвард слышал только свист ветра в ушах да стук конских копыт. Вопреки первоначальному впечатлению, особенно разговорчивым молодой Тарвел все же не был. Напротив, стоило войску тронуться, он погрузился в собственные мысли. Иногда, впрочем, племянник Тарвела принимался беззвучно шевелить губами, вглядываясь в линию горизонта.

Минут через пятнадцать Эдвард спросил его:

— Сэр Алистер, а что вы написали своей жене?

— Что обычно пишу, — ответил наследник Тарвелов слегка недоуменно. — Что люблю и скучаю. Еще приложил полагающийся случаю сонет — сочинился как раз накануне.

— Я имею в виду, не было ли это письмо прощальным? На случай ваших возможных поражения и кончины? Предупредили ли вы супругу о подобной возможности?

— Что? Поражение? Кончина? Какую чушь вы несете, любезный король. Мы едем побеждать — в этом я уверен абсолютно точно, — сэр Алистер улыбнулся и ударил коня по бокам.

Невольно подумав, что попал в компанию двойника покойного Хендрика, Эдвард Фэринтайн прищепил собственную лошадь — и без труда нагнал иберленца. Какое-то время два рыцаря ехали бок о бок, вырвавшись на несколько десятков ярдов вперед воинской колонны, и Фэринтайн слушал, как Тарвел мурлычет себе под нос старую походную песню. Через некоторое время он принялся ему подпевать.

* * *

Вопреки всем ожиданиям, часам к пяти вечера осаждающие вновь попытались пойти на штурм. Основная их часть, впрочем, в этой попытке не участвовала — приведенная покойным Брэдли армия отошла на другой край поля и принялась разбивать там стоянку. Отправленные к ближайшему лесу команды вернулись с поваленными и наскоро лишенными веток древесными стволами, которые тут же оказались вбиты в землю как основа для будущих шатров. Пока, однако, большая часть вражеских солдат обустроивала себе привал, еще несколько их сотен предприняли попытку вновь взять на зуб ворота обороняемого людьми Тарвела форта.

На сей раз в атаку пошла тяжелая панцирная пехота. Вооружением им служили закинутые на спину двуручные мечи. Построившись черепахой и прикрываясь большими, в полный рост, прямоугольными щитами, нападающие смогли подойти к лагерю, почти не понеся потерь от сделанных лучниками капитана Бэлфура выстрелов.

Вновь, как и в прошлый раз, Артур Айтверн встал в створке поверженных ворот, возглавив их защиту. Щит на сей раз он взял потяжелее и покрепче, и сам без усталости разил мечом. Со второй попытки дело пошло веселее, и никаких серьезных опасностей жизни молодого герцога Запада на сей раз не представилось.

Артур дрался в прочном строю, плечо к плечу с прочими латниками, и старался не вырываться вперед. Напротив, и сам как мог прикрывал товарищей. Если он видел, допустим, что какой-то из врагов, атакуя стоявших рядом с Артуром стеренхордских солдат, открывает себе корпус или, что случалось реже ввиду длины их щитов, ноги — Айтверн немедленно бросался вперед и производил выпад. Здесь его умение метко колоть, отработанное в учебных и боевых поединках на длинной шпаге, оказалось как нельзя кстати.

Артур делал длинный шаг вперед, наносил от плеча, с разворота, удар или тычок — и тут же отступал, прежде чем другой, более пронырливый противник, успел бы раскроить ему череп. Таким манером ему удалось за те сорок минут, что длилась схватка, поразить насмерть семь или восемь противников — а ранить, наверно, и того больше.

Бой так и не перерос в беспорядочную свалку — солдаты с обеих сторон сохранили четким строй. Воины Тарвела держались крепко — и атакующие, при всем своем натиске, не сумели прорваться сквозь их ряды. Видя, что противник не поддается, люди графа Рейсворта через какое-то время отступили, пятясь и не показываясь спин, обратно к ожидавшим их на удалении соратникам. Сын лорда Раймонда утер пот с лица. Он начинал уставать — впрочем, пока лишь немного. Требовалась короткая передышка — а дальше можно было драться снова, хоть до позднего вечера.

Несколько позже Артуру сообщили, что вся эта попытка штурма была не более чем отвлекающим маневром, и что в тот же самый момент еще одно неприятельское подразделение зашло к форту с другой, тыльной стороны, в месте, где на стене стояло меньше всего караульных. Лазутчики забросили поверх частокола крючья и сделали попытку забраться наверх. К счастью, часовые вовремя заметили их, кликнули на подмогу себе еще бойцов и вскоре перебили всех незваных гостей. Возглавил этот участок обороны как раз капитан Паттерс, случившийся неподалеку. Его люди сбросили солдат Рейсворта убитыми с парашютов, а парочку раненых взяли в плен и допросили — ничего, впрочем, толкового от них не услышав.

Тогда, впрочем, Айтверн ничего этого не знал. Едва закончился бой, он отошел обратно к костру, за которым недавно обедал, взялся за бурдюк с водой и принялся жадно пить. Горло пересохло, а легкие, казалось, горели огнем.

Рядом появился герцог Тарвел, до того отсиживавшийся в своем шатре.

— Отличная вышла драка, мальчик, — сказал он, садясь на то же бревно рядом. — Я вижу, ты хорошо справляешься. Раньше слухи говорили о беспутном сыне лорда Раймонда, пьянице и развратнике. Теперь, если мы все переживем этот день, ты запомнишься людям совсем иным. Начнешь запоминаться.

— Не называйте меня больше «мальчиком», сударь, — ответил Айтверн холодно. — Я не потерплю подобного обращения ни от вас больше, ни от кого-нибудь другого. И используйте со мной, пожалуйста, слово «вы», а не «ты».

— Никаких попыток к примирению вы, значит, не принимаете? — спросил Тарвел неожиданно тяжело. В прошлом решимость Артура непременно бы дрогнула, и ему сделалось бы жаль наставника. Он бы сказал ему что-то теплое и постарался решить дело миром, забыв случившуюся размолвку. Сейчас, однако, сердце юноши билось спокойно и ровно.

— Мы не ссорились, — сказал Артур. — Просто солдату не позволено обращаться к командующему на «ты», а вы мой солдат.

— Понял вас, командир. Слышал, вы собираетесь ночью оцепить тылы наших противников. Смелая затея. Считаете, дело того стоит?

— Не вижу других выходов, — пожал Айтверн плечами. — Вашей милостью прежний план, куда с большей надежностью дававший нам шансы на победу, провален. Теперь мы — словно загнанный зверь, ожидающий прихода охотника, а охотник этот должен явиться уже скоро. Сбежать мы не сможем, понимаете сами — всю армию отсюда не уведешь, а драпать с горсткой людей, оставив остальных на произвол судьбы, я не стану, — ложь далась ему

легко и непринужденно, словно Артур и прежде лгал о подобных вещах раз по десять на дню. — Поэтому единственный выход — наброситься на противника неожиданно, пока он не готов к подобной наглости от нас, и убить столько врагов, сколько получится. Когда попробуют окружить — вырвемся и возвратимся сюда.

— В самом деле, разумно. Разрешите составить вам компанию в грядущем предприятии.

«Я разрешу вам это — и окажусь тем самым вынужден лицезреть ваше лицо и впредь подле себя, милейший Данкан?» Непрошенная фраза едва не сорвалась с языка, но Айтверн сдержался и вместо того спросил:

— Впредь вы предпочитали ставку командования полю боя. Что изменилось?

— Я виноват перед вами, — на мгновение голос Данкана все же дрогнул, — и потому желаю загладить свою вину. Вы рискуете жизнью — и я рискну своей вместе с вами.

— Спасибо, но я не нуждаюсь в ваших услугах. Возвращайтесь в свой шатер, к книгам, постели и теплomu питью. Не забудьте поесть горячих овощей на ночь.

— Сэр Артур. Я не часто обращаюсь с подобными просьбами — ни к вам, ни к кому бы то ни было иному. Разрешите мне драться.

— Не разрешаю. Разговор окончен. Идите отсюда, и, пожалуйста, побыстрее. Вы, сударь, начали меня утомлять.

Данкан порывался сказать что-то еще — но Айтверн запахнулся в плащ, будто его знобило, и сел к владельцу Стеренхорда спиной. Тот еще минут с пять посидел рядом, потом поднялся, тяжело вздохнул и ушел, поняв, очевидно, полную тщетность своих попыток. Некоторое время Артур был занят тем, что вновь натачивал меч, хоть никакой нужды в этом не было. Сделанный древними мастерами клинок и без того оставался безупречно острым. Затем к юноше подошла Кэмерон и встала рядом.

— Ты знаешь, что я не одобряю твой план, — сказала она.

— Знаю. Явилась мне попенять? Не ты первая, не ты последняя в этом ряду. Можешь, впрочем, приступать. Я послушаю, хотя и не обещаю, что внимательно, — Артур разговаривал с ней все так же равнодушно, как говорил перед тем с Тарвелом. Он вдруг понял, что бессмысленно оправдывать перед окружающими собственные действия. Если все равно окажешься заклеимлен и осужден, не придавай чужим мнениям и вовсе никакого веса.

Кэмерон наклонилась — и вырвала у Артура меч из рук. Сделала она это столь внезапно, что от неожиданности Айтверн растерялся и даже не успел ей помешать. С удивлением юноша посмотрел на вдову Хендрика Грейдана, а та, сделав несколько пробных взмахов клинком, вернула ему его обратно, рукояткой вперед:

— Нужно было как-то вырвать тебя из этой мрачной апатии, — сказала она чуть извиняющимся тоном, — и никакого способа лучше не пришло мне на ум. Слушай, Артур, — Кэмерон чуть замялась. — Я уже сказала, что не согласна с тобой, но это ничего не меняет. С Хендриком я тоже не всегда бывала согласна — однако уважала его право принимать решения самому.

— Помнится, это своеволие в конечном счете привело короля Хендрика в могилу.

— Совершенно верно. И тебя однажды приведет, если не будешь меня слушаться и дальше, — сказала Кэмерон неожиданно весело. — Но сегодня, так и быть, побудь немного упрямым. Умирать мне еще не хочется, и лучше твой план, чем какой-либо прочий. Ладно, хватит сидеть тут с потерянным видом. Пошли в твой шатер.

— С какой целью? — спросил Артур медленно, глядя на эринландку. Та стояла перед ним, так и не снявшая до сих пор боевого доспеха, и черные волосы лежали на плечах.

Начавшееся уже клониться к западу солнце четче обрисовывало ее фигуру.

— А ты как считаешь, с какой? — Кэмерон наклонилась и поцеловала его в губы. — Ты мужчина, я женщина, и у нас еще осталась пара свободных часов, прежде чем мы рванем костлявой в самую пасть. Проведем это время вместе.

Объятия Кэмерон оказались прочнее прочного, и каждый поцелуй ее заставлял Артура надеяться, что его жизнь не закончится этой ночью.

4 сентября 4948 года

Как и говорилось в старых преданиях, у высоких фэйри были свои, особенные способы для перемещения в пространстве. Предводитель посланных Сумеречным Королем Стражей Грани, назвавшийся именем Брелах, встал посредине принадлежавшей Повелителю Бурь библиотеки. На секунду напрягся, уронив подбородок на грудь — и Гайвен почувствовал, как воздух вокруг сделался колючим и холодным, словно подуло воющим на перевалах Каскадных гор стылым ветром. Затем пустота сама наполнилась мерцанием, расступилась, заиграв переплетением радужных красок.

— Вы тоже умеете открыть порталы, — бесстрастно констатировал Гайвен.

— И лучше многих, — ответил Брелах, издевательски кланяясь Шэгралу Крадхейку. — Иначе как бы мы оказались здесь столь быстро, милорд? Отправились в дорогу сразу, как только Дэлен бросил камешек в иберленское болото. Где он, кстати?

— В надежном месте. Где вам его не достать.

— Знаем мы все твои надежные места, старый лис, — Брелах говорил весело, словно разговор доставлял ему удовольствие. — Три команды, помимо нашей, отправились по всем логовам и пристанищам, которые вы используете. Так что не сомневайся, твой поделщик будет в Звездной Башне даже раньше тебя.

— Воля ваша, доставляйте, — ответил отец Бердарета-Колдуна равнодушно.

Темный Владыка не казался обеспокоенным или, тем более, испуганным. Напротив, он держался с достоинством человека, не признающего за собой никакой вины, а на направленных по его душу королевских посланцев и вовсе смотрел, словно на нерадивых слуг.

— Заходи, — сказал Брелах. — Там тебя уже ждут на выходе, и не думай ничего учудить. Никакого хитрого коленца в своем духе.

— Ты меня с кем-то путаешь, дорогой друг, — ответил ему Шэграл Крадхейк любезно. — Возможно, с собственными нерадивыми подчиненными, привычными прекословить тебе по любому поводу. Я уже сказал, мой король призвал меня — и я с радостью с ним увижусь. Мне найдется, что ответить на каждый заданный им вопрос, — и, не дожидаясь, что скажет на это страж, Повелитель Бурь легко шагнул в пространственную дверь. Пустота поглотила его без остатка.

— Если ты хотел поставить его на место, получилось неважно, — проронила рыжеволосая эльфийка, звали которую, как Гайвен узнал впоследствии, Айвин. — Любую брошенную тобой грубость он поднимет с пола и вернет обратно, доказывая тем самым свое превосходство.

— Да на здоровье, — криво усмехнулся Брелах. — Я хоть душу отвел.

Командир отряда махнул рукой и тоже сделал шаг к portalу. Сразу, впрочем, остановился и повернул голову, с легким любопытством глядя на Гайвена:

— Первый раз ты перемещался без сознания, верно? К тому же, ты не проходил в сами ворота. Тебя просто выдернули с места на место, а это совсем другое. Сейчас будь осторожен — с непривычки порталы пугают. Прохождение через них, я хочу сказать.

Юноша решил брать пример с родича, и ответил как мог более ровно:

— Меня не так легко запугать. Такой способ передвижения привычен для вас, а значит, я им воспользуюсь.

— Семейная гордыня, — пробормотал Брелах. Протянул Гайвену руку. — Держитесь за меня крепко, ваше величество. Это все равно, что танцевать по морю в шторм.

Гайвен обхватил пальцами крепкое, явно привыкшее к мечу запястье воина, и вместе они шагнули в портал. На мгновение мир вокруг подернулся дымкой и словно завертелся сумасшедшей юлой. Непроглядной вуалью на глаза молодому Ретвальду упала темнота. Голову закружило, опора под ногами исчезла, и юноше показалось, он висит в пустоте. Затем в окружающем иберленского короля мраке вдруг вспыхнули далекие, призрачные звезды — горящие слабым, едва уловимым светом. Возникло ощущение, будто он шагает по небу. Нахлынула внезапная паника, Гайвен едва не закричал — но понял, что не может вдохнуть в легкие воздух.

Закончилось все внезапно. Гайвен обнаружил, что стоит в какой-то комнате, лишенной окон точно так же, как и спальня, в которой он сегодня очнулся. Помещение было довольно богато обставлено — с лакированным столом, резными стульями, мягкой кушеткой. Свет давали две настенные электрические лампы.

Ретвальд огляделся, увидел в тройном зеркале комода собственное побледневшее лицо. Головокружение вдруг усилилось, и юноша пошатнулся. Ему пришлось сделать шаг вперед и опереться ладонью о край стола, дабы не упасть. Брелах тут же оказался рядом, помогая Гайвену сесть:

— Я же сказал, с непривычки сложно. Воды?

— Благодарю, сударь, — приняв стеклянный стакан, молодой Ретвальд осушил его тремя быстрыми глотками. В этот самый момент из портала вышли остальные трое эльфов, подчинявшихся Брелаху, и пространственные ворота мгновенно закрылись. Они будто свернулись в одну-единственную точку и тут же погасли.

— Ты всегда скверно настраиваешь переходы, — сердито сказала Айвин. — Я думала, меня разложит на элементы, пока летела сюда.

— Будет тебе ворчать. Живы — и ладно, — бросил Брелах примирительным тоном. — Идите, господа, видеть вас сейчас не хочу, и слышать ваше нытье тоже. Проведайте, пойман ли уже Дэлен, а если пойман, допросите. Любое его неосторожное слово поможет нам прищучить Шэграла, так что выведайте все, а будет молчать — пытайте. Мотори, доверяю это тебе. Ты, в отличие от этих оболтусов, хотя бы умеешь подобными вещами заниматься.

Белокожий черноволосый фэйри поклонился:

— Будет сделано, господин Брелах, — голос у него оказался мелодичный, словно пение флейты. — пытки, однако — немного не мой способ, да и не сломают его пытки. Я попробую вскрыть ему разум и прочитать душу, если вы мне это позволите, господин.

— Вскрывай и читай, разрешаю. Дело — хорошее, только смотри, не вываляйся по уши в нечистотах его смрадной души. Как закончишь, сразу доложишь мне. Айвин и Кенан, вы тоже идите, и учтите, я страсть как хочу кофе, так что возвращайтесь с ним.

Когда троица вышла, Брелах уселся напротив Гайвена, положив локти на стол:

— Должно быть, — спросил фэйри с усмешкой, — ты слегка обескуражен этой кутерьмой?

— Ничуть, — отвечал Гайвен. — Прежде чем вы явились, я успел обстоятельно побеседовать с лордом Шэгралом. По его словам, он не пользуется особенным доверием при

здешним дворе. Судя по вашему к нему отношению, это и правда так.

— Крадхейк — смутьян и бунтовщик, то здесь каждая собака слышала. Еще с тех пор, как воевал в вашей стране, а было это лет за восемьсот до моего рождения. С детства знаю, что от этого господина жди любой каверзы, а как начал служить в страже — лично за ним приглядываю. Его светлость Владыка Метели уже успел тебе выболтать твое с ним родство?

— Успел. Хотя и не могу сказать, что легко воспринял подобную новость.

— Еще бы, — веселье, испытываемое эльфом, стало еще явственней. — Это я сызмальства слышал, что лорд Шэграл — знатный бузотер. Ты, из преданий своей страны, знаешь о нем нечто иное. Порождение тьмы. Повелитель мрака. Князь демонов. Так говорят о нем человеческие сказки, или я путаю твоего прадеда с Падшей звездой?

— Прапрадеда. И да, вы правы, Темный Владыка в наших легендах — все равно что сам Люцифер. Тем более, согласно народной молве, темные фэйри с падшими ангелами состояли в родстве.

— Это спорный вопрос, что считать падшими ангелами. Но так или сяк, вживую на князя тьмы твой родственник смахивает не слишком, правильно? Накормил тебя довольно скверным завтраком, и небось, всю дорогу болтал, как радел за благо нашей стареющей нации? Пока мы, недаленовидные и поганые, не поняли его мудрых речей, — Брелах покачал головой, все также издевательски улыбаясь.

Почувствовав, тем не менее, в речи собеседника некое двойное дно, Гайвен осторожно заметил:

— Я встречал много действительно опасных людей. Взять хотя бы покойного лорда-констебля, Раймонда Айтверна, или Гледерика Кардана, до самой смерти претендовавшего на мой престол, или, совсем недавно, гарландского государя Клиффа. Все они были очаровательны и любезны, и вовсе не производили устрашающего впечатления. Тем не менее, они могли с одинаковой легкостью выпить с человеком вина или отправить его на плаху. Нечто подсказывает мне, лорд Шэграл — такой же.

— Верно подсказывает, — сказал Брелах уже без ухмылки, и в нотках его голоса проскользнуло нечто опасное. — Старый Шэграл именно таков. И я тоже именно таков, если ты не успел еще обмануться моим головотяпством. Я тебе больше скажу, Гайвен Ретвальд. Ты и сам ровно такой человек, как сейчас описал — судя по бойне, что устроил вчера в Тимлейнском замке. Хочешь заморить червячка? — спросил эльф без всякого перехода. — Видел, что у вас было на столе — мороз по коже пробежал. Я заказал Айвин только кофе, но она девочка умная, и завтрак снарядит на двоих.

— Был бы признателен, — ответил Гайвен чуть неловко. Он уже начал забывать о случившемся вчера — но Брелах напомнил ему об этом, и теперь юноша находился в смешанных чувствах.

Собственная магия, оказавшаяся на короткое мгновение доступной и позволившая покарать хотя бы нескольких обратившихся против него изменников, манила и вновь просилась в руки. Молодой Ретвальд понял, что не испытывает отвращения, вспоминая моменты, когда убивал Джеральда Коллинса или же служивших Рейсворту гвардейцев. Напротив — мысли об этом принесли ему удовольствие. Он хотел бы и в дальнейшем иметь возможность пользоваться подобным оружием — куда более опасным и смертоносным, чем любой меч или чем даже привезенная Фэринтайном пистоль.

«Шэграл, еще будучи голосом, шелестевшим в моих ушах, сказал, что сможет научить меня колдовству. Мне нужно держаться его стороны, потому что этот слишком веселый

фэйри вряд ли заинтересован хоть в чем-либо мне помогать. Для него я — лишь досадное недоразумение, впутанный в свои смутные планы опасным бунтовщиком полукровка».

— Где сейчас мой дед? — спросил Гайвен.

— Прапрадед, — тут же поддел его Брелах. — Его уже повели к Келиху. Вести с тем весьма непростой разговор — отвечать на вопросы, оправдываться, отпираться, юлить, все прочее, что твой родич в совершенстве умеет. Часа два пробеседуют точно.

— Келих — так зовут вашего государя, я запомнил правильно?

— Келих — мой младший брат. А еще это наш повелитель и сюзерен, король Волшебной Страны и владыка всех великих домов и колдовских племен, так что запомнил ты верно. О, — вскинулся предводитель Стражей Грани, — чувствую, обед несут. Подожди, два мгновенья...

Отворилась дверь, и в комнату вошла Айвин. Девушка внесла и поставила на стол большой поднос, на котором дымились три чашки с каким-то ароматным черным зельем, а также имелись тарелки с жареным мясом и отварным картофелем, с грибами и с сыром, и с морской рыбой, маринованной в овощах.

— Угощайся, — сделал широкий жест Брелах, — представляю, насколько ты остался голоден с предыдущей своей трапезы. Ну, милая леди, поведайте, что у нас там?

Прежде чем ответить, рыжеволосая эльфийка от души приложила к своей чашке. Хотя незнакомый Гайвену напиток был, кажется, свежесварен и явно очень горяч, Айвин за раз отхлебнула его не меньше половины.

— Дэлена поймали в Каэр Трелане полчаса назад, — сказала девушка, и ее командир удовлетворенно кивнул, будто подтвердились его собственные подозрения. — Хотели повести на дознание, но его величество повелел не трогать. Заявил, слуга не несет ответственности за приказы своего господина.

— Вот что называется, излишняя щепетильность, — пробормотал Брелах, и было видно, насколько сильно он недоволен. — Есть слуги, чью шею давно положено укоротить — безотносительно того, хорош или дурен их господин.

— Ты меня дальше слушать будешь? — спросила Айвин.

— Молчу, я полено.

— Молчи. Шэграл настоял на немедленном созыве Великого Тинга, и на том, чтоб провести его сегодня, не позже заката, а лучше — часа через три.

— Экий наглец! Келих уже посадил его в темницу?

— Келих согласился.

Темноволосый сид очень медленно поставил на край стола чашку, которую только что пил, и внимательно наблюдавший за ним Гайвен увидел, как руки Брелаха дрогнули.

— Рассказывай, — сказал он тихо.

— Что рассказывать? Великий Тинг за три часа не соберешь, это и дураку ясно. Его и за месяц попробуй собрать. Но Келих согласился провести заседание Лунного совета. Придут почти все главы Великих Домов, что находятся сейчас в столице. Их уже оповещают — и думаю, некоторые из них будут злы, но все же явятся. В восемнадцать часов начало, — Гайвен чуть опешил, прежде чем понял, что речь идет о старинной системе отсчитывать время от полуночи, а не от полудня. — Этого молодого человека, потомка Бердарета, тоже пригласили присутствовать.

— Вот как, — Брелах прищурился, — дай угадаю, зачем?

— Как решили твой брат и Крадхейк сообща, для решения иберленской смуты. Его

величество сказал, на сей раз доводы лорда Шэграла довольно весомы, и мы обязаны выслушать тимлейнского короля.

Ногти на руках у предводителя стражей в мгновение ока удлинились раза в три, словно кошка выпустила когти, и Брелах в гневе исцарапал ими лакированную столешницу, оставив в ней несколько глубоких борозд. Эта вспышка ярости была настолько неожиданной и быстрой, что Гайвен невольно вздрогнул. Однако фэйри овладел собой столь же быстро, и сказал елейным тоном, переведя на иберленца взгляд:

— Сударь, я вижу, вам предоставится прекрасный повод высказаться за благо собственной стареющей нации. Я надеюсь, вы уже заготовили несколько достаточно прекрасных аргументов в свою пользу? Если нет, постарайтесь. — Брелах перевел взгляд на подругу. — Не верил, что брат прогнется, — сказал он тяжело.

Айвин положила руку ему на плечо:

— Не здесь, я прошу тебя. Не при этом смертном. Он и так слышал многое.

— Что ж, ты права — к тому же, парень неглуп. Кровь скоро заговорит в нем. — Командир эльфийских воинов поднялся и тяжело посмотрел на Гайвена. — Сиди здесь и ешь. Как закончишь есть, просто сиди. За тобой придут, как настанет время. Часа через три, примерно. Сам выходить не пытайся, ибо двери тебе все равно не откроются. И, — Брелах чуть помедлил, прежде чем продолжить, — если ты втянешь мой народ в очередную бессмысленную войну, которая будет стоять нам хотя бы половину той крови, сколько стоили предыдущие попытки участвовать в делах человечества — учти, я найду и убью тебя сам, и тебе не понравится эта смерть.

— Я понял вас, сэра, — сказал Гайвен сухо.

— Уповаю на это.

Брелах и Айвин вышли, оставив молодого Ретвальда одного. Несмотря на голод, к еде юноша приступил далеко не сразу. Сперва Гайвену потребовалось хорошо осмыслить положение, в которое он попал. Шэграл сказал ему, что постарается склонить на свою сторону аристократов Волшебной Страны — видимо, именно этим ему и предстоит заняться на предстоящем совете. По поведению Брелаха Гайвен успел понять, что эльфийское общество расколото, и до последнего времени большинство в нем относилось к инициативам владельца замка Керлиндар с недоверием, если не сказать хуже. Однако, видимо, тот нашел, что сказать королю, дабы заставить его прислушаться к себе.

«Осталось выяснить, что сказать мне самому, когда меня спросят».

Впрочем, определенные соображения у Гайвена уже имелись. Он понимал, что судьба предоставляет ему шанс — и следовало этим шансом воспользоваться. Подавив вздох, юноша приступил к уже порядком остывшей трапезе — и за обедом продолжил продумывать слова, с которыми обратится к эльфийским лордам. Выступать в Коронном совете Иберлена ему было уже не привыкать, и вряд ли собрание местной знати удивит его сильнее, чем удивляло тимлейское. «У них у всех есть свои цели и интересы — нужно лишь показать, что исполнение моих собственных целей не принесет им вреда, а напротив, окажется полезно».

Гайвен отхлебнул черной настойки, с которой уже сошел пар. Горькая на вкус, та оказалась неожиданно бодрящей. Совсем не похожая на вино или пиво, она, кажется, не содержала алкоголя — и, в отличие от спиртных напитков, вселяла не только уверенность в себе и веселость, но и приятную ясность мысли.

В помещении не было никакого хронометра, и о ходе времени юноша мог лишь

догадываться. Закончив обед, он прошелся по комнате, подошел к двери. Ручки у нее также не было. Молодой Ретвальд предположил, что в двери может присутствовать специальный отпирающий механизм, срабатывающий при приближении к ней — но видимо, на иберленского гостя этот механизм настроен не был. Юноша вернулся к столу, но доедать принесенную эльфийской стражницей пищу не стал. Вместо этого взялся за принадлежавшую Брелаху чашку и отпил из нее. Гайвену требовалось сосредоточиться, а странное снадобье, называвшееся, кажется, кофе, помогало в этом как нельзя лучше.

«Я должен торопиться. Я не знаю, что сейчас происходит в Иберлене. Жив ли Артур, не попал ли он в плен. Прошло уже около суток с момента переговоров, а за сутки успеет случиться многое. Я не позволю, чтоб единственный человек, не изменивший мне, разделил судьбу своего отца. Эти твари думают, что вправе как им вздумается распоряжаться судьбой королевства. Пришла пора положить всему этому конец».

Гайвен чувствовал, как крепнет в нем решимость. Он понимал, что больше не вправе позволить себе мягкости. Есть люди, которые любую попытку быть к ним милосердным принимают за слабость. Путь огня и стали — вот единственный путь, который ему теперь оставался, если он хотел сохранить за собой Иберлен.

Прошло, должно быть, несколько часов, когда в комнату вернулась Айвин. Боевые свои золотистые латы девушка сменила на темно-фиолетовый брючный костюм. При тимлейнском дворе такие дамами не носились, и произвели бы там настоящий скандал. На Гайвена эльфийка посмотрела без малейшей приязни:

— Пошли, — сказала она сухо. — Тебя все заждались.

— Где милорд Брелах? — осведомился Гайвен, поднимаясь.

— Тоже ждет. Шевелите ногами, ваше величество.

Айвин провела Ретвальда несколькими безлюдными коридорами и двумя лестницами. Нигде юноша по-прежнему не видел и намек на окна, словно они находились в подполье. Ровный электрический свет струился с потолка. Повсюду — много непонятных изделий из стекла и металла. Обстановка оставалась роскошной, достойной королевских палат — изящной работы скульптуры в стенных нишах, мягкие узорчатые ковры под ногами, картины на стенах с рисунками незнакомых пейзажей и странных городов. Одна из этих картин особенно привлекла внимание Гайвена. Высокие тонкие башни, сделанные будто из серебра и сверкающие на солнце стеклянными галереями верхних этажей, стояли на берегу лазурного моря, в окружении пляжей и пирсов, к которым пристали белые корабли без мачт. Изображение было столь четким и мастерски выполненным, что казалось, это некая магия запечатлела его.

— Что это? — спросил, заинтересованный, Ретвальд.

— Мир, который вы, смертные, уничтожили, — бросила Айвин, не оборачиваясь.

Сквозь арочный проход эльфийка привела юношу в большую комнату с высоким сводчатым потолком, чей пол был выложен белым, с розовыми прожилками, мрамором. Простые деревянные скамьи амфитеатром спускались к пустующему пространству в середине зала. На нижних скамьях сидели, кто группами, кто по одиночке, несколько десятков человек. Или, вернее, нелюдей — понял Гайвен, приглядевшись к ним повнимательнее.

Большинство из них, конечно, были похожи на людей — примерно в той степени, в какой похожи на них Айтверны или Фэринтайны. Или сами Ретвальды. Лица — красивые и чуждые одновременно. Движения — мягкие, текущие и резкие сразу. Быстрые развороты

голов; молнии взглядов, сверкнувшие при появлении в дверях Гайвена и его спутницы. Горделивая надменность, что застыла в развороте плеч. Одежды у всех разные — кто в длинном церемониальном платье, расшитом серебром или золотом и с широкими рукавами; кто в облегающем ладного кроя костюме, сюртуке или жакете, похожем на тех, что носили в древности; кто в камзоле или дублете по нынешней моде Срединных Земель. Разные прически, разные лица, разные жесты. Общее у всей этой разношерстной публики лишь одно. Древность и могущество, что казалось, волной исходило от каждого присутствующего здесь.

Преодолевая невольный трепет, Гайвен вышел на середину зала, огляделся. Шэграл Крадхейк сидел на самой нижней скамье, высоко распрямив спину, и при виде юноши приветливо кивнул ему. Рядом с Повелителем Бурь находился худощавый седовласый фэйри — тот самый, что взорвал в сегодняшний полдень бомбу в Тимлейнской ратуше и сошелся в бою с Эдвардом Фэринтайном. Видимо, его и звали Дэлен. Держался он замкнуто, и на появление Гайвена никак не отреагировал.

Прямо напротив Повелителя Бурь и его слуги расположился Брелак в компании еще одного сида. Слегка напоминающий командира Стражей Грани внешностью, но будучи куда более субтильного телосложения, с выющимися каштановыми локонами, что легли на плечи, с лицом пятнадцатилетнего подростка, этот эльф сидел в нарочито небрежной позе, забросив одну ногу, в высоком кожаном сапоге до колена, на другую. На нем были крайне тесные синие брюки, сделанные словно из мешковины; черная рубашка со стоячим воротником; темно-зеленый жилет. Увидев Гайвена Ретвальда, он поднял руку и движением двух пальцев приманил его к себе.

Гайвен подошел к юнцу, что был, по всей видимости, старше его самого в несколько раз как минимум, и коротко поклонился. Он догадывался, что лицезреет местного короля, но будучи сам венценосной особой, ронять достоинство не собирался.

— Здравствуй, — сказал ему эльф, стоило наследнику Ретвальдов приблизиться. — Постой, пожалуйста, возле нас, пока мы будем разговаривать и задавать тебе вопросы.

— Нахальство, с которым вы держитесь, сударь, не делает вам чести, — ответил иберленец сухо. Он понимал, что если позволит обращаться с собой, словно с нерадивой прислугой — нерадивой прислугой местным господам и запомнится. Уроки матери оказались здесь как никогда кстати. — Вы беседуете с королем сопредельного государства, и потому потрудитесь хотя бы представиться для начала.

— Меня зовут Келих Скегран, из Дома Точащих Землю, — ответил ему сид, не меняя тона, и голос ему был звонок, как журчание воды в весеннем ручье. — Я повелитель всех фэйри этого мира, а значит, и твой повелитель тоже. Не проявляй со мной дерзость, пока я не посмотрел, голубая или красная твоя кровь.

Не дав показать, что хоть сколько-нибудь впечатлен этими словами, Гайвен обошел говорившего стороной и сам уселся на скамью — оказавшись на равном удалении и от владыки Волшебной Страны, и от Повелителя Бурь. По собранию прокатился легкий ропот, но Король Сумерек никак не высказал своего недовольства — лишь легкая усмешка скользнула по его устам. Зато подал голос Шэграл Крадхейк, и во взгляде, что он направил на своего государя, мелькнула тень почти неприкрытой ненависти:

— Ваше величество, как я уже вас заверил, мой внук — не безграмотный варвар, лишенный всяких представлений об этикете и хорошем тоне. Также он не крепостной и не раб, чтоб заслужить подобное обхождение.

В ответ Келих Скегран поднял длиннопалую руку, ногти на которой были выкрашены в серебряный цвет, и взмахнул ею.словно огненная вспышка пронеслась по залу, и Гайвен увидел, как Шэграл с трудом подавил вскрик и согнулся в коротком приступе боли.

— Говори, когда я разрешу тебе, вассал, — сказал король мягко. — Мой благородный совет, — возвысил Келих голос на два тона, — вот перед вами главные герои представления, что приковало к себе наше внимание этим пасмурным днем. Шэграл Крадхейк, известный своим беспокойным нравом; его ручная шавка, Дэлен Дайнер с Неблагого двора; его смертнорожденный отпрыск, Гайвен Ретвальд с холмов Альбиона. Тысячу лет, пусть и с определенными поправками, соблюдался нами договор, заключенный с британским королевским домом, о невмешательстве в дела их государства, известного ныне как Иберлен. С конца последней войны, развязанной все тем же смутьяном, не было прецедентов, подобных нынешнему. Мы поклялись не вмешиваться в делах дикарей; теперь же эта клятва оказалась сломана. Пусть глава Дома Метели скажет слово в свое оправдание, прежде чем я обрушу его и всех его присных в Бездну.

— Мой повелитель, — отец Бердарета-Колдуна заговорил негромко, и в голосе его слышалась легкая хрипотца, словно горло у него пересохло — однако страха по-прежнему не было. — Могу еще раз поклясться тебе, что у меня были основания поступать так, как я поступаю, и изложить причины своих поступков.

— Излагай, я жду.

— Хорошо. Я не буду еще раз озвучивать истоки моего недоверия к человечеству, они известны и без того. Замечу лишь, что последнее время это недоверие усилилось, и не без причины. После того, как Конклав применил в последний раз боевые спутники Антрахта, уничтожив сам себя, минуло уже семь веков — и род людской вновь поднимается из дикости, в которую сам себя обрушил. На просторах европейского континента появилось огнестрельное оружие, пусть пока примитивного типа, а в стенах новых университетов ученые готовятся проникнуть в забытые их предками тайны. Пока их усилия не принесли внятного результата, но пройдет еще самое большее пятьдесят лет — и будет заново открыта паровая машина, а за ней, возможно, и электричество. Вы все знаете, из рассказов ваших отцов и дедов, к чему приводил подобный путь прежде. Я же видел это и сам. Я не желаю наблюдать, как над миром вновь разгорится ядерное пламя. Прежде ваш дед, государь Келих, в содружестве с моим отцом сделали все, дабы не допустить этого — однако наложенные нами запреты давно отринуты и забыты, и развитие наших беспокойных соседей опять сделалось бесконтрольным.

— Я припоминаю, как ты просил меня вмешаться в ход названных сейчас событий. Я обещал тебе, что подумаю над возможностью своего вмешательства, сочтя названную тобой угрозу серьезной. Однако я не разрешал тебе действовать самому.

— Я виноват перед вами, владыка, и вполне признаю свою вину. Я лишь хочу заметить. Мы заключили договор с королями смертных, когда их первым советником был мой брат Эйдан, доказавший свою силу и решимость в поединке со мной. Его потомки оказались слабы и никчемны, и не смогли сами удержать континент в порядке. Несмотря на это, мы во всем придерживались буквы и духа нашего соглашения о невмешательстве, пусть даже Конклав, обязанный изначально выполнять нашу работу по направлению научного прогресса у людей в разумное русло, оказался распущен. Я клянусь, что не нарушил условий Шоненгемского пакта и сегодня.

— Вот как, — король казался позабавленным. — Устроенный твоим подельником в

Тимлейне бардак говорит о другом.

— На это, владыка, с вашего дозволения, пусть ответит Гайвен Ретвальд. Его слова окажутся здесь весомее моих или чьих угодно прочих.

— Твои слова в чем-то могут оказаться весомы, молодой человек? — спросил владыка Волшебной Страны слегка удивленно, повернувшись к Гайвену лицом. — Если так, произнеси их.

Что говорить, Гайвен уже придумал — еще покуда ждал те три бесконечных три часа, покуда Айвин явится за ним. Молодой Ретвальд прекрасно понимал, о чем говорят сейчас Повелитель Бурь и король. Когда Война Смутных лет завершилась, тысячу лет назад, и побежденные Эйданом Айтверном фэйри отступили за Каскадные горы, тогдашний Сумеречный Король, по всей видимости дед этого, и Дэглан Кардан заключили меж собой договор, закрывающий Иберлен и все прочие Срединные Земли от любого вторжения со стороны эльфов в их внутренние дела. Существовал однако в этом соглашении один пункт, к которому Гайвен сейчас и собирался прибегнуть.

Заключившая соглашение иберленская сторона либо ее наследники могли прервать действие договора в любой момент, по собственному желанию, даже в одностороннем порядке. «Мы вернемся, если люди решат, что вновь нуждаются в нашем присутствии в их мире», сказали тогда, если верить хроникам, представители Волшебной Страны.

Кажется, подходящий момент пришел. «Сейчас я скажу это — и выпущу на волю дракона, что был заперт в темнице тысячу лет». Гайвен понимал, что делает — и вместе с тем не видел никакого другого пути. Кровь Брайана Ретвальда и Раймонда Айтверна, жизни Артура Айтверна, висящая сейчас, вполне возможно, на волоске — все это не оставило ему никакого шанса избежать принятого в этот момент решения. Может статься, подумал юноша грустно, для этого он, наследник повелителя тьмы, и был рожден — отворить дверь, закрытую уже много столетий, и вновь выпустить забытую магию на свет.

А вместе с нею — тех, кто ей управлял.

«Еще три вдоха — и мир, который я знаю, изменится».

— Высокие лорды Волшебной Страны, — Гайвен все же встал со скамьи, обводя собравшихся взглядом, и собственный голос вдруг загремел набатом в его ушах, обретая невиданную доселе силу, будто не он сам распоряжался им, — вы все знаете, кто я. Я и один из вас, и чужак здесь разом. Как потомок Шэграла Крадхейка, я принадлежу к старшей линии Драконьих Владык, и чином не уступлю никому из вас, пусть даже отпущенный мне век короче. Как человек, я являюсь законным правителем Иберлена. Когда династия Карданов пресеклась в своем прежнем течении, не оставив по себе никого, кроме бастарда, о чьем существовании в Тимлейне тогда не знали, наша собственная, младшая линия Драконьего Дома, герцоги Айтверн, не стала претендовать на трон — и собрание всех благородных вельмож страны отдало трон моему прадеду. Я наследовал этот трон с соблюдением всех формальностей закона, и даже то, что я не был еще официально коронован, в юридическом свете не отменяет полноты моей власти. Как владыка Иберлена, я сам решаю, было вмешательство лорда Шэграла Крадхейка противоправным — или нет. Ряд изменников из числа моих вассалов составили заговор, едва не стоивший мне жизни. Мой дед спас меня — а затем направил собственного прислужника против моих врагов, и я не вижу в этом действии ничего дурного. Вы упомянули только что Шоненгемский пакт. Как преемник Дэглана Кардана, подписавшего его, я заявляю — с сего момента Шоненгемский пакт денонсирован и лишен всякой силы. Мир людей снова открыт для Народа Дану, и я зову

всех собравшихся тут, как друзей и союзников, помочь мне подавить разгоревшийся в моем государстве мятеж. Взамен я обещаю вам — угроза, о которой говорил мой дед, угроза, что созданное людьми оружие снова опалит мир, никогда не исполнится. Ибо вы сможете наблюдать за порядком в Срединных Землях с разрешения и содействия иберленского королевского дома.

— Условия более чем мудрые и справедливые, — заметил лорд Шэграл. — Подумайте сами, господа. Сам король людей зовет нас на помощь, и будет глупо, если мы не придем. Будет вдвойне глупо, если мы не постараемся отвести беду, что нависла сейчас над нами всеми, людьми и Народом, и племенами, что от Народа зависимы. Тысячу лет мы находились в изоляции от мира. Пора эту изоляцию закончить и снова дать человечеству идти правильной дорогой. Но решать вам, мой король.

Никто не проронил больше ни единого слова — как видно, не осмелился заговорить, не имея прямого позволения на это. Взгляды всех собравшихся устремились теперь к Келиху Скеграну — князя эльфов ожидали решения, что он примет. Повелитель Волшебной Страны сидел не меняя позы, все также закинув ногу на ногу, и выстукивал пальцами по носку сапога слегка беспокойный ритм. Лицо его казалось рассеянным и почти отрешенным, а мысли, казалось, витают где-то далеко. Наконец Келих чуть качнул головой и сказал:

— Непростой выбор. Прежде такие дела обходились нам боком.

— Сейчас, мой король, нам обойдется боком бездействие.

Повелитель фэйри слегка улыбнулся:

— И правда. Бездействие иной раз преступно. Мой отец наставлял меня, Шэграл, что доверять тебе — все равно что доверять ядовитой змее, ибо ты отравишь любую затею, какую начнешь. Однако я — не мой отец, и править предпочитаю собственным разумением. — Келих Скегран вновь перевел взгляд на Гайвена. — Король людей, если я дам тебе армию, ты завоеешь для меня мир? Для начала — Срединные Земли. Распоряжаться ты ими будешь от своего имени и как их владыка, однако в негласном согласии со мной и моим Лунным и Звездным советами. Вместе мы решим, в чем давать людям волю, а в чем — ограничивать, каким росткам научного прогресса способствовать, а какие — благоразумно искоренить. Войны людей, что подобно опухоли разъедают лицо мира, следует остановить — но для этого мы начнем еще одну войну, свою собственную. Ты поведешь на нее полки Дану?

«Вот так и становятся предателями человеческого рода. Впрочем, я ничем этому роду уже не обязан». И все же на секунду наследнику Ретвальдов показалось, будто он допускает сейчас ошибку. Впрочем, никаких возможностей этой ошибки не допустить у него уже не осталось. Вся его короткая жизнь, должно быть, вела его к этому выбору, отсекая шансы его отвергнуть. Насмешки и ложь, лицемерие и двуличие, гибель друзей и родных, бесконечные удары в спину. Дворянам Иберлена в самом деле нельзя было верить, и сама мысль, что однажды их потомки овладеют могуществом, подобным тому, каким распоряжались и не удержали Конклав и Антрахт, казалась недопустимой.

Преодолев короткое, на долю секунды лишь колебание, Гайвен кивнул:

— Да, милорд. Я принимаю предложенный вами союз.

— Хорошо. Мне понадобятся несколько месяцев, чтобы собрать армию, которая пересечет Каскадные горы и сомнет любое сопротивление на своем пути. Ты, я надеюсь, никуда не торопишься?

— Тороплюсь, милорд. Я должен немедленно вернуться в Тимлейн — если можно, тем же магическим путем, каким попал в ваш дворец. И мне понадобятся ваши солдаты, хотя бы небольшой отряд. Немногие верные мне вассалы сейчас, видимо, ведут борьбу с мятежниками — и я должен их поддержать. Отсчет времени идет на часы — а возможно, и на минуты.

— Так и быть, — согласился Келих Скегран легко. — Двух сотен воинов тебе хватит? Не все они столь искусны, как Дэлен Дайнер. Однако они все равно ловчее, чем твоя иберленская гвардия, а некоторые вдобавок владеют навыками колдовства. Я предоставлю тебе солдат уже этой ночью, и ты сможешь отправляться, раз так спешишь. Мои посланники будут поддерживать с тобой связь.

— Я благодарю вас, милорд, — Гайвен поклонился куда ниже, чем в первый раз.

— Не стоит благодарностей. Сделка, что мы заключаем, равно выгодна для нас обоих.

Тут Страж Грани Брелах, что слушал весь этот разговор с явным, все труднее сдерживаемым недовольством, не выдержал наконец и вскочил на ноги:

— Хватит с меня этой чуши, — сказал он. — Вы сами вслушайтесь, что несете. Контролировать людей? Распоряжаться ими? Да посмотрите на себя, идиоты! Вы носите одежду по человеческим фасонам, пользуетесь машинами, которые придумали люди. Вы говорите на их языке. Когда последний раз Высокое Наречие звучало в этих стенах? Вы сами уже — люди, но продолжаете видеть в них говорящих зверей. Кто сказал вам, что вы сможете разумно управлять ими? Мне напомнить четыре Великих Раскола? Последний, на котором сложил голову наш отец? Метишь в повелители мира, Келих?

— Сядь, — приказал ему король. — И молчи.

— Не намерен. Не для того я нес службу все эти годы, охраняя земли людей от здешних дураков и властолюбцев, чтоб увидеть, как все мои усилия пойдут прахом. — Брелах развернулся к Шэгралу Крадхейку. Вытащил из ножен шпагу и направил ее острием на Повелителя Бурь. — Вот этот вот господин, милорды, смущает ваши умы видением блестящих перспектив. Только я скажу, чем это закончится. Ваш поход захлебнется в крови, своей и чужой, как захлебнулся прежний. И тогда уцелевшие проклянут вас навеки. Нас мало, людей много, люди слабы, а мы сильны — значит, наши силы сравнялись. Равные противники обычно уничтожают друг друга.

— Брат, — король все также не повышал голоса, — я попросил тебя сесть. В третий раз я просить не стану.

— Я не исполняю распоряжения сумасшедших.

И, прежде, чем кто-либо успел вставить хоть слово, Брелах Скегран бросился вперед. То было одно быстрое движение — настолько молниеносное, что Гайвен едва успел рассмотреть его. Страж Грани сделал безукоризненный выпад, метя кончиком шпаги в грудь Повелителю Бурь — однако выпад этот не достиг цели. Каким-то образом темный фэйри, носивший имя Дэлен, успел вскочить с места, которое занимал, и загородить собой своего господина. Выхватив саблю, он в самый последний момент сбил к полу клинок Брелаха. Страж отступил, тут же перейдя в защитную стойку.

Лорды эльфов повскакивали со своих сидений, кто-то тоже достал оружие. Дэлен Дайнер сделал несколько быстрых рубящих ударов — но Брелах, отступив на шаг, закрылся. Темный фэйри продолжил напирать, и хотя его лицо оставалось бесстрастным, Гайвен видел, что поединок доставляет ему удовольствие. Будто представился наконец шанс поквитаться с давним противником. Брелах, впрочем, оборонялся ловко, и ни один

произведенный подручным Темного Владыки секущий или режущий выпад не сумел его достать.

Келих Скегран с минуту наблюдал за схваткой бесстрастно, даже не шелохнувшись, в отличие от своих обступивших кругом бойцов придворных — а затем щелкнул пальцами, и Брелах моментально выронил оружие, чья рукоять задымилась. Еще один щелчок — и Страж Грани с воплем упал и скорчился на полу, словно его скрутило. Король Волшебной Страны неторопливо поднялся, подошел к брату — и пнул его под ребра сапогом.

Стоявшая до того в дверях Айвин с криком бросилась к командиру — но двое солдат преградили ей путь, скрестив мечи.

В ладонь Келиха будто сам собой скользнул, выпав из рукава рубашки, тонкий длинный стилет, и владыка фэйри слегка надавил кончиком этой смертоносной иглы на сонную артерию Брелаха, что обездвиженный валялся сейчас на полу и, казалось, не мог пошевелиться:

— Своевольничаешь? — спросил Келих. — Метишь на мой трон?

— Пытаюсь не дать тебе самоубиться, дурак, — с трудом выдавил из себя страж.

— От дурака слышу. Уведите его, — повелел король солдатам. — Его и его подручную, что кажется, излишне рьяно печется о безопасности своего предводителя. — Воины схватили Айвин, забрали у нее меч. — Посадите обоих под замок, судьбу их я решу впоследствии. А вы, лорды Великих Домов, — возвысил правитель севера голос, обращаясь к своим вассалам, — собирайте отряды и точите мечи. Окажем помощь моему другу и родичу Гайвену, который столь своевременно о ней попросил.

* * *

Когда совет закончился и Гайвен Ретвальд с Шэгралом Крадхейком остались одни, Повелитель Бурь сказал юноше:

— К полуночи обещанный Келихом отряд уже будет у тебя. Вам откроют путевые ворота — и пройдете сразу в Иберлен. В столицу. Там ты сможешь отбить свой замок. Наша армия соберется не скоро, хорошо если к Самайну — но небольшие отряды продолжают тем временем пребывать под твое начало. Если будешь действовать быстро, убьешь предводителей мятежа и возьмешь под свое начало хотя бы Тимлейн. Дэлен сопроводит тебя и поможет во всем на первых порах, пока не освоишься сам.

— Вы говорите так, — заметил Гайвен слегка удивленно, — будто не намерены составить мне компанию.

— Не намерен, — подтвердил лорд Шэграл бесстрастно. — Ты пойдешь один. Вернее, с Дэленом и теми солдатами, которых скоро получишь.

Молодой Ретвальд внимательно посмотрел на родича. Тот был столь же невозмутим, как и в любые прочие моменты этого затянувшегося дня — но каким-то шестым чутьем Гайвен вдруг ощутил владевшую им обреченность. Уже чувствуя неладное, он напомнил:

— Вы сказали, мы отправимся на юг вместе.

— В каком-то смысле, мы действительно будем с тобой вместе, мой внук. И все же нет, — Шэграл вздохнул. — Я обещал тебе обучение — но настоящее обучение магии займет долгие годы, которых у нас нет. Счет идет даже не на месяцы — на дни и часы. Ты сказал это сам, и я лишь возвращаю тебе твои слова. Чтобы вернуть себе хотя бы иберленскую

столицу, тебе понадобится магия, которой ты не владеешь. От меня в этом деле проку не будет — я истощил почти все запасы твоих сил, пока защищал и спасал тебя вчера, и то не довел дело до конца, выронив тебя из пространственного перехода в Каскадных горах. Как чародей, я стою сейчас немного.

— Однако, судя по случившемуся сейчас, вы многого стоите как политик.

— Брось. Я всего лишь сыграл на амбициях Келиха. Он молод, честолюбив и мечтает показать, что способен править более решительно, чем свой излишне осторожный отец. Сторонники Благого двора никогда не одобрили бы вторжение в Иберлен — однако мы с тобой создали убедительный повод. Келих решил рискнуть — хотя не буду врать, колебался при этом. Тебе не стоит ему доверять, внук. Он коварен.

— Почему вы разговариваете так, сударь, словно собрались на тот свет?

Повелитель Бурь чуть помедлил, прежде чем ответить:

— Я и правда туда собрался. Почти. Не исключаю такой возможности, если точнее. Тебе в самом деле нужна магия. Она уже сжигает тебя изнутри — и если ты не научишься ею управлять, сожжет. Помнишь, что было вчера, прежде чем я наложил на тебя щит? Твоей Силе требуется умелое обращение, если хочешь выжить. Слишком много времени уйдет на то, чтоб натаскать тебя — а колдовать ты должен уже сейчас. Существует один способ, почти не применяемый с древности. Учитель может передать ученику свое мастерство — все знания и умения, которыми владеет сам. Особенно, если общая кровь связывает их — тогда мне придется лишь пробудить ту память, что и так уже спит, сокрытая в твоих жилах. Однако я стар и слаб, а этот ритуал сам по себе смертельно опасен. Я надеюсь, что всего лишь полностью лишусь Силы — либо впаду в летаргический сон. Если я слишком ослаб, существует риск, что я погибну.

Гайвен ощутил недоверие. Сказанное слишком не вязалось с тем образом изощренного и расчетливого интригана, который он уже успел составить в своей голове.

— Вы готовы рискнуть собой? Ради меня и моей победы?

Шэграл Крадхейк улыбнулся:

— Не верится? Разумеется, я ведь абсолютное зло. Гайвен, я веду эту игру уже тысячу лет. Я рассчитал и продумал все заранее, еще прежде, чем ты родился на свет. Я вырастил сына, для которого слишком тесной оказалась наша умирающая страна. Я открыл ему дорогу к чужеземному трону. Я сделал, путем многих подкупов и интриг, так, что на нашем собственном престоле голосованием Лунного совета оказался своевольный и беспокойный Келих, а не его куда более осмотрительный брат, выбравший вместо того стезю почти простого солдата. Я ждал, пока в семени потомков Бердарета вновь проклюнется чародейский дар. Я уберег тебя от беды и привел сюда. Теперь ты получишь войско и выступишь в свой поход. Иногда, Гайвен... — вид пращура Ретвальдов сделался задумчив, — иногда, чтобы закончить партию победой, нужно пожертвовать фигурой в шахматной игре. Я сам такая фигура — и я собой жертвую, зато ты из пешки превратишься в ферзя.

— Что я должен сделать? — несмотря на то, что Гайвен не любил давать воли чувствам и сейчас тоже стремился выглядеть спокойным и строгим, голос его на мгновение дрогнул.

— Делай что хочешь, ты же король. Только прошу тебя, не сделай слишком больно нашей и без того израненной Земле.

Гайвен помедлил. Посмотрел на родича. Тот, казалось, не врал — да и вряд ли на сей раз он замыслил какой-то особенный подвох. Юноша почувствовал вдруг, как готов утратить решимость. Овладеть сразу всем тем могуществом, о котором говорил ему дед,

распоряжаться магическими знаниями Темного Владыки, сделаться в мгновение ока одним из могущественнейших колдунов на свете — такая перспектива пугала. Юный Ретвальд не был уверен, что справится с ношей, что готовилась теперь опуститься на его плечи. «И все же, я всю свою жизнь искал знания, роясь в пыльных книгах отцовского собрания хроник, и находя лишь его жалкие крупички. Теперь я получу все знание мира сразу — и разве должен я отступать?»

— Есть вещи, — заметил Гайвен, — которые не сходятся в вашем рассказе. Вчера, еще когда я был в Тимлейне, вы заявили, вам нужно время, чтобы открыть портал и забрать меня к себе — а сегодня вы сделали это для своего подручного почти мгновенно. Вчера вы сказали, что искали меня долго и никак не могли достучаться до моего разума — а сегодня говорите, что ждали моего появления давно. Где в ваших словах ложь, дорогой предок?

Шэграл чуть поколебался, прежде чем отвечать:

— Мне нужно было завладеть твоим вниманием так, чтоб ты не решил, что рехнулся — или чтоб ты не отверг меня. Подумай сам, если бы я сообщил тебе, что с тобой говорит Повелитель Ночи и Тьмы, воспетый в ваших историях, и что я заберу тебя в свою цитадель — что бы ты ответил мне? Что бы ты ответил мне, признайся я, что долго готовился к этому дню? Тебе следовало привыкнуть ко мне. А еще тебе следовало лицом к лицу столкнуться с изменой своих придворных — дабы принять союз от меня. Я укрыл тебя щитом, явив свою помощь — и дал возможность понять, чего стоит ждать от тех, кто был ближе к тебе, чем я.

«Интриги, интриги, интриги».

— Вы играли мной.

— Играл, — не стал отрицать дед. — Но теперь я честен. Тебе нужна Сила — и я тебе ее дам.

«И права отказываться, кажется, у меня все равно нет. Теперь, когда я уже и так согласился на все». Чувствуя, что совершает ошибку, Гайвен сказал:

— Хорошо, я готов. Что мне делать, сударь?

— Просто протяни руку — и коснись моей.

Шэграл был сдержан, на вид почти умиротворен — и все же чувствовалось, насколько сквозь эту маску он сам поддается волнению. Сдерживая дрожь, Гайвен Ретвальд, чувствуя, что его прежней жизни и, может быть, ему самому приходит конец, протянул вперед раскрытую ладонь. Сухие пальцы Повелителя Бурь обхватили его запястье и сжали.

А затем и впрямь будто целый мир обрушился на него.

Имена народов, которых более нет. Слова языков, что навеки людьми забыты. Судьбы государств, от которых не осталось даже надписей на истершихся старых картах. Секреты владения оружием — таким, какое еще не скоро увидит вновь белый свет. Секреты фехтовального мастерства — и с подобными приемами не смогли бы справиться даже лучшие из военных инструкторов Иберленского королевства.

И магия. Куда больше магии, чем можно было осмыслить. Приемы и навыки, заклинания и плетения чар, теория и практика волшебства, и понимание самой его сути. Управление огнем и ветром, жарой и холодом, льдом, и морозом, и пеплом. Умение убить человека, даже не касаясь его. Умение исцелять худшие раны. Умение подчинять чужую волю себе, ломая ее без остатка. Умение говорить с духами, призывать силы, шагать за пределы реальности.

И еще, и еще, и еще.

Гайвен зажмурился, упал на колени, подавил в себе крик. Знания продолжали сотрясать

его, и он чувствовал, что едва может их все воспринять. Вместе с навыками чародейства пришла память — и эта память вторглась в его личность, изменяя и подменяя ее. Дела его предка, мысли его предка, его мечты и страхи.

«В каком-то смысле мы действительно будем теперь вместе, мой внук».

Вся жизнь Шэграла Крадхейка, длиной в более чем две тысячи лет, раскинулась теперь перед мысленным взором его праправнука. Детство, проведенное еще в старом мире, под сенью величия Империи Света. Катастрофа, едва не отправившая к праотцам весь подлунный мир. Последовавшее затем возрождение человечества — его возвращение к временам, что назывались в книгах по истории средневековыми. Служение идеалам отца, затем — собственным идеалам. Безрассудный младший брат, испортивший все.

Война Смутных Лет. Беседа в кругу менгиров, что звался Стоунхендж и пережил все бури минувших лет. Схватка на холме Дрейведен. Два противника, Дэглан Кардан и собственный родич, одержавшие верх. Возвращение в Волшебную Страну, насмешки, позор, презрение от собственных недавних соратников. Тех немногих из них, кто выжил. Суд за прерванные жизни остальных. Унизительный приговор — милосердный, щадящий, оставляющий жизнь и свободу, даже замок, но лишаящий рангов и положения при дворе.

Долгие годы кропотливого составления нового плана.

Теперь Гайвен Ретвальд знал, что ему делать, ибо все планы деда оказались раскрыты ему — и он сам принял эти планы сутью своей души и разделил их. Он уже едва мог сказать, где заканчивается личность Шэграла Крадхейка и начинается его собственная — настолько они перемешались, слившись почти воедино. Он уже не мог сказать, кем является сам — темным фэйри, обретшим наконец новое тело и новую жизнь, или собственным смертным потомком. Воспоминания теснились, танцевали, звенели, вспыхивали и тут же блекли. Понимание сложности предстоящей задачи звенело набатом. Страха, впрочем, не было. Были уверенность и сила. Все сомнения сгорели дотла — тысячу лет назад в бою с Эйданом Айтверном, на давнем суде в Звездной Башне, в конце мая на Горелых Холмах и минувшим вечером под сводами Тимлейнской крепости. Две жизни сцепились и переплелись, как змеи.

Боль наконец схлынула, и звон в ушах стих — а слова, звучащие на былых наречиях, на какое-то время утихли до шепота. Гайвен — если его еще можно было так назвать — открыл глаза и понял, что стоит на коленях посреди отведенного ему чертога в эльфийском дворце и держит за руку недвижимого пращура.

Тот сидел в кресле, откинувшись на его спинку и запрокинув голову. Встав, Гайвен увидел, что глаза Повелителя Бурь закрыты, а на лице застыло выражение странного, совершенного покоя — будто все тревоги и тяготы наконец оставили его, и миссия, тяготевшая над ним веками, была выполнена. Со стороны могло показаться, что лорд Шэграл спит.

Однако грудь его не вздымалась, и пульс не прощупывался.

Освободив руку, Гайвен Ретвальд накрыл покойного деда снятой со стола скатертью. Лучшего савана в комнате не нашлось. Король-Чародей немного постоял перед родичем, пытаясь утрясти в голове бешеными кобылицами заскакавшие мысли. До какой-то степени он еще оставался собой, тем собой, каким был час назад, перешагнув порог этой комнаты — но лишь до какой-то. Сын Брайана Ретвальда и Лицеретты Берайн глядел в лицо Повелителя Бурь, и вспоминал, сколько раз за сколько прошедших веков рассматривал это лицо в зеркале.

— Спасибо, — сказал наконец юноша, повернулся к мертвецу спиной и вышел.

Шэграл Крадхейк умер — однако Темный Владыка был жив и готовился подчинить себе Иберлен.

4 сентября 4948 года

Близился седьмой час вечера, удлинились тени и начинало холодать, когда возглавляемый Алистером Тарвелом отряд выехал к лагерю его дяди. Эдвард привстал в стременах, присвистнул — напротив форта, как он и ожидал, собрались снаряженные Роальдом Рейсвортом карательные войска. На глаз солдат здесь было не меньше пяти тысяч, а то и все шесть. В этот самый момент они как раз, видимо, занимались перегруппировкой — отряды пехоты выстраивались в шеренги напротив ворот, конница держалась пока позади. Прищурившись, Фэринтайн разглядел, что сами ворота сломаны, а в их проеме обороняющиеся устроили заграждение из выложенных в два ряда телег и бочек.

— Видите, — спросил Алистер Тарвел, чьи глаза тоже оказались остры, — сваленные возле входа тела? Эти скоты уже пытались атаковать, причем недавно. И без особого успеха, я погляжу.

— Большое облегчение. Когда мы ехали сюда, я опасался, что опоздаем и увидим пепелище.

— Тарвелы не по зубам каким-то наемным выродкам, — фыркнул молодой рыцарь. — Уверен, дядя держался молодцом, да и сэр Артур не промах, как бы его не костерили всяческие идиоты. Колдер, Боунс! — возвысив голос, крикнул Алистер своим лейтенантам. — Повернуть строй, конницу в четыре фаланги! Копья вперед, знамена поднять, вид — боевой! Ждать моего сигнала!

Сойдя с дороги, отряд вступил на поле, разворачиваясь широким боевым порядком напротив правого фланга неприятельской армии. Рыцари Стеренхорда горячили коней, готовили оружие к бою. Клонившее уже к закату солнце сверкало на зеркалах их щитов, на украшенных родовыми гербами нагрудниках, на остриях копий — а свежий ветер развеивал плюмажи. Слышались попеременно чертыхания и веселый смех. Воины не только были готовы к сражению — они были ему рады.

Проверив, легко ли меч выдвигается из ножен, Фэринтайн подумал, что и сам отчасти захвачен всеобщим предвкушением боя, который вот-вот начнется. Будучи в семье младшим сыном, он вырос среди книг и занятий искусствами — почти как Гайвен Ретвальд. Никогда даже в мыслях не метил ни в главы дома, ни тем более на эринландский трон. Тем не менее, судьба распорядилась иначе — а бесчисленные военные походы, в которых Эдварду приходилось участвовать из соображений долга перед государством, к собственному удивлению превратили его в профессионального солдата. Привыкший в юности скорее брэнчать на лютне или перелистывать сборники старинных пьес, найденные в фамильной библиотеке, к своим тридцати двум годам наследник Дома Единорога сделался настоящим человеком войны.

«Наверно, будь Хендрик сейчас жив, мы бы ладили с ним куда лучше, чем раньше». Однако ни Хендрика Грейдана, ни брата Гилмора давно уже не было на белом свете — и оставшись единственным из старшей линии Фэринтайнов, Эдвард привык жить и за покойных родичей тоже. «Если в какой-нибудь грядущей битве я погибну — со мной закончится династия Владык Холмов, умрет их позор и их слава». Эта мысль вызывала у

эринландского короля сожаление — однако и она не могла отвлечь его от того, чтоб в очередной раз обнажить сегодня клинок, ставя на кон собственную жизнь. Несмотря на все опасения и тревоги Кэран, несмотря на ответственность перед страной, которой он управлял.

«Даже величайшие из эльфийских владык древности не были бессмертны и умирали в отпущенный им час — так неужели я стану трусливо скрываться от смерти, решив она однажды придти по мою душу?»

Пальцы последнего Фэринтайна прощлись по рукоятке меча.

Завидев прибытие тяжелой конницы, скачущей под знаменами Стеренхорда, осаждающие принялись торопливо разворачиваться ей навстречу. Из их рядов выдвинулась группа парламентаров под белым флагом — добрых два десятка всадников при поддержке примерно такого же количества стрелков, державших свои арбалеты взведенными. С трудом подавив смех, Алистер Тарвел выехал к ним, и Эдвард, держа коня на два корпуса позади, сопровождал его.

— Добрый день, любезные, — ухмылка все же вылезла на лице стеренхордца. — Что это вас так много? Нас к вам двое, вас к нам — целая толпа. С такими силами нужно не разговаривать с моей скромной персоной, а штурмовать Аремис.

Рыжеусый рыцарь, на чьем щите был изображен окунь, коротко поклонился:

— Сэр Алистер, я полагаю? Сэр Стивен Дерби, из гвардии герцога Шоненгемского. Извините нам нашу предосторожность — как оказалось, не все люди в эти смутные дни чтут посольскую неприкосновенность. Не подвергая сомнению вашу честь, мы решили обезопасить себя.

— Небось, мой дядюшка угостил ваших прежних посланцев стрелами? — поинтересовался Алистер. — Фокус в его духе. Отвечайте, сэр Стивен, какого рожна вы забыли в этом месте, да еще с такой толпой? — махнул он рукой в сторону вражеского войска. — На ужин вас дядя вроде не звал, да и не хватит у нас еды на такую ораву.

Шутливого тона Стивен Дерби не принял — наоборот, лицо его словно затвердело при ответе.

— Идет война, милорд, и я не могу разделить вашего сарказма по ее поводу. Мой господин, лорд Эдвард Эрдер, послал меня сюда и моих товарищей, чтоб мы добились от вашего дядюшки покорности новой королеве. Вместо этого сэр Данкан принял сторону Артура Айтверна и развязал баталию, которой можно было избежать. Тан Брэдли убит, и команду теперь я. Я понимаю, задеты ваши родственные чувства, но все же прошу — не вступайте в эту битву. Останьтесь в стороне, и я буду благодарен вам.

— Дорогой сэр Стивен, а может лучше вы и ваши молодцы сейчас повернетесь и двинете на всех парах в Тимлейн, а еще лучше в Шоненгем, и не будете больше смущать меня своим видом? Не сделаете этого, нет? Жаль. Тогда скажу прямо. Возвращайтесь к своим, ибо через десять минут я пойду в атаку. Постараюсь взять вас в плен живым, человек вы любезный, но если кто-то из моих вас в горячке прибьет — не серчайте.

Гвардеец герцога Эрдера вздохнул:

— Другого ответа я и не ждал. Хорошо, сэр Алистер. Жду вашей атаки.

Алистер и Эдвард вернулись в расположение своего авангарда. Молодой Тарвел перехватил взгляд эринландского короля, залихватски ему подмигнул. Фэринтайн ограничился в ответ сдержанным кивком, принял из рук оруженосца длинное тисовое копье. «Когда я ехал сюда — думал, придется применить волшебство, но кажется, получится

справиться и без него». Обладая год от года оттачиваемыми навыками магии, Эдвард не стремился лишний раз демонстрировать их на людях — напротив, всячески пресекал и без того начавшие расходиться слухи об их с Кэран способностях. Он считал, время явить миру возвращение древних чар еще не пришло — и на войне предпочитал пользоваться сталью, не заклинаниями.

Если только не встречал противника, подобного тому, что явился ему сегодня в полдень в Тимлейне. Кого-то более опасного, чем он сам.

Герольды, по приказанию сэра Алистера, протрубили сигнал к наступлению — и первые ряды приведенной наследником стеренхордского домена конницы ринулись в бой. Стивен Дерби успел тем временем отдать приказы собственным солдатам — и те уже покидали занятые ими возле ставки сэра Данкана позиции, дабы вступить в схватку с неожиданным новым противником. Первой выдвигалась вперед пехота — обнажали длинные бастардные мечи ландскнехты, строились полукольцом пикинерские роты.

— Сейчас начнется, — сказал Алистер с нескрываемым удовольствием.

Вражеские лучники сделали залп. Эдвард привычно поднял щит — и стрела вошла в него почти по середине, в верхней трети. Несколько рыцарей в передней шеренге вылетели из седла, убитые, еще под парой ранило коней — но никто из офицеров Фэринтайна, скакавших рядом с ним, не пострадал. Лучники разошлись, отступая в задние ряды, и выпустили на свое место арбалетчиков — целившихся всадникам Стеренхорда прямо в упор.

«А вот здесь, — подумал Эдвард с досадой, — не обойтись без маленького фокуса». Когда люди Рейсворта произвели выстрел, Фэринтайн обратился к Силе, что вела его и сопровождала ежечасно, отдавая шелестом сотен бесплотных голосов в ушах. Эдвард слегка изменил направление ветра — и болты, что в противном случае неизбежно поразили бы его самого или кого-то из его товарищей, скакнули вверх, пролетели поверх голов. Ни Алистер Тарвел, ни его товарищи не придали, кажется, этому никакого значения, списав на случайность.

Кавалерия Тарвела ворвалась в ряды неприятельской пехоты, сминая ее и рассеивая. Фэринтайн насквозь пробил грудь вставшему на его пути мечнику и тут же высвободил оружие, закрылся щитом от пришедшегося слева удара алебардой. Противник, оказавшийся на его пути следующим, взмахнул топором, перерубая древко выставленного Эдвардом копья. Эринландец бросил обрубок бесполезной теперь пики и стремительно выхватил меч из ножен. Ударил наотмашь врагу в голову, прорубив шлем. Вывернул кисть, на возвратном движении ранив в плечо еще одного солдата мятежников.

По правую руку от Эдварда орудовал широкой двухсторонней секирой сэр Алистер, по левую разил длинной боевой шпагой капитан Кэбри. Гленан был хорошим бойцом — может быть лучшим из всех, что служили в гвардии Таэрверна. Когда прежнее рыцарство Эринланда почти все полегло в битвах у реки Твейн и на Броквольском поле, сдерживая гарландский натиск, именно Гленан помогал своему государю создать в стране кавалерию нового типа — легкую и подвижную, вооруженную палашами и саблями, обученную лихо бить клинком из седла. Она успела хорошо себя показать на полях северной Паданы — а вот иберленские пехотинцы к подобным противникам были пока непривычны. Они умели сдерживать щитами тяжелую феодальную конницу, что наступала в плотном боевом порядке, разя копьями — но такой враг, способный бить в рассеянном построении, заставил их растеряться.

Оказавшись на острие тарвеловского авангарда, гвардейцы Эринланда первыми

пробились сквозь построения неприятеля, открывая вслед за собой дорогу всадникам Стеренхорда. Вырвавшись на простор, они тут же ударили противнику в тыл, окружая его передовой отряд. Конники Тарвелов, зайдя с двух сторон, взяли вражеских солдат в тиски. Взлетали и опускались мечи, преломлялись копья и разлетались на куски щиты, воздух наполнился криками раненых и умирающих.

Повернув коней, Эдвард и его спутники вновь влетели в ряды солдат королевской армии Иберлена. Лорд Вращающегося Замка разил фамильным клинком, нанося один за одним сверху вниз рубящие удары — метя в основном в головы и в плечи. Выкованный еще до падения Антрахта для Владык Холмов, почти не способный затупиться, сделанный из лучших сплавов, секреты производства которых уже две тысячи лет были забыты, этот клинок прорезал доспехи почти без усилия, будто те были сделаны из кожи — что обычному мечу оказалось бы недоступно. Чужие удары Фэринтайн блокировал на щит, иных случившихся на его пути воинов сшибал его конь.

Собственная кавалерия неприятеля уже переходила в контрнаступление, стремясь поддержать окруженную пехоту. Алебардисты сэра Алистера выступили, построившись в три роты, по левому флангу, вырываясь вперед и принимая удар на себя. Пришлось им, впрочем, несладко — одетые в тяжелую броню, верхом на лошадях, защищенных коваными нагрудниками спереди и стальными листами по бокам, королевские гвардейцы Иберлена смогли смять первые шеренги воинов Стеренхорда и глубоко вонзиться в их строй.

В первые же минуты стычки не меньше сотни солдат оказались втоптаны копытами в землю, проткнуты насквозь пиками или разрублены надвое тяжелыми полуторными мечами, которыми рыцари лорда-констебля наносили удары из-за плеча. Пехотинцы Тарвела подались назад, отступили на сотню футов, но все же сдержали строй, не перейдя в бегство. Завязалась отчаянная рубка. Продвижение всадников Рейсворта замедлилось, ведь теперь им пришлось преодолевать ставшее все более отчаянным сопротивление. Несмотря на понесенные стеренхордскими солдатами потери, им удалось выполнить свою цель — на какое-то время не дать двум частям неприятельского войска сомкнуться.

Эдварду и его соратникам тем временем пришлось несладко. В какой-то момент под наследником Фэринтайнов подрубili ноги коню, и король Эринланда, спрыгнув с него, едва успел отбиться от сразу четверых наседавших на него вражеских солдат. Видя, что их государь вступил в неравный бой, подоспели капитаны Кэбри и Свон. Вскоре им тоже пришлось спешиться, когда ранены оказались и их скакуны.

Сражение стремительно перерастало в свалку. Пока алебардисты и пехотинцы Тарвела продолжали сдерживать возглавляемую Стивеном Дерби кавалерию, Фэринтайн и его люди, а также авангард сэра Алистера, противостояли вражеским ландскнехтам. Те уже отправились от первоначальной заминки, и дрались теперь яростно. Наемники, служащие Иберленскому королевству за жалованье, они были людьми опытными и хорошо обученными. Вдобавок немалая их часть прежде под началом Раймонда Айтверна получила боевой опыт в лумейской и бритерских кампаниях. Эти люди тоже не любили отступать — а к врагу не знали ни жалости, ни пощады.

Все больше всадников Стеренхорда теряли своих скакунов. Эдвард Фэринтайн возглавил отряд из примерно двухсот человек, с трех сторон зажатых в тиски воинами противника. Футах в четырехста от них бился, стремясь придти на подмогу товарищам, Алистер Тарвел — но здесь ему успех не сопутствовал. Если первоначальным своим резвым натиском стеренхордской кавалерии удалось рассечь правый фланг противника на

несколько частей, теперь уже эти части пытались сомкнуть кольцо вокруг напавших на них смельчаков.

Эдвард лишился щита — нанесенный тяжелым топором удар разнес его в щепки, отдавшись вяжущей болью в руке и в плече. Король Эринланда обнажил дагу — более чем футом длиной, острую, заточенную с обеих сторон. Так он и стал драться — с мечом работы Древних в правой руке и с кинжалом в левой. Сражаясь впереди своих людей, каждый удар он стремился доводить до конца, делая его смертоносным. Лучший, по мнению многих завсегдатаев турнирных ристалищ, боец континента, сейчас Фэринтайн стремился во всем подтвердить свою славу — понимая, что лишь пример проявленных командиром искусства и смелости поддержит дух его подчиненных.

Белый плащ, все еще не порванный и почти не испачканный, развевался за его плечами. Клинки взлетали и опускались — кинжал принимал чужие удары, меч наносил свои, рассекая доспехи и плоть. Фэринтайн колот в щели забрал, рубил по шее, мгновенно приседал, нанося режущие удары по ногам, подрубая сухожилия и дробя колени. Эльфийская кровь сама по себе делала его более быстрым и ловким, чем простой человек — а в сочетании с многими годами сражений и воинских тренировок так и вовсе превращала в почти непобедимого бойца. И все же Эдвард знал, что и у его способностей имеется предел. Он лишь надеялся не достигнуть этого предела сегодня. Будучи расплатой за сверхъестественную ловкость и скорость, усталость уже начинала проникать в его мышцы.

Фэринтайн надеялся, что, увидев завязавшуюся рубку, люди Данкана Тарвела придут на подмогу союзникам — однако ворот форта, скрытых изгибом ограды и несколькими тысячами солдат противника, видеть сейчас не мог, и не знал, началось ли возле них какое-то оживление.

Вскрикнул, раненный в левую руку, Томас Свон. Едва избежал, вовремя увернувшись, смертельного удара в голову Гленан Кэбри. От приведенных Эдвардом из Тимлейна гвардейцев почти никого не осталось в живых — только пара его капитанов да еще три бойца. Оказавшиеся впереди атакующего войска, они почти все и погибли, сложив голову на чужой войне, куда привел их государь. Люди сэра Алистера потеряли убитыми не меньше половины от своего числа, а сам он, относительно легко раненный в бок, продолжал между тем сражаться. Алебардисты его, выдвинутые против конников сэра Стивена, лишились уже двух третей своего изначального количества — и последняя их рота держалась на последнем усилии. Когда и она окажется рассеяна и разбита, преимущество окончательно перейдет к воинам Рейсворта. Сзади подходил, впрочем, оставшийся у молодого Тарвела арьергард, составленный в основном из легких копейщиков — однако было очевидно, что его не хватит надолго. Противник уже успел подтянуть к месту схватки основные свои отряды, и теперь в полной мере мог использовать численное преимущество, каким обладал.

— Мы не продержимся долго! — крикнул сэр Гленан. — Я погибну, сражаясь на стороне убийцы Гледерика? Таковую судьбу вы мне приготовили, государь?

Эдвард не ответил. Сжал зубы, сдерживая злость. Он хорошо осознавал, что привел собственных людей на напрасную, по мнению родича и наследника, гибель — и все же не раскаивался в собственном шаге. Требовалось, однако, что-то предпринять, чтобы избежать неминуемых в противном случае поражения и смерти.

«Что ж, хотя Кэран уверяла, что время показать нам свою Силу еще не пришло — похоже, она не права. Сейчас или я применю магию, или нас разобьют — и плевать, что люди начнут судачить после этого дня о существовании в мире еще одного короля-колдуна».

Магические потоки всегда представлялись Эдварду Фэринтайну подобием незримой реки — широкая и полноводная, река эта прежде охотно принимала его в свои неспешно текущие воды, словно искусного пловца. Теперь, однако, она ревела и ярилась, уподобившись водопаду, с грохотом низвергавшемуся с крутых порогов на сотни футов вниз в облаке испаряющегося пара. Потревоженная неясным диссонансом, колдовская энергия, утратившая обычный свой покой, кричала неслышным простым смертным воплем, готовая будто сойти с ума. Ощувив, как судорога резкой боли пронзила все его тело до последнего нерва, король Эринланда все же коснулся колдовской энергии, зачерпывая ее в себя, словно пил, глоток за глотком, огонь. А затем, сосредоточившись, швырнул этим огнем в неприятеля, формируя боевое заклятье.

Сумерки уже сгущались, готовясь вскоре стать густыми и плотными — однако сейчас вспышка неожиданного света подобно удару молнии озарила их. Белое пламя вспыхнуло, рванулось вперед — изжаривая первый десяток оказавшихся на его пути воинов прямо в доспехах. Крик их оказался столь истощен, что у Эдварда заложило уши. Творение заклинания оказалось для Фэринтайна настолько в нынешний момент сложным, что он пошатнулся, едва не упав на колени — однако устоял и все же нашел в себе силы для второго удара. На сей раз он сформировал энергию в телекинетический кулак — и обрушил его на вторую линию неприятельских солдат, избежавших гибели в огне.

Взрывная волна сбила с ног еще пятнадцать или двадцать человек. Многим переломало кости, нескольких, наименее удачливых, убило на месте, вывернув под неестественными углами шеи. У кого-то вскипела прямо в венах кровь или лопнули барабанные перепонки.

— Колдун! — крикнул один из пехотинцев противника. — Этот нелюдь — колдун!

— И худший из всех, что вам попадались, — пробормотал Эдвард себе под нос.

Он не понимал, что творится с потоками колдовской энергии, отчего те взбесились — будто сейчас, где-то, в эту самую минуту было сотворено великое и до крайности важное колдовство. Не понимал — но чувствовал, как колет в тревоге сердце. «Если это фэйри — они сделали новый ход или, по крайней мере, скоро его сделают. Что творится сейчас в их логове? И что происходит в Тимлейне?» Тревога за жену и неясное предчувствие близкой беды отозвались холодом в ладонях.

Солдаты сэра Алистера, сперва тоже опешившие при виде сотворенного королем Эринланда волшебства, спустя пару минут все же воспряли духом и двинулись вперед, обступив Фэринтайна полукольцом. Осознание, что на их стороне бьется чародей, вернуло им смелость и боевой задор. Понимая, что не сможет сейчас сотворить новые чары, Эдвард все же двинулся на врага, желая продолжить дело мечом. Ближайшие воины противника в тревоге попятились, не желая скрестить холодную сталь с колдуном. Страх отражался на их лицах.

«Скоро, возможно, тот же страх будет сопровождать всякого, кто окажется подле меня. Из героя и рыцаря я превращусь во второго Гайвена Ретвальда, наводящего на людей вокруг ужас самым фактом наличия у меня колдовской силы. Чародеев боятся — а я доказал прилюдно, что я чародей. Ну и черт с ним — зато мы сегодня не умрем».

Эдвард Фэринтайн криво усмехнулся. Взмахнул клинками, пронзая и полосуюя ими воздух — и с прыжка влетел прямо во вражий строй, бешено крутя мечом и кинжалом во все стороны, рубя и режа, ранив и убивая каждого, кто вставал на его пути, то и дело принимая чужие удары на сталь доспеха и почти не замечая их. Приободренные, его воины двинулись вслед за своим предводителем, прикрывая его — и в этот самый момент в задние шеренги

противостоящего воинам Фэринтайна отряда вклинились наконец вырвавшиеся из форта воины Данкана Тарвела. Артур Айтверн вел их, и драконье пламя полыхало в его глазах.

* * *

Блейр Джайлс ворвался в шатер неожиданно — когда Артур и Кэмерон едва успели одеться и сидели, взявшись за руки, на краю ложа. Так и не снявший боевых доспехов, малерионский лейтенант вошел стремительно, даже не потрудившись предупредить о своем появлении — и приди он десятью минутами ранее, застал бы сцену, не предполагавшую присутствия посторонних. Отголоски этой сцены багровели у Артура сейчас двумя глубокими укусами на шее.

Ни кланяться, ни говорить каких-либо формальных приветствий Блейр не стал. Вместо этого выпалил:

— Вставайте. Отряд сэра Алистера все же пришел.

— Сколько их? — вскочил на ноги Артур. — Когда подошли?

— Только что, с севера, с Объездной. Схлестнулись с правым флангом Рейсворта. Думали, видно, сразу пройти к нам — да крепко увязли, теперь вряд ли вырвутся. Мятежники бросили против них все силы.

— Небеса, это шанс, — пробормотал Айтверн. — Мы готовы?

— Не до конца, но Паттерс уже собирает людей. Многие ранены и устали, но те, кого он готовил для ночной вылазки, уже практически собраны. Ждут только вас, у входа.

— Я сейчас буду. — «Как удачно, — подумал Артур, — что мы задумали свое полуночное бегство и не стали отправлять солдат на вечерний отдых. Теперь мы успеем вмешаться достаточно быстро, не тратя много времени на вооружение и сборы — и решим, быть может, исход дела в свою пользу». Герцог Запада повернулся к королеве Кэмерон, протянул руку, помогая ей встать. — Пойдемте, моя госпожа. Нас призывают трубы войны.

Кэмерон, воодушевленная и обрадованная не меньше самого Артура, поцеловала его в щеку:

— Ты напыщенный фанфарон.

— Истинно так, госпожа.

Артур натянул сапоги, облачился в доспехи, препоясался мечом, рукоятка которого так и просилась сейчас поскорее в ладони. Сопровождаемый Кэмерон и Блейром, он покинул палатку. Возле ворот уже собралось около тысячи человек готовых к битве воинов, строившихся сейчас в отряды. Паттерс и оба его товарища командовали ими. Присутствовали здесь также и Клифф Рэдгар, и Данкан Тарвел. Заметив появление бывшего ученика и нынешнего командира, лорд Стеренхорда коротко поклонился — с легкой прохладцей, впрочем.

— Ваш племянник оказался честнее вас самих, — бросил ему Артур. — Приятно сознавать, сэр Данкан, что хоть кто-то в вашей семье не уронил фамильной чести?

— Мои господа, — вмешался в разговор прежде, чем он стал перепалкой, Паттерс, — нам нужно выходить, и немедленно. Конница Рейсворта вся целиком обрушилась на солдат сэра Алистера. Нам в лицо они не смотрят, и мы сможем вонзиться в тылы их войска прежде, чем окажемся смяты.

— Прекрасно, — кивнул Артур. — Трубите атаку.

Он встал во главе строя — вместе с Кэмерон и Клиффом, едва-едва знакомыми ему чужеземцами, что сделались сегодня ближе многих памятных с детства друзей. Вырвал из ножен меч, направив острием к небесам. Ощутил, как решимость и злость наполняют все его существо. Довольно бежать и прятаться, довольно сидеть обложенным в берлоге зверем — теперь охотником сделается он сам и спросит с предателей за все.

Артур оглянулся, посмотрел на людей, что ждали его приказа. Секунду поразмыслил, какими бы словами напутствовать их в бой. Сказалось, само собой, совсем не то, что он надумал:

— Когда выйдете за стены — убить там всех, кто окажется не за нас.

Коней люди Тарвела седлать на сей раз не стали — собрались пешим строем. К ночи они хотели разобрать стену, чтоб сквозь получившийся проем из лагеря могло выступить сразу много солдат — но сейчас соответствующие работы еще даже не были начаты, и пришлось построиться колонной, дабы миновать узкий воротный проем. Снаружи, на поле, их уже ждал противник. Хотя большая часть прежде возглавляемой Эйтоном Брэдли армии была занята противостоянием с отрядами Алистера Тарвела, правый фланг вражеского войска встал напротив лагеря его дяди, чтобы сковать способные выйти из него силы. Неприятельские солдаты построились плотным строем, прикрылись щитами, выставили вперед копья. Хотя лучники оборонявшихся произвели со стен еще один сильный обстрел, это не заставило отступить врага — хотя и проредило отчасти его ряды.

Дело пришлось решить мечами. Тут молодой Айтверн несколько раз едва не погиб, сражаясь настолько же отчаянно, насколько и безрассудно. Однако в конечном счете Артур получил лишь несколько легких ран, воодушевив взамен своей граничащей с безумием отвагой прочих бойцов. Он понимал, что воины врага встали в жесткую оборону, не намеренные отступать ни на шаг — и оборону это можно было проломить сейчас только грубой силой. Возглавляемые Артуром гвардейцы Стеренхорда раз за разом вгрызались во вражеский строй, стараясь его рассыпать. Соппротивление им встретилося отчаянное, и на какое-то время солдатам из отряда Паттерса пришлось тут увязнуть. Около получаса бойцы сходились и расходились вновь, обмениваясь ударами и вновь отступая, оставляя на земле убитых врагов и товарищей. От лагеря за все это время удалось отойти всего лишь на сотню футов, и Айтверн начал ощущать отчаяние, опасаясь, что воины Алистера Тарвела окажутся перемолоты прежде, чем он сможет придти к ним на помощь.

Постепенно удача, однако, все же повернулась к герцогу Запада лицом. По мере того, как Артур с соратниками все дальше отходили от форта, из его ворот на подмогу им выдвигалось все больше солдат сэра Данкана — и постепенно те принялись окружать вражеский отряд с боков, планомерно тесня его назад. Неприятельские ряды дрогнули — и наконец перешли в отступление, медленно, неохотно, с великой кровью отдавая напиранию противнику каждый ярд.

Воодушевленные, воины стеренхордского авангарда усилили свой натиск. Артур с криком бросался вперед, нанося удары со всей силы, что имелась в его натренированных мышцах. Он сражался так яростно и так зло, что вражеские солдаты уже начали явно его побаиваться, пятясь каждый раз при его приближении. Подобный чужой страх еще больше распалял владевшую Айтверном ярость, заставляя его наседать на строй воинов Рейсворта все стремительнее и резче. Один раз Кэмерон даже прикрикнула на него, призвав к благоразумию и осторожности — но Артур полностью проигнорировал ее слова. Он смертельно хотел драться, и наконец дорвался до драки.

Сама вдовствующая королева Эринланда держалась куда более хладнокровно — однако убила многих вставших на ее противников, проявив доблесть и силу куда большую, чем большинство присутствовавших подле нее сейчас мужчин. Лишь Клифф Рэдгар, бывший сейчас бок о бок с Кэмерон, показал себя не менее опасным, чем она, бойцом — и нередко они, бывшие восемь лет назад смертельными врагами на вошедшей уже в песни менестрелей войне, спасали друг от друга от неминуемой в противном случае гибели, отводя удары врагов. По чернобородому лицу гарландского короля блуждала странная, чуть пьяная улыбка. Казалось, он счастлив. Один раз его ранили, Клифф наскоро перевязал правую руку поданным ему сзади бинтом, и продолжил биться левой. На силе и быстроте наносимых им ударов это происшествие не отразилось никак.

Наконец воины Айтверна вступили в расположение основных сил вражеской армии — и встретили там, к великому удивлению Артура, Эдварда Фэринтайна, возглавлявшего один из приведенных Алистером Тарвелом отрядов. Доспехи эринландского государя были залиты кровью, по всей видимостью чужой, щегольский некогда плащ — измят и порван, однако стоял на ногах сэр Эдвард крепко, и Артура встретил четким воинским салютом:

— Герцог Айтверн. Только вчера виделись, и вот вы снова передо мной.

— Ваше величество. Не ожидал встретить вас здесь.

Озорные чертенята промелькнули в фиолетовых, нечеловеческих странных глазах эринландского государя:

— Я услышал, вы попали в непростое положение — и решил, что как рыцарь обязан поддержать сторону, оказавшуюся в меньшинстве.

Артур учтиво поклонился:

— Приятно видеть такую верность старомодным принципам. Я ваш должник, сэр, и постараюсь этот долг однажды вернуть.

— Вернете, непременно. Сейчас такое время, что все отдают друг другу какие-то долги, старые и новые вперемежку. Но пойдемте, — Эдвард огляделся, указал мечом, — племянника сэра Данкана теснят, и нам следует его поскорее выручать.

Солдаты Айтверна и Фэринтайна объединились — и общим строем пошли в атаку. Дальнейшее сражение заняло не больше часа. Когда к атакующим присоединились бойцы Алистера Тарвела и последняя, устоявшая все же рота его алебардщиков, в ходе боя наметился уже ожидаемый перелом. Теперь уже солдаты армии Стеренхорда пользовались всеми возможными преимуществами, дезориентировав противника. Когда сэр Данкан вывел наконец из форта оставшуюся часть своих людей, преимущество стороны, на которой он выступил, сделалось очевидным. Значительная часть верного Артуру Айтверну войска была свежа и полна готовности драться — в то время как воины мятежного лорда-констебля уже изрядно устали. Часть их командиров оказались убиты еще до начала битвы, днем, а сейчас пал, сраженный рукой Блейра Джайлса посреди сутолоки боя, и вставший было на место Эйтона Брэдли Стивен Дерби. Последнее обстоятельство окончательно определило исход баталии, хотя и опечалило до известной степени молодого Тарвела, обещавшего вражескому предводителю жизнь.

— Я хотел пощадить этого человека, — успел сказать сэру Блейру сэр Алистер.

Юный рыцарь неопределенно пожал плечами:

— Мне вы об этом не доложили, простите. Этот господин сам подвернулся мне на пути. Дрался он крайне хорошо, но, — Блейр качнул головой, — плоховато отбивал удары слева. Лорд Александр сам был двоерук и обучил меня перебрасывать меч с одной руки в другую.

как следует.

В ответ на эти слова Алистер лишь вздохнул и махнул рукой. Лицо его, однако, казалось немного печальным.

Было уже почти восемь вечера, бой продлился добрых два часа и сумерки полностью вступили в свои права, когда оставшиеся во главе армии мятежников офицеры протрубили отход. Осталось к тому моменту под их началом около полутора тысяч человек — ибо две тысячи были убиты, а все остальные принялись переходить на сторону своего врага. Осознав, что против них сражаются два иностранных короля и повелитель Запада собственной персоной, не меньше двадцати пяти сотен человек прекратило всякое сопротивление и сложило оружие — как минимум половина уцелевшей конницы и почти все окруженные пехотинцы. Это обстоятельство с лихвой восполнило понесенные людьми Тарвелов потери, доведя в итоге подчинявшуюся Артуру армию до численности в почти шесть тысяч солдат, ровно столько же людей, сколько с трехкратным превосходством выступало против него этим полднем.

Остатки присланного сэром Роальдом войска стали отходить к Тимлейну, по Королевскому Тракту. Никто не преследовал их. Вместо этого победители возвратились в свой лагерь, где занялись перевязкой раненых и погребением погибших. Последних оказалось немало — и дым от костров, на которых сжигали их тела, взвился в потемневшее небо, а пламя осветило ночь. Все же, однако, это была победа — причем победа нежданная и от того тем более сладкая.

Вскоре печаль уступила место веселью, с полевой кухни потянуло запахами жареного мяса, по рукам пошли фляжки с вином, и нестройные солдатские песни наполнили лагерь. Еще утром большинство из этих людей готовились умирать — а теперь осознали, что выстояли в неравном и до определенного момента казавшимся безнадежным сражении. Те солдаты, что перешли на сторону Айтверна в самом конце боя, изначально выступая под знаменами Рейсворта и Эрдеров, держались чуть в стороне и насупленно, опасаясь возможной кары за изначальное предательство — однако никаких препон им никто не чинил. Предводители их успели повиниться, что приняли сторону лорда-констебля по неразумию, целиком раскаиваются в этом и готовы держать ответ за свои проступки перед господином первым министром.

Сам господин первый министр, впрочем, едва ли был готов принять чьи бы то ни было повинности. Куда более важные дела занимали сейчас Артура Айтверна. Вместе с королевой Кэмерон, королями Эдвардом и Клиффом, Данканом и Алистером Тарвела он уединился в своем шатре для проведения поспешного военного совета. Здесь лорд Фэринтайн успел рассказать собравшимся все подробности о случившихся за последние сутки в Тимлейне событиях.

Поведал Эдвард об обстоятельствах проведенного накануне Коронного совета, о провозглашении Айны Айтверн новой королевой Иберлена, о состоявшейся в полдень принесении ей столичным нобилитетом присяги в верности — и о появлении гостя с севера, эту церемонию нарушившего. Все вышеуказанные новости Артур выслушал с непроницаемым лицом.

— Подумать только, — вставил слово Алистер Тарвел, — эльф. Настоящий сид, высокий фэйри? Таких существ мы в Иберлене не видели тысячу лет. Не считая, разумеется, вас, господа, — извиняющиеся поклонился он Айтверну и Фэринтайну.

— Боюсь, — сказал Артур, — мне найдется, что добавить к вашему рассказу, сэр

Эдвард.

Он, с некоторой неохотой, сообщил слушателям о том, что и сам, обладая наследуемой от предков магией, видел однажды сон о далеком прошлом, принесенный ему памятью чародейской крови — и наблюдал в этом сне, как Повелитель Бурь лорд Шэграл рассорился со своим младшим братом, Эйданом Айтверном. Затем герцог Запада рассказал о картине, хранимой в кабинете его отца — и о Шэграле Крадхейке и Эйдане Айтверне, изображенные на ней. Отдельно Артур подчеркнул явное внешнее сходство, замеченное им между Темным Владыкой и Гайвеном Ретвальдом, а также его отцом, покойным королем Брайаном.

— Конечно, — уточнил Артур, — я бы не смог совершить подобных выводов, если бы видел одну только картину. Она не слишком хороша, и точно заметить такие детали по ней невозможно. Однако когда я смотрел на нее вчера, я вспомнил тот сон, что явился мне еще в мае. В нем я наблюдал Повелителя Тьмы столь же явственно, как наблюдаю сейчас вас всех, господа. Этот сон почти изгладился из моей памяти в своих деталях, и я бы не придал ему значения, кабы не этот случай. Однако теперь, я кажется, понимаю. — Артур выдержал паузу, прежде чем продолжать. — Мы никогда не знали, где истинная родина Бердарета-Колдуна. Если он был потомком, сыном или допустим внуком, предводителя темных фэйри, некогда едва не истребившего наш народ — неудивительно, что он предпочел держать собственное происхождение в тайне. Если допустить, что Гайвен — представитель другой, старшей линии Драконьих Владык... Он такой же сид-полукровка, как вы или я, лорд Эдвард.

— И ему помогают, — сказал Фэринтайн. — Я понял это еще вчера. Кто-то поддерживал юного Ретвальда своей собственной магией, во время боя в Сиреневом Зале — а затем выдернул оттуда телепортом, когда я стрелял в него. Сегодня же сид с севера явился, чтоб убить, сколько получится, организованным им взрывом предводителей мятежников — и непременно убил бы, кабы не наше с Кэран вмешательство. Уходил он тоже через телепорт. — Эдвард обвел присутствующих взглядом. — Давайте посмотрим правде в глаза. В междоусобную войну, что разгорается сейчас в Иберлене, вмешалась еще одна сторона. Та, что была некогда разгромлена на холме Дрейведен, десять столетий назад, вашим, Артур, предком.

Молодой Айтверн встал. Прошелся по палатке из угла в угол, стараясь игнорировать устремленные на него взгляды. Вернулся наконец к столу, но садиться за него не стал, а вместо этого оперся руками на спинку походного стула:

— Я вас понял, лорд Эдвард, — сказал Артур совершенно спокойно. — Благодарю, что доложили мне все эти новости, а за то, что пришли на помощь — благодарю вдвойне. Изначально вы не произвели на меня хорошего впечатления, — при этих его словах Кэмерон фыркнула, не понять — осуждающе или одобрительно, — однако теперь мы боевые товарищи, и я должен извиниться.

— Ты не желаешь сказать мне ничего, помимо извинений? — прищурился Фэринтайн.

— Ничего, милорд. Я думаю, что всем нам сейчас время отправиться по своим палаткам и крепко выспаться до утра. Раз вы говорите, все силы мятежников скованы в Тимлейне — подобное обстоятельство играет нам на руку. Мы сможем спокойно провести тут ночь и утро, а затем выступить на столицу и захватить какое-либо более удобное для обороны предместье. Часовых Паттерс выставил, нам же полагается как следует отдохнуть перед завтрашним маршем.

— Герцог Айтверн, — глаза эринландского короля изменили цвет — чуть посветлели,

казалось. Сделались прозрачны и холодны как лед. — Вы, несомненно, знаете сказки о живых мертвецах, что служат Владыке Тьмы, о черной магии, которой он владеет, о ритуалах некромантии и о прочем подобном ужасе. Как человек, разбирающийся в истории, скажу — в основном это полная чушь. Чародейство Неблагого двора по своей природе не лучше и не хуже, чем мое или ваше. Однако фэйри Неблагого двора — убежденные враги человечества, а мы с вами больше люди, чем сиды.

— Я понимаю, сэр. Что вы хотите мне сказать?

— Я хочу сказать, что король, чьим именем вы отправляете солдат в бой, возможно заручился поддержкой существ, желающих уничтожения и вашего Иберлена, и всех прочих Срединных королевств. Такое бывает. Иногда на войне возникают самые неожиданные союзы, — заметил Эдвард, в упор посмотрев на Клиффа.

Тот пожал плечами:

— Оставь Айтверна в покое. Он прав, мы все устали и нуждаемся в отдыхе.

— Нет, почему же, — вмешался Артур. — Я целиком понимаю тревогу короля Эдварда. Такие новости действительно кого угодно выбьют из колеи. — Он замолчал. Вспомнил невольно разговор, состоявшийся между ним и Гайвеном три месяца назад, в ратуше Эленгира, сразу перед тем, как молодой Айтверн отправился в Тимлейн, убивать Гледерика Кардана. «Теперь мне кажется, что эта дверь, — сказал однажды Гайвен, имея в виду дверь, ведущую в мир древней магии и прочих непонятных для людей тайн, — все равно однажды распахнется, хотим мы того или нет. Вопрос лишь в том, будем ли мы к этому готовы».

«Она распахнулась, — подумал Артур. — Мы не готовы. Из распахнутой двери потянул сквозняк, сделался ветром — и готовится стать ураганом. Кто знает, устоим ли мы на ногах».

Он попытался обратиться к собственному пророческому дару, что помог однажды, предупредив о возможном разорении Тимлейна в случае поспешного штурма — но теперь этот дар молчал. Будущее оставалось темным и неясным, колдовство молчало, не принося никаких ответов, не давая утешения, не даря силу. Оставалось сожалеть, что дверь на Старую Дорогу, находившаяся в монарших апартаментах тимлейнской цитадели, оставалась теперь закрыта наглухо по приказу Гайвена. Как легко было бы проникнуть в столицу этим путем. Теперь оставались лишь долгая осада, ожидание союзных войск, если те еще придут, неважно с запада или с востока, и наконец попытка штурма, и кто знает, не воплотится ли тогда картина разрушенного города, что посетила Артура в Эленгире? Он пойдет на этот штурм ради верности своему государю, но можно ли этому государю еще верить?

Гайвен действительно изменился в последнее время. Он стал холодным, замкнутым, не слышащим никого, кто с ним спорил. Одержимым собственными планами и целями, собственным пониманием блага для королевства — даже если весь Иберлен выступал против этого блага. Предательство со стороны ближайших соратников должно было еще больше ожесточить его сердце. Если к Гайвену пришли посланцы Повелителя Тьмы, если они сказали, что готовы оказать помощь против его строптивых вассалов — кто знает, не принял ли молодой король протянутую ему руку? Ведь на войне правда складывается иной раз такие союзы, предугадать заключение которых не смог бы никто.

Артур вздохнул:

— Я понимаю вашу общую тревогу, господа, — сказал он твердо как мог. — Но Гайвен Ретвальд все равно мой король, и останется им, пока я сам не посмотрю ему в лицо и не пойму, чью сторону он выбрал. Одних наших с вами предков, сэр Эдвард — или других.

Ночь с 4 на 5 сентября 4948 года

В ту ночь подул северный ветер.

Холодный и злой, он сорвался с отрогов Каскадных гор — тех самых, за которыми высились, согласно преданиям, льдистые башни крепости властителя тьмы. Вихрем пронесся по опустевшим проспектам напрягшейся, испуганной иберленской столицы.

Несмотря на провозглашение новой королевы, минувшим днем не состоялось ни празднеств, ни торжеств. Никаких народных гуляний или раздачи подарков. На притихших улицах и площадях молчаливыми тенями встали караулы, чеканили по мостовым шаг патрули, ощерились сторожевыми кострами бастионы. Единственным прохожим на прежде веселых улицах остался страх. Горожане не открывали окон, не зажигали света. Обычно оживленный до самой полуночи, ныне Тимлейн застыл, весь скованный тревожным молчанием.

Весь вечер Айна провела в своих покоях в главной башне цитадели. Королевские апартаменты, сменившие за год троих владельцев, оставались пока по приказу лорда-констебля опечатанными. Сам дядя последние часы без продыху писал письма и рассылал гонцов во все края королевства, с приказами стянуть к столице еще войска.

Роальд Рейсворт был напуган, как и многие при дворе. Новоиспеченная правительница Иберлена, впрочем, страха почти не испытывала. Сидела у окна в странном оцепенении, зажегши керосиновый фонарь, дочитывала до конца «Стива Филтона», оказавшегося на последней трети сюжета вполне увлекательным. Мимоходом Айна подумала — интересно, а что если покойный узурпатор трона забавлялся на досуге сочинительством, и приложил перо к этой книге? Подобная возможность показалась ей любопытной, хотя и не слишком правдоподобной. Айна сама на досуге пробовала писать — короткие зарисовки, каждый раз вызывавшие у нее досаду неуклюжестью и тяжеловесностью слога.

Скрипнула дверь, впустив Лейвиса Рейсворта. Кузен вошел, швырнул куда-то в угол плащ.

— Здравствуй, сестра. Все портишь себе глаза? У меня тебе опять новости.

— Важные, должно быть? — Дочь лорда Раймонда перелистнула страницу последней главы. Находчивый выходец из трущоб уже победил в честном поединке надменного герцога Сторварда и готовился получить руку и сердце графской дочки. Стив Филтон был молод и весел, и целая жизнь лежала у его ног торной дорогой. Как у Артура недавно. Как у Гайвена, пока у него не отняли корону. Как у нее самой этой весной.

— Короля Эдварда нигде не видать, — сообщил Лейвис. — Пока мы просиживали штаны, а ты юбку, слушая дядины речи, он взял ближних офицеров и сбежал. Будто решил, корабль нашего бунта вот-вот затонет, так и не достигнув порта. Королеву, впрочем, Фэринтайн тут оставил. Заперлась в комнатах и отказывается отвечать на вопросы. Кажется, она нас всех смертельно презирает.

— Что мне до ее презрения, — безразлично заметила Айна, отложив книгу.

Лейвис вздохнул, подошел к соседнему креслу, присел, сложив на коленях руки. Какое-то время молодые Айтверны сидели молча, каждый погруженный в собственные мысли. Сын

сэра Роальда казался сосредоточенным, мрачным, почти обреченным. Внезапно для себя Айна поймала себя на уколе сочувствия. Лейвису изначально не нравилась сумасбродная затея его отца, однако он поддержал ее, скованный сыновней верностью — хорошо понимая, к какой беде может этот глупый, плохо подготовленный переворот привести. «Вот уже почти и привел», — подумала Айна. «Что делает с нами верность?»

— Лейвис, — сказала дочь лорда Раймонда внезапно, — извини, если я всю дорогу была слишком груба с тобой. Иногда мне следует быть чуть поласковее к тем, кто меня окружает. Ты наверно думаешь, я очень злая.

Юноша вздрогнул, будто вырванный из дремы. Покосился на нее недоуменно, пожал плечами:

— Да брось. Я тоже не подарок. Только и делаю, что тебя задираю. — Он усмехнулся. — У меня скверный нрав, сестренка, и сам я тоже скверный мальчишка, все, как твой покойный батюшка и говорил. Я даже хуже твоего брата, а это надо постараться, быть хуже его.

Лейвис осекся, заметив, как изменился взгляд Айны. Схватил ее ладони в свои, крепко сжал. Айна обратила внимание, как побледнело, испуганное, его лицо. Девушка выдохнула, не зная, что еще сказать в знак своих извинений, внимательно изучая человека, которого знала много лет, с детства, но, кажется, так и не научилась до сего дня ни замечать, ни понимать, ни ценить. А затем, высвободив руки, внезапно подалась вперед, прижалась к молодому Рейсворту. Обняла его и положила голову ему на плечо. «Он не такой, каким был Александр Гальс, — подумала Айна, словно во сне проводя ладонью по напряженной спине юноши, — и уж точно не такой, как мой брат. Но никого другого у меня рядом нет, и никому другому я по-настоящему не нужна».

С минуту Лейвис сидел, будто оцепеневший, не в силах пошевелиться — а затем все же обнял Айну в ответ и несмело погладил ее по затылку. Девушка закрыла глаза, прильнув к нему еще крепче, спрятав лицо на груди. Не хотелось ничего говорить. Не хотелось думать. Не хотелось существовать. Дочь лорда Раймонда, измученная и обессиленная, желала сейчас лишь одного, раствориться в этих тишине и тепле и качаться на их волнах. Молодой Рейсворт вздохнул, будто собирался что-то сказать — однако в последний момент сдержался и промолчал. У него, как признавал он сам, действительно был скверный язык, но порой у Лейвиса все же получалось не давать этому языку воли.

Так, обнявшись и почти не шевелясь, провели они не меньше, чем целый час, молча. Вечер, той порой, песчинка за песчинкой окончательно перетек в ночь. Тьма, непроглядная и древняя, словно в первую ночь творения, обступила Тимлейнский замок, чьи камни запомнили падение многих королей — великих и ничтожных вперемежку. Ветер гнул ветви деревьев в Хрустальном парке, колебал воды Нейры. В рваных прорехах туч зажглись колючие звезды. Темным зверем, алчно ощерясь, ворочалось время. Что-то заканчивалось — может быть, навсегда. Айне казалось, если прислушаться — можно будет различить звучащую едва слышным шепотом прощальную песню эпохи. Девушка сидела неподвижно, и ладони Лейвиса согревали ее.

Уже прозвенела полночь на башенных курантах, когда всему, что случилось в этой цитадели прежде, действительно наступил конец. Ветер швырнул на брусчатку крепостного двора охапку сорванных листьев, за клубился пылью — и стих. Наступило молчание, глухое и полное, и длилось оно, наверно, до половины первого часа, когда смолкли даже переговоры стражников на стене — а затем, неожиданный и ожидаемый, грянул шторм.

Вспышка молний пронзила небо паутиной света, разметала в клочки, изранила облака. Барабанным боем грянул оглушающий гром. Будто столб призрачного белого пламени ударил в середину двора, яростно вспыхнул — и тут же бесследно погас. Раздались крики часовых, лязг оружия, вопли испуганной челяди. Айна и Лейвис вскочили и бросились к окну.

Казалось, в самой реальности открыли дверь — да что там, распахнули ворота, столь же широкие, как выводящие на Королевский Тракт южные ворота Тимлейна. Воздух искрился, клубился, мерцал, наполнялся радужными всплесками, переливался на семь цветов. Пустое пространство посредине внутренней площади замка становилось проходом — и сквозь этот проход шеренга за шеренгой выходили солдаты.

Легко ступали они, явившиеся словно из межмировой бездны — будто на параде чеканя шаг. Облаченные в странные золотистые и серебряные латы — облегающие, странной формы, из неизвестных металлов сделанные. Вооруженные длинными мечами, в высоких шлемах, не скрывающих забралами лиц — лиц, что были холодны и прекрасны, молоды и стары сразу. Немного было их, две сотни или три — но шли они столь уверенно, что казалось, сквозь портал явилась целая армия, и даже десяти тысячам солдат не удастся ее сдержать.

Впереди отряда шел человек. Белый, с кружевами, камзол, белые перчатки, черные брюки, заправленные в высокие черные сапоги. Лежащий на плечах черный плащ. Совершенно седые волосы, собранные в хвост. На виду — никакого оружия. Лицо — неподвижное, подобно погребальной маске.

Гайвен Ретвальд, изгнанный и едва не проклятый, вернулся в свое королевство, и высокие фэйри, развернув знамена Великих Домов Волшебной Страны, следовали за ним, пришедшие на его зов. Арбалетчики верхних галерей донжона, подчиняясь торопливому приказу кого-то из своих командиров, сделали залп — и не меньше пяти десятков болтов, визжа, проткнули воздух. Король-Чародей вскинул будто в воинском салюте руку — и все выпущенные стрелы, преломившись каждая в середине, не опасные более, обломками упали оземь. Еще один быстрый жест рукой — и кованые двери Большого Зала, ведущего в главную башню, сорвало с петель, изломало, согнуло, протащило с десятков ярдов по широким ступеням вниз.

Айна и Лейвис по лестнице торопливо сбежали в зал. Здесь уже царил суматоха, собирались у входа, поднимая щиты и сдвигаясь плечом к плечу, солдаты, отдавал, с бешеным лицом, какие-то распоряжения Эдвард Эрдер, растерянно сжались у стен придворные. В их толпе девушка разглядела Таламора, Граммера, еще кого-то.

К дочери лорда Раймонда подбежал Роальд Рейсворт, схватил за плечи, потряс:

— Какого дьявола ты находишься здесь? Гайвен все же привел на подмогу демонов. Уж не знаю, где их достал. Убирайся отсюда, скорее. Лейвис, проведешь ее величество Старой Дорогой. Вы должны немедленно покинуть столицу.

— Я никуда не побегу, — голос Аины нехорошо зазвенел. — Вы посадили меня на Серебряный Трон, и я так просто его никому не отдам!

С размаху лорд-констебль Иберлена залепил своей племяннице пощечину:

— Ты малолетняя дура, — сказал он зло, уже без всякого фальшивого, наигранного пиетета, — и лучше бы я надел эту корону сам. Ты еще не поняла, что твое слово ничего здесь не значит, девчонка? Делай, что тебе говорят старшие, и не капризничай.

Лейвис выхватил шпагу — и направил ее на отца:

— Вы не смеете так говорить с моей королевой, сэр, — отчеканил он твердо.

Граф Рейсворт удивленно посмотрел на сына и наследника, будто видел его впервые, а потом неожиданно махнул рукой:

— Ну и черт с вами, — бросил он в сердцах, отвернувшись. — Под ногами только не путайтесь.

Расталкивая гвардейцев и слуг, Айна приблизилась к герцогу Эрдеру, что встал в выводящем наружу дверном проеме, оценивающе смотря на приведенный Ретвальдом отряд. На лорде Шоненгеме не было полных доспехов, ни поножей, ни наручей, ни шлема, только лишь кираса, надетая поверх парадного дублета, который он так и не удосужился снять. В правой руке сэр Эдвард держал полуторный меч, в левой Айна с удивлением заметила инкрустированный изумрудами пистолет с длинным стволом. Девушка и не знала, что сын известного своим консерватизмом в военном деле лорда Джейкоба заказал себе из-за границы подобную вещь. Увидев девицу Айтверн, герцог Эрдер крикнул солдатам:

— Сама королева вышла направить нас! Вперед, покажем этим нелюдям, что значит являться к нашему двору незванными, — указал он острием меча на воинов в странных латах, что выстроились сейчас и застыли, будто ожидая приказа своего предводителя наступать, в сорока ярдах внизу перед ведущими в донжон ступенями.

Вопреки приказу новоиспеченного первого министра Коронного совета, никто из королевских гвардейцев не двинулся с места. Айна всмотрелась в их лица — и увидела там ужас. Все лето Тимлейн жил баснями и байками о колдовском могуществе последнего из Ретвальдов, о сверхъестественной силе, принесшей ему победу на Горелых Холмах. Сегодня днем эта сила была явлена вновь, едва не уничтожив без остатка почти всех верховных лордов страны — а теперь и сам ее обладатель явился во главе войска, едва ли составленного из простых смертных. Солдаты боялись, и никакой приказ не мог заставить их двинуться в бой. Они стояли крепким строем, достав оружие — но ни один не сделал шага вперед.

— Да будьте вы прокляты, — сказал Эдвард Эрдер изумленно. — Я думал, вы храбрее. — Молодой шоненгемский герцог обернулся к Айне, вздохнул. — Кажется, ваше величество, я буду единственным вашим рыцарем сегодня. Простите, что не смог привести под ваше знамя других, — он извиняющийся улыбнулся, подошел к девушке и порывисто поцеловал ее в щеку. Затем отстранился.

Айна, насилу переводя дух после столь внезапного выражения чувств, взглянула на Гайвена, что стоял сейчас, неподвижный, во главе приведенной им нелюди, и молчал, высоко задрав подбородок.

Ей казалось, лишенный власти король смотрит в упор на нее и чего-то выжидает, будто не решаясь повести своих бойцов наконец в атаку. Девушка вспомнила теплую весеннюю ночь в замке герцога Тарвела, разговор у горячего огня. Неловкие признания тогда еще принца в любви, его неуклюжий, неумелый поцелуй. Тот, кто остановился ныне напротив входа в Тимлейнскую башню, казался ей другим человеком во всем — как будто прежнего Гайвена не осталось вовсе, и неизвестная, нечеловеческая тварь завладела его телом.

Айна шагнула вперед, возвысила голос:

— Лорд Ретвальд! Простите, что вас столь неласково встретили стрелами. Поднимайтесь сюда, я предлагаю вам переговоры. Мы еще можем уладить дело миром. Слишком много крови пролилось на иберленской земле.

Правнук Бердарета-Колдуна качнул головой, словно раздумывая о чем-то — а затем затагнутой в белую перчатку рукой указал вперед. Его воины, как по команде, одним

слитным движением выдернули из ножен мечи. Нечто устрашающее было в этой ловкости. «Это фэйри, — вдруг поняла Айна. — Сиды из сказок. Существа из-под холмов. Лишь они могут быть настолько похожи на людей — и настолько чужды им».

— У вас мой трон, госпожа, — сказал Гайвен незнакомым, полным ненависти голосом. — Отдавайте. Это мое условие вам всем. Вы даете мне войти в мой дворец, я решаю, кого из вас помиловать, а кого казнить. Вас, леди Айна, помилую. Мне нужна королева, и наследница Айтвернов подойдет. Вы красивы, и у вас хорошая наследственность.

Эдвард Эрдер изгрыгнул из себя неожиданное в его устах заковыристое, грязное проклятье, и один, прежде чем кто-либо успел его задержать, спустился по ступеням вниз. Вскинул левую руку, прищурился, выстрелил из пистолета — раздался грохот. Пуля, однако, не коснулась Короля-Колдуна — остановленная неведомой магией, кусочком свинца покатилась по земле к его ногам.

— Второй раз не пройдет, — сказал Ретвальд. — Смешно, что вы с Фэринтайном тезки, — добавил он прежним своим, почти нормальным голосом, и чуть качнулся на каблуках.

Герцог Эрдер снова выругался, отбросил пистолет и сделал быстрый взмах мечом. Айна хотела броситься к нему — но остановилась, чувствуя, как Лейвис схватил ее за руку и тянет назад. Напряженная тишина упала на площадь. Воины и придворные, все молчали, затаив дыхание, и вырвавшиеся из-за грани демоны не шевелились тоже.

— Вы убили моего отца, — заявил шоненгемец седовласому человеку в черном плаще, — я настаиваю на поединке, чтоб за него отомстить. Не откажите мне в этой чести. Я рыцарь и дворянин, я имею право поквитаться за все.

— Поединок? — переспросил Гайвен Ретвальд со странной, пугающей интонацией. Темнота, что окружала его, казалось сгустилась. — Я был вчера в Сиреневом Зале, Эрдер. Вы спустили на меня десяток солдат. Так вы понимаете поединок? — он усмехнулся, и секундой позже герцог Эрдер упал на колени. Клинок сжимаемого им меча вспыхнул пламенем — и вдруг осыпался пеплом, будто был сделан из подожженной бумаги. Гайвен подошел, коснулся пальцами лица сэра Эдварда, с силой запрокинул ему подбородок. — Вы убили моего отца, — сказал король тихо. — Вы убили Раймонда Айтверна. Вы убили Орсона Уилана. Вы хотели убить Артура Айтверна. Мне перечислить, скольких людей еще ваша свора убила? И вы наивно полагаете, я стану с вами честно драться? — Ретвальд мотнул подбородком, в знак отрицания, а затем, второй рукой сжав правителю Севера затылок, одним движением свернул ему шею. Так ловко, словно делал это каждый день перед завтраком.

К его ногам повалился уже бездыханный труп.

В следующую секунду тишина разорвалась хаосом. Вновь стреляли с башен и верхних площадок солдаты — и стрелы их сгорали в полете одна за одной. Вопили и ругались дворяне, кто-то из гвардейцев крепче сжимал мечи, кто-то пятился назад — в одно мгновение сломался их строй. Лейвис потащил Айну назад, под замковые своды, невзирая на ее попытки сопротивляться. Девушка в последний момент вырвалась, не дала увести себя на ведущую ко второму этажу лестницу, стала смотреть. Она увидела, как заканчивается ее однодневное правление.

Гайвен Ретвальд вошел ко входу в донжон, и вместе со своим предводителем поднялись несколько первых десятков его воинов — а сразу за ними следовали, напирая сзади, и все остальные. Навстречу нападающим, поняв неизбежность схватки, выдвинулись

королевские гвардейцы — те из них, кто не сбежал. Зазвенела сталь, загремели щиты. Сопротивление иберленских рыцарей оказалось смято быстрее, чем в две минуты, невзирая на их численное превосходство. Несмотря на овладевшие ими потрясение и испуг, они сражались доблестно, демонстрируя прекрасную выучку — но слишком хорошо владел оружием их противник, слишком силен для них оказался враг.

Клинки взлетали в руках сидов со сверхъестественной скоростью, мелькали так быстро, словно были невесомы. Мечи прищельцев пробивали выставленные обороняющимися блоки, прорубали доспехи, пронзали тела. Один за одним валились на паркетный пол бездыханными бойцы.

Фэйри двигались быстро, дрались умело — казалось, это сражаются машины, автоматы с заведенным в них часовым механизмом, а вовсе не живые существа. Защитники замка потеряли убитыми больше сорока человек — в то время как из числа атакующих было убито едва ли пятеро. Гайвен стоял чуть позади, в арке выбитых его магией дверей, и смотрел на то, как темные эльфы без всякой жалости истребляют солдат, состоявших прежде в гвардии его отца, еще недавно клявшихся служить ему и защищать. Молчал, сам не вступал в бой. Он казался неподвижной статуей.

Сиды с легкостью разнесли выставленный против них заслон — и ворвались под высокие своды Тимлейнского замка, разя мечами всех, кто оказался на их пути. Совершенно не разбирая, вражеский воин стоит перед ними, аристократ в гражданском платье или безоружный слуга. Убийцы действовали молча, а меж витражными воплями бился истошный крик умирающих. Фэйри молниеносно настигали бегущих от них прочь людей, наносили удары в спины — протыкали их насквозь или срубали головы с плеч. Стройными рядами, стремительные как тени, окружали они присутствовавших прежде, чем те успели бы прорваться к внутренним дверям или ускользнуть в боковые комнаты.

Мимо Айны пробивались, устроив давку на лестнице, к верхним этажам донжона те из придворных, что оказались все же достаточно расторопны, чтобы спастись. Сама же дочь лорда Раймонда стояла и наблюдала за разворачивающейся в Большом Зале резней, крепко сжав за руку Лейвиса. Тот, казалось, тоже застыл. Девушка увидела, как были убиты большинство собравшихся тут сановников Коронного совета. Встретили смерть граф Стивен Тресвальд, и лорд-дворецкий Пайтон, и Хранитель Печати Таламор, и поддержавший заговорщиков прежний первый министр Боуэн Лайонс. Все, кто еще вчера, на ночном совете, делил власть над Иберленом и полагал, что почти достиг исполнения своих планов. Их гибель оказалась быстрой — и никакие мольбы о пощаде не сумели ее отворотить. Никакие попытки сопротивления — тоже.

Роальда Рейсворта обступило шестеро фэйри, наставив на него мечи. Поняв бесполезность попытки бегства, лорд-констебль Иберлена молча выхватил свой клинок, кинулся в атаку, метя острием ближайшему из противников в лицо — но тот без труда закрылся и выбил у командующего иберленской армией оружие. Еще один фэйри подступил к сэру Роальду сзади — и воткнул кинжал ему между лопаток, доведя до сердца. Кузен лорда Раймонда рухнул, захлебываясь кровью, лицом вниз.

— Бежим, бежим, бежим, — шептал Лейвис.

— Некуда бежать, — ответила Айна. — Они все равно нас нагонят.

«Иногда нужно отвечать за глупости, которые совершил. Сейчас и ответим». Видя ее решимость и нежелание отступать, троюродный брат, только что ставший графом и главой дома Рейсвортов, достал шпагу и сделал шаг вперед, загораживая собой девушку. Фэйри

остановились ярдах в десяти от них. Видимо, ждали дальнейших распоряжений от своего господина. Лестница опустела. Айна и молодой Рейсворт остались на ней одни. Кто смог — удрал. Кто не смог — валялся внизу.

Гайвен Ретвальд двинулся вперед, осторожно минуя распростертые на полу тела и стараясь не наступить в лужи крови. Черный плащ колыхался за его спиной. Обойдя своих воинов, он замер, оценивающе глядя на Лейвиса.

— Леди Айна, — сказал Король-Чародей спокойно, церемонно обращаясь к ней на «вы», чего прежде почти никогда не делал, — вы, кажется, неправильно поняли случившуюся сейчас сцену. Все люди здесь, — он пожал плечами, — были мятежниками или сочувствовали им. Вы, как я понимаю, тоже, но кровь Айтвернов слишком дорога, чтоб растрачивать ее попусту. Вас, я слышал, провозгласили сегодня королевой. Мы вполне сможем решить этот конфликт окончательно, объединив наши дома.

— Лорд Гайвен, — голос Аины дрожал, — я уже говорила вам. Я не люблю вас.

— Речь идет не о любви, — Ретвальд улыбнулся, и девушка вдруг поняла окончательно, что он обезумел. — Речь идет о политике. Вы предали и меня, и собственного брата, и я мог бы сослать вас, например, в монастырь. Вместо этого я настаиваю на династическом браке. Согласитесь, это выгодное предложение.

— Поди от нее прочь, — прорычал Лейвис, напомним вдруг сейчас Артура. — Мне наплевать, какой ты колдун и какими силами владеешь, но мимо меня тебе не пройти.

— Еще один дуэлянт, — вздохнул Гайвен. — Эрдер уже пытался. Подайте мне саблю.

Один из сидов, тоже седой и весь в черном костюме, не в броне, протянул Ретвальду длинный, слегка изогнутый клинок, заточенный лишь с одной стороны лезвия. Король-Чародей качнул им, проверяя баланс. Он никогда не считался при дворе блестящим бойцом — но сейчас оружие вспорхнуло в его руке само, будто живое. Гайвен со всем возможным почтением, учтиво поклонился Аине — и бросился, выставив перед собой оружие, на Лейвиса. Рейсворт закрылся блоком, попробовал контратаковать — но Ретвальд тут же сбил его клинок к полу и вновь ударил сам, длинным колющим выпадом. Он дрался саблей как шпагой — но дрался очень умело. Лейвис едва успел отступить.

— Мне понадобится около трех минут, чтобы с тобой покончить, — сказал ему Гайвен. — Возможно, ты все же сдашься сам? — Ретвальд улыбнулся. Айна наблюдала за ним, перестав узнавать. Это действительно был другой человек, не тот тихий, робкий принц, которого она знала прежде, при жизни их отцов. Даже не упрямый, отчаявшийся король, что три месяца пытался править страной, так и норовящей выскользнуть у него из рук. Будто за сутки из него исторгли прежнюю душу — и вставили новую, чужую.

«А может, — мелькнула непрошенная мысль, — это мы все сделали Гайвена таким?»

С воплем Лейвис Рейсворт рванул вперед, атакуя снизу вверх, в шею или в лицо — но Ретвальд играючи отклонился. Выставил на возвратном движении руку, ранил противника в плечо, разорвав ткань камзола. Лейвис вскрикнул, но попробовал ударить снова, метя в живот. Росчерк стали, быстрый отвод, сверкнувшая в глазах безумного короля молния — и Гайвен вновь нанес ответный удар, на сей раз режущий по бедру. Молодой Рейсворт отшатнулся. Ткань брюк набухла кровью. Твари, наблюдавшие за схваткой, внезапно засмеялись.

— Плохо, — констатировал Гайвен. — Бездарно.

Рассудком Айна понимала, что должна вмешаться, прервать поединок, заявить, что согласна на все, что пойдет за Ретвальда в жены, лишь бы тот пощадил ее кузена — но язык

словно присох к небу. Онемевшая, потерянная, девушка следила за разворачивающейся на ее глазах дуэлью. Лейвис был не таким уж плохим фехтовальщиком, каким полагал его Артур, и дрался сейчас отчаянно, демонстрируя все умения, какими владел. Гайвен же откровенно играл с ним, наслаждаясь своим превосходством. Он мог бы уже положить бою конец — но, видимо, не хотел.

— Ты обернулся против своего сюзерена, Артура Айтверна, — бросил Король-Чародей. — Почему вы все думаете, что можно разрушить любые обеты и клятвы — и выйти затем сухими из воды? Вы не представляете, как я от вас устал.

Лейвис не ответил. Как мог, отбил несколько обрушенных на него ударов, вновь выпростал руку в уколе — и на сей раз все же достал. Острие его шпаги чиркнуло Гайвену по правой ноге, окрасившись алым. Ретвальд неожиданно зло тряхнул головой и с силой ударил саблей по клинку Рейсворта, вновь откинув его в сторону. Сделал шаг навстречу — и приставил лезвие своего оружия Лейвису к шее. Тот тяжело дышал и даже не попытался отдернуться.

— Четыре минуты, — сказал Гайвен. — Ну что, ты готов умирать?

— Не спешите устраивать казнь, ваше величество, — раздался укоризненный голос.

Ретвальд вздрогнул, повернул голову. Обернулась и Айна. По лестнице вниз, спускаясь из холла второго этажа, держась левой рукой за перила, спускалась Кэран Кэйвен, жена Эдварда Фэринтайна и царствующая королева Эринланда. Облаченная в длинное черное платье, она не имела на виду никакого оружия, если не считать кинжала на поясе — и казалась совершенно бесстрастной, наблюдая следы только что случившегося в Большом Зале побоища. Кэран обошла Айну, мимоходом сжав ее запястье, положила руку на плечо Лейвису. Несколько сидов, не дожидаясь приказа Гайвена, двинулись ей наперерез — и тут же повалились на землю, словно тряпичные куклы. Устоял на ногах лишь тот седой, что давал Ретвальду свой клинок — причем с заметным трудом, будто преодолевая порыв шквального ветра.

Гайвен медленно опустил саблю, внимательно глядя на эринландскую гостью. Воспользовавшись случаем, Лейвис Рейсворт отступил назад, к Айне. В наступившей тишине Кэран Кэйвен сделала изящный реверанс и произнесла:

— Простите, но вы успели совершить несколько серьезных ошибок, милорд. Как жаль, что вы не поговорили со мной и Эдвардом вчера, когда мы об этом вас попросили. Вместе мы сумели бы избежать многих бед.

— Сударыня, — сказал Ретвальд сухо, — не вмешивайтесь в дела моего государства.

— Это уже не ваше государство, сударь. Позвольте рассказать мне вам одну историю.

— Я уже выслушал все истории, какие хотел.

— Нет, сударь, эта сказка — как раз для вас на ночь, — в тоне, каким Кэран говорила, послышалось вдруг нечто опасное. Королева Эринланда стояла спокойно, уверенно, будто не окружали ее сейчас десятки мертвых тел — и казалось, совершенно не боялась приведенных Гайвеном Ретвальдом нелюдей. — Жила-была одна девочка, — сказала Кэран, — давным-давно, в темной пещере на краю темного леса. Чем-то она напоминала вас, милорд. Она тоже происходила из древнего клана, в котором водились прежде великие чародеи, и день ото дня все глубже зарывалась в ветхие старые книги. Чуждая миру людей, она алкала знания — и овладела вскоре всеми секретами магии, какие сумела раскрыть. Девочка решила, магии будет достаточно, чтобы подчинить себе мир — и выступила в свой безумный поход против всех. Она убивала, интриговала, угрожала, стравливала. Она считала, ее

колдовского могущества хватит, чтобы победить — и не понимала, что даже самый могущественный чародей бессилен, когда он одинок. А вы одиноки, Гайвен Ретвальд. Существа, которых вы считаете друзьями, уничтожат вас сразу, как только потеряют в вас нужду. Я бы тогда погибла — не реши один благородный человек, Эдвард Фэринтайн, меня пощадить. Сейчас я протягиваю руку помощи вам. Отзовите своих псов. Разорвите договор, который вы с ними заключили. Ваше королевство еще можно восстановить — но не таким способом.

— Я повторяю, — сказал Гайвен, и было видно, что он ни в малейшей степени не впечатлен словами Кэран, — если вы прямо сейчас не уйдете, я восприму ваши дальнейшие действия как вмешательство во внутренние дела Иберлена. Вы желаете войны между нашими странами?

— Я теперь понимаю, — сказала чародейка с грустным смешком, — как тяжело было Эдварду тогда со мной. Вы, сударь, просто невыносимы.

Она взмахнула руками — и словно прозрачная завеса вдруг встала между ней и Ретвальдом с его солдатами. Искрящаяся, серебристая, мерцающая, эта стена разделила Большой Зал надвое, подобная вуали низвергающейся с обрыва вниз воды. Гайвен с размаху ударил по магической завесе клинком — но тот остановился, не в силах ее преодолеть, несмотря на явное усилие, приложенное колдуном.

Кэран выхватила свой кинжал, поспешно полоснула им себе по левому запястью — и несколько капель крови, выкатившись из раны, вдруг повисли в воздухе, наливаясь багряным светом. Они соединились воедино, набухли, превратились в стремительно расширяющуюся алую пленку — а затем в пространстве открылась сверкающая радужная дверь, почти такая же, как портал, которым Ретвальд привел в Тимлейнский замок свое войско. Королева Эринланда обернулась к оторопевшим Айне и Лейвису:

— Щит не продержится долго, — сказала она. — Мы должны уходить отсюда.

— Я никуда не пойду. Пусть он делает со мной, что захочет, так будет только справедливо, — ответила Айна решительно, глядя на Гайвена, который еще раз приложил клинок к мерцающему барьеру. Лезвие сабли дернулось — и прошло вперед, пусть и всего на какой-то дюйм. Ретвальд напряг руку. Его слуги обступили его, готовые броситься в бой, как только завеса падет. — Поймите меня, — сказала дочь лорда Раймонда с отчаянием, — это я во всем виновата. Я могла донести Артуру, когда Роальд Рейсворт только замыслил мятеж. Я могла поговорить с королем. Могла все исправить. Переворота бы не случилось, Гайвен никогда бы не стал творить подобного. Это я разрушила Иберлен.

— Совершенно верно, — подтвердила Кэран без всякой жалости к ней. — Однако, какой бы ты ни была, ты сейчас — наиболее легитимная правительница этой страны. Раз уж предыдущий монарх спутался с врагами рода человеческого. Поэтому я должна тебя спасти. Выбирай, дитя. Или ты устраиваешь истерику и кладешь голову под топор палача — или помогаешь отстроить разваленный при твоём участии дом. Времени у тебя немного.

Сабля, которую Гайвен Ретвальд держал в руке, продвинулась вперед еще на два дюйма. Мерцание магического барьера сделалось прерывистым, будто готовилось погаснуть вовсе. Растерянная, Айна покосилась на Лейвиса — а тот вложил шпагу в ножны.

— Я не хочу умирать, — сказал новый граф Рейсворт. — И ты не умрешь, — он вновь схватил Айну за руку и потащил к portalу. Девушка попыталась вырваться, но держал Лейвис крепко. Стальной хваткой — выворачивая руку, Айна едва не потянула запястье, и все равно не смогла освободиться.

— Да кто ты такой, — спросила она с яростью, — чтоб мне перечить?

— Я твой друг, — ответил он спокойно. — И я тебя люблю, чтоб тебя бесы взяли. Пойдем.

Кэран уже стояла у развернутой пасти пространственной двери. Слабела, гасла, выставленная ею колдовская преграда. Лицо Гайвена исказилось от натуги, капли пота текли по его лбу и щекам — однако клинок прошел сквозь барьер уже почти весь. Подняли мечи, что скоро опустятся, его слуги.

— Куда ведет этот проход? — спросила Айна.

— Я не знаю, — сказала Кэран. — Я не мастер телепортации. Куда-то — ведет. Я пыталась задать через кинжал примерные константы, но понятия не имею, получилось ли. Не океанское дно, не миля над поверхностью земли или под ней, не полярные снега и не южная пустыня. Где-то на этой планете. В остальном не могу сказать. Везде будет лучше, чем здесь.

Повелительница Эринланда скрылась в открытом ею портале, больше не дожидаясь, последуют ли за ней. Следом шагнул и Лейвис, увлекая Аину за собой. Поняв, что противиться дальше бесполезно, девушка как могла крепко сжала его руку — и спустя мгновение безумная круговерть тьмы и света поглотила ее.

5 сентября 4948 года

— Вот, значит, какой ценой ты вернул себе власть, — сказал Артур.

Они вдвоем, Айтверн и Ретвальд, сидели в королевском кабинете, возле раскрытого настежь окна. День выдался погожий и ясный — будто и не закончилось лето. В густом синем небе плыли редкие облака, пригревало послеобеденное солнце. Гайвен расположился, как обычно, за своим просторным столом из мореного дуба, на котором сейчас не было никаких бумаг.

Наследник Бердарета-Колдуна оставался таким же, как и всегда — спокойным, рассудительным, слегка отрешенным. Немного грустным. Казалось, начнет сейчас рассказывать про недавно прочитанный естественнонаучный трактат или обсуждать перипетии древней истории.

С дворцовых паркетов уже убрали следы крови, заменили разбитые вазы и порванные портьеры на целые и свежие, и конечно, нигде не осталось никаких трупов. Никаких следов случившегося в замке минувшей ночью боя, не считая до сих пор не починенных дверей приемного зала. Вот только на лицах уцелевших слуг отпечаталась несмываемая бледность, да караул у монарших покоев несли существа, которые были кем угодно, только не людьми.

— Ты понимаешь, — сказал Гайвен, — должен понимать, что не существует никакой цены, приемлемой или неприемлемой. Все эти рассуждения придуманы лишь затем, чтоб попусту тревожить умы. Имеется лишь цель, которой нужно достигнуть, и если цель того стоит — неважно, каким путем она будет осуществлена. Мы научились этому у наших врагов — и только так сумели бы их победить.

Артур подумал о всех людях, которых он победил нечестным путем, обо всех ударах в спину, что сам нанес, обо всех уловках, которыми воспользовался, чтобы выжить и защитить близких, с того самого апрельского дня, как похитили Айну. Вспомнил слова упрека, брошенные ему вчера сэром Данканом; вспомнил, как умирал Александр.

— Ты привел в Иберлен темных фэйри, — сказал Айтверн, потому что больше не нашел, что сказать.

— Это всего лишь солдаты — причем очень хорошие. Значительно лучше наших. С двумя сотнями я захватил этот город. С двумя тысячами, наверно, смогу захватить целую страну.

Посыльный из Тимлейна явился в лагерь Тарвела в девять утра — вырвав Артура из тревожного, темного сна, в котором кто-то отчаянно зывал к нему и по-прежнему никак не мог достучаться. Гонец был молчалив и бледен, сказал, что его величество Гайвен Первый вернулся в столицу, истребив ненадолго овладевших ею мятежников, и теперь призывает герцога Запада к своему двору. Почувяв сразу неладное, Артур попросил Кэмерон оставаться в ставке сэра Данкана, под защитой капитана Паттерса и Клиффа. Сам же, в сопровождении Эдварда Фэринтайна и тридцати всадников, отправился в город.

На привратных башнях вновь развевалось знамя с хорьком, и гвардейцы, что еще вчера подчинялись Роальду Рейсворту, пропустили герцога Айтверна в Тимлейн без малейших препон. Видно, уже получили соответствующий приказ. Столица неприятно удивила Артура

незримым напряжением, сгустившимся в воздухе. Карет и конных на улицах почти не было, немногие пешие прохожие спешили убраться с пути кавалькады, ехавшей под знаменами Драконьих Владык и Серебряного Единорога.

Когда Артур и Эдвард прибыли в цитадель, они узнали, что прежний Коронный совет истреблен почти весь, а отрядом личной охраны вновь севшего на трон государя сделались сиды из Волшебной Страны. Те самые, что убили лорда-констебля, герцога Севера, многих министров — и еще примерно четыреста человек, попавшихся им под руку во время штурма.

— Сегодня вечером у меня назначена встреча с магистратом и торговыми гильдиями, — сообщил Гайвен. — Я объявлю им о новом государственном устройстве Иберлена. В древности существовал строй правления, известный как абсолютная монархия. Я намерен его возродить. Больше не будет никаких доменов, управляемых владетельными лордами. Аристократам останутся их фамильные замки — и не более того. Я разделю страну на провинции, и во главе каждой будет стоять назначаемый короной губернатор. Единые налоги, единые законы, единый суд, общий для всех — от герцога до последнего бедняка. Не сохранится ни феодальных владений, ни частных армий. Они сложат оружие либо вольются в мою.

— Звучит прекрасно, — сказал Артур бесцветно. — Уверен, когда этот порядок впервые вводился в старые дни, слетело немало голов. Сколько слетит их на этот раз?

— Сколько потребуется. Если будет нужно, я разрушу и Шоненгем, и Дейревер до последнего камня, предам смерти любого бунтовщика, кто возвысит голос против меня.

Он не преувеличивал. Глядя сейчас на Ретвальда, Айтверн понимал, что тот полностью уверен в своих словах. Его можно было понять — до какой-то степени. Обложенный вражеской армией в ставке сэра Данкана, сражающийся без надежды выжить, Артур и сам считал, что пойдет на все, лишь бы только уничтожить врага. И все же, подумалось ему сейчас, должна существовать некая черта, которую не стоило переступать.

Герцог Запада только не знал — не переступил ли он эту черту уже и сам тоже.

— Что будет дальше? — спросил он тихо.

— Дальше? Подойдет войско, которое мне обещал Келих Скегран, владыка Волшебной Страны. Оно будет здесь через месяц, может быть через два. Пять или десять тысяч солдат, он не сказал точно. Этого, впрочем, хватит с лихвой — учитывая, что обезглавленная армия Иберлена тоже подчинится мне. Столичные полки — уже подчинились. Я двину войска к границе и перейду ее, прежде, чем наступит зима. Я сокрушу Лумей и Бритер, Гарланд и Эринланд, Либурн и Падану, а также все прочие государства материка, от западных морей до восточных. Вместо множества Срединных королевств появится одно.

— В этом замке уже сидел человек, говоривший мне про империю. Мы не нашли с ним общего языка. Чем, скажи мне, ты теперь сам отличаешься от Гледерика, свихнувшегося от своих амбиций?

— Тем, что я должен эту империю построить. Мой дед показал мне прошлое — каким мир был раньше, почему миллиарды людей погибли ни за что, из-за глупости и гордыни своих никчемных правительств. Человечеству нужен порядок, и я его создам. Мы вместе создадим его, Артур. Армии, которую я соберу, потребуется генерал.

«Это именно то, о чем я сам недавно мечтал», с горькой иронией подумал молодой Айтверн. Ему ведь ужасно хотелось выступить на какую-нибудь знаменательную войну, сражаться на ней с доблестью и покрыть себя славой. Теперь война, похоже, неизбежно начнется — но он вовсе не был уверен, что желает на нее попасть. «И тем более — вряд ли я

хочу оказаться на этой стороне».

Гайвен находился совсем рядом — можно было коснуться плеча, если протянуть руку. Сюзерен, товарищ, друг. Вместе они бежали подземными путями из осажденного Джейкобом Эрдером Тимлейнского замка, пробирались в Стеренхорд, ехали на переговоры с Гледериком Карданом, вели полки Запада в битву на Горелых Холмах. Артур спас Гайвену жизнь — когда Гледерик мог убить его. Гайвен спас Артуру жизнь — когда старый герцог Эрдер мог убить его. Ради того, чтоб Ретвальд надел корону, Артур сошелся в смертном поединке с последним из Карданов — последним из рода, которому Айтверны некогда клялись служить верой и правдой, пока их собственная кровь не иссякнет.

Артур мог принять, что его король наследует Темному Владыке — семью и предков не выбирают, с ними живут, как могут, стараясь сделаться лучше их. Но зато он никак не находил в себе сил принять, согласиться с выношенным сейчас Ретвальдом планом. Стать винтиком в запущенном Королем-Колдуном механизме. Вместе с тварями из страшных сказок утопить мир в крови. Сделаться разрушителем всего, что хотел защищать.

Гайвен не проявлял никаких признаков беспокойства, казался полностью расслабленным. Он доверял драконьему герцогу и все еще считал его другом. Последний из Ретвальдов задумчиво глядел в камин, в затухших углях которого тлел, готовый вскоре разгореться, пожар, который охватит всю землю.

Айтверн выхватил кинжал и нанес быстрый, сильный удар от плеча, с разворота — метя своему королю в грудь. Во всех прочих обстоятельствах этот удар неизбежно бы достиг цели. Но сейчас Гайвен среагировал более резко, чем Артур мог бы предугадать. Он отдернулся, перехватил руку Айтверна, вывернул ему запястье. Артур сморщился от боли, согнулся в кресле, а оказавшая бесполезной, никчемной сталь со звоном упала на пол.

Не сказав ни единого слова, Ретвальд отпустил руку своего вассала и все также расслабленно откинулся на спинку кресла. На минутку прикрыл глаза, будто собрался задремать. Потирая кисть, герцог Запада встал на ноги и подобрал кинжал. Спрятал в ножны.

— Я разрываю вассальную клятву, которую Радлер Айтверн принес Бердарету Ретвальду, — сказал Артур отчетливо. — Разрешите покинуть вашу службу, сэр.

— Разрешаю, — Гайвен тоже поднялся, протянул ему руку. После короткого колебания, Айтверн ее пожал. — Вы хорошо служили мне, герцог, и я никогда не забуду всех вещей, которые вы ради меня сделали. Я прощаю вам попытку покушения, однако в следующий раз такой снисходительности уже не проявлю. Если выступите против меня с оружием в руках — сделаетесь мне врагом. Можете возвращаться в Малерион, сам замок ваш, хотя городом и бывшим доменом станет распоряжаться мой чиновник, когда прибудет. Можете бежать за границу. Все в ваших руках.

— Я понял вас, сэр. Мне нужно будет заскочить домой и взять кое-какие вещи, а затем я покину Тимлейн. О своих дальнейших планах сообщить не могу.

Гайвен отвернулся. Сделал три шага к двери, открывая ее настежь, замер на пороге, не решаясь его переступить. Постоял так немного, а затем проронил будто в воздух:

— Жаль, что так получилось. Ладно, что уж теперь говорить. Давай я тебя провожу.

Эдвард Фэринтайн стоял посредине Большого Зала Тимлейнского замка. За прошедшее утро здесь уже успели навести порядок — однако эхо сотен смертей все еще витало в пространстве, доступное натренированному восприятию. К сожалению, только оно. Следы открытого в то же самое время портала стерлись уже почти без следа. Как ни пытался Эдвард их разобрать, он не сумел понять, куда именно Кэран открывала проход и куда в итоге попала, забрав вместе с собой несостоявшуюся правительницу Иберлена и Лейвиса Рейсворта, который становился теперь ближайшим наследником Драконьих Владык — в случае, если с Артуром что-то случится.

«Кэран боялась за меня — а вместо этого ей следовало беспокоиться о себе. Лучше бы я остался здесь, а не отправился на дурацкую битву, которую Айтверн и Тарвелы вполне могли бы выиграть и сами». От бессильной злости хотелось сжимать кулаки или ругаться последними из проклятий. «Мне следовало просто один раз прислушаться к ней — и возможно, ничего этого бы просто не произошло. Мы бы остановили этого безумца вдвоем, еще когда он только явился. Сейчас он одному мне явно не по зубам».

На лестнице показались Гайвен Ретвальд и Артур Айтверн. Шли они неспешно негромко переговариваясь о чем-то. Повелитель Западных Берегов казался потерянным, по лицу же Короля-Чародея, как и всегда, ничего нельзя было прочесть. Когда они приблизились, Эдвард вскинул голову, расправил плечи, постарался скрыть овладевшие им чувства под маской любезности:

— Добрый день, господа. Вижу, ваш разговор закончился. Может быть, настало время обеда? Проходя мимо кухни, я разобрал запах жаркого и утки в яблоках, если не ошибаюсь.

Ретвальд остановился, как вкопанный. Не принял предложенного ему небрежного тона:

— Фэринтайн, довольно со мной играть. Я прекрасно понимаю, что вы желаете сейчас разузнать. Нет, я не имею ни малейшего понятия, куда подевалась ваша жена, а также мои собственные нерадивые вассалы, которых она спасла от моего правосудия. Я всю ночь пытался разобрать следы сделанного ей заклинания, и не преуспел в этом.

— Я вижу, — сказал Эдвард медленно, — вы действительно неплохо разбираетесь в чарах.

— Куда лучше, чем вам могло показаться. Возможно — куда лучше вас. Во всяком случае, теперь. — Гайвен сделал паузу, внимательно всматриваясь Эдварду в лицо.

На мгновение королю Эринланда сделалось не по себе. Если два дня назад, когда они только впервые увиделись с наследником дома Ретвальдов, тот будто стоял на краю некой метаморфозы — теперь эта метаморфоза со всей очевидностью завершилась. Силы, которые стремились завладеть правнуком Бердарета-Колдуна, явно достигли своей цели — а он, видимо, полагал, что заключил удачную сделку и остался в выигрыше. Он казался теперь ожившей марионеткой, куклой со стеклянными глазами, в которую вселился злой дух.

— Я не буду вам врать, Фэринтайн, — продолжил между тем Гайвен, и снова казалось — это говорит уже не он, а кто-то другой его устами. — У меня большие планы, и на ваш Таэрверн — тоже. Айтверн все равно расскажет вам это, когда вы останетесь наедине, так почему бы не сказать сразу? Скоро я приду к вашему Вращающемуся Замку и заберу его себе. Только зачем мне оставлять в этом замке вас, способного оказать мне сопротивление? Проще задержать вас сразу.

Они выступили из-за подпиравших потолок колонн — десятеро существ в черном, что двигались танцующей, плавной походкой, ступая по полу так легко, словно сами были невесомы. Их лица были бесстрастны, как бывают лишь лица мертвецов; их мечи были

обнажены и направлены прямо на Эдварда. Среди них был и тот, седой, из ратуши — и единственный из всех, он улыбался. Сделав саблей несколько финтов в воздухе, нелюдь остановился, готовый в любой момент броситься в атаку. Он явно этого хотел. «Мы же договорились о поединке, конечно».

Король Эринланда коснулся рукоятки клинка — но после небольшого раздумья, не стал его доставать. Зато обнажил свой меч Артур Айтверн — и встал рядом с Фэринтайном, плечом к плечу. Он смотрел на собственного сюзерена так, словно намеревался его убить.

— Простите, сударь, — сказал Эдвард, обращаясь к Королю-Колдуну, — но вы не сможете меня задержать. Напротив, прямо сейчас вы отпустите нас и позволите спокойно покинуть этот прекрасный город.

— Дайте мне хотя бы одну причину это сделать.

— Даю, охотно, — Фэринтайн растянул губы в церемонной улыбке. — Орбитальные боевые спутники Древних, которые до сих пор вращаются над Землей. На них установлены плазменные пушки, световые излучатели, баллистические ракеты и другое оружие, название которого ничего не скажет сейчас несведущему человеку. Когда эти пушки применялись в последний раз, был уничтожен Тарнарих, а также некоторые другие достаточно крупные города. Коды управления системой запаролены на владельца Вращающегося Замка через телепатический интерфейс. Не так давно мы с Кэран сумели его взломать. Отпустите нас, сударь — или клянусь небом, прямо сейчас я начну новую Войну Пламени.

Ретвальд не казался излишне впечатлен этими словами.

— Вы блефуете, сударь. Для начала, этим спутникам потребуется время, чтобы выйти на расчетную орбиту и нанести удар. Возможно, несколько часов. Мои люди убьют вас раньше. — «Кажется, этот мальчик знает действительно больше, чем мог бы вычитать в семейной библиотеке». — Во-вторых, защитные системы Звездной Башни и прочих сидских крепостей пережили Великую Тьму. Переживут и эту бомбардировку.

— Зачем мне атаковать моих родичей фэйри? — изобразил удивление Эдвард. — Я атакую вас. Удар будет нанесен по Тимлейну, прямо вам по макушке, ибо у этого города никаких защитных систем нету. Люди, что его строили, и слов таких не знали.

— Триста тысяч невинных жителей. Вы не посмеете так поступить.

— Посмею. Вы загнали меня в угол. Фэринтайны дорого продают свою жизнь.

Несколько мгновений Гайвен Ретвальд стоял в молчании, напряженно раздумывая. Эдвард почувствовал, как вспотела его собственная, все еще сжимающая эфес меча ладонь. Эринландец прекрасно осознавал, что блефует — действительно, даже успей он отдать компьютерам Каэр Сиди телепатический приказ, прошло бы время, прежде чем спутники смогли бы занять нужную позицию в безвоздушном пространстве и произвести выстрел, и скорее всего, после смерти отдавшего приказ о бомбардировке он был бы сам собой отменен. Кроме того, Фэринтайн не был до конца уверен, что в самом деле желает стать тем, кто запомнится как новый разрушитель мира.

— Я сейчас, возможно, самый опытный чародей из живущих на свете, — сказал наконец Гайвен. — Знания, что накапливались тысячи лет, доступны мне — во всей своей полноте. Мне понадобится не больше нескольких месяцев, чтобы разобраться в природе нитей, связывающих вас с Вращающимся Замком — и обрубить их полностью, оставив вас с носом. Когда я выдвину свои войска на битву, вы уже не сумеете угрожать мне силами Древних. Мне просто потребуется немного уяснить себе, как именно это делается. Это всего лишь магия, а в ней я мастер.

— Такая возможность остается, — согласился Эдвард. — Но сейчас у меня полный рукав козырей, а у вас на руках ничего. Я обыграл вас, сударь. Потом вы можете делать что угодно. Лишить меня древних сил. Завоевать мою страну. Заставить меня жонглировать яблоками вам на пиру для потехи. Попробуйте — вдруг выйдет. Вот только сейчас я вчистую вас победил, так что можно мы с сэром Артуром наконец вас покинем? Утомили смертельно.

Гайвен раздраженно махнул рукой — и слуги его, что уже готовы были броситься в бой, отступили. Вновь скрылись в сумерках, что даже сейчас, в три часа дня, непроглядно клубились в углах и вдоль стен.

— Так и быть, идите, — сказал король Иберлена. — Когда придет время — наши солдаты сойдутся в бою. Грядет война, и будьте к ней готовы, ибо я уже почти готов.

— Непременно, — пробормотал Эдвард. Он едва сдерживал ухмылку. Когда Клифф позавчера выбирался из этого слишком гостеприимного замка, ему пришлось угрожать тогдашним хозяевам куда меньшим.

Айтверн и Фэринтайн вышли из зала, в сияющий светом день, а Гайвен Ретвальд еще долго стоял неподвижно и смотрел им вслед, будто думал о чем-то. Затем развернулся и пошел верх по лестнице — заниматься делами королевства, которым ему теперь никто не мешал править. Тени следовали за ним по пятам.

* * *

На крепостном дворе было солнечно и спокойно. Собирались в дорогу эринландские и стеренхордские рыцари, напряженно косились на них стоящие у внешних ворот стражники, разговаривал о чем-то с Блейром Джайлсом Томас Свон. Эдвард Фэринтайн оседлал коня, обернулся к Артуру Айтверну, что застыл в нерешительности подле своего жеребца:

— Чего стоишь? Поехали поскорее. До темноты надо быть у Данкана. Кэмерон и так, небось, все локти искусала, о тебе волнуясь, — лорд Вращающегося Замка усмехнулся. Незримая связь, установившаяся между сыном лорда Раймонда и вдовствующей королевой, не стала для него секретом. Напротив, она даже порадовала Эдварда. «Артур хороший мальчишка. Такой же бешеный, как был Хендрик — но намного умнее. Кэмерон сможет вдолбить в его голову каплю рассудительности — а он снова научит ее улыбаться».

— Я не понимаю, каких дров наломал, — сказал Айтверн раздумчиво. — Но наломал явно, причем немало. Посудите сами, что случилось со мной за последний год. Я ненавидел отца — и сделался вернейшим продолжателем его дела. Желал защитить сестру — и нажил в ее лице лютого врага. Убил одного короля ради верности другому — а теперь и этого короля оставляю.

— Это наша жизнь. Она так устроена, поэтому просто привыкай. Ничего с этим сделать ты все равно не сможешь.

Сам Эдвард Фэринтайн подумал, что должен во что бы то ни стало найти свою жену, пусть даже ради этого ему придется отправиться на край света. А еще — уберечь этот мир, прежде чем тот окончательно сорвется в бездну. Гайвен действительно может лишить его единственного магического преимущества, которым Эдвард владел — и тогда судьбу континента решат в битве армии, а войска Волшебной Страны стоило опасаться.

— Вы правы, я зря разнылся, — сказал Артур. Стремительно взлетел в седло, тряхнул

нечесаными волосами, подставил лицо солнцу. — Не будем медлить. Слишком многими делами теперь предстоит заняться — куда большим их количеством, чем я думал недавно. Гайвен обезумел, с севера возвращается древняя тьма, Коронный совет уничтожен, мои родственники и ваша супруга пропали, и должен же кто-то остановить эту свистопляску? Попробуем вы и я, благо кроме нас некому.

— Если за дело взялись именно мы, мне уже заранее страшно за его исход, — пробормотал Эдвард.

— А мне — нет. Ибо у тех, кто пытался прежде нас, получалось еще хуже.

Герольд протрубил сигнал к выступлению, и отряд тронулся в путь, миновав мост над окружающим крепость рвом. Иберленские солдаты, вынужденные стоять на часах, проводили его взглядами.

Эдвард и Артур ехали впереди колонны, покидая Тимлейн и праздно разглядывая проплывающие мимо фасады домов. Тревога и беспокойство отпустили их, и вскоре два наследника Великих Домов Волшебной Страны уже разговаривали о всякой ерундовой всячине и даже о казалось бы вовсе неважных в эти смутные дни пустяках. Таких, как цены на оружие, недавно услышанная песня или хорошее вино. Айтверн беспечно улыбался, вспоминая какие-то свои прежние лихие выходки, наподобие уличных драк и трехдневных попок — и Фэринтайн вдруг понял, что охотно его слушает, кивая, усмехаясь, а порой и вставляя что-то свое. Лорд Вращающегося Замка был полностью готов к будущему — включая все сюрпризы, которое оно непременно преподнесет.

Прекрасная и безумная, жизнь продолжалась — наперекор и вопреки всем злым ветрам.

Конец

Больше книг на сайте — Knigolub.net